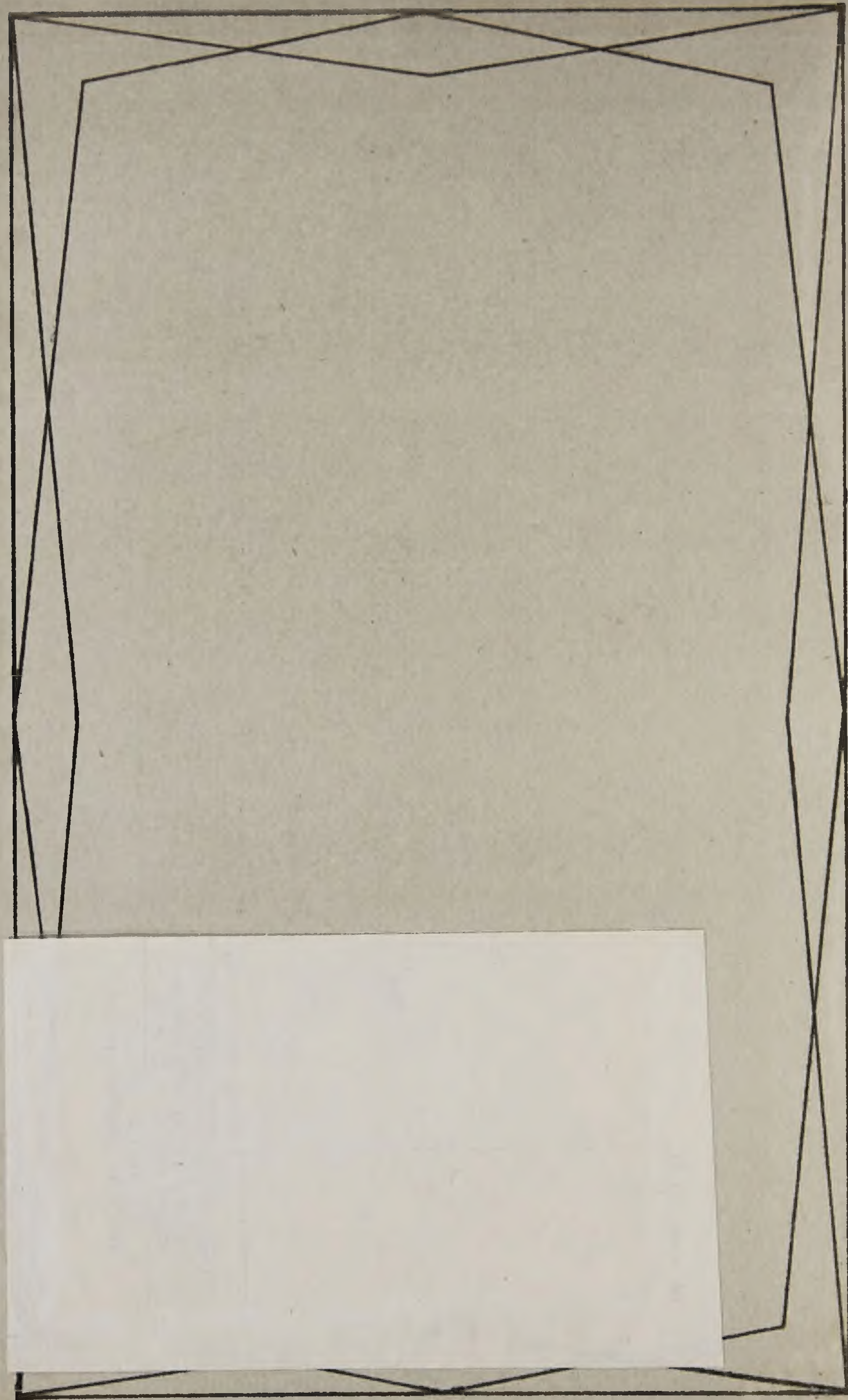
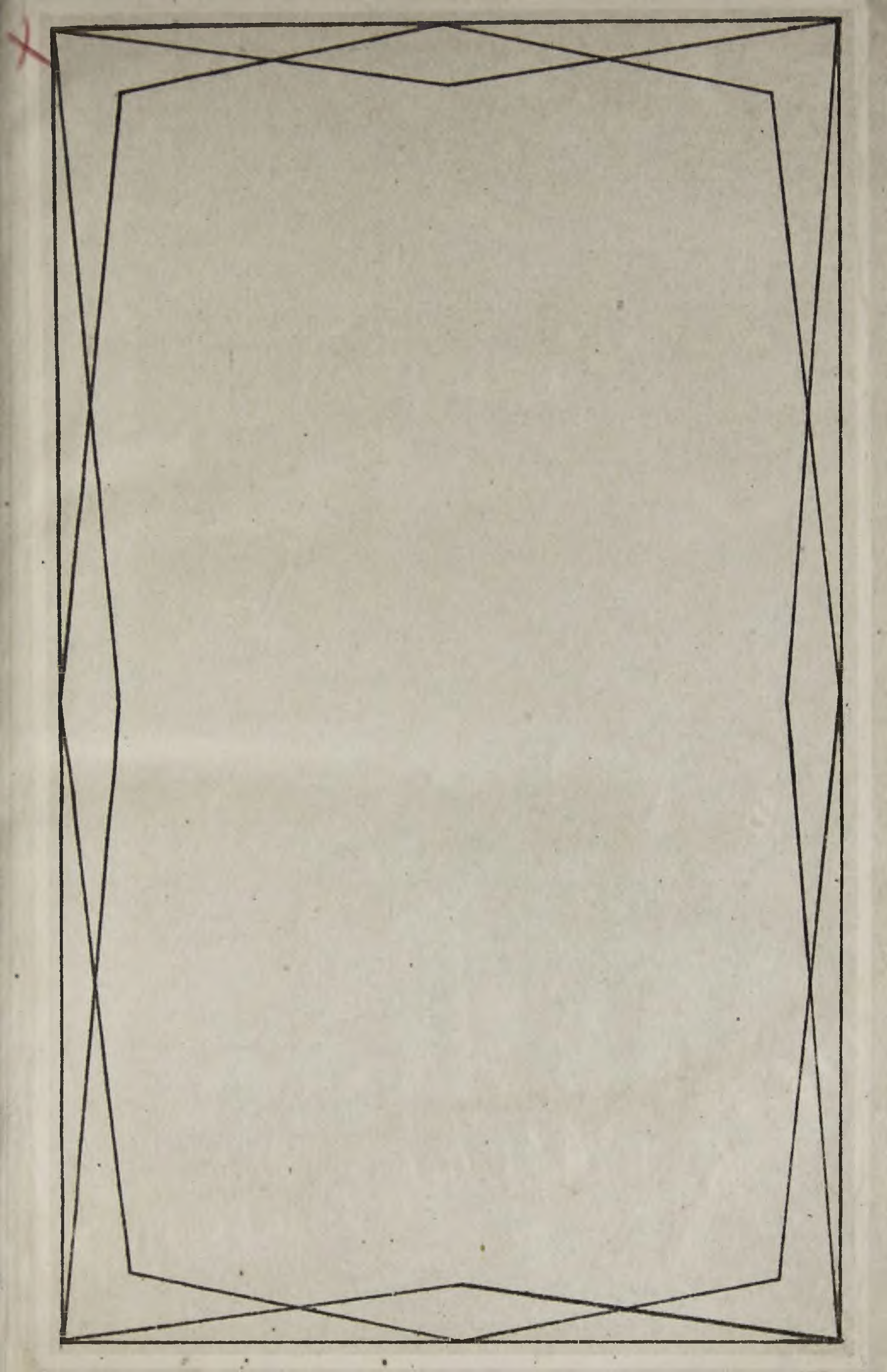
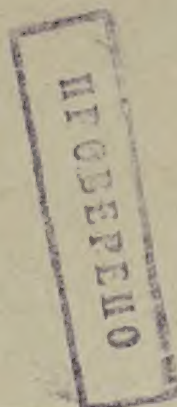
ИСТОРИЯ XIX ВЕКА

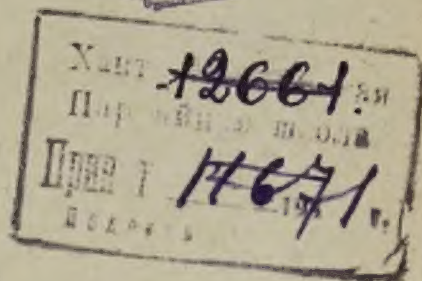




ИСТОРИЯ XIX ВЕКА

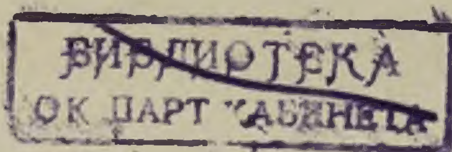


ПОД РЕДАКЦИЕЙ
профессоров
ЛАВИССА и РАМБО

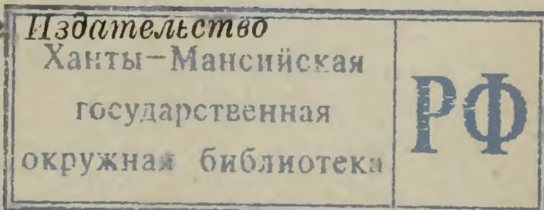


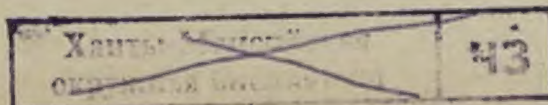
5 ТОМ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО



Государственное
Социально-Экономическое Издательство
МОСКВА
1937





Ответственный редактор
Я. Б. РУДОЙ
Помощник редактора
И. В. ДИСТЛЕР
Технический редактор
О. С. ПРОХОРОВА
Корректор
Б. И. ХЕНОХ
Художник
В. Д. СЕЛЕНГИНСКИЙ
Подбор вновь помещенных иллюстраций
М. Д. ИЦЕХОВСКАЯ

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
17	6 снизу	вылились	вылилась
156	2 сверху	порипала	порицала
209	16 снизу	напрямики	напрямки
211	22 сверху	неудалось	не удалось
299	3 снизу	прежней силы	прежней системы
344	17 снизу	сделась	сделалась

Лависс и Рамбо, т. V. — Зак. № 1428.

ЭПОХА
РЕВОЛЮЦИЙ
И НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЙН

1848—1870

ГЛАВА I

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА И РЕАКЦИЯ ВО ФРАНЦИИ

1848-1852

I. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Манифестация 22 февраля. Банкетная кампания в пользу избирательной реформы вызвала во Франции, а в особенности в Париже, политическую агитацию, которая внезапно закончилась революционным взрывом. На все требования реформы король и министерство отвечали систематическим отказом; на банкетную кампанию они ответили одной фразой тронной речи, в которой король предостерегал страну от агитации, «возбуждаемой враждебными и слепыми страстями» (28 декабря 1847 г.). Министерское большинство палаты высказалось против реформы в проекте ответного адреса на тронную речь короля, адреса, составленного в таком же духе. Проект вызвал продолжительные и оживленные прения; оппозиция, состоявшая из левой и левого центра, предложила поправку, но большинство отвергло ее и приняло адрес (12 февраля 1848 г.).

В Париже комитет XII округа (предместье Сен-Марсо) организовал банкет, который первоначально был назначен на январь, затем отложен и в конце-концов запрещен министерством. Оппозиция во имя свободы собраний отрицала за правительством право воспрещать частные банкеты; 87 депутатов обещали присутствовать на этом банкете. Банкетная комиссия назначила сборный пункт в соборе св. Магдалины (Мадлэн) на 22 февраля пополудни; она пригласила национальных гвардейцев явиться в мундирах, но без оружия, чтобы встретить депутатов, которые процессией должны были отправиться в нанятый для банкета зал; предполагалось таким образом устроить демонстрацию против запрещения собрания.

В ночь с 21 на 22 февраля правительство расклеило воззвание, которым воспрещались как проектированная процессия, так и скопища вообще; депутаты, хотя и выражали протест против новой меры, все-таки заявили, что от участия в банкете они отказываются. Но публика, ожидавшая манифестации, собралась вокруг собора. Стояла пасмурная погода, моросил мелкий дождик. Сначала явились студенты с левого берега; затем на площади Согласия собрались рабочие. В толпе слышалось пение «Марсельезы» и «Песни жирондистов»; раздавались крики: «Да здравствует реформа!» Драгуны и муниципальные гвардейцы, чтобы очистить площадь, несколько раз атаковали толпу, но нерешительно; с наступлением сумерек толпа начала строить кое-где баррикады, разграбила оружейную лавку, а вечером зажгла в Тюильрийском саду иллюминацию из стульев и деревьев.

До сих пор еще нельзя было говорить ни о восстании, ни даже о бунте; пока еще это была собравшаяся для демонстрации толпа, не имевшая ни вождей, ни определенной цели. Старый республиканский штаб, руководивший восстаниями в первые годы царствования Луи-Филиппа, был дезорганизован со времени неудачи, постигшей в 1839 году Барбеса и Бланки. Оставалось только несколько небольших тайных обществ, еще не умевших сражаться; главное из них, *Общество времен года*, насчитывало не больше 600 членов. Газета республиканской партии *La Réforme*, редактируемая Флоконом и Ледрю-Ролэном, влачила жалкое существование и не имела даже 2 000 абонентов. Вечером 21 февраля вожди партии, собравшись в помещении *Réforme*'ы, решили воздержаться от участия в манифестации, чтобы не доставить правительству удобного случая окончательно раздавить их. А вечером 22 февраля, после бессвязной манифестации первого дня, они все сошлись на том, что момент для попытки к революции совершенно не подходящий.

Падение Гизо (23 февраля). Восстание началось в ночь с 22 на 23 февраля; рабочие старых республиканских кварталов восточного Парижа (Сен-Мартэн, Сен-Дени, Сен-Марсо) построили баррикады и вооружились. Там и сям слышались ружейные выстрелы.

Сначала правительство не хотело пустить в дело армию; оно приказало бить сбор и созвать национальную гвардию. В тот момент ему пришлось убедиться, что с 1840 года парижская буржуазия отвернулась от короля. Национальные гвардейцы собрались, но за исключением первого легиона отказались выступить против бунтовщиков и кричали: «Да

здравствует реформа!» Некоторые кричали даже: «Долой Гизо!» и мешали войскам двинуться против революционеров; другие направились к Бурбонскому дворцу, чтобы пригласить депутатов потребовать реформы.

Луи-Филипп струсил; он призвал к себе сначала министра внутренних дел Дюшателя, а затем Гизо. В конце совещания они пришли к тому выводу, что следует или распустить национальную гвардию, или согласиться на реформу. Король не хотел прибегнуть к первому средству. Гизо не мог согласиться на второе. Тогда Луи-Филипп решил расстаться с Гизо и пригласил своего личного друга Молэ составить министерство. Молэ обратился за содействием к Тьеру, который заявил, что он «не намерен больше вступать в кабинет иначе, как в качестве первого министра». После нескольких часов тщетных попыток Молэ вечером 23 февраля заявил королю, что ему не удалось составить министерство.

Известие об отставке Гизо, объявленное в полдень в палате депутатов, встречено было бурными приветствиями толпы и национальной гвардии; вечером Париж был иллюминован; казалось, что восстание прекратилось. И префект полиции сказал: «Дадим этому бунту умереть собственной смертью».

Республиканское восстание (24 февраля). До этого момента борьба шла лишь между двумя фракциями роялистической партии: министерством Гизо и династической оппозицией, которую поддерживала национальная гвардия. Падение Гизо являлось просто победой партии реформы. Но баррикады еще не были разобраны, а инсургенты еще были вооружены. Республиканская партия воспользовалась волнением, чтобы обратить его против Луи-Филиппа и против монархии.

Вечером 23 февраля толпа, вышедшая из восточных кварталов, двигалась по большим бульварам, распевая: «*Des lampions!*» (плошки). По дороге к ней присоединилась группа, манифестировавшая с факелами под окнами *National*'я. Дойдя до улицы Капуцинов, перед дворцом министерства иностранных дел, где проживал Гизо, она начала кричать: «Долой Гизо!» Дворец охранялся солдатами; какой-то неизвестный, находившийся в толпе манифестантов, выстрелил в солдат; последние ответили залпом в густую толпу; около 50 человек упали, из них 20 были убиты.

Республиканцы, вероятно, те, которые группировались вокруг *National*'я, немедленно воспользовались трупами для того, чтобы организовать демонстрацию. 5 трупов были

сложены в телегу, запряженную одной лошадью; молодой парень поместился на сиденьи с факелом для освещения всей сцены; какой-то рабочий взобрался на телегу; время от времени он поднимал труп молодой женщины, показывал народу ее шею и грудь, покрытые кровью и кричал: «Мщение! убивают народ». Кортеж двигался по бульварам, возбуждая на своем пути публику. Присутствующие разошлись во все стороны, рассказывая, что правительство предало народ, который оно избивает.

В ночь с 23 на 24 февраля все восточные кварталы Парижа покрылись баррикадами; с 6 часов утра движение по улицам прекратилось. На этот раз республиканцы уже не скрывались, теперь уже не кричали, как накануне: «Да здравствует реформа!», а «Да здравствует Республика!».

Обеспокоенный Луи-Филипп в 2 часа ночи послал за Тьером. Пробравшись через баррикады, Тьер ночью прибыл в Тюильри [1].

— Ну-с! — сказал король, — составили ли вы какое-нибудь министерство?

— Составил ли я министерство, ваше величество? Но ведь я явился только за приказаниями вашего величества.

— А, вот как! вы не желаете служить в мое царствование?

— Нет, государь, я не желаю служить в ваше царствование.

— Ну хорошо, поговорим серьезно. Кого вы можете взять в товарищи?

— Одилона Барро.

— Прекрасно, Одилон Барро дурак, но хороший человек.

— Ремюза.

— Идет!

— Дювержье де Горанна.

— О нем я и слышать не хочу.

— Ламорисьера.

— В добрый час! Теперь перейдем к делу.

— Нам необходима парламентская реформа.

— Вздор! Вы получите палату, которая даст нам скверные законы, а быть может, втянет нас и в войну.

— Я прошу прибавить только от 50 до 100 тысяч новых избирателей и (это не бог весть какая уступка) распустить нынешнюю палату.

[1] Приводимый ниже диалог был опубликован одним англичанином, Нассау Сениором, которому Тьер сам передал содержание этого разговора; записав его, Нассау Сениор дал Тьеру его просмотреть.

ЗАЩИТНИКИ БАРРИКАД. ФЕВРАЛЬ 1848 г.

С картины Гаварни

— Это невозможно! Я не могу расстаться с моим большинством.

— Но если вы отвергаете и меры, которые я предлагаю, и средства, которыми я рассчитываю оперировать, то как могу я вам служить?

— Я дам вам Дюжо в качестве главнокомандующего. Он подавит бунт, а там мы посмотрим.

— Бюжо только возбудит сильнее страсти.

— Нет, он нагонит страху, а нам нужно теперь нагнать страху

— Устрашение имеет смысл только тогда, когда за ним стоит достаточная сила. Располагаем ли мы этой силой?

— Вот что, голубчик, разыщите Дюжо, поговорите с ним, соберите ваших министров, приходите ко мне в 8 часов утра, и мы рассудим, что делать.

— Но пока мы еще не министры.

— Конечно, ни вы, ни я не связаны никакими обязательствами. Но как бы дело ни уладилось, вы должны стоять во главе комбинации... А сейчас нужно объявить в *Moniteur*'е, что вы и Барро назначены нашими министрами.

— Но мы не министры, мы никогда, может быть, ими не будем.

— Это неважно, мне нужны ваши имена.

— Мое имя к услугам вашего величества, но я не могу распоряжаться именем Барро.

— Мы и не скажем, что вы приняли сделанное вам предложение, а просто, что вам поручено сформировать кабинет.

Луи-Филипп собственной рукой набросал заметку, гласившую, что король поручил господам Тьеру и Одилону Барро составить новый кабинет.

Бюжо, ночью назначенный главнокомандующим армией и национальной гвардией в Париже, прибыл в 4 часа утра в свою главную квартиру, на Карузельскую площадь (в то время эта площадь большей частью была покрыта извилистыми улицами). Официальные отчеты расходятся относительно цифры войск, находившихся в распоряжении главнокомандующего; министерство полагало, что располагает 40 000 человек, а Тьер уверяет, что число их не превышало 20 000. Солдаты, по словам Дюжо, «простояв в полном вооружении около 60 часов в холодной грязи, не получая ничего, кроме трех рационов сухарей, смотря со стороны на то, как бунтовщики нападают на муниципальных гвардейцев, срубают деревья, разбивают фонари и поджигают караульные будки, были деморализованы. Большинство из них имело не больше, чем

по 10 патронов... Лошади были измучены, им не давали овса, а люди больше двух суток не слезали с них». Бюжо прибавляет: «Я доставлю себе удовольствие перебить множество этой сволочи; это что-нибудь да значит». Он послал три колонны занять Пантеон, Ратушу и Бастилию; третья колонна была остановлена толпой на Монмартрском бульваре.

Тьер объехал своих министров; Барро согласился принять портфель, но протестовал против назначения Бюжо. «Раз мы ставим себе задачей успокоить народ, то мы не должны связываться с самым непопулярным в Париже человеком». На это Тьер возразил: «Нам предстоит, вероятно, выдержать жестокую борьбу; зачем же мы станем лишать себя услуг первого солдата в Европе?» Тьер и Барро пустились в путь сквозь строй баррикад; у каждой баррикады они говорили, что министерство сменено и что народу будет дано удовлетворение. Но стрельба в манифестантов, имевшая место на Капуцинском бульваре, оставила в душе народа неизгладимый след; толпа не верила и отвечала: «Король нас обманывает! Он собирается расстреливать нас картечью. — Нет, — возражал Тьер, — мы министры, а не убийцы. — А Бюжо? — кричали ему из толпы. В конце-концов Одилон Барро поколебался. «Бюжо, — сказал он Тьеру, — подходит к Гизо, но не к нам».

В Тюильри Тьер нашел короля уже вставшим с постели; Луи-Филипп заявил, что он принимает всех министров.

— Нужно распустить палату, сказал Тьер.

— Это решительно невозможно, я не могу расстаться с большинством, которое так хорошо понимает мою политику.

— Необходима реформа.

— Это мы увидим, когда закончится нынешний кризис. Мне не приходится говорить с вами о том, что нам понадобится, быть может, предпринять впоследствии. А вот, что нужно сделать сейчас?

— Государь, мы еще не состоим вашими министрами, и даже если бы мы были ими, то мы не можем взять на себя проведение репрессивной политики. Пока министром является еще Гизо. Он и Бюжо как раз подходят к роли усмирителей бунта, и я не имею никакого права давать вам советов.

— Не будем говорить о конституционных глупостях. Вы прекрасно знаете, что о Гизо говорить не приходится. Что я должен делать?

— Прежде всего я полагаю, что Ламорисьер будет более популярным командиром национальной гвардии, чем Бюжо.

Присутствовавший при этом разговоре Ламорисьер согласился принять команду над национальной гвардией под начальством Бюжо, который сохранял звание главнокомандующего. Король послал Бюжо приказ сконцентрировать свои силы на Тюильри. Правительство рассчитывало убедить национальную гвардию двинуться против инсургентов, а регулярную армию, ставшую слишком непопулярной, оно не решалось пустить в ход. Бюжо, недовольный полученным приказом, передал его войскам, стоявшим на бульваре. Но, возвращаясь обратно по бульварам, войска, которые шли узкой колонной, имея пушки в арьергарде, были разрезаны бунтовщиками, отделены от своей артиллерии и совершенно деморализованы; некоторые батальоны подняли ружья прикладами вверх и перешли на сторону народа.

Тогда Ламорисьер с Одилоном Барро отправились на бульвары, чтобы сделать попытку успокоить национальных гвардейцев. Тьер вернулся во дворец, чтобы снова повидаться с королем. Было около 10 часов. «Волна все растет, — сказал он, — через 2 часа она поглотит нас всех». И он предложил королю выехать из Парижа, отправиться с Сен-Клу, призвать к себе армию, а затем взять Париж приступом (этот план он впоследствии осуществил во время Коммуны). Луи-Филипп удалился в свою комнату, чтобы посоветоваться с королевой и с Гизо. Но вместо того, чтобы согласиться на предложение Гизо, он решил показаться войскам.

Отречение Луи-Филиппа. Луи-Филипп сел на коня и выехал из дворца; но на площади Согласия национальные гвардейцы встретили его криками: «Да здравствует реформа!» и скрестили штыки над его конем. Король ответил: «Она дарована». Но этот прием явно его обескуражил; он внезапно остановился и вернулся в замок. Из окон домов, расположенных на Карузельской площади, снова началась стрельба.

Пока король колебался, не зная, что предпринять, республиканцы перешли в наступление. Тщетно Одилон Барро заявлял, что король согласен на уступки, что составлено министерство левого центра, что палата распускается, что отдан будет приказ прекратить огонь. Народ не хотел ему верить. Воззвание, расклеенное деятелями *Réforme*'ы, гласило: «Луи-Филипп приказал нас убивать, как это сделал Карл X; пусть он отправляется к Карлу X». Около 10 часов инсургенты, выступив из восточных кварталов, заняли Пале-Рояль, защищаемый двумя ротами солдат; пост Шато-д'О (ныне не существующий) преграждал им дорогу к Тюильри. Между этим постом и инсургентами завязалась через Пале-

Рояльскую площадь продолжительная перестрелка; это было единственное сражение за всю февральскую революцию; оно задержало движение народа на Тюильри и дало королю время обдумать положение, а затем бежать.

Вернувшись с Тьером в Тюильри, король застал там нескольких оппозиционных депутатов. Вдруг входит Кремье: «Я прошел бо̀льшую часть Парижа. Не все еще потеряно. Народ не примет Бюжо или Тьера, но министерство Барро, составленное целиком из членов левой, с Жераром в качестве главнокомандующего, будет встречено с восторгом». «Ради всего святого, государь, — воскликнул Тьер, — сделайте эту попытку». Луи-Филипп уступил и подписал назначение Барро и маршала Жерара. Но уже не было времени оповестить народ о новых назначениях. Курьер, принесший Тьеру известия о его семье, заявил, что с минуты на минуту можно ждать появления толпы и что теперь осталось единственное средство: это — отречение Луи-Филиппа. Этой ценой удастся, быть может, спасти престол для графа Парижского. Герцог Немурский приблизился к королю.

— Ваше величество, вам говорят, что необходимо страшное самопожертвование.

— Мое отречение? Я готов передать вам бразды правления.

— Боюсь, — ответил герцог Немурский, — что этой жертвы будет недостаточно. Я еще более непопулярен, чем ваше величество. Регентство следует вручить герцогине Орлеанской.

Луи-Филипп поговорил с обоими сыновьями, затем перешел в салон королевы, где собрались королева, герцогини Орлеанская, Немурская, Монпансье, их дети, фрейлины, Гизо и Бройль. Произошла сцена рыданий и вздохов, продолжавшаяся 10 минут. Луи-Филипп вернулся, окруженный женщинами из королевской семьи, и опустился на стул. Герцогиня Орлеанская воскликнула: «Государь, не отрекайтесь от престола! Корона слишком тяжела для нас, только вы один можете ее носить». Из передней доносились крики: «Отречение! Отречение!» Королева, склонившись над Луи-Филиппом, обняла его со словами: «Вы не стоите такого доброго короля».

Наконец, уступая настояниям присутствующих и герцога Монпансье, Луи-Филипп решился: он подписал отречение от престола, вопреки советам королевы и Бюжо. Внук его, граф Парижский, должен был стать королем под именем Луи-Филиппа II; а регентство переходило к матери молодого принца, герцогине Орлеанской. Но уже не оставалось вре-

мени для того, чтобы объявить об отречении Луи-Филиппа. Инсургенты подожгли пост Шато-д'О и подошли к Тюильри. Луи-Филипп и его семья сели в две закрытые кареты и поехали по набережной, эскортируемые кирасирами. Войска рассеялись. Толпа, не встречая сопротивления, ворвалась во дворец, разрушила трон и выбросила через окна королевскую мебель, причем ни одна вещь не была украдена.

Образование временного правительства. Герцогиня Орлеанская, по совету своего секретаря, удалилась со своим сыном в Бурбонский дворец. Она явилась в палату депутатов; большинство встретило ее восторженными приветствиями и провозгласило ее регентшей от имени графа Парижского.

Но вскоре вооруженная толпа ворвалась в зал заседаний с криками: «Низложение!» Президент надел шляпу и объявил перерыв заседания. Ледрю-Ролен, единственный депутат социалистической партии, обращаясь к толпе, сказал: «Во имя народа, который вы представляете, я требую молчания». Он протестовал против регентства, затем предложил составить временное правительство, назначенное не палатой, а самим народом. Ламартин взошел на трибуну, произнес апологию «славного народа, который в течение трех дней сражается для низвержения вероломного правительства», и потребовал назначения временного правительства, которое «озаботится принятием необходимых мер для созыва и опроса всей страны».

В это время в зал врывается новый вооруженный отряд с криками: «Долой палату! Не нужно депутатов!» Президент объявляет заседание закрытым. Но некоторые депутаты левой остаются в зале. Ламартин читает список имен; толпа отвечает на каждое произносимое имя криками одобрения или протестами. Так народом принят был список членов временного правительства, заготовленный республиканцами *National*'я; в него входили Дюпон де Л'Эр, Араго, Ламартин, Ледрю-Ролен, Кремье, Мари, Гарнье-Пажес — все депутаты.

В то время как в палате составлялось правительство, социалистические республиканцы [1], собравшись в редакции газеты *Réforme*, составляли свой список. Это был тот же список *National*'я с прибавлением нескольких имен из своих, как Флокон, секретарь *Réforme*'ы, Луи-Блан, автор «Организации труда», и Альбер, рабочий-механик, вождь тайного общества «Времен года». Затем, следуя партийной традиции, они отправились в Ратушу (Отель-де-Виль) и там провозгласили республику; Коссидьер взял префектуру полиции, а Араго — почту.

[1] Так автор называет радикалов. —*Прим. переводчика.*

Как и в 1830 году, в Париже образовалось два революционных правительства; как и в 1830 году, правительство, провозглашенное в Бурбонском дворце, прошло по переполненным толпами инсургентов улицам и отправилось в ратушу; здесь оно конституировалось, поделив министерские портфели между своими членами. Но на этот раз оно не посмело отделаться от правительства ратуши звонкими фразами; оно решилось принять в свой состав деятелей из *Réforme*'ы. Так как министерские портфели были уже розданы, то новые члены временного правительства были внесены в список в качестве «секретарей». И все вместе они остались в ратуше, поручив себя охране рабочего класса.

II. ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Первые мероприятия Временного правительства. Обе группы, *National*'я и *Réforme*'ы, соединившие свои усилия для низвержения Луи-Филиппа, очутились бок о бок во временном правительстве. Обе эти группы придерживались республиканских воззрений и согласно решили принять название «Временного правительства Французской Республики» — название, которое 25 февраля получило официальный характер. В виде практического применения общих их принципов, члены Временного правительства (помимо отмены дворянских титулов) ввели свободу печати с отменой штемпельного сбора, свободу политических собраний и предоставили всем гражданам право вступать в национальную гвардию. Эти три меры совершенно изменили условия политической жизни в Париже. Немедленно возникло около сотни дешевых политических газет, продававшихся в розницу; эти газеты распространялись в рабочей среде и создали атмосферу, благоприятную для социалистов. Почти во всех кварталах основаны были клубы, куда каждый вечер приходили рабочие, желавшие послушать дебаты по политическим вопросам. Из этих клубов самую энергичную деятельность проявлял клуб «Прав человека», во главе которого стояли бывшие руководители тайных обществ, Собрие и вышедший из тюрьмы Бланки. Рабочие массами вступали в национальную гвардию; число национальных гвардейцев, составлявшее к 1 февраля 56 751, достигло к 18 марта цифры 190 000. Таким образом, благодаря народным газетам, клубам и национальной гвардии, в течение нескольких дней сорганизовалась новая

сила, располагая которой можно было господствовать над Парижем.

В среде Временного правительства продолжали царствовать раздоры между двумя разношерстными группами, которые совместно совершали революцию. Деятели *National*'я, парламентские республиканцы, хотели ограничиться политическим переворотом: им хотелось как можно скорее созвать Национальное собрание, которое должно было организовать республику; это была партия демократической республики, партия трехцветного знамени. Деятели же *Réforme*'ы в политическом перевороте видели только средство к совершению социальной революции; они хотели воспользоваться своей властью для того, чтобы улучшить положение рабочих, а чтобы иметь достаточно времени для осуществления проектируемых ими реформ, отсрочить насколько возможно созыв Национального собрания: это была партия «Демократической и социальной республики», фамильярно называемая *démos-soc*; она приняла знамя тайных обществ, красное знамя. Ледрю-Ролен одновременно принадлежал к обеим партиям и держался нерешительной тактики.

В первые дни между обеими группами существовала только глухая вражда. Каждая из них проводила меры, согласные с ее собственной политикой; партия *Réforme*'ы стремилась удовлетворить требования парижских рабочих, а партия *National*'я — успокоить остальную Францию.

Революция встречена была в провинции с изумлением, но без сопротивления; провозглашение республики принято было в городах без всякого протеста; армия держалась спокойно, а известнейшие генералы, как Бюжо и Шангарнье, поспешили представить правительству уверение в своей преданности. Буржуа и чиновники боялись слова «республика», которое в их воображении связывалось с террором; но они выставляли на показ республиканские чувства, чтобы отвратить от себя неминуемо якобы грозившие им преследования. Чтобы успокоить их, правительство отменило смертную казнь за политические преступления. Ледрю-Ролен, которому достался портфель министра внутренних дел, отозвал прежних префектов и назначил на их место правительственных комиссаров, которым поручено было упрочить республику; но в остальных ведомствах служащий персонал остался на месте. 25 февраля в ратушу явилась толпа рабочих, требовавших замены трехцветного знамени красным; их принял Ламартин, который произнес знаменитую речь, спасшую трехцветное знамя. «... Предлагаемое вами красное

знамя, вывалянное в крови народа в 1791 и 1793 годах, обошло только Марсово поле, а трехцветное знамя обошло весь мир, разнося повсюду имя, славу и свободу отечества».

Для успокоения Европы Ламартин, занимавший пост министра иностранных дел, разослал дипломатическим агентам Франции за границей циркуляр от 2 марта. «Война, которая сделалась роковой и славной необходимостью в 1792 году, теперь не является принципом Французской республики. Французская республика никому не намерена объявлять войну. Она не будет также вести подпольной зажигательной пропаганды в соседних государствах».

Партия социальной республики, с своей стороны, принуждала правительство к принятию мер, которых требовали рабочие.

25 февраля вооруженная толпа ворвалась в зал заседаний Временного правительства, заявила, что народу нужны реформы, и Луи Блан, с согласия своих коллег, тут же набросал декрет, составленный согласно его собственной доктрине. «Правительство Французской республики обязуется гарантировать рабочим существование посредством труда. Оно обязуется обеспечить работу всем гражданам. Оно признает, что рабочие должны объединяться между собой для того, чтобы пользоваться законным продуктом своего труда. Оно возвращает рабочим принадлежащий им миллион цивильного листа». На следующий день декретом 26 февраля этому принципу дано было практическое осуществление: «Правительство постановляет немедленное учреждение *национальных мастерских*. Это была формула Луи Блана [1].

28 февраля огромная толпа рабочих манифестантов явилась в ратушу со знаменами, на которых выставлен был девиз: *Организация труда* (такое было заглавие сочинения, создавшего популярность Луи Блана), и потребовала немедленного учреждения министерства Прогресса. Луи Блан поддерживал это требование, против которого восстали его коллеги; Луи Блан не решился использовать ту силу, которую в этот момент давала ему масса его приверженцев, и согласился на компромисс. Декрет 28 февраля признал в принципе требования рабочих. «Принимая во внимание, что ре-

[1] На словах. Целью этих «национальных мастерских» было скомпрометировать социалистов. Директор национальных мастерских Тома впоследствии рассказывал, что он предлагал отнестись к делу серьезно, но Мари отказался и заявил ему, что «намерение правительства заключается в том, чтобы доказать этим опытом рабочим ложность и пустоту этих неприменимых теорий». — *Прим. переводчика.*

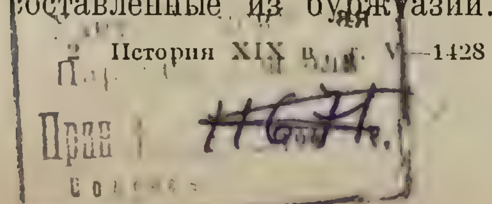
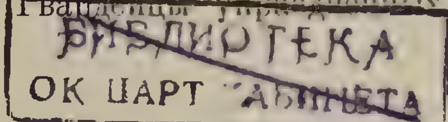
ЛУИ БЛАН
1811 — 1882

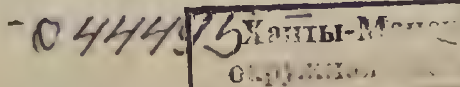
волюция, совершонная народом, должна быть произведена в его интересах; что пора положить конец продолжительным и несправедливым страданиям рабочих; что вопрос о труде является вопросом величайшей важности; что не существует вопроса, более высокого и более достойного забот республиканского правительства; что задачей Франции является серьезное изучение и решение проблемы, поставленной в настоящее время перед всеми промышленными нациями Европы...» Но несмотря на это введение, в действительности вместо учреждения требуемого министерства Временное правительство согласилось только на учреждение «*Правительственной комиссии для рабочих*, специально предназначенной заботиться об их участи». Луи Блан и Альбер были назначены членами этой комиссии, которая водворилась в Люксембургском дворце; в результате Луи Блан и Альбер были удалены из ратуши, что ослабило влияние социалистической партии в правительстве.

Затем Временное правительство приступило к решению главного вопроса о созыве избирателей для выборов депутатов в Национальное собрание, которое должно было придать Франции окончательное устройство. В принципе обе партии были согласны; 24 февраля Ламартин сказал в палате: «Временное правительство должно будет... созвать всю страну, всех тех, кому звание человека дает право гражданина». Таким образом, члены Временного правительства без прений признали *всеобщее избирательное право*, которое *сразу вырвало* политическую власть из рук привилегированного избирательного корпуса, состоявшего из каких-нибудь 250 000 человек, и передало ее народной массе, насчитывавшей 9 395 000 избирателей. Декретом 4 марта все совершеннолетние граждане призваны были выбрать 900 народных представителей по системе департаментских избирательных списков, относительным большинством, без перебаллотировки. Вопреки нежеланию социалистической партии, выборы назначены были на 9 апреля.

Манифестации. Парижская буржуазия в первые дни революции растерялась, но затем она мало-помалу начала собираться с духом и пыталась освободиться от господства рабочих. Борьба вылились в форме манифестаций перед ратушей, целью которых было оказать давление на правительство.

Во время реорганизации национальной гвардии правительство упразднило отборные роты стрелков и гренадеров, составленные из буржуазии. Гвардейцы упраздненных рот



толпой явились в ратушу (16 марта) и требовали, чтобы им предоставлено было право носить прежнюю форму (вот почему эта манифестация и названа была «манифестацией медвежьих шапок»). На следующий день рабочие, полагая, что буржуазия угрожает правительству, собрались на Марсовом поле и под предводительством клубов толпою двинулись к ратуше, где вожди их предъявили правительству требования рабочих; они находили, что выборы назначены через слишком короткий период, и требовали их отсрочки на неопределенное время, для того чтобы социалисты могли склонить народ на свою сторону. Правительство уступило и отложило выборы до 23 апреля. Таким образом, манифестация 17 марта кончилась победой рабочих.

Но социалистическая партия, опиравшаяся исключительно на парижское население, была ничтожным меньшинством; против нее была даже половина Парижа. По мере того, как сопротивление росло в департаментах, Временное правительство начало все враждебнее выступать против социалистов. В борьбе с рабочими национальными гвардейцами оно старалось опереться на буржуазных гвардейцев и на 24 батальона *мобильной гвардии*, составленной из юношей, навербованных по полтора франка в день.

16 апреля было решительным днем. Клубы и люксембургские делегаты созвали рабочих на Марсово поле, чтобы двинуться оттуда к ратуше и представить Временному правительству петицию: «Народ требует демократической республики, уничтожения эксплоатации человека человеком и организации труда посредством ассоциации». Кроме того, вожди движения намерены были добиться новой отсрочки выборов. 40 000 манифестантов, двигавшихся плотными рядами за знаменами клубов, направились через весь Париж к ратуше. Но министр внутренних дел Ледрю-Ролен, до этого момента колебавшийся между двумя партиями, открыто примкнул к буржуазии; он приказал бить сбор, и враждебные социалистам национальные гвардейцы сбежались со всех сторон с оружием в руках. У ратуши манифестанты натолкнулись на вооруженных национальных гвардейцев, которые встретили их криками: «Долой коммунистов!» Правительство оказало им самый дурной прием и заставило их удалиться, проходя между двумя рядами национальных гвардейцев. С этого дня партия социальной революции потеряла всякое влияние на Временное правительство.

Действия Временного правительства. Одновременно с этими внутренними конфликтами и до открытия Национального

собрания. Временное правительство в форме декретов старалось применить на практике принципы, общие всем элементам республиканской партии. Оно отменило рабство негров во французских колониях, отменило гербовый сбор с периодических изданий, повысило до пяти процент, уплачиваемый сберегательными кассами, так как «справедливость властно требует установления равенства между барышами, которые приносят капиталы богача, и доходом, который дают достатки бедняка». Оно отменило соляной налог во Франции (15 апреля) и октруа (городские пошлины) на мясо и вино в Париже.

Революция вызвала кризис, внесший потрясение в деловой мир. Казна была совершенно пуста. Правительство попыталось заключить заем, но он не был покрыт; оно обратилось с воззванием к патриотическим пожертвованиям, но добилось только патриотических манифестаций. В конце-концов, следуя принципам либеральной политической экономии, осуждавшей косвенные налоги, оно установило чрезвычайный добавочный налог в 45 сантимов с каждого франка прямых налогов. Это и были те знаменитые «45 сантимов», которые восстановили крестьян против республики.

Люксембургская комиссия и национальные мастерские. Обещания, данные рабочему классу Временным правительством, привели к учреждению Люксембургской комиссии и Национальных мастерских. И комиссия и мастерские, основанные правительством крайне неохотно, лишены были средств, необходимых для правильного их функционирования, и сознательно извращены с целью скомпрометировать требовавшую их учреждения партию.

«Правительственная комиссия для рабочих» заседала в Люксембурге под председательством Луи Блана в помещении палаты пэров. Прежде всего она пригласила делегатов от различных ремесл, чтобы выслушать их мнение о настоятельнейших потребностях и «подготовить решение рабочего вопроса». На приглашение комиссии явилось 200 делегатов, потребовавших в первую очередь осуществления тех реформ, которые самым непосредственным образом затрагивали их интересы; Комиссия передала эти требования Временному правительству, которое немедленно превратило их в декреты (2 марта). «Принимая во внимание, что слишком продолжительный физический труд не только разрушает здоровье работника, но также препятствует его умственному развитию и этим нарушает его человеческое достоинство; что эксплоатация рабочих подрядчиками, берущими заказы из вторых

рук, крайне несправедлива, притеснительна и противоречит принципу братства», правительство сократило рабочий день на один час (10 часов вместо 11 — в Париже, а в провинции — 11 часов вместо 12) и запретило подряды из вторых рук. Этот декрет практически не применялся и так и не вышел из области благочестивых пожеланий.

Комиссия, лишенная средств для практического действия, превратилась в дискуссионное общество. Луи Блан пригласил туда экономистов различных направлений; некоторые из них действительно ответили на это приглашение, как Ж. Рейно, Видаль, Пеккер, Дюпон-Вайт, Воловский, Консидеран.

10 марта состоялось общее собрание рабочих делегатов (242 человека), а 17 марта — собрание делегатов от хозяев (231 человек); на этих собраниях произносились примирительные речи. Затем 20 марта учреждена была смешанная комиссия, состоявшая из 10 рабочих и 10 предпринимателей, к которым присоединено было несколько экономистов; она издала «Общий доклад комиссии», содержавший план социальных реформ, составленный Видалем и Пеккером. Сделаны были попытки организовать третейское посредничество между рабочими и хозяевами. Комиссия намеревалась даже основать среди рабочих производительные товарищества; но в конце-концов эти пожелания свелись к тому, что безработные портные собраны были в освободившейся долговой тюрьме Клиши, где они по заказу государства шили мундиры для национальных гвардейцев. От всей Люксембургской комиссии остался только рабочий комитет, основанный Луи Бланом 28 марта для подготовки выборов; это был «Центральный комитет люксембургских делегатов», который впоследствии должен был превратиться в один из руководящих органов недовольных рабочих.

Национальные мастерские основаны были министром торговли Мари, противником Луи Блана. Дело шло о доставлении работы весьма многочисленным в Париже рабочим, оставшимся без занятий благодаря тому обстоятельству, что вследствие вызванного революцией кризиса большинство фабрик закрылось (кроме того много безработных прибывало в столицу из провинции). Луи Блан хотел организовать настоящие производительные ассоциации, субсидируемые государством, в которых каждый рабочий мог бы найти занятие, соответствующее его профессии. Правительство приняло название, но отвергло сущность. Собранных в *национальных мастерских* рабочих оно употребило в Париже на

земляные работы. Во главе этих мастерских поставлен был воспитанник Центральной школы Тома; он придал рабочим военное устройство, организовав их по *отделениям* из 10 человек, *бригадам* из 5 отделений, *взводам* из 4 бригад и *ротам* из 16 бригад. Рабочие получали по 2 франка в день (начальник отделения $2^1/_2$ франка, а бригадир — 3 франка).

Но скоро работа оказалась на исходе, а количество рабочих продолжало расти; с 25 000 16 марта число их повысилось до 66 000 к 16 апреля и до 100 000 в мае. Тогда число рабочих дней в неделю сокращено было до двух с платой по 2 франка, а в остальные прогульные дни им платили по 1 франку (всего в неделю им доставалось 8 франков), причем их отправили на Марсово поле, где их заставляли копать землю [1]. Таким образом получилась масса недовольных, доведенных до полуголодного существования людей, которые целыми днями дебатировали общественные вопросы и слушали речи социалистических пропагандистов.

Оба эти учреждения, Люксембургская комиссия и национальные мастерские, систематически парализуемые правительством, не могли осуществить ни одной социальной реформы; но они сгруппировали рабочих и дали им вождей, выработавших из них боевую силу. Манифестация 16 апреля была организована Люксембургским комитетом, и двинулись манифестанты с Марсова поля.

III. УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Открытие Учредительного собрания. *Национальное собрание*, выработанное 23 апреля и открывшееся 4 мая, по составу своему было республикански-демократическим. Восстановлен был революционный принцип, которого тщательно избегала цензитарная монархия, а именно, вознаграждение депутатам; *представители народа* получали жалованье в размере 25 франков в день. У власти очутился почти совер-

[1] Э. Тома рассказывает, что он предлагал Мари употребить эти деньги на выдачу пособий фабрикантам, которые таким образом могли бы сохранить своих рабочих и дать им соответствующие занятия, но Мари отказал и прибавил, что «правительство твердо намерено осуществить этот опыт, который сам по себе может привести только к хорошим результатам, так как он докажет самим рабочим всю пустоту и фальшь этих неприложимых теорий и откроет им глаза на весь вред, связанный для них с этими теориями; а когда они будут разочарованы, то их благоговейное отношение к Луи Блану исчезнет без следа, а с этого момента Луи Блан потеряет весь свой престиж и силу и перестанет представлять опасность для общества».

шенно новый политический персонал; из 900 депутатов около 800 были республиканцы. Но довольно сильное меньшинство, состоявшее из крупных землевладельцев, выбранных при поддержке духовенства, не выступая открыто против республики, требовало политики *реакции* (в то время это слово не употреблялось еще в неблагоприятном смысле) против покушений социальных демократов.

Огромное большинство Собрания было враждебно настроено против парижских рабочих; оно хотело демократической республики, но отнюдь не социального переворота. Собрание обнаружило свои чувства в целом ряде мер; так, оно заявляло, что Временное правительство «хорошо послужило отечеству». 9 мая оно поручило управление особой Исполнительной комиссии из 5 членов (Араго, Гарнье-Пажес, Мари, Ламартин и Ледрю-Ролен), которые прежде входили в состав Временного правительства и известны были своим враждебным отношением к Луи Блану; кроме того, оно отказалось учредить особое министерство труда.

15 мая и июньские дни. Парижские рабочие, крайне недовольные результатами выборов и политикой Национального собрания, отказались принять участие в празднике Согласия. Клубы решили представить Собранию петицию, требующую вмешательства Франции в пользу угнетенной Польши.

15 мая огромная толпа рабочих и вооруженных национальных гвардейцев двинулась на Собрание. Повидимому, не все руководители этой манифестации были с одинаковыми намерениями; Люксембургский комитет, Луи Блан и Альбер думали ограничиться мирной манифестацией. Но вожаки клубов, старые революционеры, как Бланки и Барбес, хотели воспользоваться удобным случаем и произвести революцию. Так как Бурбонский дворец охранялся плохо, то толпа проникла туда и ворвалась в зал заседаний с криками: «Да здравствует Польша!» Один из народных вождей, Юбер, воскликнул: «Именем народа объявляю Национальное собрание распущенным!»; затем провозглашено было временное правительство, в котором Луи Блан и Альбер, несмотря на свои протесты, фигурировали рядом с Барбесом и Бланки. В это время другая толпа овладела Ратушей. Но революционеры торжествовали недолго. Правительство приказало бить тревогу; национальная гвардия и мобили сбежались и освободили Собрание. Альбер и Барбес были арестованы (и впоследствии были осуждены Верховным судом в Бурже); Луи Блан, которому также грозил арест, удалился в изгнание.

Раздраженное Собрание решило уничтожить национальные мастерские и выбрало с этой целью комиссию, которая назначила своим докладчиком легитимиста-клерикала Фаллу. Рабочие, которым грозила потеря последнего заработка, организовались для сопротивления; 15 мая они лишились своих политических вождей, но у них оставались еще Люксембургский комитет и делегация национальных мастерских; в национальных мастерских они были организованы по-военному, а как национальные гвардейцы они были вооружены. Ввиду этого Национальное собрание в течение некоторого времени не решалось объявить им открытую борьбу.

Наконец, Комиссия представила палате свой доклад, в котором она предлагала закрыть национальные мастерские. 21 июня министр общественных работ издал декрет, коим национальные мастерские объявлялись закрытыми, а рабочие приглашались поступить в армию в качестве солдат или же быть готовыми к отправке в провинцию на земляные работы.

Делегация из 1 200—1 800 рабочих, посланная Люксембургским комитетом и национальными мастерскими, со знаменами, отправилась к правительству с заявлением протеста. Министр Мари ответил: «Если рабочие не желают уйти честью, то мы принудим их к этому силой» (23 июня).

В тот же вечер, в 6 часов, в Пантеоне состоялась огромная сходка рабочих, на которой рабочий Пюжоль произнес речь. На следующий день в 6 часов утра Пюжоль собрал у Бастильской колонны толпу, состоявшую из 7 000 рабочих; присутствующие опустились на колени и воскликнули: «Свобода или смерть!»

Рабочие удалились в свои кварталы, забаррикадировались в них и послали правительству требование восстановить национальные мастерские и распустить Собрание. Собрание объявило осадное положение и вручило военному министру генералу Кавеньяку диктаторскую власть. Исполнительная комиссия вышла в отставку, и Кавеньяк сосредоточил всю власть в своих руках. Он имел в своем распоряжении 20 000 солдат, мобильную гвардию и национальную гвардию западных кварталов. А затем на помощь к нему пришли национальные гвардейцы из пригородов и департаментов.

Битва продолжалась 4 дня (с 23 по 26 июня). Инсургенты держались оборонительной тактики; правительственные войска должны были атаковать их в восточных кварталах под убийственным огнем. 24 июня взяты были северные предместья (Пуассоньер и Сен-Дени), а также кварталы Пантеона; 25 июня предместье Сен-Марсо; инсургенты были тогда окруже-

ны в главном своем квартале, в Сент-Антуанском предместье [1], где 26 июня захвачены были последние бойцы. С обеих сторон борьба велась с крайним ожесточением; противники обвиняли друг друга в избиении пленных и раненых. Захваченные в плен инсургенты (около 11 000) были кучами брошены в тюрьмы и подвергнуты самому жестокому обращению; затем по постановлению Национального собрания они были массами отправлены в ссылку. Июньские дни надолго создали самые враждебные отношения между рабочими и буржуазией и довершили упадок социалистической организации: правительство закрыло 32 газеты.

Конституция 1848 года. Собрание сохранило осадное положение до 29 октября. Глава исполнительной власти Кавеньяк составил министерство из антисоциалистических республиканцев и назначил главнокомандующим национальной гвардии роялиста Шангарнье.

Затем Собрание приступило к выработке конституции. Сначала оно вотировало декларацию прав. «Перед лицом бога и именем французского народа Собрание провозглашает: «Франция принимает республиканский образ правления»... «Французская республика — демократическая». Легитимист Ларошжаклэн сказал: «Мне хотелось бы, чтобы это слово истолковывалось в смысле, не дающем предлога для ружейных выстрелов». А Дюпэн пояснил: «Это слово означает всеобщее и прямое избирательное право».

«Принципами Республики являются: Свобода, Равенство и Братство, а в основе ее лежат: семья, труд, собственность и общественный порядок». Декларация признает за гражданами право «союзов, собраний, петиций, высказывания своих мыслей в печати или иным способом»; она отвергает «произвольное лишение свободы, домовые обыски, исключительные суды, смертную казнь, рабство и цензуру». Она обещает даже некоторые социальные реформы, бесплатное первоначальное обучение, профессиональное образование, равенство в отношениях между хозяевами и работниками, сберегательные кассы, организацию мелкого кредита и общественного призрения (ни одна из этих реформ в действительности не была осуществлена).

Главные споры сосредоточились вокруг статьи 8-й, касавшейся вопроса о труде. Первый проект, составленный комиссией до восстания (20 июня), признавал «*право всех*

[1] 25 июня в предместье Сен-Марсо был убит генерал Бреа, а в Сент-Антуанском предместье пулей сражен был парижский архиепископ Аффр, который шел уговаривать инсургентов положить оружие.

граждан на труд и на призрение». В августе этот текст был заменен неопределенной формулой [1], которая и принята была подавляющим большинством голосов. Так исчезло «право на труд», провозглашенное Временным правительством.

Конституция 1848 года организовала правительственную власть на основании двух теоретических положений: 1) «Все государственные власти *исходят от народа* и не могут передаваться по наследству; 2) *Разделение властей* составляет основное условие свободного правительства». Согласно этим принципам установлены были две власти, обе исходящие от французского народа. *Законодательную власть* народ поручал однопалатному *Собранию*, состоящему из 750 депутатов, выбранных всеобщей подачей голосов; *исполнительную власть* он вручал гражданину, избираемому на 4 года в *президенты республики* и не переизбираемому. Государственный совет, выбираемый Собранием, должен был подготовлять законопроекты. Греви предложил учредить только пост выбираемого Собранием президента совета министров, но его поправка была отвергнута.

Располагая централизованным правительством Франции, сильной армией и многочисленным корпусом чиновников, привыкших властвовать над страной, один лишь президент получил в распоряжение реальную силу, которая отдавала в его власть всю страну. Рядом с ним Собрание, с его чисто абстрактной законодательной властью, являлось совершенно бессильным и беззащитным учреждением. Таким образом, судьба республики зависела от решения практического вопроса: каким образом будет выбираться президент? Часть республиканцев хотела, чтобы его выбирало Собрание; в таком случае избран был бы Кавеньяк, и будущность республики была бы обеспечена. Но большинство находило более согласным с демократическим принципом предоставить избрание президента всеобщему избирательному праву. Ламартин, воображавший себя настолько популярным, что надеялся на благоприятный для него вердикт народа, произнес известную речь: «Жребий брошен! Пусть бог и народ выскажутся! Предоставим что-нибудь провидению!» Собрание большинством 602 голосов против 211 решило, что президент будет выби-

[1] «Республика должна доставлять охрану личности гражданина, его семье, религии, собственности и труду, а также дать ему возможность получить необходимое для всех людей образование. Она должна братской помощью обеспечить существование нуждающихся граждан, или путем предоставления им работы в пределах возможности, или путем выдачи пособий лицам, неспособным к труду».

раться всеобщей подачей голосов, после чего, с целью удержать президента в пределах долга, оно постановило, что он должен принести присягу на верность конституции, а в случае нарушения принесенной им присяги будет предан Верховному суду.

Избрание Луи-Наполеона. Глава семьи Бонапартов, Луи-Наполеон, живший в изгнании в Англии, воспользовался французской революцией для того, чтобы возвратиться во Францию. 25 февраля он прибыл в Париж; Временное правительство немедленно предложило ему удалиться, и он предоставил своим друзьям вести агитацию его именем. В то время не существовало еще империалистской партии. На апрельских выборах в Учредительное собрание за Наполеона не вотировали, и никто не принял всерьез банду, проходившую по улицам Парижа с криками: «Poléon, Poléon, nous l'aurons!» Но имя Наполеона было все-таки популярно. Во время дополнительных выборов в июне Луи-Наполеон был избран 84 000 голосами в Сенском департаменте и кроме того прошел в трех других департаментах. Тогда послышались уже крики: «Да здравствует император!», и появились бонапартистские газеты.

Избрание президента республики было назначено на 10 декабря; кандидатами были Кавеньяк, Луи-Наполеон, Ледрю-Ролен, кандидат социалистов, Ламартин и Распайль. Кавеньяк выступил в качестве председателя антисоциалистической республиканской партии. Монархическая и католическая партия, прозванная «партией порядка», незадолго до того сорганизовалась под руководством «Комитета улицы Пуатье», во главе которого стояли вожди трех роялистских фракций: орлеанист Тьер, легитимист Беррье и католик Монталамбер. Эта партия предложила Кавеньяку свою поддержку на следующих условиях: он должен был провести закон о закрытии клубов (они были закрыты только временно), сохранить в Париже 50 000 солдат, не признавать Франкфуртского собрания (Тьер был ярым противником немецкого единства) и оказать сардинскому королю помощь против республиканцев. Кавеньяк отказался связать себя определенными обязательствами. Тогда комитет решил признать кандидатом «партии порядка» Луи-Наполеона, который обещал все, чего от него хотели.

За Луи-Наполеона были роялисты и католики; за него же была масса крестьян и рабочих, не получивших никакого политического воспитания и знавших только имя Наполеона. За него подано было 5 434 226 голосов, причем он получил

громадное большинство даже в чисто республиканских департаментах (Соны-и-Луары, Изера, Дрома). Кавеньяк получил только 1 498 000, Ледрю-Ролен — 370 000 и Ламартин — 7 910 голосов.

Конец Учредительного собрания. Водворившись в Елисейском дворце, Луи-Наполеон составил министерство из членов правой под председательством О. Барро [1], причем портфель народного просвещения получил католик Фаллу. Префектом полиции назначен был воинствующий бонапартист Карлье, а в департаменты посланы были префекты, которые открыли систематические гонения на республиканские эмблемы, деревья свободы и фригийские колпаки.

Учредительное собрание, в огромном большинстве состоявшее из республиканцев, было бессильно и только смотрело на действия исполнительной власти, а монархическое меньшинство открыто заявило, что Собрание, закончивши свою миссию, должно уступить место Законодательному собранию. Такой именно смысл имело предложение Рато, которое, несмотря на протесты комитетов, принято было во внимание тремя голосами большинства (8 января.)

Затем возник вопрос о том, чтобы «покончить с Собранием» силой. Шангарнье, доверенный генерал роялистской партии, главнокомандующий национальных гвардейцев Сенского департамента и войск парижского гарнизона, располагал всеми военными силами столицы. Утром 29 января он приказал бить сбор и наводнил улицы Парижа солдатами. Обеспокоенное бюро Собрания вызвало Шангарнье, который спустя 2 часа приказал ответить, что он задержался у президента республики, а что войска собраны для подавления восстания. Этот инцидент так-таки никогда и не получил объяснения. Одилон Барро уверял, будто дело шло о мятеже мобильной гвардии. Возможно, что мы просто имеем дело с попыткой государственного переворота. Вечером в Елисейском дворце Луи-Наполеон имел совещание с Шангарнье, Тьером, Молэ и Бройлем. Шангарнье хотел разогнать собрание силой; Тьер объявил эту идею абсурдом: «Дайте этому Собранию накричаться, Барро не уступит ему в крикливости: он прямо создан для этой роли: это его ремесло, и он исполняет его добросовестно». Тьер советовал «отложить героическую, но тя-

[1] По рассказу Тьера (Нассау Сениору), он сам отказался, будто, составить министерство и указал Наполеону его министров; он якобы посоветовал ему носить штатское платье, окружить себя докладчиками и принять вид американской простоты; но президент поступил как раз наоборот.

желую операцию государственного переворота вплоть до того момента, когда болезнь настолько вкоренится и примет такой опасный оборот, что применение этого решительного средства будет оправдываться обстоятельствами». Луи-Наполеон, хранивший по обыкновению молчание, одобрил отсрочку насильственных мер. Уходя, Шангарнье сказал Тьеру: «Вы заметили, какую мину скорчил президент? В конце-концов это — прохвост».

Конфликт между Учредительным собранием и президентом вспыхнул по вопросу об итальянской политике. Республиканское большинство Собрания хотело притти на помощь Сардинскому королевству, которому угрожали австрийцы; Луи-Наполеон, чтобы угодить католической правой, хотел восстановить папу и уничтожить Римскую республику. Собрание вмешалось следующей резолюцией, принятой 30 марта: «Если исполнительная власть для более верного обеспечения неприкосновенности пьемонтской территории и для более твердой охраны интересов и чести Франции считает необходимым подкрепить дипломатические переговоры частичной и временной оккупацией в Италии, то Собрание с своей стороны готово оказать исполнительной власти полную поддержку». По совету Тьера, президент согласился на вмешательство в итальянские дела, но обратил его против Римской республики. Он заставил Собрание вотировать чрезвычайный кредит на трехмесячную экспедицию; Барро обещал, что в данном случае дело идет только «об охране французского влияния и защите цивилизации». Но экспедиционный корпус, отправленный под начальством Удино в Чивита-Веккию, двинулся к Риму и был отброшен. Республиканское большинство Собрания немедленно приняло резолюцию: «Собрание приглашает правительство безотлагательно принять необходимые меры, для того чтобы итальянская экспедиция более не отвлекалась от предназначенной ей цели». Нисколько не считаясь с постановлением Собрания, президент 8 мая написал Удино: «Нашим солдатам оказан был враждебный прием, ваша военная честь задета».

Однако Собрание отвергло предложение о предании министров суду и даже отказалось выразить им недоверие (329 голосами из 620); но когда министр внутренних дел официально сообщил о результатах этого голосования департаментам, то Собрание вотировало порядок дня, который принудил его выйти в отставку. Учредительное собрание могло бы продолжить свое существование до того момента, пока оно не закончило бы принятия органических законов, дополняющих кон-

ституцию; но оно дало себя поймать на удочку правой и вотировало поправку, равносильную предложению Рато. 26 мая Собрание разошлось.

IV. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Выборы и открытие Законодательного собрания. Законодательное собрание, состоявшее из 750 депутатов, выбранных 13 мая 1849 года по системе департаментских избирательных списков относительным большинством, и открывшееся 28 мая, по распределению партий глубоко отличалось от Учредительного собрания. Прежнее республиканское большинство (партия Кавеньяка) упало до 70 человек. Крайняя левая, принявшая традиционное название *Горы*, сорганизовалась для выборов под руководством избирательных комитетов («Республиканская солидарность», «Друзья конституции»), которые обратились с воззванием к республиканским чувствам страны для борьбы с врагами республики. Составленный Феликсом Пиа манифест 55 представителей Горы содержал даже некоторые обещания социальных реформ: реформы воинской повинности (в смысле устранения неравенства), отмены налогов на предметы первой необходимости, прогрессивного налога на чистый доход, эксплоатации государством железных дорог, рудников и каналов, государственного страхования и кредитов [1]. Гора насчитывала 180 депутатов, выбранных главным образом в восточных и южных департаментах и в Париже. Против этих 250 республиканских депутатов клерикально-монархическая коалиция улицы Пуатье провела около 500 представителей «партии порядка», орлеанистов, легитимистов и сторонников слияния обеих фракций; бонапартистов выбрано было очень немного.

Исполнительная власть и Собрание согласны были совместно действовать против республиканской партии; они стремились раздавить ее, отнявши у нее все средства пропаганды и действия: республиканские газеты, политические союзы, светскую школу и всеобщее избирательное право.

13 июня и поражение Горы. Когда получены были известия о битвах под стенами Рима, партия Горы перешла в на-

[1] «Мы хотим признать за всеми право на собственность, основанное на праве на труд. Что такое право на труд? Это право на кредит. Что такое право на кредит? Это право на капитал, т. е. на орудия труда... Нужно, чтобы государство не занимало, а давало взаймы, чтобы оно выдавало ссуды как под недвижимое, так и под движимое имущество».

ступление. Организованные для выборной агитации комитеты составили протест против правительства, нарушившего 5-ю статью конституции, которая гласила: «Французская республика уважает иностранные национальности... и никогда не употребит своих сил против свободы какого-либо народа». Ледрю-Ролен потребовал от Собрания предания суду президента республики и его министров. На объяснения Одилона Барро и на восклицания правой он ответил следующим заявлением, которое он повторил: «Конституция была нарушена, мы будем защищать ее даже с оружием в руках» (11 июня). Собрание отвергло предложение. На следующий день Ледрю-Ролен и некоторые депутаты, организованные в комитеты, издали прокламацию, разоблачавшую заговор монархистов против республики и приглашавшую национальных гвардейцев явиться в мэрию V округа, чтобы оттуда без оружия отправиться толпой к Собранию.

На это приглашение откликнулось только несколько сот национальных гвардейцев и рабочих; 13 июня в 11 часов утра они двинулись от Шато-д'О с криками: «Да здравствует конституция! Да здравствует Италия!» и дошли до улицы Мира (недалеко от Оперы). Собранные Шангарнье войска атаковали манифестантов и рассеяли их. Организаторы манифестации были со всех сторон окружены в Консерватории искусств и ремесл; солдаты собирались их расстрелять, когда пришел приказ арестовать их. Ледрю-Ролен спасся бегством и уехал в Лондон.

Собрание воспользовалось удобным случаем для нанесения решительного удара партии Горы. 33 дупутата были преданы суду. Правительство декретом закрыло все газеты партии. Собрание вотировало закон о печати, который восстановил залог в 24 000 франков и дал администрации право воспрещать продажу газет в общественных местах; кроме того, оно приняло закон, воспрещавший в течение года публичные политические собрания. Оно объявило Париж в осадном положении особым законом, который передавал на рассмотрение судов все преступления и проступки, совершонные «против безопасности республики, против конституции, общественного спокойствия и порядка». Греви сказал: «Это военная диктатура»; на что Дюфор ответил: «Это парламентская диктатура».

Образование бонапартистской партии. После того, как общий враг был раздавлен, между президентом и большинством начались раздоры. Старые парламентские деятели, господствовавшие над Собранием, презирали Луи-Наполеона; они ста-

вили ему в упрек его конспираторское прошлое, его друзей-авантюристов, его долги и частную жизнь. С своей стороны, он не хотел больше оставаться орудием в руках большинства, а старался составить собственную партию. Он перестал покорно подчиняться Тьеру, окружил себя новыми людьми, стал привлекать к себе многих офицеров. Он хотел направлять внешнюю политику по своему личному усмотрению. По возвращении папы в Рим он написал открытое письмо своему другу Нею, в котором жаловался на реакцию и заявлял, что восстановление папы должно сопровождаться амнистией и реорганизацией управления в светском духе. Католическое большинство, вотируя кредиты на римскую экспедицию, упрекнуло его за это вмешательство в дела св. отца.

Министерство Одилона Барро, составленное из орлеанистов, отказалось выступить против Собрания. Сначала конфликт оставался в скрытом состоянии. Но Луи-Наполеон, переходя к делу по своей привычке без всякого предупреждения, опубликовал послание от 31 октября. Это было провозглашением открытого разрыва с парламентским режимом и манифестом о переходе к системе личного управления. «Франция, обеспокоенная отсутствием направляющей силы, ищет руки и проявления воли избранника 10 декабря. Но эта воля может проявиться только в том случае, если между президентом и его министрами существует полное согласие во взглядах, мыслях и убеждениях и если Собрание само находится в общении с национальной мыслью, выражением которой и явилось избрание исполнительной власти». Вместе с тем президент уволил своих министров и заменил их своими личными приверженцами, почти совершенно никому неизвестными: Руэр получил портфель юстиции, Фульд — министерство финансов и Парьё — народное просвещение.

Префект полиции Карлье основал «Общество 10 декабря», которое ставило себе целью охрану религии, труда, семьи и собственности и борьбу с «социализмом, безнравственностью, беспорядком, с вредными изданиями и с закоснелостью крамольников». Это общество рекрутировалось из воинствующих бонапартистов, которые с дубинами в руках нападали на демократические собрания.

Закон о народном образовании и закон 31 мая (1850). Собрание и президент снова соединились для борьбы против республиканцев. Конституция обещала народу бесплатное образование; ввиду этого необходимо было выработать органический закон о народном образовании, и Государственный совет, не торопясь, подготовлял соответствующий законо-

проект. Министр Парьё представил проект временного закона и во время дебатов назвал народных учителей «генералами от демократической и социальной республики», обвиняя их в том, что они «в деревенской глуши распространяют разрушительные принципы».

16 марта 1850 года Собрание вотировало общий закон о народном образовании, выработанный Фаллу, закон, который отдавал народного учителя под надзор кюре и обязал его преподавать катехизис. О бесплатном народном образовании не было уже и речи. Среднее образование, которое со времени Наполеона I оставалось монополией светского государственного университета, объявлено было свободным; частным лицам предоставлено было право открывать средние и низшие учебные заведения. Муниципалитеты получили право приглашать в свои школы членов монашеских орденов, а женским конгрегациям предоставлена была привилегия заменять экзамен на звание учительницы (что требовалось для открытия школы) представлением «отпускного свидетельства», выдаваемого епископом.

Университет и католическая церковь начали оспаривать друг у друга руководство делом воспитания молодых поколений, и этим заложены были основы деления французской буржуазии на две враждебные фракции, воспитанные по двум различным системам. Монталамбер указал на истинный смысл закона Фаллу, сказав: «Большинство выбрано было для борьбы с социализмом... Необходимо сделать выбор между католицизмом и социализмом». Нужно, как он говорил, «предпринять *внутреннюю римскую экспедицию*». Это прозвище так и осталось за католической кампанией против демократии.

На апрельских дополнительных выборах, обусловленных необходимостью заместить республиканцев, подвергшихся изгнанию в 1849 году, выбрано было большинство кандидатов Горы (27 и 37). Собрание испугалось и решило «почистить всеобщее избирательное право»; президент не стал мешать этому, точнее, он даже одобрял намерение большинства [1].

Таким образом, в несколько дней быстро принят был выработанный Бройлем закон 31 мая. Не отменяя открыто прин-

[1] Тьер рассказывает, что президент просил его спасти нацию от красных и социалистов; затем он созвал в Елисейский дворец монархических вождей, Тьера, Молэ, Бройля, Беррье, Монталамбера и Сен-При; на этом совещании выработан был план кампании. Тьер хвастает тем, что он взял на себя провести отмену всеобщего избирательного права и заявил, что во время дебатов он нарочно употребит оскорбительное выражение «презренная толпа», для того чтобы вывести Гору из себя и заставить ее наделать тактических ошибок.

ІЮНЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(29 JUIN.)

RÉPUBLIQUE FRANCAISE.

Liberté, Égalité, Fraternité.

AU NOM DU PEUPLE FRANCAIS.

Le PRÉSIDENT DU CONSEIL, chargé du Pouvoir executif;

ARRÊTE:

Le citoyen BETHMONT est nommé ministre de la Justice;

Le citoyen BASTIDE, ministre des Affaires étrangères;

Le citoyen SÉNART, ministre de l'Intérieur;

Le général DE LAMORICIÈRE, ministre de la Guerre;

L'amiral LEBLANC, ministre de la Marine;

Le citoyen GOUDCHAUX, ministre des Finances;

Le citoyen CARNOT, ministre de l'Instruction publique et des Cultes;

Le citoyen RECURT, ministre des Travaux publics;

Le citoyen TOURRET, ministre du Commerce.

Fait au palais de l'Assemblée nationale, le vingt-huit juin mil huit cent quarante-huit.

Signé E. CAVAIGNAC.

АФИША О СОСТАВЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА 29 ИЮНЯ

ципа всеобщего голосования, этот закон требовал от избирателей *трехлетнего* проживания на одном месте, удостоверенного внесением в списки плательщиков личных налогов, и лишал избирательного права людей, осужденных за какое-нибудь политическое преступление (возмущение, оскорбление властей, участие в клубах или тайных обществах). Этот закон сократил число избирателей на 3 миллиона и коснулся главным образом городских рабочих, голосовавших за республиканскую партию (в Париже на 64%).

Собрание завершило серию репрессивных мероприятий законом о печати (16 июля 1850 г.), который повысил залог до 50 000 франков и обязал авторов подписывать свои статьи. Затем оно разошлось на каникулы (8 августа), оставив постоянную комиссию из 25 человек, исключительно монархистов.

Конфликт между президентом и Собранием. Президент воспользовался вакациями, чтобы объездить департаменты, всюду выдавая себя за защитника порядка. Он требовал пересмотра конституции и начал устраивать так, что толпа встречала его криками: «Да здравствует император!» Тем временем орлеанисты и легитимисты пытались слиться в одну партию; граф Шамбор (Генрих V) должен был сделаться конституционным королем, а граф Парижский — его преемником. «Слияние» не удалось, так как Генрих V не хотел принять никаких условий. Но опасение перед возможностью восстановления монархии ослабляло сопротивление, оказываемое республиканцами президенту.

Столкновение между президентом и Собранием началось по поводу армии. На смотру в Сатори (10 октября), который произведен был Луи-Наполеоном, кавалерия, дефилируя перед президентом, кричала: «Да здравствует император!» Пехота прошла молча, так как генерал Неймайер напомнил солдатам, что по военному уставу запрещается кричать в строю. Правительство отняло у Неймайера команду (31 октября); Шангарнье принял сторону опального генерала. По возобновлении заседаний Собрания (12 ноября) президент сделал вид, что уступает; он отправил примирительное послание и сменил военного министра.

Но вскоре конфликт возобновился и уже не прекращался. Президент хотел, чтобы парижский гарнизон находился в полном его распоряжении; постепенно он ввел туда лично преданных ему офицеров, враждебно настроенных против гражданского начальства и готовых на применение насильственных мер (Флери, Сент-Арно, Эспинас и т. п.). Главно-

командующий Шангарнье был ставленником Собрания, и президент отнял у него команду (5 января 1851 г.). Собрание ответило выражением недоверия министерству, принятым 417 голосами против 286, но только благодаря голосам республиканцев; монархическое большинство разделилось по этому вопросу. Собрание разбилось на три почти равные части: на республиканскую партию, на монархистов, примкнувших к президенту, и на монархистов, явно враждебных Луи-Наполеону. Отныне в Собрании могло составиться только коалиционное большинство, и Собрание никак не могло столковаться относительно какой-нибудь положительной меры.

Ссылаясь на отсутствие действительного большинства, Луи-Наполеон назначил «переходное министерство», составленное из его личных приверженцев (24 января). Министерство потребовало увеличения президентского жалованья на 1 800 000 франков. Монталамбер от имени католиков согласился на это предложение, но оно было отвергнуто коалицией республиканцев и легитимистов, 396 голосами против 294. Затем орлеанисты потребовали отмены закона, по которому члены прежних царствовавших династий изгонялись из Франции. Это предложение было отвергнуто той же самой коалицией, так как легитимисты отказались вотировать закон, которым их претендент не желал воспользоваться.

Решительная борьба разгорелась по вопросу о пересмотре конституции. Конституция 1848 года не допускала переизбрания президента на второй срок, и Луи-Наполеон, который хотел остаться президентом и на второе четырехлетие, требовал пересмотра конституции. Через своих префектов он организовал подачу петиции и побудил генеральные советы (51 в 1850 году, 80 в 1851 году) выразить «пожелание» в этом духе, несмотря на то, что закон запрещал генеральным советам заниматься политикой. Но установленная Учредительным собранием процедура делала пересмотр конституции почти невозможным: в силу конституции 1848 года Собрание должно было трижды подряд вотировать пересмотр большинством трех четвертей голосов, а затем этот пересмотр производился новым собранием, специально избранным для этой цели. Легитимисты и большинство орлеанистов хотели пересмотра конституции. Но так как часть орлеанистов присоединилась к республиканцам, то за пересмотр подано было 446 голосов, а против пересмотра — 278; таким образом, требуемое большинство трех четвертей голосов не было достигнуто, и предложение о пересмотре конституции было отвергнуто (26 июля). Среди приближенных к президенту лиц на-

чали поговаривать о необходимости отделаться от Собрания посредством государственного переворота; но его наперсники, генералы Сент-Арно и Маньян, советовали держаться пока выжидательной политики [1]. Президент переменил кабинет и назначил на пост военного министра генерала Сент-Арно. Во время парламентской вакации партии приготовились к решительной борьбе.

Полномочия Собрания истекали в мае 1852 года, а полномочия президента — в декабре 1852 года. Республиканцы надеялись, что выборы приведут к их победе и вернут им власть. Так как устройство политических союзов было воспрещено, то демократы организовали целый ряд тайных обществ, особенно на юго-востоке и в центре. Некоторые из этих обществ имели тайные обряды при приеме новых членов, по образцу франкмасонских лож (клятва на кинжале), особые эмблемы (ватерпас, наугольник, фригийский колпак, топор) и пароли вроде: «Знаете ли вы мать Марианну?« Они состояли в сношениях с французскими эмигрантами, проживавшими в Лондоне и Швейцарии, и с иностранными революционерами. Правительство обвиняло их в том, что они имеют склады оружия, проскрипционные списки и подготовляют к моменту выборов 1852 года насильственное нападение на префектуры и учреждение революционных трибуналов. Оно старалось напугать общественное мнение [2]. Сам президент в послании, прочитанном при возобновлении парламентской сессии, заявил Собранию: «Обширный демагогический заговор организуется во Франции и в Европе».

По открытии Собрания президент, имея в виду скомпрометировать роялистское большинство, предложил ему отменить закон 31 мая и восстановить всеобщее избирательное право, но монархическая коалиция отвергла это предложение.

Орлеанисты чувствовали, что беззащитному Собранию угрожает насильственный роспуск. Они поддерживали «предложение квесторов» о необходимости вывесить в казармах статью декрета 1848 года, которая давала президенту Собрания право непосредственно вызывать вооруженную силу (пе-

[1] Маньян на всякий случай предупредил находящихся в Париже генералов о возможности предстоящего переворота: «Легко может случиться, что в ближайшем будущем ваш главнокомандующий сочтет уместным принять весьма важное решение. Вы должны будете беспрекословно повиноваться его приказаниям»

[2] В этом именно духе написан был пресловутый «Красный призрак» Ромье. «У вас не остается иного выбора, как между царством факела и господством сабли».

*

задолго до того военный министр Сент-Арно приказал убрать этот декрет из казарм).

Республиканцы опасались монархического государственного переворота; поэтому они соединились с бонапартистами, и предложение [1] было отвергнуто большинством 408 голосов против 300 (17 ноября). Таким образом, Собрание оказалось неспособным даже принимать какие-либо меры для своей самозащиты.

V. УСТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ

Государственный переворот 2 декабря. Луи-Наполеон решился, наконец, произвести государственный переворот, который он подготовлял уже давно, и назначил его на 2 декабря, годовщину сражения при Аустерлице. Вечером 1 декабря он давал бал в Елисейском дворце. Ночью министр внутренних дел Мона собрал полицейских комиссаров; до наступления утра выдающиеся республиканские и монархические депутаты были схвачены в своих постелях, и солдаты заняли зал заседаний. Прокламация президента к народу объявляла, что президент распустил Собрание, и приглашала «народ рассудить спор между Собранием и президентом». Прокламация к солдатам говорила, что президент рассчитывает на них, чтобы заставить уважать основной закон страны, народное верховенство, и приглашает их «как граждан подать свой голос совершенно свободно». Теоретически переворот произведен был во имя республики и суверенных прав народа, но на самом деле это был бунт исполнительной власти и вооруженной силы против законно избранных представителей нации.

Собрание, дезорганизованное арестом своих вождей, пыталось, однако, оказать сопротивление. Кое-где стали собираться кучки депутатов; 217 депутатов, по большей части монархистов, собрались в мэрии X округа [2]. Здесь они составили Собрание, которое объявило президента лишенным власти на основании конституции (предусматривавшей по-

[1] Во время дебатов по этому вопросу Мишель (из Буржа) произнес знаменитые слова: «Никакой опасности не существует, и я позволю себе даже прибавить, что если бы и существовала какая-нибудь опасность, то имеется также и невидимый часовой, который нас охраняет, этот часовой — народ».

[2] На улице Гренель, недалеко от площади Красного креста (ныне VI округ). Генерал Лористон, командовавший легионом национальной гвардии в этом квартале, он же депутат Собрания, созвал туда своих товарищей.

добный случай), и назначили нового главнокомандующего. Но явившиеся солдаты арестовали собравшихся депутатов. Учрежденный конституцией Верховный суд с своей стороны собрался в здании судебных учреждений и приступил к началу судопроизводства, но был разогнан. 3 декабря собрание республиканских депутатов также декретировало низложение президента.

Сопротивление государственному перевороту организовалось только в следующие дни; парижские рабочие совершенно не интересовались судьбой Собрания [1]. Правительству нужен был какой-нибудь бунт, который оно могло бы подавить. 3 декабря оно приказало уланам атаковать толпу. 4 декабря оно раздало солдатам деньги и послало их на бульвары, где они стреляли в окна домов и в безоружную толпу. Наконец, рабочие восточных кварталов построили несколько баррикад; произошло несколько стычек, солдаты расстреливали инсургентов, арестовали подозрительных лиц, которыми набили крепостные казематы, где они оставались в продолжение нескольких дней до разбора их дел и ссылки.

В провинции сопротивление беззаконию оказано было только республиканцами, которые провозгласили низложение президента и во имя конституции двинулись на губернские города. Восстание произошло только в какой-нибудь дюжине юго-восточных и центральных департаментов, но волнения охватили около 20 других департаментов. Инсургенты состояли главным образом из крестьян, руководимых членами тайных обществ. Правительство воспользовалось этим обстоятельством для того, чтобы выступить в роли защитника общества от *жакерии* и *коммунистов*. Оно объявило 32 департамента в осадном положении и произвело около 100 000 арестов.

Репрессия была организована с явной целью уничтожить республиканскую партию. 80 депутатов, главным образом республиканцев, были изгнаны из Франции. Президент декретом 8 декабря присвоил себе право отправлять в ссылку всех членов тайных обществ. Он учредил «смешанные комиссии» из 3 членов, состоявшие из генерала, префекта и прокурора и постановлявшие окончательные приговоры без права апелляции; они могли предавать арестованных лиц военному суду или приговаривать их к водворению в определенных местах, к изгнанию и к ссылке в колонии. Из документа, подписанного Мона и найденного в Тюильри (1870),

[1] Депутат Бодэн был убит в то время, когда он пытался убедить рабочих взяться за защиту баррикады в Сент-Антуанском предместье (3 декабря).

видно, что «общее число лиц, арестованных и подвергшихся преследованию вследствие бунта в декабре 1851 года», достигло 26 642; из них «освобождено 6 501 человек, отдано под надзор полиции 5 108, осуждено 15 033, в том числе 915 человек за преступления общеуголовного характера». По этим данным сослано было в Кайенну 239 человек, в Алжир 9 530, изгнано 1 545 и водворено без права выезда в провинциальных городах — 2 804 человека.

Плебисцит. Для санкционирования произведенного им государственного переворота президент пригласил граждан и солдат (3 декабря) ответить «да» или «нет» на следующий вопрос: «Французский народ желает сохранить власть за Луи-Бонапартом и облекает его необходимыми полномочиями для установления конституции на основаниях, предложенных в его прокламации от 2 декабря». Эти «основные положения конституции, которые в подробностях должны быть развиты последующими собраниями», сводились к следующему: 1) исполнительная власть вручается ответственному президенту, выбираемому на 10 лет; 2) министры зависят только от исполнительной власти; 3) Государственный совет, составленный из наиболее выдающихся деятелей, подготовляет законопроекты и защищает их во время обсуждения законов перед Законодательным корпусом; 4) Законодательный корпус, обсуждающий и вотирующий законы, выбирается всеобщей подачей голосов, но не по системе избирательных списков, искажающей результаты выборов; 5) другая палата..., которая должна стоять на страже основного договора и общественных вольностей. Избиратели при подаче голосов в мэрии должны были записывать свое имя в особом реестре, но новым декретом впоследствии восстановлена была закрытая баллотировка.

Голосование, производившееся под устрашающим давлением правительства, дало 7 481 280 «да» и 647 292 «нет» (в том числе 39 359 «нет» в армии). Глава католической партии Монталамбер открыто высказал одобрение государственному перевороту.

Конституция 1852 года. Конституция 1852 года (4 января) организовала правительственную власть по образцу, завещанному Наполеоном I. Как говорила прокламация 2 декабря, «эта система, созданная первым консулом, однажды уже доставила Франции спокойствие и благосостояние».

Вся исполнительная власть вручалась президенту, избираемому на 10 лет. Он назначает на все должности; ему же принадлежит часть законодательной власти, он *один* заклю-

чает договоры, объявляет войну, вводит осадное положение; ему одному принадлежит также право законодательной инициативы.

При нем действуют три учреждения: Государственный совет, члены которого назначаются президентом, вырабатывает законопроекты; Законодательный корпус, состоящий из 251 депутата и выбираемый всеобщей подачей голосов, под руководством президента, который назначает официальных кандидатов, вотирует законы, ему представленные; Сенат, состоящий из 150 членов, пожизненно назначаемых президентом, стоит на страже конституции; он может отвергать неконституционные законы и изменять конституцию, по соглашению с президентом. Министры назначаются и увольняются президентом, причем ответственность их прекращается.

Остается одна только ответственная власть: это — президент; но он ответствен не перед каким-нибудь реальным государственным учреждением, а только перед народом, который совершенно лишен каких бы то ни было средств для осуществления своего права. Таким образом, налицо остается одна лишь реальная сила, это — президент, осуществляющий все роды власти, исполнительную непосредственно, а законодательную через посредство учреждений, составленных из его креатур. Однако от революции 1848 года сохраняется один институт, а именно: всеобщее избирательное право, которое выражается в форме парламентских выборов и плебисцита. Это — система личного правления, прикрытая оболочкой демократического представительного режима.

Провозглашение империи. Государственный переворот подавил во Франции всякую политическую жизнь. *Принц-президент* сохранил диктаторскую власть до марта и окончательно водворил в стране полное молчание. Он установил для печати [1] систему предварительного разрешения и предостережений (17 февраля); он подчинил кафе, питейные дома и все народные собрания режиму предварительного разрешения, которое во всякое время могло быть взято обратно, так что все средства пропаганды находились в полном распоряжении администрации. Он конфисковал владения орлеанского дома и запретил его членам владеть во Франции каким бы то ни было недвижимым имуществом. Он реорганизовал национальную гвардию так, что фактически ее уничтожил. Поселился он в королевской резиденции, Тюильрийском дворце.

[1] См. ниже, гл. V.

1852 год прошел в целом ряде торжественных парадов и церемоний. Выбранный в марте Законодательный корпус состоял исключительно из официальных депутатов. Избранные в Париже республиканцы отказались присягнуть на верность президенту, как того требовала конституция. Чиновники всех степеней и офицеры должны были принести такую же присягу; те, кто отказывался исполнить это требование, немедленно удалялись в отставку.

Затем принц-президент предпринял триумфальную поездку по всей Франции. Его встречали криками: «Да здравствует император!» В Бордо он сам заговорил о восстановлении империи, сказав: «Империя — это мир!» По возвращении в Париж он созвал Сенат, который сенатус-консультом решил опросить французский народ относительно «восстановления императорского достоинства в лице Луи-Наполеона Бонапарта». Плебисцит 20 ноября дал 7 839 000 «да» и 253 000 «нет». Принц-президент был провозглашен императором под именем Наполеона III.

ГЛАВА II

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕАКЦИЯ В ИТАЛИИ

1848—1849

I. ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (1846—1848)

Общий характер рассматриваемого периода. В продолжение 1848 и 1849 годов Италия последовательно сделалась театром внутренних переворотов, совершонных народами, добивавшимися политической свободы, национальной войны для завоевания национальной независимости и вооруженной реакции, произведенной соседними государствами, стремившимися восстановить прежний порядок. Но если Италия пошла через те же кризисы, что и остальные европейские государства, то раньше она пережила период спокойствия и надежд, дававших ей, казалось бы, возможность избежать этих потрясений. В Италии нашлись три государя, которые поняли, что сохранение старой системы абсолютизма грозит величайшей опасностью для их престолов, и пытались предупредить насильственную революцию проведением реформ: впервые с 1815 года итальянские монархи на требования своих подданных ответили не репрессией, а уступками. И этой перемены в правительственной политике достаточно было для того, чтобы возбудить в народе всеобщий энтузиазм и вызвать мирную агитацию, проявившуюся в празднествах на открытом воздухе, в банкетах и речах. Это умственное движение отличалось, с одной стороны, либеральным характером, представителем которого явился папа Пий IX и который привел к осуществлению политических и административных преобразований, и, с другой стороны, национальным характером, поддерживавшимся Пьемонтским королем Карлом Альбертом, который стремился к окончательному изгнанию австрийцев из Италии.

Либеральное движение. Рим. Либеральное движение началось со дня вступления нового папы на первосвященни-

ческий трон. По смерти Григория XVI (июнь 1846 г.) конклав, собравшийся для назначения ему преемника, устранил австрийского кандидата, кардинала Ламбрускини, и выбрал Джованни Мастаи Ферретти, епископа Имолы, которого поддерживал французский посланник Росси и который считался либералом и оставил в Сполете, в Имоле, репутацию безупречного священнослужителя, хладнокровного политика и свободного от предрассудков человека. Сумеет ли он порвать с ложной политикой своих предшественников и явился ли он тем папой, о котором мечтал Джоберти? Таков был вопрос, который выдвигался его избранием и на который первые же действия нового папы должны были дать определенный ответ. Меры, принятые Пием IX, не обманули либеральных надежд: швейцарская гвардия, навербованная Григорием XVI для обуздания народа, была распущена (1 июля); политическим преступникам дарована была общая амнистия (15 июля); наконец, кардинал Джицци, известный своими либеральными тенденциями, назначен был государственным секретарем (8 августа). Эти мероприятия представляли столь резкий контраст политике, которой папы придерживались до тех пор, что они произвели самое глубокое впечатление в Риме, в Италии и в Европе. В Риме Пий IX не мог показаться на улицу без того, чтобы карета его немедленно не была окружена толпой, которая бурно приветствовала папу и просила его благословения; в остальной Италии имя Пия IX сделалось знаменем для всех тех, кто увлекался нео-гвельфизмом Джоберти. В Европе новый папа возбудил всеобщий интерес, и в то время как он получал заявления одобрения из Франции, Германии, Ирландии и даже из Америки, старый князь Меттерних в письме к австрийскому посланнику, аккредитованному при особе папы, заявлял, что последние события, имевшие место в Риме, знаменуют наступление новой эры. Впрочем, первые действия Пия IX носили пока только симптоматический характер, а от него ждали реформ; требования, которые вскоре примешались к приветствиям, побудили его приступить к этим реформам. Ему пришлось одну за другой сделать своему народу целый ряд уступок: эдиктом 14 марта 1847 года введена была по крайней мере относительная свобода печати и смягчена строгость цензуры; введена была представительная система путем учреждения Государственного совета, который состоял из светских лиц, назначаемых правительством, и которому поручалась выработка законов (14 апреля); установлена была коммунальная автономия путем учреждения *Сената*, которому папа передал управление Римом. Наконец Пий IX

придал этим реформам реальную санкцию, организовав министерство в виде увенчания здания (14 июня), разрешив сформирование гражданской гвардии, способной защищать новые учреждения (5 июля), и, наконец, назначив нового государственного секретаря, более склонного применить эти реформы на практике, чем его предшественник (8 августа).

Таким образом, политика Пия IX соответствовала тем надеждам, которые пробуждены были его первыми действиями, и к концу 1847 года он попрежнему пользовался полным доверием со стороны своего народа. Однако на основании некоторых признаков можно было, повидимому, судить о том, что это согласие носит чисто эфемерный характер. В действительности Пий IX поставлен был между сопротивлением абсолютистов, которые задерживали уступки с целью помешать их осуществлению, и требованиями революционеров, которые добивались этих уступок, но не удовлетворились ими. Первые старались сделать все эти уступки призрачными, противопоставляя папской политике непреодолимую силу инерции; они обращались за помощью к Австрии, которая в январе 1847 года заняла своими войсками город Феррару, для того чтобы найти предлог к дипломатическому конфликту и к вооруженному вмешательству. Вторые, пользуясь уступками Пия IX для того, чтобы выставлять новые требования, удовлетворить которые он отказывался, становились все требовательнее по мере того, как росла его снисходительность, и к манифестациям в честь папы примешивали демонстрации против иезуитов или против побежденного Зондербунда. Для того чтобы возможно было оказать сопротивление обеим этим крайним партиям, необходимо было решительно осуществить необходимые реформы, твердой рукой наметить им границы и образовать среднюю партию, которая удовлетворилась бы новыми вольностями и примкнула бы к умеренному и справедливому правительству; но эта задача требовала такой ясности и твердой решимости, на которые Пий IX был совершенно неспособен. «Из меня хотят сделать какого-то Наполеона, — говорил он, — тогда как я простонапросто бедный деревенский священник».

Тоскана. Если популярность Пия IX начала тускнеть в Риме, то в Италии престиж его оставался пока неприкосновенным, а поданный им пример начал вызывать подражания. Первый последовал примеру папы великий герцог Тосканский, который, впрочем, только после 10-месячных проволочек ввел реформы, уже осуществленные в папской области. В то время как Меттерних грозил ему военным вмешательством,

в стране развивалась и усиливалась либеральная оппозиция; в Пизе, где во главе этой оппозиции стоял Монтанелли, она оставалась на конституционной почве, но в Ливорно, где агитацией руководил романист Гверраци, она приняла революционный характер. Происшедшая в этом городе бурная манифестация окончательно заставила герцога склониться к политике уступок: 8 мая 1847 года опубликован был закон, разрешавший «почтительно обсуждать действия правительства». Несмотря на всю половинчатость этой реформы, либералы встретили ее с энтузиазмом, так как они надеялись, что за первой уступкой не замедлят последовать другие, более серьезные. «Либеральная тактика, — как говорит Монтанелли, — заключалась в том, что мы принимали эти реформы как задаток, хвалили их больше, чем они того заслуживали, признавали действительно осуществленными такие реформы, которые вовсе не входили в намерения правительства, и в общем ухитрялись вырвать от него наибольшую сумму вольностей». После издания закона 8 мая основано было свыше 20 газет, требовавших учреждения гражданской гвардии для защиты национальной независимости от Австрии. Великий герцог, которому эта идея далеко не улыбалась, сначала пытался обмануть ожидания своих подданных путем учреждения совещательного корпуса, аналогичного тому Государственному совету, который создан был Пием IX; но агитация, начавшаяся в его владениях, и восстание, вспыхнувшее в Ливорно при известии об оккупации Феррары австрийцами, принудили его уступить (3 сентября 1847 г.).

С этого момента Тоскана получила такие же государственные учреждения, как и Папская область; ей дарованы были свобода печати, совещательный корпус и национальная гвардия. А так как приблизительно около того же времени герцог Луккский отрекся от престола в пользу Леопольда II, то действие новых учреждений распространено было также на владения этого государя.

Пьемонт. Из всех итальянских правителей пьемонтский король Карл-Альберт последним вступил на путь реформ. До сентября 1847 года он, повидимому, совершенно игнорировал либеральное движение, которое охватило центральную Италию и постепенно распространялось на его собственные владения. В этот момент целый ряд демонстраций, организованных в Турине в честь папского нунция, и опасная агитация, охватившая оживленную и демократическую Геную, воочию показали ему, что его упорство подвергает величайшей опасности сардинский престол. Ввиду этого он в конце-концов

согласился сразу предоставить своим подданным все права, которых постепенно добились соседние народы: 30 декабря опубликован был эдикт, вводивший реорганизацию Государственного совета, который впредь должен был пополняться депутатами от провинций, смягчавший цензуру и учреждавший гражданскую гвардию. Эти уступки, сделанные весьма кстати, вернули Карлу-Альберту симпатии его подданных.

Реформистское движение должно было остановиться на границах Пьемонта: в герцогствах Пармском и Моденском оно было без труда подавлено государями благодаря поддержке Австрии; в королевстве обеих Сицилий оппозиционное движение проявилось в ряде беспорядков, вспыхнувших в Реджио и в Мессине и легко подавленных Фердинандом II. Тем не менее в трех крупных итальянских государствах оно привело к таким результатам, которых тремя годами раньше решительно невозможно было ожидать; если народу и не удалось добиться осуществления своего верховенства, то во всяком случае общественное мнение получило законное признание и располагало свободной прессой для выражения своих стремлений, представительными учреждениями для их проведения и национальной гвардией для доставления им победы.

Национальное движение. В течение этого самого периода на сцену выдвинулся вопрос о борьбе за национальную независимость. И этот вопрос поднят был государем, который до тех пор отличался лишь столь же слепой, сколь и рассчитанной угодливостью перед Австрией, а именно Карлом-Альбертом. Всю жизнь этого принца преследовала идея освобождения Северной Италии, но он не осмеливался выступить против державы, которая простила ему его революционное прошлое и допустила его надеть на себя корону. Однако в 1846 году он решился на этот шаг. По поводу одного столкновения на чисто экономической почве Карл-Альберт объявил Австрии таможенную войну, которая привлекла к нему внимание всех патриотов. С этого момента национальное движение, начавшееся, как и либеральное движение, благодаря инициативе одного из итальянских монархов, начало выливаться в целый ряд непрерывных и бурных манифестаций. В декабре 1846 года в Генуе состоялся съезд итальянских ученых, который закончился торжественными празднествами в память столетней годовщины изгнания чужеземцев из этого города; в сентябре 1847 года на банкете Сельскохозяйственного общества в Казале секретарь Карла-Альберта прочитал письмо короля, вызвавшее единодушные приветствия присутствующих. Оно заканчивалось следующими

словами: «Если по милости господа бога мне когда-нибудь суждено будет предпринять войну за независимость, то я лично стану во главе армии и сделаю для гвельфского дела то, что Шамиль сделал против могучей русской империи. Счастлив будет тот день, когда мы в состоянии будем поднять знамя национальной независимости!» Наконец, итальянские подданные Австрии начали обнаруживать все большее нетерпение и вражду к австрийскому гнету, к тяжести налогов и военного бремени, к несоответствию между тем, что Австрия давала Италии и что у нее брала, к неповоротливости притеснительной административной машины, к постоянным конфликтам между чиновниками и управляемыми. Сначала жители Милана проявляли свое недовольство в мирных демонстрациях, задачей которых было укрепить их национальное чувство: такой характер носили празднества, которые организованы были по случаю возвращения на родину останков скончавшегося в изгнании Конфалоньери или прибытие нового архиепископа Ромилли, заменившего в миланской епархии немца (сентябрь 1847 г.). После оккупации Феррары имперскими войсками волнение усилилось и отношения между правящими слоями и управляемой массой приняли явно враждебный характер. В то время как центральные «конгрегации» в Милане и Венеции подали пример легальной оппозиции и представили вице-королю записку, излагавшую причины их недовольства и их пожелания, миланское население готово было, повидимому, прибегнуть к насилию для удовлетворения своих требований. Миланцы решили не курить с 1 января 1848 года для того, чтобы причинить ущерб австрийской казне, и хотели принудить к такому же воздержанию солдат и чиновников; они нападали с оружием в руках на всех, кто показывался на улицу с сигарой в зубах, и этим вызвали репрессию, стоившую жизни многим итальянцам (3 января 1848 г.); с этого момента между венским кабинетом и его заальпийскими подданными произошел полный разрыв.

Итак, к началу 1848 года все великие вопросы, от которых зависела судьба Апеннинского полуострова, были поставлены с определенной ясностью. Их можно было формулировать следующим образом: удовольствуется ли население Пьемонта, Тосканы и Папской области теми реформами, которые были осуществлены в этих государствах, или потребует введения конституционного образа правления? В состоянии ли будет неаполитанское правительство сохранить старый режим, который в королевстве Обеих Сицилий остался почти в полной неприкосновенности? Наконец, согласится ли население Ломбардо-Венецианского королевства терпеть чужеземное вла-

дычество, ставшее совершенно невыносимым, или постарается освободиться от него, хотя бы ценой войны? В течение 6 месяцев все эти вопросы должны были получить определенное решение.

II. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ

И действительно, двойное движение политической и национальной эмансипации, волновавшее Италию со времени вступления на папский престол Пия IX, должно было в течение первых недель 1848 года совершенно изменить свой характер. Прежде оно было мирным, теперь оно сделалось насильственным; оно преследовало только достижение частичных реформ, а привело к внутренним революциям и национальной войне. Для того чтобы вызвать эту резкую перемену, достаточно было двух восстаний, которые вспыхнули на противоположных концах полуострова: первое произошло в Палермо и повлекло за собой установление представительного режима во всех итальянских государствах; второе залило кровью Милан и привело к объединению итальянских народов и государей в общем крестовом походе против Австрии.

Палермское восстание и неаполитанская конституция. Из всех итальянских государств Неаполитанское королевство осталось единственным, в котором государь не сделал никаких уступок реформистскому движению. Неаполитанцы, привыкшие к деспотизму, повидимому, мирились с тем злом, которое он необходимо порождает; сицилийцы сносили его не так покорно, потому что здесь он сталкивался не только с либеральными тенденциями буржуазии, но и с глубоко вкоренившимся духом местной автономии, которым проникнуты были все классы общества. Сигнал к революции подан был в Палермо, где восстание подготовлялось уже давно и где о нем заранее говорили почти открыто. В начале января 1848 года на стенах города появилась анонимная афиша, которая угрожала правительству восстанием, если до 12 числа оно не согласится на введение реформ. В назначенный день один юноша, по имени Ла Маза, вышел на улицу с трехцветным знаменем в руке, собрал кучку либералов и завязал стычку с королевскими войсками, которые отвечали мятежникам без особого усердия. На другой день сражение продолжалось; к движению присоединились деревенские жители, и составился инсуррекционный комитет под председательством старого адмирала Руджеро

Сеттимо; наконец, 27 января город, безуспешно бомбардируемый неаполитанским флотом, был окончательно оставлен войсками, движение охватило весь остров, и сицилийцы заявили, что они не сложат оружия до тех пор, пока собравшийся в Палермо сицилийский парламент не восстановит в измененном виде конституцию 1812 года.

События, разыгравшиеся в Сицилии и обнаружившие фактическую слабость абсолютного правительства, не могли, конечно, остаться без влияния на население Неаполя. В течение предшествовавшего года в этом городе произошел целый ряд манифестаций, причем одна из них закончилась кровавым столкновением (14 декабря 1847 г.). По получении известия о палермском восстании либералы стали вести себя почти вызывающе и не хотели удовлетвориться некоторыми частными реформами. Наконец, 27 января 1848 года на улицах Неаполя произошла громадная манифестация, которая сильно испугала короля и заставила его, по совету окружавших его генералов, уступить желаниям своих подданных. Первой уступкой общественному мнению было увольнение ненавистного министра полиции Делькаретто и образование нового министерства под руководством либеральных вождей Боццелли и Польрио; затем, припоминая, как легко его предок в свое время усыпил народное недоверие путем дарования конституции, он с своей стороны обещал 29 января дать конституцию, которую и обнародовал 19 февраля. Эта конституция, составленная по типу, получившему господство во Франции и в Европе с 1815 года, вручала законодательную власть парламенту, составленному из двух палат (члены одной назначались пожизненно, другой— выбирались), установляла свободу печати, равенство перед законом, амнистию по политическим делам и заменяла иностранные войска национальной гвардией, для того чтобы предупредить возможность абсолютистской реакции.

Пьемонтская, тосканская и римская конституции. Решаясь на широкие уступки, которые совсем не гармонировали с его реакционными идеями, Фердинанд II не только действовал так под влиянием страха перед усиливающимся либеральным движением, но и с целью отомстить монархам-реформаторам, политику которых ему обыкновенно ставили в пример, и на этот раз принудить их последовать его собственному примеру. События оправдали его дальновидный расчет. В Турине группа либералов, во главе которых стоял молодой граф Кавур, уже основала газету *Risorgimento* («Возрождение»), ставившую себе целью борьбу за введение представительного режима. Когда они узнали, что в Неаполе уже про-

РЕВОЛЮЦИЯ В НЕАПОЛЕ 15 МАЯ 1848 г.

возглашена конституция, то требования их сделались гораздо настойчивее. По совету Кавура, муниципальный магистрат отправился к королю с просьбой последовать примеру Фердинанда II. Карл-Альберт, который мог вступить на престол только после данного Австрии обещания сохранить абсолютный режим, колебался нарушить свою клятву и решился на этот шаг только после беседы со своим духовником и после совещания со своими министрами, созванными на экстренное заседание. Он обнародовал известную прокламацию от 8 февраля, в которой он набросал основные черты конституционного статута, в главных постановлениях напоминавшего неаполитанскую конституцию. Этот статут появился спустя месяц (4 марта 1848 г.) и до сих пор лежит в основе итальянского государственного устройства. За несколько дней до обнародования этого статута представительный режим распространен был и на Тоскану, где Леопольд II, напуганный волнениями в Ливорно, даровал своим подданным конституцию, составленную по образцу французской хартии (17 февраля).

В этот момент в Италии оставалось одно только государство, лишенное конституционных учреждений; и как раз то государство, откуда некогда подан был сигнал к реформаторской политике. Пий IX, колеблясь между своими религиозными убеждениями и политическими интересами, не хотел ввести в управление Папской областью таких перемен, которые должны были отнять у духовной власти часть ее суверенитета; а когда настойчивые требования либералов заставили его дать конституцию, то он по крайней мере постарался насколько возможно оттянуть ее выработку и обнародование, а также придать ее постановлениям призрачный характер. Выработанный комиссией духовных лиц, не привыкших к государственным наукам, «Основной статут светского управления владениями святого престола» был опубликован лишь 14 марта 1848 года. Подобно другим итальянским статутам, он учреждал две палаты, имевшие право вотировать законы (члены одной назначались пожизненно, а другой — выбирались), Государственный совет для выработки законопроектов и министерство, ответственное за исполнение законов. Но палатам запрещалось обсуждать всякое предложение, касавшееся религиозных или даже смешанных вопросов, а коллегия кардиналов, поставленная во главе государственного механизма, могла отвергать принятые палатами решения. Несмотря на всю свою неполноту, эти уступки казались Пию IX крайними, и он заявил, что большего он дать не может.

Обнародованием папского статута завершился в Италии

конституционный период, подобно тому как пьемонтским эдиктом 30 октября 1847 года закончился период реформ. Общественное движение, вызванное избранием Пия IX, дошло таким образом до своего логического конца: абсолютизм уступил место представительному режиму, а верховенство перешло от королей к народам.

Восстания в Милане и Венеции. Жители Ломбардо-Венецианского королевства ввиду той политики, которой придерживалось в завоеванной провинции австрийское правительство, были твердо убеждены в том, что продолжение австрийского владычества решительно несовместимо с установлением необходимых вольностей; но они были также уверены в том, что всякая попытка произвести восстание закончится полным разгромом. С того момента, когда они освободились от чувства страха и сознания своего бессилия, они поднялись как один человек для завоевания национальной независимости.

Этот момент наступил, когда в Милане получено было известие о революции в Вене. Испуганный вице-король бежал в Верону, а миланцы, решившись воспользоваться растерянностью правительства, кортежем двинулись ко дворцу заменившего вице-короля О'Доннеля и потребовали учреждения национальной гвардии. Выстрел, произведенный в толпу часовым, превратил мирную манифестацию в революционную демонстрацию; толпа ворвалась в королевский дворец, захватила О'Доннеля в плен, а город покрылся баррикадами, на которых развевалось итальянское трехцветное знамя и раздавались крики: «Да здравствует Пий IX!» Между народом и войсками Радецкого, сосредоточенными вокруг за̀мка, началась борьба. Она продолжалась 5 дней (18—22 марта 1848 г.), под руководством нескольких отважных юношей, Каттанео, Чернуски и Корренти, отмечена была штурмом главных общественных зданий, захватом одних из городских ворот и закончилась отступлением Радецкого. Испытывая недостаток в съестных припасах и опасаясь быть отрезанным в Милане восстанием ломбардских городов и деревень, старый фельдмаршал отступил со своей армией в известный четыреугольник, образованный четырьмя крепостями.

Когда он прибыл сюда, он получил известие о восстании в Венеции. Слухи о венских событиях произвели в Венеции такое же впечатление, как и в Милане, и вызвали там революцию, хотя и не столь кровавую, но столь же полную. Главными эпизодами венецианского восстания были: 13 марта — освобождение из тюрьмы Манина, молодого адвоката, который стал во главе движения; 18 и 19 — сформирование гражданской гвардии, вопреки протестам губернатора; 22 — занятие ар-

сенала, очищенного, по требованию Манина, австрийскими войсками без кровопролития: в тот же день австрийцы подписали капитуляцию и окончательно оставили город; наконец, 23 марта — установление временного правительства и провозглашение Венецианской республики, к которой мало-помалу примкнули все города материка. Так как около того же времени герцоги Пармский и Моденский бежали из своих владений, то территория, на которую прямо или косвенно распространялось австрийское владычество, сведена была к незначительной площади, занимаемой австрийскими войсками, сконцентрированными вокруг Вероны и Мантуи.

Вмешательство Пьемонта. Здесь Австрии пришлось выдержать натиск всей Италии, объединившейся под руководством пьемонтского короля. Сначала Карл-Альберт не решался вмешаться в начавшуюся в Ломбардии борьбу, но вскоре обращенные к нему настойчивые приглашения заставили его сойти с позиции постороннего наблюдателя: миланцы после одержанной ими победы отправили депутацию к Карлу-Альберту, заклиная его перейти границу со своей армией; туринские студенты, жители Генуи, «мадзинисты» во всем королевстве громко требовали войны; наконец, даже умеренная партия умоляла его воспользоваться небывалым в истории удобным случаем для расширения своих владений и выполнения исторической миссии савойского дома. Один из представителей умеренного направления в статье, помещенной в газете «Возрождение», в следующих выражениях резюмировал тогдашнее положение: «Для сардинской монархии пробил роковой час... Ввиду тех событий, которые совершаются в Ломбардии и Вене, никакие колебания больше невозможны... Мы, люди холодного рассудка, привыкшие прислушиваться скорей к велениям разума, чем к голосу сердца, мы громко заявляем, что для правительства, для нации, для короля нет другого исхода, кроме немедленного объявления войны». Карл-Альберт понял это и 26 марта 1848 года выехал к армии. Эра восстаний закончилась; теперь наступил период национальной войны.

III. КОРОЛЕВСКАЯ ВОЙНА

Борьба, которую Карл-Альберт начал таким образом против Австрии, должна была продолжаться до августа. В ней приняла участие вся Италия; но она до последнего момента велась под руководством пьемонтского короля, опиравшегося на монархическую конституционную партию. Война

распадается на три стадии: удачная вначале (апрель), она принимает нерешительный характер в мае и заканчивается в июле полным поражением.

Первая стадия военных действий (24 марта — 6 мая 1848 г.). Политические успехи. В начале войны Карл-Альберт был вознагражден за свою инициативу целым рядом политических и военных удач, превзошедших самые смелые его надежды. В Риме Пий IX, напуганный бурными народными демонстрациями, должен был отправить на границу По дивизию, состоявшую из 17 000 человек под командой Дурандо. Во Флоренции великий герцог Леопольд, несмотря на свои австрийские симпатии, призвал своих подданных поднять оружие на защиту итальянского дела. Наконец, в Неаполе король после долгих и тщетных попыток сопротивления принужден был уступить национальному движению, пригласить в министерство историка Карло Тройа и издать прокламацию, в которой говорилось: «Все государи и все народы обязаны примкнуть к борьбе, которая должна обеспечить независимость, свободу и славу. Мы намерены принять в ней участие со всеми нашими сухопутными и морскими силами...» Он обещал послать против австрийцев 40-тысячный корпус под начальством Пепе, одного из ветеранов Первой империи. Во всех крупных городах сформировались батальоны волонтеров, которые рекрутировались среди студентов и средних классов и несли на помощь национальному делу если не свой опыт, то по крайней мере свой энтузиазм. Казалось, что Карл-Альберт самой судьбой предназначен был к тому, чтобы повести всю Италию в бой против австрийского владычества.

Военные успехи. В начале кампании пьемонтский король показал, что он в состоянии собственными силами потрясти австрийское могущество. Хотя в первое время он располагал не больше чем 25 000 человек, ему удалось одержать несколько частичных успехов, которые, казалось, давали ему основание рассчитывать в будущем на полную победу. Шаг за шагом преследуя, быть может с излишней осторожностью, отступавшую австрийскую армию, он достиг ломбардского четырехугольника и после блестящего авангардного дела переправился при Гойто через Минчио (8 апреля). Затем он расположился лагерем между Пескиерой и Мантуей и выслал к обеим этим крепостям отряд для рекогносцировки (13 и 19 апреля). Решившись овладеть долиной Эча, он атаковал 30 апреля австрийские позиции при Пастренго, которые, будучи расположены к северу от Вероны, командовали над тирольской дорогой; он овладел ими после отчаянного сражения, которое

могло бы получить решающее значение, если бы пьемонтцы отважились продолжать бой и ночью. Наконец, 6 мая он овладел Санта-Лючиа, одной из передовых позиций Вероны, но не мог взять самой крепости. Тогда он счел благоразумным приостановить наступательные действия и перейти к выжидательной тактике, так как ему казалось, что Радецкий слишком хорошо укрепился в четырехугольнике и что выбить его оттуда возможно, только овладев предварительно крепостями, на которые он опирался.

Итак, он приостановил наступательное движение и воспользовался этой передышкой для реорганизации армии, находившейся под главным его начальством. Эти войска занимали в рассматриваемый момент следующие позиции: на севере 5 000 ломбардских волонтеров под начальством Аллеманди блокировали тирольские проходы от Тонале до Стельвио и угрожали верхней долине Эча; в центре пьемонтская армия, численность которой доведена была до 55 000 человек, осаждала Пескиеру и Мантую; с правого фланга она усилена была тосканской дивизией, состоявшей из 5 000 человек и расположенной перед Мантуей; Дурандо с 7 000 папских солдат перешел без приказа границу и занял позицию в южной части четырехугольника между По и нижним течением Эча; 15 000 венецианских волонтеров занимали Фриульские теснины и главные города венецианской области; наконец, 14 000 неаполитанцев прибыли к нижнему течению По. Положение Радецкого, запертого в четырехугольнике, казалось совершенно безнадежным, и принц Евгений Савойский, регент Пьемонта, выражал общие надежды всей Италии, когда при открытии сессии первого парламента (8 мая) сказал: «Мы твердо надеемся на то́, что в скором времени общее соглашение тесно свяжет между собой народы, которые самой природой предназначены к тому, чтобы составить единую нацию».

Вторая стадия войны (16—30 мая). Отпадение Пия IX. Но события, наступившие в Италии в мае, разбили эти оптимистические надежды; если нельзя сказать, чтобы результатом этих событий для Карла-Альберта была потеря славы, то во всяком случае военное счастье перестало ему улыбаться; а для дела итальянского освобождения наступил если не конец успехов, то период тяжких испытаний. Итальянцы потерпели целый ряд неудач, которые изменили отношение сил воюющих сторон к их невыгоде; мы говорим об отпадении Пия IX, неаполитанской революции и потере Венеции.

Война с Австрией поставила Пия IX, интересы которого в качестве итальянского государя сталкивались с его перво-

священническим долгом, в крайне неловкое положение. Итальянский государь уступил желанию своего народа и отправил на границу армию; а папа, напуганный угрозами австрийского посланника, который намекал ему на возможность религиозного раскола в империи, запретил этой армии переходить границу. Наконец, наступил момент, когда под риском потерять симпатии и противников и защитников Италии пришлось открыто выбирать между теми и другими; и министры Пия IX ясно дали ему это понять в записке, которую они передали папе 25 апреля. Пий IX не заставил долго ждать своего ответа; 29 апреля он произнес речь, которая сейчас же была обнародована и которая содержала следующие слова: «Мы поручили нашим солдатам лишь защиту неприкосновенности папских владений... Мы громко и открыто заявляем, что от нас, недостойного наместника бога мира и любви, чрезвычайно далека мысль о войне против Австрии». Немедленно в Риме началось волнение, причем национальная гвардия окружила замок св. Ангела. Испуганный Пий IX принужден был уступить, составить новое министерство, во главе которого он поставил испытанного патриота Мамиани, и отправить австрийскому императору письмо, в котором он умолял его отказаться от своих итальянских владений (3 мая). Но он не мог уже загладить неблагоприятного впечатления, произведенного его речью, и вернуть себе былую популярность, созданную его первыми действиями.

Неаполитанская революция (15 мая 1848 г.). В то самое время, когда дело итальянской свободы потеряло тот моральный престиж, который ему придавало сочувствие Пия IX, отпадение Фердинанда II лишило его того материального перевеса, который один только мог доставить ему победу. И действительно, открытие неаполитанского парламента послужило сигналом к абсолютистскому перевороту. Король, который сам поклялся соблюдать конституцию, хотел принудить к тому же депутатов, но последние отказались, чтобы не лишиться возможности в случае надобности изменить ее, а в этой формальности они усматривали попытку ограничить полноту своих законодательных прав. Этот конституционный конфликт в день созыва палаты привел к вооруженному столкновению (15 мая). Ночью либеральные вожаки воздвигли на главных улицах баррикады, а король на эти угрозы приказал войскам занять стратегические пункты. Хотя им и отдан был приказ стрелять не иначе, как в случае крайней необходимости, но они потеряли терпение, атаковали баррикады и овладели ими после кровопролитного сражения, за которым началось разграбление го-

рода. Палата была распущена, национальная гвардия уничтожена, а лаззарони, оставшиеся верными абсолютной монархии, бурно приветствовали короля. Впрочем, Фердинанд II воспользовался своей победой с некоторой умеренностью: он сохранил конституцию и назначил на 15 июня новые выборы. Но он счел необходимым стянуть в Неаполь все военные силы, которые находились в его распоряжении. 20 000 человек, которые готовились отправиться в Ломбардию, остались в столице. Неаполитанский флот, посланный для блокады Триеста совместно с сардинской эскадрой, был отозван, а блокада была снята (27 мая). Наконец, дивизия численностью в 13 000 человек, прибывшая под командой генералов Пепе и Стателлы в Феррару, получила 22 мая приказание возвратиться обратно. Пепе, который предпочел скорее не исполнять приказания, чем изменить национальному делу, удалось увести с собой в Венецию лишь ничтожную часть отряда.

Потеря Венеции. Решение, принятое неаполитанским королем, позволило Радецкому освободить свой арьергард, снова овладеть Венецией и восстановить прямое сообщение с Веной. При известии о первых понесенных австрийским главнокомандующим поражениях немедленно собрана была в Истрии вспомогательная армия численностью в 20 000 человек, которая должна была двинуться ему на выручку. Стоявший во главе ее генерал Нугент 16 апреля перешел через реку Изонцо, вторгся в Фриуль, 23-го вступил в Удине, после сильной бомбардировки овладел крепостью Пальманова, которую защищал Зукки, оставил слева Тревизо и Венецию, пытался обойти с севера Пиавскую линию и 9 мая прорвал ее при Корнуде, несмотря на сопротивление римских волонтеров под начальством Феррари. 20 мая он появился перед Виченцей, которую взять не мог, но он обогнул крепость, а 23 мая ему удалось соединиться с Радецким, которому он привел 15 000 человек, 30 пушек и огромный обоз. Эта непродолжительная кампания проведена была с такой энергией и быстротой, которая стояла в резком контрасте с медленностью итальянских военных операций.

Последние победы. Гонто. Два счастливые события, одно — в военной области, а другое — в политической, вдохнули в Карла-Альберта новую веру и на время отсрочили окончательное поражение, неизбежность которого он начинал уже предвидеть. Первым успехом он обязан был преждевременной попытке его противника перейти в наступление. 28 мая Радецкий выступил из Вероны и двинулся с 15 000 солдат к Мантуе, имея в виду обойти итальянскую армию с левого фланга. 29-го

он неожиданно напал перед этой крепостью, у Куртароне и Монтанира, на 6-тысячный тоскано-неаполитанский отряд, разбил его после кровопролитной схватки, а затем 30 мая двинулся на Гоито, где натолкнулся на главные пьемонтские силы, давшие ему решительный отпор. К вечеру они принудили его отступить и, узнав о взятии Пескиеры, тут же на поле битвы провозгласили Карла-Альберта королем Италии.

Территориальные приращения. Около того же времени Карл-Альберт получил еще одно приятное известие, а именно, известие о присоединении Ломбардии к Пьемонту. С самого начала войны естественно возник важный вопрос о том, составят ли те области, к которым он шел на помощь, самостоятельные государства или же присоединятся к пьемонтским владениям. Будет ли он играть для них роль только полководца и освободителя или монарха. Первоначально казалось, что он не преследует никакой иной цели, кроме изгнания австрийцев. Но вскоре прибытие в Милан Мадзини, который начал там республиканскую пропаганду, опасение оставить в тылу очаг политической агитации, необходимость добиться полного распоряжения всеми военными ресурсами Ломбардии, наконец, честолюбивые стремления к главенству над великой областью Верхней Италии — все это побудило его перейти к менее бескорыстной политике и постараться вызвать в освобожденных от австрийского владычества провинциях движение в пользу присоединения к Пьемонту. Население небольших герцогств, которые были слишком слабы для образования самостоятельных государств, первым уступило его желаниям, и в начале мая Пиаченца, Парма, Модена и Реджио решили присоединиться к Пьемонту без всяких условий. Ломбардия, где республиканская партия насчитывала более многочисленных приверженцев, а дух федерализма отличался большей живучестью, сначала несколько сопротивлялась предстоявшему ей поглощению сардинским королевством; для того чтобы побудить ее к этому решению, ей пришлось пообещать, что по заключении мира жители Ломбардии вместе с населением Пьемонта выберут Учредительное собрание, которому и поручена будет выработка нового общего устройства для обеих провинций; и только на этом условии она решилась отказаться в пользу Карла-Альберта от завоеванной ею независимости и почти единогласно вотировала если не присоединение, то слияние с Пьемонтом (29 мая).

Результатом решения было то, что движение в пользу присоединения к Пьемонту распространилось и на Венецианскую область Сначала оно охватило города материка. Падуя.

Тревизо, Виченца и Ровиго стали угрожать метрополии отделением, если она не последует примеру, поданному Миланом, После долгих колебаний Манин в конце-концов понял, что, упорствуя в желании сохранить своей родине независимое существование, он лишит ее симпатий итальянского народа и сам потеряет свою популярность. Ввиду этого он позволил Учредительному собранию Венецианской республики в первом же заседании вотировать 127 голосами из 133 присоединение к Пьемонту (4 июля).

Таким образом, все провинции Северной Италии одна за другой решили вопрос о своей судьбе и постановили слиться в одно королевство под властью Савойского дома. Но если им удалось разрешить разделявший их политический вопрос, то военный вопрос оставался нерешенным, и участь Италии зависела от решительного сражения, которое Карл-Альберт собирался дать австрийским войскам.

Третья стадия войны (30 мая — 9 августа 1848 г.). Битва при Гоито была последней победой итальянской армии. Первая стадия войны была для нее периодом успехов, вторая — периодом затруднений, а третьей суждено было сделаться периодом ошибок и поражений. Карл-Альберт, который в апреле одерживал одну победу за другой, а в мае перестал если не побеждать, то по крайней мере наступать, принужден был в августе отступить до самой границы своих владений. Дело в том, что в июне и в июле он совершил несколько серьезных промахов, которые обусловили неизбежность конечной катастрофы.

Первая ошибка его заключалась в том, что он не сумел воспользоваться победой при Гоито. Вместо того чтобы энергично преследовать Радецкого со всеми находившимися в его распоряжении силами, он потерял 4 дня на концентрацию своей армии и перешел в наступление слишком поздно, для того чтобы догнать противника (4 июня) и занять на крайнем левом его фланге грозную, но эксцентрическую позицию Риволи, командующую над течением Эча (10 июня); вместо того чтобы занять обсервационное положение перед австрийской армией и таким образом иммобилизировать ее в Вероне, он позволил ей уйти и овладеть Виченцей. Эта крепость, которую Нугенту прежде не удалось захватить, могла смело рассматриваться как ключ к обладанию Венецией; Радецкий, выступив из Вероны с 25 000 человек и 60 пушками, неожиданно напал на римскую дивизию Дурандо, защищавшую эту крепость, и, разгромив ее огнем своей артиллерии, принудил ее к капитуляции (11 июня). С этого момента Венеция потеряла лучших

своих защитников, а Радецкий мог больше не опасаться за участь своего тыла. С такой же точно быстротой он совершил обратный переход и занял свои прежние позиции (13 июня). Таким образом, Карл-Альберт не сумел ни достигнуть новых успехов, ни помешать предприятиям своего противника, а производимые им бесплодные маневры вели только к упадку духа и истощению сил пьемонтских солдат.

К этой ошибке он не замедлил присоединить другую. Переходя от одной крайности к другой, он после этой беспорядочной усиленной деятельности целый месяц оставался в полном бездействии. В течение 30 дней (14 июня —.13 июля) он не предпринимал ни одной сколько-нибудь серьезной операции. В продолжение всего этого времени он никак не мог выяснить себе вопроса, следует ли ему укрепиться на Минчио и держаться оборонительной тактики или перейти в наступление и атаковать линию Эча. В конце-концов он остановился на среднем решении и предпринял осаду Мантуи (13 июля).

Этот резкий переход к бездействию принес ему не меньше вреда, чем проигранная битва. Он ярко осветил все причины дезорганизации и все факторы бессилия, которые в конце-концов должны были привести дело итальянского народа к поражению. Этих причин было очень много, и главным образом они сводились к характеру короля и к составу его армии.

Карл-Альберт, по свидетельству одного из его почитателей, так же отличался нерешительностью в совете, как и храбростью на поле битвы. В область военных действий он перенес ту же наклонность к рефлексу и тот же дух колебаний, какие свойственны были ему в деле управления государством; когда нужно было принять быстрое решение, он пускался в бесконечные рассуждения, замечал только дурные стороны во всех комбинациях, которые ему предлагались, а если он даже и соглашался на какое-нибудь из этих предложений, то осуществлял его с величайшей вялостью. Свойственное ему отсутствие решимости мешало ему воспользоваться благоприятными обстоятельствами, а его робость в области практических действий препятствовала ему использовать частичные успехи и превратить их в решительную победу.

Но могли ли достоинства итальянской армии компенсировать недостатки главнокомандующего? Эта армия состояла из двоякого рода элементов: из пьемонтских войск и из волонтеров. Пьемонтские солдаты отличались храбростью, физической силой, послушанием, выносливостью, а офицеры — смелостью и энергией; но генералам, достигшим преклонного возраста и совершенно невежественным в вопросах военной

тактики, недоставало активности и решимости. Что же касается добровольцев, взявшихся за оружие для изгнания австрийцев из Италии, то они были малочисленны и также не блистали военными качествами. Количество добровольцев не превышало 20 000, тогда как для того, чтобы склонить чашку весов на сторону итальянцев, понадобилось бы 100 000 волонтеров; а, с другой стороны, они, несомненно отличаясь энтузиазмом и пылкостью, т. е. качествами, драгоценными во время восстания, лишены были военного опыта и закаленности, необходимых для продолжительной военной кампании.

Поражение (июль — август 1848 года). Напротив, австрийская армия только выигрывала от того, что война затягивалась; она получала много подкреплений, доведших численный ее состав до 120 000 человек, и в июле Радецкий счел момент удобным для оправдания возлагавшихся на него надежд. Воспользовавшись разбросанностью пьемонтцев, фронт которых растянулся от Мантуи до Риволи, он отвлек их внимание к их правому флангу демонстрацией против Феррары (14 июля), атакой на их левый фланг принудил их очистить Ривольское плато, а затем двинул главные свои силы для того, чтобы обойти их центр и достигнуть Минчио раньше их. 23-го ему удалось осуществить этот план, но 24-го он должен был остановиться и отразить нападение Карла-Альберта, который поспешил сюда из-под Мантуи с целью отрезать Радецкому отступление. Решительный бой произошел при Кустоцце и Сомма-Кампанье; он продолжался два дня (24—25 июля) и закончился поражением Карла-Альберта, который должен был поспешно отступить. очистить без боя линию по Ольо и Адде и ретироваться к Милану, куда он прибыл во главе 25 000 деморализованных солдат. Сначала он думал защищать этот город; но съестных припасов там было недостаточно, укрепления — слабы, милиция — недисциплинирована, и после арьергардного боя Карл-Альберт мог убедиться, что всякая попытка сопротивления приведет лишь к бомбардировке и разграблению Милана. Ввиду этого он в тот же вечер (4 августа) подписал капитуляцию, позволившую ему мирно очистить город. На следующий день (5 августа) ему пришлось уже защищаться от угроз и насилий со стороны одной части миланского населения, возмущенного изменой короля, который должен был прибегнуть к силе для того, чтобы отстоять свою свободу. Наконец, 6 августа он окончательно оставил город и отступил до Тичино, составлявшего границу его владений. Полагая, что с этого момента война потеряла всякий смысл, он поручил своему адъютанту Саласко подписать перемирие. условия которого были довольно для

него благоприятны; по этому перемирию пьемонтские войска должны были очистить те пункты, которые они еще занимали в Ломбардии, и восстановлялось statu quo ante bellum (9 августа).

Таким образом, первая война за итальянскую независимость закончилась разочарованием, тем более глубоким, чем горячее были возбужденные ею надежды. Ломбардо-Венецианская область, на короткое время освободившаяся, снова подпала под австрийское иго; снова проведены были прежние границы и восстановлен старый порядок. Но если национальная война прекратилась, то разбуженные ею политические страсти не улеглись, и период агитации и волнений, начавшихся в Италии со времени Палермского восстания, продолжался еще в течение 8 месяцев.

IV. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Новое направление итальянской политики. Перемирием 9 августа 1848 года в истории итальянского революционного движения открывается новый период. С этого момента умеренная партия утрачивает руководство национальным движением, которым стараются овладеть радикальные элементы. Преобладавшая до тех пор умеренно-либеральная фракция, проникнутая монархическими и федералистическими тенденциями, играла в движении преобладающую роль; сначала она ставила себе целью изгнание австрийцев, затем образование объединенного итальянского государства под властью пьемонтского короля и папы. Но она не исполнила ни одного из своих обещаний, так как Карл-Альберт обнаружил полную неспособность, Пий IX колебался, остальные итальянские государи и слышать не хотели о национальном единстве, а Австрия оказалась непобедимой.

Централистическо-республиканская партия, до этого момента остававшаяся в тени и не желавшая брать на себя ответственности за последние события, естественно должна была воспользоваться тем недоверием, которое общественное мнение начало обнаруживать по отношению к программе и руководящим личностям умеренной партии. Теперь на сцену выступили республиканцы, утверждавшие, что нация может добиться независимости не с помощью полумер, неудовлетворительность которых доказана опытом, а с помощью радикальных средств. По мнению республиканской партии, политический вопрос должен был быть разрешен раньше национального вопроса,

а войне с Австрией должно было предшествовать низвержение государей, уничтожение границ и объединение всех итальянских государств в единую республику. Таким образом, к концу 1848 года во внутренней эволюции Италии совершился перелом, который задолго до того предусматривался и предсказывался всеми современниками. «Кто снова предастся династическим иллюзиям, — воскликнул Мадзини, — тот докажет, что у него нет ни ума, ни сердца, ни истинной любви к Италии, ни какой бы то ни было надежды на успех». «Либеральная партия, — писал своему правительству лорд Нэпир, английский посланник при Неаполитанском дворе, — либеральная партия, в состав которой входит большая часть честных и просвещенных деятелей высшего и среднего классов, повидимому, потеряла всякую опору и надежду снова взять в свои руки направление государственных дел». Наконец, д'Азельо в следующих словах резюмировал сущность подготовлявшихся в Италии событий: «Война государей закончилась, начинается народная война».

Первые результаты понесенного Пьемонтом поражения. Первые признаки нового поворота обнаружились на другой же день после сражения при Кустоцце. Известие о поражении пьемонтской армии произвело во всей Италии сильнейшее впечатление на людей, совершенно не ожидавших такого исхода, и вызвало взрыв патриотического возбуждения, которым постарались воспользоваться сторонники Мадзини. Это не удалось им в Венеции и в Турине, но им больше повезло во Флоренции и в Риме.

Венеция, оставленная на произвол судьбы Карлом-Альбертом, ограничилась восстановлением республики под диктаторской властью Манина (13 августа), обратилась с просьбой о помощи к Франции и стала готовиться к защите от австрийского нашествия. В Турине парламент, волнуемый теми же чувствами, что и народная масса, оставался верен монархическому принципу, но не мог согласиться на заключение мира; он низверг один за другим кабинеты Касати и Ревеля, которые, по его мнению, недостаточно были проникнуты воинственным духом. В Тоскане положение было еще более серьезным; в Ливорно вспыхнул подготовленный романистом Гверацци бунт, который в несколько дней принял такие размеры, что великий герцог для успокоения народа принужден был обратиться к содействию человека, руководившего восстанием (29—30 августа). А через несколько дней Леопольд II, напуганный новыми манифестациями, должен был пригласить в министерство обоих вождей радикальной партии, Гверацци и

Монтанелли, которые требовали созыва Учредительного собрания.

Подобные же стремления начали обнаруживаться и в Риме. По мере хода событий отношения между папой и между его правительством и населением становились все более натянутыми. Известие о сражении при Кустоцце повлекло за собой выход в отставку Мамиани (2 августа). Через несколько дней стало известно, что генерал Вельден перешел границу папских владений и напал на город Болонью, но был отбит благодаря мужеству населения. Папа, от которого народ требовал, чтобы на эту провокацию он ответил объявлением войны, удовольствовался платоническим протестом против нарушения территориальной неприкосновенности Папской области. А когда это мирное поведение только усилило брожение и увеличило его непопулярность, то он пытался дать удовлетворение общественному мнению путем приглашения в министерство человека, который, по мнению Пия IX, более кого бы то ни было другого способен был примирить папу с его подданными. Это был граф Росси, бывший французский посланник при папском дворе, талантливый администратор и убежденный либерал (6 сентября).

В Неаполитанском королевстве Фердинанд II воспользовался поражением Пьемонта, для того чтобы дважды отсрочить заседания парламента и вернуться к системе личного управления. Затем он обратил свои силы против Сицилии, которая сохранила свою независимость и выбрала в короли герцога Генуэзского, второго сына Карла-Альберта. Он отправил туда под начальством Филанджери армию, которая высадилась под Мессиной, засыпала город бомбами и взяла его приступом (8 сентября). Но враждебные действия были приостановлены благодаря посредничеству французского правительства, которое настояло на заключении перемирия между королем и его подданными (16 сентября). Тем не менее королевство Обеих Сицилий не оставалось в стороне от движения, потрясавшего остальную Италию.

Римская республика и Тосканская республика. Это демократическое движение, которое монархи надеялись прекратить или ослабить своими уступками, в Риме, напротив, было усилено трагическим событием, а именно, убийством Росси. Достигнув власти, новый министр Пия IX выказал таланты искусного администратора и благоразумного политического деятеля. В административной области он старался реорганизовать гражданское устройство Римского государства, искоренил наиболее вопиющие злоупотребления, улучшил финансы и до-

бился от духовенства ссуды в 4 миллиона экю. В политической области деятельность его выразилась в том, что он начал переговоры с Турином, Флоренцией и Неаполем об образовании федерации итальянских государств, причем специальный договор должен был определить взаимные их отношения в мирное время, равно как численность военного контингента в случае войны; этим Росси хотел наглядно доказать, что для установления либерального режима в папских владениях не нужно никакой республики, а для национальной независимости не нужно никакого объединения Италии. Восстановив против себя умеренных своей доктринерской жестокостью и высокомерным обращением, он в то же время навлек на себя ненависть крайних элементов; враги его решили отделаться от него убийством.

15 ноября 1848 года он должен был изложить свои проекты перед римской палатой депутатов. Несмотря на полученные им угрожающие письма, он отправился без всякого эскорта в Капитолийский дворец, где происходили заседания палаты, и здесь у самого входа он был поражен кинжалом. Это преступление, хладнокровным свидетелем которого была гражданская гвардия и при известии о котором депутаты не выказали никакого волнения, послужило сигналом к еще более серьезным беспорядкам. На следующий день народ организовал на улицах Рима бурную демонстрацию; манифестанты осадили папу в Квиринале и потребовали от него составления демократического министерства, созыва общеитальянского Учредительного собрания и объявления войны Австрии. После отказа папы удовлетворить эти требования между швейцарской гвардией и народом началась кровопролитная свалка; вечером Пий IX уступил, призывая иностранных посланников в свидетели того насилия, которому он подвергается, и согласился призвать к власти агитаторов Галетти и Стербини. Но с этого момента он только и помышлял о бегстве из Рима, где он не считал себя в безопасности и где положение его было невыносимо; 24 ноября ему удалось осуществить свой план и бежать в Гаету.

Отныне между папой и его подданными произошел полный разрыв, который вскоре сделался непоправимым. Из Гаеты он писал, что не отказывается от своих прав, дважды назначил исполнительную комиссию, которая не соглашалась вступить в отправление своих обязанностей, и не захотел принять делегацию, которой поручено было просить его возвратиться в свою столицу. В ответ на это палата депутатов назначила Государственную юнту, временно облеченную испол-

нительной властью; папское бреве немедленно объявило учреждение этой юнты святотатственным покушением на права папы. Непримиримое поведение Пия IX, делавшее невозможным какое-либо полюбовное соглашение, лишило умеренных либералов того морального авторитета, которым они пользовались до тех пор, и позволило радикальным республиканцам, влияние которых с этого момента сделалось преобладающим, требовать созыва собрания, избранного всеобщей подачей голосов. Уступая их желанию, римский парламент объявил себя распущенным и назначил выборы в Учредительное собрание на 21 января 1849 года. 8 февраля открылось новое собрание; в состав его вошли почти исключительно мадзинисты, а также главные вожди демократической партии других итальянских государств. Первым делом собрание после продолжительных дебатов 143 голосами против 11 вотировало временное низвержение папы (которому гарантирована была самостоятельность в духовных вопросах) и провозгласило Римскую республику (9 февраля). Таким образом, первая часть программы Мадзини была в Риме осуществлена; теократический режим уступил место республике.

После республики оставалось осуществить объединение Италии. Первыми поняли необходимость этого шага тосканские демократы. Их вождем был действительно не кто иной, как автор проекта о созыве общеитальянского Учредительного собрания. С момента несчастного исхода австро-итальянской войны Монтанелли не переставал повторять, что единственным средством для спасения национального дела является созыв в Риме общего Учредительного собрания, избранного на основе всеобщей подачи голосов всем населением полуострова. Попавшей в его руки властью он воспользовался только для торжества своей любимой мысли. Новые выборы позволили ему рассчитывать на большинство, согласное с его взглядами, великий герцог был напуган народными манифестациями, и 10 января 1849 года парламент постановил, что Тоскана должна выбрать 39 депутатов в общеитальянское Учредительное собрание, которое соберется в Риме. Великий герцог, понимая, какой опасности это решение угрожает его короне, бежал в Сиену. Мадзини немедленно поспешил во Флоренцию, где ему оказана была триумфальная встреча. Составлено было временное правительство, провозгласившее республику и созвавшее Учредительное собрание (18 февраля). Таким образом, в самом центре Италии, между австрийской армией и неаполитанскими войсками возникли две республики, тесно связанные друг с другом общностью принципов и надежд.

МАДЗИНИ ДЖУЗЕППЕ
1805—1872

Вторая война за независимость. События, имевшие место в Риме и во Флоренции, произвели по всей Италии слишком глубокое впечатление, для того чтобы отраженное влияние их не сказалось также в Турине. Но те чувства, которые эти события возбудили в Пьемонте, вылились в национальную форму и вызвали там не политическую революцию, а войну против Австрии.

Вожди радикальных партий и ломбардские эмигранты не переставали требовать этой войны с момента заключения перемирия. Они добились первого удовлетворения (15 декабря 1848 г.) в том смысле, что в министерство приглашен был Джоберти, имя которого было символом возобновления войны против Австрии и установления федеративного союза между всеми итальянскими государствами. Когда получено было известие о низложении папы и о возможном вмешательстве Австрии, то их требования приняли такой настойчивый характер, что Карл-Альберт начал опасаться, что он потеряет свою популярность и корону, если станет дальше сопротивляться их желанию. 12 марта 1849 года он объявил перемирие расторгнутым, а 20-го перешел границу с 65-тысячным войском, команду над которым поручил генералу Хржановскому, пользовавшемуся славой выдающегося стратега. Хржановский переправился через Тичино у Буффалоры и двинулся на Милан. Но на следующий же день он принужден был прекратить свое наступление, переменить фронт и обратиться против Радецкого, который перешел через Тичино при Павии, благодаря упущению Раморино, и теперь поднимался по правому берегу реки для того, чтобы отрезать пьемонтской армии отступление. Решительное сражение произошло при Новаре 23 марта; сначала победа, казалось, склонялась на сторону пьемонтцев; но в 4 часа вечера австрийцы произвели яростную атаку и овладели деревушкой Бикокка, составлявшей ключ пьемонтской позиции, а ночью пьемонтцам пришлось в беспорядке отступить к Новаре, потерявши 5 000 человек. Господствовавшая в армии деморализация не позволила Карлу-Альберту продолжать войну; в то же время Радецкий ставил такие условия для заключения мира, на которые король ни в каком случае не мог согласиться. Полагая, что его личность является помехой для блага Пьемонта, Карл-Альберт после сражения при Новаре в тот же вечер отрекся от престола в пользу своего сына и уехал в Опорто, где рассчитывал провести остаток дней своих. Новый король Виктор-Эммануил II 26 марта подписал перемирие с Радецким.

Вторая война за независимость продолжалась всего 5 дней. Она закончилась кровавым эпилогом в Брешии и Генуе. В Брешии население, узнав о возобновлении военных действий, восстало и в течение 10 дней сопротивлялось войскам Гайнау, посланным для усмирения бунта (23 марта — 2 апреля). В Генуе по получении известия о поражении при Новаре вспыхнуло республиканское восстание, для подавления которого пришлось пустить в ход вооруженную силу (11 апреля). С этого момента в Северной Италии восстановлено было спокойствие.

V. РЕАКЦИЯ

Битва при Новаре знаменует апогей революционного движения и начало реакции. События, имевшие место в Риме и во Флоренции, превратили итальянский вопрос в вопрос европейский. С одной стороны, монархические государства смотрели на возникновение двух республик как на опасность для престолов; с другой стороны, католические державы и вообще католики, считавшие светскую власть папы необходимым условием независимости римского первосвященника, чувствовали себя оскорбленными низложением Пия IX. Демократическое движение, и без того ослабленное рядом промахов и внутренними раздорами, пало во всех странах, в которых оно временно восторжествовало, благодаря вмешательству или вражде иностранцев. И за периодом революций наступил период реставраций.

Реакция в Сицилии. Реакция, не встречая почти никаких препятствий, началась прежде всего в Сицилии, где неаполитанские войска занимали пока только Мессину. Ободренный известием о победе австрийцев на севере, Фердинанд II расторгнул перемирие, заключенное в сентябре 1848 года; Филанджери двинулся против сицилийских волонтеров, находившихся под начальством поляка Мерославского, 4 апреля 1849 года овладел Таорминой, 6 апреля Катаной, а 8-го появился перед Палермо; 15 мая после отчаянного сопротивления город принужден был сдаться на капитуляцию. С этого момента Сицилия была покорена, и в Южной Италии восстановлен абсолютизм.

Реакция в Тоскане. Республиканский образ правления сохранился еще в Венеции, Риме и Флоренции. Флорентинская республика, благодаря ошибочным действиям своих руководителей, существовала недолго. Тосканское Учредительное

собрание, открывшееся 25 марта, начало с того, что отняло власть у триумвирата и вручило Гверацци диктатуру. Последний только и думал о том, как бы сохранить доставшуюся ему власть; он окружил себя ливорнскими волонтерами, которые своей распущенностью восстановили против себя народ, и своими промахами вызвал во Флоренции и в деревнях монархическое восстание (11—12 апреля). Тогда флорентинский муниципалитет, составленный из либералов-конституционалистов, захватил власть от имени великого герцога, которого он пригласил возвратиться в страну. Леопольд II послал вперед 18-тысячную австрийскую армию, которая заняла Флоренцию и Ливорно (15—22 мая) и позволила ему вопреки своим обещаниям приостановить действие конституции и заключить в тюрьму главных вождей демократической партии. Таким образом, благодаря вероломству герцога в Тоскане восстановлен был старый порядок, но эта реставрация совершилась без пролития крови.

Реакция в Риме. В Риме события совершились несколько иначе. Все условия содействовали здесь тому, что борьба между защитниками и противниками юной республики затянулась и приняла кровавый характер. В Рим съехались со всей Италии вожди или партизаны демократической партии, изгнанные из своего отечества реакцией. Сюда прибыли один за другим: Мадзини, который вообще играл в событиях 1848 года ограниченную роль и который впервые в Риме нашел обширное поприще для своей деятельности; Гарибальди, молодой генуэзский генерал, приобревший популярность блестящей борьбой против Австрии; наконец, масса тосканских, генуэзских и сицилийских волонтеров, которые явились в Рим для защиты последнего оплота независимости. Эмигранты поддерживали в народе энтузиазм и толкали вперед Учредительное собрание, которое вследствие их настояний распорядилось принять серьезные меры для обороны города и вручило исполнительную власть триумвирату, составленному из Мадзини, Саффи и Армелини.

Со своей стороны, Пий IX также не сидел сложа руки и подыскивал союзников, которых ему не трудно было найти. 18 февраля он обратился к католическим державам, прося их оказать ему помощь против республиканцев. Франция, Австрия, Испания и Неаполитанское королевство откликнулись на этот призыв, но не могли на состоявшейся в Гаете конференции (март-апрель 1849 г.) столковаться относительно условия, предполагавшегося вмешательства. Так как Австрия обнаруживала, повидимому, желание приступить к самостоятельным

действиям, то Луи-Наполеон, занимавший в декабре 1848 года пост президента Французской республики, решил ускорить ход событий и предупредить австрийское правительство, для того чтобы не дать ему возможности приобрести преобладающее влияние в Центральной Италии. Добившись благоприятного вотума со стороны Учредительного собрания, он послал под начальством Удино 7-тысячный экспедиционный корпус, который высадился в Чивита-Веккии (25 апреля). Назначение этого незначительного отряда было неопределенным: он должен был «следить за ходом событий в интересах охраны французского влияния и свободы, которая могла подвергнуться опасности». Когда этот корпус приблизился к Риму, где французы рассчитывали на дружескую встречу в качестве «освободителей», он был атакован и разбит (30 апреля) республиканцами и принужден был заключить перемирие.

Римская республика совершенно определенно выказала свое твердое намерение отразить силой всякую попытку постороннего вмешательства. Скоро в пределы ее вторглись: с севера австрийцы, овладевшие Болоньей (8 мая); с юга неаполитанцы, которых Гарибальди сумел задержать и разбить при Веллетри (19 мая); с запада испанцы, высадившиеся в Террачине. Наконец генерал Удино, по приказу Луи-Наполеона, поддержанного в этом случае новым Законодательным собранием, возобновил военные действия (3 июня) и во главе 30 000 человек приготовился приступить к осаде Рима. 4 июня начаты были осадные работы, 13-го началась бомбардировка, а 30-го французы овладели частью городских стен. С этого момента дальнейшая оборона стала невозможной, и Гарибальди, командовавший римскими войсками, выступил из города для того, чтобы продолжать борьбу в Апеннинских горах (2 июля). Учредительное собрание, не отваживаясь на уличную битву, приняло отставку Мадзини, поручило муниципалитету ведение переговоров с неприятелем и при вступлении французских войск в столицу разошлось, но при этом в качестве последнего протеста обнародовало республиканскую конституцию, выработанную им во время осады. 14 июля Удино провозгласил восстановление светской власти папы. Гарибальди, преследуемый со всех сторон австрийскими войсками, успел ускользнуть от грозившей ему опасности и уехать в Геную.

Падение Венеции. Теперь знамя итальянской независимости развевалось только на стенах Венеции Население этого города, осажденного с сентября 1884 года, готовилось показать всей Италии поразительный пример героизма,

солидарности и единения. Когда получено было известие о сражении при Новаре, отнявшее у венецианцев всякую надежду на помощь со стороны, Национальное собрание издало следующий простой декрет: «Венеция будет сопротивляться до крайности; Манину вручается неограниченная власть». Оно сделало принудительный заем и поручило команду над волонтерами неаполитанцу Уллоа. Когда австрийцы овладели на материке фортом Мальгера, то они начали бомбардировку города (26 марта); вскоре к обстрелу присоединились голод и холера. Когда в городе осталось съестных припасов не больше чем на 18 дней, Манин понял, что наступил последний час; он поручил муниципалитету начать переговоры с генералом Горжковским, сложил с себя власть и выехал во Францию в самый день вступления австрийцев в Венецию (27 августа 1849 г.).

Таким образом, республиканская Италия пала в борьбе, как пала и Италия монархическая; и обе партии, получившие в свои руки власть одна за другой, оказались не в состоянии осуществить свои программы: одна слишком полагалась на государей, враждебно относившихся к идее национального единства, другая — на народ, который не был еще способен взять устройство своей судьбы в собственные руки. И обе они слишком легко поверили тому, что Италия без всякой посторонней помощи может справиться с таким грозным противником, как Австрия. Тем не менее из этого неудачного опыта итальянцы почерпнули надежды на конечное торжество своего дела и целый ряд полезных уроков. Если папа и обманул ожидания джобертистов, то нашелся же монарх, который поднял оружие и даже пострадал за национальную независимость. Если народ и обнаружил недостаток политических качеств, которые ему приписывались мадзинистами, то своим героическим поведением в Милане, Венеции, Риме и Палермо он показал, что ему присуще национальное чувство, и впервые принял участие в патриотическом движении не в качестве постороннего наблюдателя, а в качестве активного деятеля. Таким образом, колоссальное усилие, сделанное Италией в 1848 и 1849 годах, не прошло бесследно; оно дало стране возможность познать самое себя, показав, что отныне национальное дело имеет своего представителя в лице савойской династии и верного защитника в лице итальянского народа.

ГЛАВА III

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕАКЦИЯ В ГЕРМАНИИ

1848—1852

Разложение старого режима. По получении известий о февральских событиях в Париже германские официозные газеты сначала пытались возбудить немецкий шовинизм и обратить против Франции тот взрыв страстей, который они предвидели. «В том случае, — писала прусская «Всеобщая газета»,—если нашим пределам будут угрожать новые аппетиты, прикрываемые, быть может, заботой о счастье других народов, которым пожелают привить французские теории, мы советуем Германии держаться настороже и быть готовой отразить всякое нападение, в случае надобности, даже силой оружия!»

Но эти подстрекательства не производили никакого впечатления. Еще до рассылки Ламартином своих известных циркуляров никто не подозревал Временное правительство в желании воскресить агрессивную политику Конвента; подобно различным общественным классам отдельные нации, охваченные кипучим энтузиазмом и бурным оптимизмом, казалось, готовы были протянуть друг другу руки в братском пожатии. При этом убеждение в том, что старый порядок окончательно обречен на гибель, имело настолько всеобщий характер, что даже наиболее заинтересованные в его сохранении элементы отказались его защищать и революция распространилась без особого сопротивления, можно сказать, почти без борьбы.

27 февраля 1848 года либералы, собравшиеся в Оффенбурге и в Мангейме, решились представить Баденскому ландтагу петицию, в которой сформулированы были их требования: свобода совести, отмена феодального режима и финансовая реформа, суд присяжных, ответственность министров, нацио-

нальная гвардия, отмена исключительных законов, свобода печати и собрание народных представителей во Франкфурте. Великий герцог Леопольд скомпрометировал себя поддержкой министра Биттерсдорфа и, хотя более умеренная политика нового министра Бека несколько успокоила народное раздражение, общественное мнение было восстановлено против правительства. В округах, расположенных поблизости от французской и швейцарской границы, насчитывалось очень много радикалов; армия не отличалась особенными достоинствами и притом была довольно не надежна, а администрация была разделена и потеряла голову.

Несколько резких речей, поддержанных криками горсти манифестантов, увлекли палату; великий герцог призвал к власти вождей левой и объявил, что готов удовлетворить народные желания.

В Гессен-Дармштадте Людвиг II назначил президентом совета министров Генриха Гагерна, которого немецкая конституционная партия охотно признавала своим главой. В Баварии, где не улеглось еще волнение, вызванное падением католического министерства и влиянием Лолы Монтес, Людвиг I пытался успокоить брожение, призвав к власти вождей оппозиции; затем, увидев, что власть мало-помалу ускользает у него из рук, он отрекся от престола в пользу своего сына Максимилиана II (19 марта).

В Кургессене, Нассау, Вюртемберге, Саксонии, Гамбурге, Бремене правительства после весьма слабого сопротивления уступили народным требованиям. Поток казался непреодолимым, так как на пути своем он совершенно не встречал каких-нибудь серьезных препятствий: чиновники переходили на сторону революционеров и заговорщиков, а «монархи своей слабостью огорчали даже своих врагов»; в несколько недель власть повсюду перешла в руки вождей левой, Пфитцера, Рёмера, Эргенгапа, Виппермана, Штюве, Ифордтена. Противники их до того растерялись, что реформаторы имели, казалось, полную возможность целиком осуществить свои программы. У самых устойчивых людей закружилась голова. Не было такой области или местечка, в котором жители не высказывали бы своих пожеланий, в котором не произошло бы каких-нибудь беспорядков, драматических или нелепых манифестаций. «От нас уже требовали всевозможных вещей, — писал 15 марта герцог Эрнст Саксен-Кобургский, — вплоть до доброго здоровья и долголетия». Слишком долго подавляемый инстинкт независимости прорвался в резкой форме, в сущности не столько грозной, сколько шумной; но эти излi-

шества в конце-концов рисковали перейти в гражданскую войну и вызвать возвращение открытой реакции, опомнившейся после кратковременной паники. Для того чтобы помешать «безумному году» превратиться в кровавый год, во главе движения стали некоторые вожди, которые старались указать этому беспочвенному энтузиазму определенную цель и дисциплинировать эти бесформенные группы волонтеров.

Движение в пользу германского единства. В интересах обеспечения сделанных ими завоеваний победители почувствовали необходимость во взаимном сближении; объединение Германии казалось им основным условием свободы. Меттерних превратил франкфуртский сейм в орудие реакции; в продолжение четверти века он составлял предмет общей ненависти и злобы; он должен был исчезнуть. Наступил момент очистить почву от этого пережитка прошлого, мешавшего социальному, экономическому, политическому и моральному прогрессу. Низшие классы, ожесточенные бедствиями последних лет, приветствовали в революции главным образом надежду на лучшую долю; на другой же день после битвы они разделились. Государи и дворяне, испуганные аграрным движением, поспешили успокоить крестьян уступками, которыми последние в общем удовлетворились. Городские рабочие были еще относительно немногочисленны, а большинство из них находилось под влиянием хозяев; крупная промышленность только что зарождалась; социалистическая партия не имела ни вождей, ни программы. Таким образом, руководство движением досталось, естественно, среднему классу и преимущественно профессорам, писателям, студентам, которые наложили на него свой специфический отпечаток.

С момента кризиса 1840 года стремление к объединению Германии, временно забытое, проснулось с новой силой. Главная и основная свобода, которой требовали немцы, заключалась в праве самим устраивать свою судьбу и располагать своими силами; из всех видов угнетения, от которого они страдали, они с величайшей чувствительностью и горечью относились к правительственной анархии, парализовавшей их усилия перед лицом иностранных государств. И на этой почве революционное движение находило обильную пищу в колебаниях и слабости властей предержащих; а первый порыв отличался столь всеобщим характером и такой силой, что он чуть было не смёл все стоявшие на его пути препятствия.

5 марта 51 представитель либеральной партии собрались в Гейдельберге и поручили комиссии из 7 человек созвать во Франкфурте «Предварительный парламент» (*Vorparlament*).

Союзный сейм, сразу выведенный из оцепенения, признал эти требования законными и предложил правительствам прислать специальных делегатов для выработки новой конституции. Прусский король согласился с мыслью о необходимости федеральной реформы и отправил в Вену одного из любимых своих советников, Радовица, для того чтобы установить основные положения этого преобразования. Гагерн и умеренные либералы пытались войти с ним в соглашение, но их планы были разрушены событиями, разыгравшимися в Берлине.

Мартовские дни в Берлине. Политические фантазии Фридриха-Вильгельма IV, а также его медленные и неполные уступки мало-помалу ослабили правительственную власть и возбудили народное недовольство. События, имевшие место в Париже и Южной Германии, почти немедленно нашли отголосок в Рейнских провинциях, в Силезии и Саксонии. В Берлине в начале марта организовано было несколько публичных собраний; на «Унтер-ден-Линден» и в «Тиргартене» раздавались бурные речи; это поверхностное брожение можно было легко успокоить или удержать в должных пределах. Но правительство было дезорганизовано внутренними раздорами: министр Бодельшвинг настаивал на необходимости скорых реформ; король колебался между своей ненавистью к революции и желанием привлечь к себе симпатии Германии. А пока правительство рассуждало, вожаки революционного движения проникались верой в свои силы. Экономический кризис выбросил на мостовую тысячи рабочих, и манифестации принимали все более бурный характер; полиция оказывалась бессильной; армия, которая пущена была в ход, учинила насильственную расправу, вызвавшую несколько жертв. Король, глубоко уверенный в своей популярности, не выказал особенной тревоги, когда узнал, что Меттерних принужден был оставить свой пост (13 марта) и что Вена находится во власти революционеров. Однако и тогда он продолжал откладывать свое решение. И только 18 марта он решился безотлагательно созвать ландтаг, ввести конституционный режим и объявил о своем намерении взять в свои руки реформу союзного устройства.

Собравшаяся перед зàмком толпа встретила чтение королевской прокламации шумными приветствиями; но мало-помалу ко дворцу начали подходить новые манифестанты, мрачные и враждебно настроенные; рукоплескания сменились свистками; во время этой сумятицы из солдатских рядов раздались два выстрела. Толпа рассеялась по улицам с криками мести, разграбила оружейные лавки и воздвигла баррикады. Начался кровопролитный бой,

Несмотря на отчаянное сопротивление инсургентов, войска мало-помалу подвигались вперед, и если бы битва продолжалась на другой день, то они наверно одержали бы полную победу. Но совесть короля была неспокойна, а нервы его расшатались; среди окружавших его лиц господствовала крайняя растерянность; он обратился с «воззванием к своим дорогим берлинцам» и обещал отозвать войска, как только баррикады будут покинуты бойцами; но затем он согласился на то, чтобы солдаты первыми оставили свои боевые позиции. Потому ли, что приказ короля был неправильно понят, или потому, что генералы сочли невозможным оставить лицом к лицу с народом расстроенные битвой и отступлением полки, но генерал Притвиц сначала увел солдат в казармы, а затем и вовсе очистил город.

Таким образом Берлин очутился во власти революции. Представитель Французской республики де Сиркур впоследствии хвастал тем, что в этот трудный момент он спас от гибели династию Гогенцоллернов, отказавшись дать какие-либо обещания радикалам. В действительности же республиканское движение не имело в то время никаких шансов на успех. Восстание, что бы ни думал о нем сам король, явилось результатом не столько какого-нибудь задолго задуманного заговора, сколько прогрессивного возбуждения умов. Победители ни на одну минуту не помышляли о низвержении монархии; они удовольствовались ее унижением. Трупы павших жертв были снесены во двор замка, затем толпа яростными криками стала вызывать короля; бледный, больной, осунувшийся, он вышел на балкон об руку с королевой Елисаветой и поклонился трупам бойцов.

Новое министерство заявило, что король намерен стать во главе общегерманского движения. 21 марта король, окруженный принцами, генералами и министрами, проехал по городу с трехцветной повязкой на рукаве (черно-красно-золотой цвет). «В годину опасности я беру на себя верховное руководство, — говорил он в знаменитой прокламации. — Мой народ не оставит меня, и Германия присоединится ко мне с доверием; с нынешнего дня Пруссия сливается с Германией». Эта манифестация произвела неблагоприятное впечатление. Австрия, которая, несмотря на переживаемые ею затруднения, не желала отказаться ни от одной из своих традиций, усмотрела в заявлениях прусского короля узурпаторские стремления и поспешила оговорить свои права. В Западной и Южной Германии глубокая антипатия населения к Пруссии еще усилилась после мартовских дней; радикальная пресса, ловко

инспирируемая австрийской дипломатией, резко напала на «картечного короля». Все усилия Гагерна и либеральных централистов готовы были, повидимому, разбиться о сопротивление демократов. Между тем по существу либералы были правы, так как объединение Германии могло осуществиться только при теснейшем участии Пруссии; но, с одной стороны, король не хотел принять предлагаемой ему либералами короны, а с другой, — народы не соглашались признать своим главой рекомендуемого им либералами прусского короля. Таким образом, им пришлось на время отсрочить окончательное решение этого вопроса, а эти проволочки, которых либералы не властны были избегнуть, дали Австрии возможность собраться с силами, и в то же время размах революции прогрессивно ослабевал.

Франкфуртский парламент. Предварительный парламент собрался 31 марта во Франкфурте при бурных приветствиях восторженно настроенной толпы. Власть его была ничтожна, а состав крайне пестрый. Австрия вовсе не была на нем представлена, преобладали южногерманские делегаты, особенно баденцы и гессенцы. Фактически это было народное собрание высшего разряда. Тем не менее его резолюции принимались без всякого протеста. Предварительный парламент постановил созвать Учредительное собрание, избранное на основе всеобщей подачи голосов не только всеми провинциями, входившими в состав прежнего Союза, но и Шлезвигом, всеми немецкими частями прусского королевства и немецкой части Познани. Радикалы предложили собранию объявить себя непрерывным и захватить власть; потерпевши неудачу, они призвали народ к оружию. Струве и Геккер пытались поднять великое герцогство Баденское, но на помощь Леопольду немедленно двинулись баварские и гессенские войска. В сражении при Кандерне баденский генерал Гагерн был убит, но инсургенты без особого труда были рассеяны (20 апреля). Они принуждены были оставить занятый ими Фрейбург; поэт Гервег, приведший с собой несколько сот итальянцев, поляков, французов и венгерцев, наткнулся у Доссенбаха на вюртембергские войска и потерял половину своих волонтеров. В 10 дней порядок был восстановлен во всей стране. Восстание, вспыхнувшее около того же времени в великом герцогстве Познанском, вызвано было той враждой, которая давно существовала в этой восточной области между славянами и немцами. Несмотря на проявленный ими героизм, отряды Мерославского не в состоянии были оказать продолжительное сопротивление превосходным силам Пфуля (29 апреля — 13 мая). Эти волнения придали смелости реакционерам, напугали наиболее умеренную часть буржуа-

зии, и без того задетую в своих интересах и устрашенную требованиями рабочих, и снова возбудили и усилили разногласия, ослаблявшие либеральную партию.

Эти результаты сказались не сразу. За исключением Богемии, где Палацкий в замечательном письме протестовал против узурпаторских проектов пангерманистов, намеревавшихся включить в состав Германского союза королевство, отделенное от него и всей своей историей, и волей своего народа, и где чешские округа отказались послать представителей во Франкфуртский парламент, — выборы повсюду произошли в полном порядке· 18 мая в церкви св. Павла состоялось первое заседание собрания. В продолжение нескольких месяцев в этом парламенте господствовал крайний беспорядок; не было ни организованных партий, ни признанных вождей, ни определенных программ; профессора, которых в составе собрания насчитывалось очень много, принесли на трибуну свою привычку к доктринерским и педантическим рассуждениям и не могли удержаться от искушения произнести академическую речь. Они составляли ядро самой влиятельной группы, правого центра, который по месту своих собраний получил название «партии Казино». Эти люди, проникнутые либерализмом, выставляли скромные требования и готовы были на всякие жертвы, для того чтобы обеспечить себе содействие Пруссии. Но так как сами по себе они не располагали большинством против австрийцев, ультрамонтанов и крайней левой, объединенных общей ненавистью к умеренным либералам, то они для снискания поддержки левого центра принуждены были сделать ему ряд уступок, которые быстро отняли у них непостоянные симпатии Фридриха-Вильгельма IV.

Гагерн, глава конституционалистов, стремившихся к объединению Германии, и в то же время президент франкфуртского парламента, открыто требовал предоставления собранию верховной власти: «Мы должны составить конституцию для Германии, для всей империи: наши права и власть мы почерпаем в народной воле». Но эти горделивые заявления не соответствовали ни внутреннему убеждению оратора, ни фактическому положению вещей. В ожидании выработки окончательной конституции парламент организовал временное исполнительное правительство и по предложению Гагерна выбрал «имперским правителем» брата первого австрийского императора Франца I, эрцгерцога Иоанна (29 июня). Новый «имперский наместник» родился под счастливой звездой; его внезапная популярность, приведшая к избранию его на этот пост, не имела за собой ровно никаких серьезных оснований; под маской добродушной от-

кровенности он скрывал бездну хитрости и расчета. Эрцгерцог Иоанн постарался извлечь для себя и для своего дома всевозможные выгоды из того положения, в которое его неожиданно поставила капризная судьба. Найдя прекрасного помощника в своем министре Шмерлинге, он считал главной своей миссией борьбу с прусскими интригами, и его оказалось не так-то легко вытеснить из той позиции, которая досталась ему благодаря необъяснимому промаху партизанов Фридриха-Вильгельма.

Впрочем, так как в тот момент большинство не приняло бы проектов правого центра, то серьезные вопросы были отложены и собрание приступило к обсуждению «основных прав», которые должны были составить введение в конституцию. Ораторы, говорившие по поводу этой широкой темы, касались в своих речах всех политических, религиозных, социальных и экономических вопросов. Так дело могло бы тянуться и несколько лет. А пока ораторы во Франкфурте предавались своим риторическим упражнениям, революционный энтузиазм вокруг них начал угасать. Июньские дни наполнили ужасом душу всей буржуазии, а разгром французских социалистов ободрил всех реакционеров. Монархи, опомнившись после первого испуга, стали искать опоры в партикуляристических предрассудках. Франкфуртский парламент пользовался только моральным авторитетом, и по мере того как народ от него отдалялся и холодный рассудок начал брать верх над опьянением первых дней, власть его с каждым днем все более уменьшалась. Он не располагал никакими материальными силами, у него не было ни собственных финансов, ни войска; а когда он приказал войскам отдельных государств присягнуть на верность имперскому правителю и прицепить трехцветную кокарду, то Австрия и Пруссия этому распоряжению не подчинились. Бессилие его с особенной яркостью обнаружилось в вопросе о герцогствах.

Волнение, вызванное в Шлезвиге и Гольштинии жалованными грамотами Христиана VIII, еще усилилось после того, как король призвал к власти «Эйдерскую партию», которая стремилась теснее связать Шлезвиг с датской монархией. Немецкие централисты, которые к тому времени успели уже убедиться в том, что им придется порвать с Австрией, искали компенсации на Балтийском море. Будучи не в состоянии включить в состав Германского союза Данию, они намерены были по крайней мере расчленить ее и связать оба герцогства более тесными узами. Таким образом, когда, вследствие отказа Фридриха VII даровать Шлезвигу и Гольштинии общую кон-

ституцию, в Рендсбурге составилось временное правительство, общественное мнение в Германии решительно высказалось в пользу инсургентов. Франкфуртский парламент принял в свою среду выбранных Шлезвигом депутатов, а прусское министерство убедило Фридриха-Вильгельма IV послать в герцогства свою армию. Врангель заставил датчан отступить и занял южную Ютландию. Его успехи были скоро остановлены угрожающим поведением Швеции, а также вмешательством Англии и особенно России. Николай I не мог предоставить Балтийское море Пруссии, а Фридрих-Вильгельм IV слишком нуждался в благоволении русского царя, чтобы не считаться с его представлениями. Да притом лично он не очень-то сочувствовал инсургентам, в которых он главным образом видел революционеров; поэтому он благосклонно отнесся к жалобам прусских купцов, которым морская война причиняла громадные убытки, и согласился на заключение перемирия в Мальме, которым военные действия были приостановлены на 7 месяцев (26 августа 1848 г.).

Условия перемирия, которые знаменовали, казалось, оставление инсургентов на произвол судьбы и полный отказ Германии от Шлезвига, вызвали в франкфуртском парламенте всеобщее негодование. К оскорбленному национальному чувству присоединилось опасение за дальнейшую судьбу самого собрания: Пруссия превысила свои полномочия, подписав без согласия парламента договор, касавшийся интересов всей Германии. Дальман, сделавший защиту немецкой национальности в герцогствах целью своей жизни, убедил собрание не утверждать этого перемирия. В этом вопросе от него отделились его друзья из центра, боявшиеся разрыва с Пруссией, но он был поддержан левой, которая отстаивала принцип народного верховенства. А имперский правитель без особого огорчения смотрел на конфликт, уменьшавший влияние Фридриха-Вильгельма IV. Собрание приняло предложение Дальмана большинством 17 голосов, и ему поручено было составить министерство. Коалиция, доставившая ему это большинство, состояла из слишком разнородных элементов, и сформировать из нее правительство было довольно мудрено; после трехдневных бесплодных переговоров Дальман принужден был отказаться от возложенного на него поручения. Шмерлинг снова получил власть и добился от собрания ратификации перемирия (16 сентября). Это было тяжким ударом для парламента, фактическое бессилие которого ясно обнаружилось перед всем миром; республиканцы пытались воспользоваться моральным его банкротством и взялись за оружие.

Министерство заблаговременно приняло свои меры: инсургенты наткнулись на прусские и австрийские войска, спешно вызванные из соседних гарнизонов, и после боя, продолжавшегося несколько часов, принуждены были покориться (18 сентября). Баденские республиканцы, готовившиеся поддержать инсуррекцию, были обескуражены этим быстрым поражением; им удалось захватить Леррах и спуститься через Шварцвальд к Рейнской долине; но при Штауфене они были рассеяны генералом Гофманом. Беспорядки, вспыхнувшие в некоторых городах центра и запада, были подавлены еще легче. Становилось очевидным, что революционная партия теряла почву под ногами; реакционеры, которые в течение последних месяцев начали организовываться, перешли в наступление. Оставив на время в покое франкфуртский парламент, который с меланхолической сноотворностью продолжал предаваться своим академическим дискуссиям, они прежде всего приложили все свои усилия к укреплению правительственной власти в Пруссии и Австрии: они прекрасно понимали, что с того момента, когда они станут господами в Берлине и Вене, им нетрудно будет расправиться с франкфуртским собранием.

Революция в Пруссии. Учредительное собрание, открывшееся в мае в Пруссии, в большинстве состояло из умеренных; оно охотно последовало бы указаниям правительства, если бы последнее выказало хоть сколько-нибудь искренности и энергии. Но король уже раскаивался в сделанных им уступках; он не отказался ни от одного из своих предрассудков и в своей вражде к либерализму находил надежную опору в старопрусской группе, «небольшой, но могучей партии», которой руководил генерал Герлах и которую энергично поддерживала королева Елисавета. В конце июля в Берлине при руководящем участии Бюлова-Куммерова собрался съезд крупных землевладельцев, ставивший себе задачей защиту интересов дворянства; органом этого «юнкерского парламента» сделалась «Новая прусская газета», получившая впоследствии столь громкую известность под именем «Крестовой газеты». Вся страна покрылась «прусскими кружками», которые сделались центрами реакционных вожделений. Теоретиком этой партии был Сталь, а самыми деятельными и влиятельными ее членами были Бисмарк, Зенфт фон-Пильзах, Клейст-Ретцов, президент Людвиг Герлах, Штольберг, Вагенер, Массов, Нибур. Она опиралась на ортодоксальное лютеранство и на Россию; она готова была бы примириться с конституционными учреждениями, но лишь при том непременном условии, чтобы дворянству принадлежала преобладающая роль. Последовательно сменявшиеся у власти

министры Кампгаузен, Ганземан и Пфуль не пользовались симпатией короля; они не могли представить палате ни одного из законов, введения которых она желала; их бессилие было истолковано в смысле измены и ввиду поведения короля большинство старалось опереться на демократию. С своей стороны, буржуазия, обманутая в своих ожиданиях, не стала оказывать особенного сопротивления радикальной партии, которая была слишком слаба для того, чтобы захватить власть, но достаточно сильна для того, чтобы поддерживать шумную уличную агитацию.

Май и первые недели июня отмечены были различными бурными манифестациями. В ночь с 15 на 16 июня несколько тысяч рабочих напали на арсенал и отчасти разгромили его. Провинция была также неспокойна. В Швейднице бестактность и наглость губернатора привели к волнениям, закончившимся бойней. Палата приняла резолюцию, коей она предлагала министерству поставить на вид офицерам, что они обязаны уважать новый конституционный режим, а если совесть им этого не дозволяет, то они должны выйти в отставку. Король был крайне возмущен этим поступком, на который он смотрел, как на узурпацию и оскорбление, и с этого момента начал помышлять о государственном перевороте.

Палата требовала предоставления ей прав учредительного собрания, вычеркнула формулу «божиею милостью» и выбрала в президенты лидеров левой, фон-Унру и Вальдека. Волнение на улицах росло. Известия, полученные из Вены, которая случайно очутилась в руках революционеров (октябрь) и осаждалась армиями Иеллачича и Виндишгреца, довели агитацию до пароксизма; будущность всей Германии зависела теперь от той борьбы, которая разыгрывалась в тот момент в Австрии. Родбертус и Вальдек обратились к правительству с приглашением защищать всеми находившимися в его распоряжении средствами свободу, которая в Вене подвергалась смертельной опасности, а народная толпа ринулась к театру, служившему местом заседаний палаты, для того чтобы поддержать это предложение (31 октября). На следующий день газеты возвестили капитуляцию Вены; тогда «камарилья» добилась от Фридриха-Вильгельма вручения власти графу Бранденбургскому, сыну Фридриха-Вильгельма II и графини Денгоф. Бранденбург принял назначение из послушания; так как у него не было никакой опытности в политических делах, то в качестве «дядьки» ему дали Мантейфеля.

Мантейфель был типичным представителем бюрократической традиции; он не чувствовал никакой охоты к употребле-

ВЕЙТЛИНГ ВИЛЬГЕЛЬМ
1808—1871

БОЛЬШАЯ БАРРИКАДА ПЕРЕД РАТУШЕЙ В БЕРЛИНЕ

нию насильственных мер и сумел подавить революцию без пролития крови. Палата протестовала против составления нового министерства (2 ноября); тогда министерство отсрочило ее заседания, а затем созвало ее на 27 ноября в городок Бранденбург. Большинство палаты отказалось подчиниться этому распоряжению, но не посмело итти до конца и провозгласить восстание. «Пассивное сопротивление» могло только вызвать смех; народ, который сначала готов был защищать собрание, скоро отвернулся от него. Врангель, снова вступивший в Берлин со своими войсками, обезоружил гражданскую гвардию. Средние классы нерешительно колебались между двумя противоположными чувствами: с одной стороны, они жалели о потерянной свободе, а с другой — радовались тому, что избавились от анархии.

Радикалы национального собрания пытались возобновить в Бранденбурге свою игру в обструкционные бирюльки, но они успели уже надоесть решительно всем. И когда Мантейфель издал декрет о роспуске собрания (5 декабря), то этот акт никого не удивил и не возмутил. Правительство поступило очень ловко: оно обнародовало либеральную конституцию, издало ряд законов, уничтожавших исключительные трибуналы, отменявших феодальный режим и вводивших суд присяжных. Дворянство считало себя обойденным, да и сам король долго не решался подписать хартию. Но Мантейфель успокоил их соображением, что «довлеет дневи злоба его». И действительно, когда новая палата обнаружила кое-какие поползновения на независимое поведение, то она была распущена (27 апреля 1849 г.), и опубликован был новый избирательный закон, вводивший пресловутую «трехклассную систему». В каждом округе избиратели первой степени разделены были на три группы, каждая из которых представляла третью часть налогов и выбирала одинаковое число избирателей второй степени; таким образом, богатым классам предоставлено было решающее влияние на исход выборов; а так как кроме того «свободный народ должен иметь мужество открыто высказывать свое мнение», то установлена была устная и открытая баллотировка.

Выбранная на основании этого закона палата оказалась послушным орудием в руках министерства, и с этого момента реакция пошла полным ходом. Утомленное продолжительной анархией общественное мнение не выказало особенной требовательности и утешалось наружным сохранением парламентских форм. Таким образом прусское правительство, обнаружившее больше проницательности, чем венские феодалы,

сумело и сохранить в неприкосновенности все прерогативы королевской власти и дать некоторое удовлетворение немецкому либерализму.

Партии Великой и Малой Германии. Тем временем франкфуртский парламент вотировал в общих чертах конституцию, значительно ослабившую власть немецких государей и создавшую довольно централизованное союзное государство. Теперь перед ним встали важные вопросы, рассмотрение которых до тех пор откладывалось: кому вручена будет центральная власть? Какие провинции войдут в новое германское государство?

Тогда правый центр раскрыл свои карты: он хотел вручить управление союзом Пруссии, а так как не подлежало сомнению, что Габсбурги ни за что не согласятся признать гегемонию за своими соперниками, то он склонялся к исключению Австрии из состава нового союзного государства, оговариваясь, что оба государства могут быть связаны вечным дипломатическим союзом. Этот план, совершенно разумный в принципе, представляет поразительную аналогию с тем планом, который впоследствии был осуществлен Бисмарком; впрочем, он отличался от последнего в том отношении, что — не столько юридически, сколько фактически — предоставлял моральную гегемонию западной и южной Германии и таким образом требовал от Пруссии таких жертв, на которые ни прусский король, ни его народ не намерены были согласиться.

С своей стороны, правый центр не мог отказаться от своих требований, так как в подобном случае он был бы оставлен на произвол судьбы либеральными группами, поддержка которых во Франкфурте была для него безусловно необходима. Не скрывая от себя трудностей положения, он понял, что не может отступать дальше, если не желает кончить позорным банкротством. Впрочем, новая политика Австрии не давала ему возможности продолжать тактику проволочек.

В течение всего лета 1848 года внимание венского двора было отвлечено от германских дел теми войнами, которые вызваны были борьбой наций, объединенных под скипетром Габсбургов, но не слившихся в единый национальный организм.

Армия осталась верна австрийскому правительству и склонила чашку весов на его сторону. К концу года хотя не все затруднения были улажены, но самая грозная опасность миновала: Италия была побеждена, венгерское восстание склонялось к упадку, и правительство надеялось, что оно не в состоянии будет долго еще сопротивляться соединенным

силам Иеллачича и Виндишгреца; революция в Вене была раздавлена; парламент, заседания которого перенесены были в Кремниц, не выказывал никакой оппозиции; наконец, 2 декабря император Фердинанд I отрекся от престола в пользу своего молодого племянника Франца-Иосифа, который был свободен от каких бы то ни было обязательств и который нашел в князе Шварценберге энергичного и смелого руководителя.

Шварценберг, внесший в область дипломатии замашки кавалерийского офицера, не допускал никакой фееральной реформы, кроме такой, которая превратила бы моральное влияние Австрии, постепенно завоеванное ее осторожной политикой Меттерниха, в постоянную и бесспорную диктатуру. Его планы, которых он и не скрывал, принудили правый центр открыто обнаружить свои намерения. Гагерн заменил в совете министров Шмерлинга и обратился к собранию с просьбой разрешить ему начать *дипломатические переговоры* с Австрией, с целью урегулировать ее отношения к Германии. Таким образом вопрос был поставлен в совершенно определенной форме: против прусской партии или партии Малой Германии выступила партия Великой Германии. В конце-концов правый центр потерпел полное поражение, но уже и в то время было очевидно, что прусская партия представляла большинство, так как ей одной удалось преодолеть коалицию австрийцев, партикуляристов, ультрамонтанов и радикалов.

Первые вотумы франкфуртского парламента отличались нерешительным характером, но поведение Шварценберга, планы которого принимали все более определенные очертания по мере того как из Венгрии и Италии приходили все более благоприятные для него известия, заставило некоторых колебавшихся депутатов снова примкнуть к партии Гагерна. К правому центру присоединилась фракция левой, удовлетворенная теми резолюциями, которые вводили всеобщее избирательное право, предоставляли будущему главе союза только право условного вето и таким образом придавали конституции демократический характер. 27 марта 1849 года собрание 267 голосами против 263 решило, что управление объединенной Германией будет вручено наследственному императору, а на следующий день 290 голосами избрало императором Фридриха-Вильгельма IV. Это большинство было незначительным, но чтобы правильно оценить все его значение, не следует упускать из виду, что меньшинство было усилено голосами нескольких сот австрийских депутатов.

Разгром демократической партии. Президент парламента Эдуард Симсон немедленно выехал в Берлин во главе особой

депутации, с тем чтобы испросить согласие короля на принятие короны и конституции. Среди окружавших короля лиц немногочисленная, но довольно влиятельная группа, в состав которой входили Бунзен и Радовиц, убеждала его оказать делегатам благосклонный прием; прусский наследный принц, будущий император Вильгельм I, хотя и не чувствовал особенной симпатии к демократическим учениям, сильно поддавался впечатлению широких перспектив, открывавшихся перед династией Гогенцоллернов; сам Мантейфель склонялся к компромиссу: дело шло главным образом о заполучении императорской короны, а впоследствии можно будет уже придумать какое-нибудь средство для того, чтобы убедить либералов согласиться на какую-нибудь сделку.

Но король и слышать не хотел о каких-либо уступках. Он желал федеральной реформы, но он хотел осуществить ее при содействии Австрии и других немецких государей. «Мне не приходится сказать вам ни «да», ни «нет», — писал он Бунзену, — потому что Вы ничего не можете мне предложить. Этот вопрос я должен урегулировать путем переговоров с равными мне; а с демократами разговор короткий: против них можно послать только солдат!» 3 апреля он ответил Симсону, что он ценит предложенный ему собранием высокий сан, но что он будет недостоин оказываемого ему доверия, если примет корону без соглашения с государями, которые должны вместе рассмотреть конституцию и обсудить необходимые в ней изменения. Король не отказывался от надежды объединить всю Германию под главенством Пруссии, но он отвергал дар, который поставил бы его в зависимость от либералов.

Поведение короля поставило франкфуртский парламент в самое ложное положение; авторитет его, и без того поколебленный, окончательно рушился от этого нового удара. 28 государств признали его решения, но Ганновер, Вюртемберг, Саксония и Бавария явно заняли по отношению к ним враждебную позицию. Сломить их сопротивление можно было, только обратившись к народу; центр отказался от революционного образа действий, и самые влиятельные его члены покинули собрание, в котором скоро осталась какая-нибудь сотня депутатов, принадлежавших к крайней левой. Прежде они боролись против конституции; теперь же, когда она была отвергнута правительствами, они решительно выступили на ее защиту. Отныне на карту поставлен вопрос о самом принципе народного верховенства; если бы радикалы одержали победу, то она фатально привела бы к провозглашению республики; их ошибка в том и заключалась, что они не посмели

признать это с самого начала. Теперь было уже слишком поздно начинать успешную борьбу против реакции; а между тем демократическая партия располагала серьезными силами.

Целый ряд понесенных ею неудач доказал ей необходимость приступить к организации. Наряду с *коммунистами*, главным органом которых была «Новая рейнская газета» Карла Маркса и которые встречались главным образом в Саксонии, Силезии, Вестфалии и Рейнской Пруссии, — демократы насчитывали множество сторонников в великом герцогстве Баденском, Вюртемберге и Рейнской Баварии; вся центральная Германия была покрыта сетью «мартовских кружков». Умеренные либералы, раздраженные реакционной политикой немецких правительств, нисколько не расположены были оказывать им действительную поддержку; в мелких государствах армия была немногочисленна, и притом тайные общества вели среди солдат активную пропаганду.

Если бы левая франкфуртского парламента выказала сколько-нибудь серьезную решимость, то она, по всей вероятности, привлекла бы на свою сторону значительную часть германских государств, кроме Пруссии и Австрии. Вюртембергский король Вильгельм I, столь ревниво относившийся к своим прерогативам, уже готовился уступить разыгравшемуся волнению и признать конституцию; в Мюнхене, Нюренберге, Вюрцбурге, Мангейме, Гейдельберге, Майнце, Дармштадте и т. д. замечалось глухое брожение; в самой Пруссии демократы внушали правительству очень серьезное беспокойство. Парламентские республиканцы колебались и теряли дорогое время. Они перенесли свои заседания в Штутгарт и дали себя обмануть министру Рёмеру, который разогнал остатки парламента (18 июня 1849 г.). С этого момента революция, лишенная общего руководства, свелась к ряду отдельных эпизодов.

В Пруссии, где в нескольких местах вспыхнули волнения, министерство быстро восстановило порядок и, подавив брожение внутри страны, предоставило свои войска в распоряжение остальных немецких государей. Серьезная борьба имела место только в Саксонии, великом герцогстве Баденском и Рейнской Баварии. В Дрездене реакционные министры Бейст и Рабенгорст распустили палату, потребовавшую от них признания конституции; город покрылся баррикадами, король бежал в Кенигштейн, а руководство обороной перешло в руки временного правительства; душой восстания был русский, Бакунин. После двухдневного сражения прусская гвардия овладела городом (9 мая), причем подстрекаемые офицерами солдаты совершали ужасные зверства,

В великом герцогстве Баденском революция началась с возмущения раштатского гарнизона (9 мая); пример его увлек значительную часть армии, и власть перешла в руки революционного комитета, главными членами которого были Брентано, Струве и Фиклер. Вместо того, чтобы перейти в решительное наступление, комитет спокойно ждал нападения прусских войск. Командовавший ими принц Вильгельм сначала покорил баварский Палатинат, затем перешел через Рейн у Гермерсгейма и двинулся на инсургентов, которым с другой стороны угрожал генерал Пейкер, командовавший гессенскими, мекленбургскими, вюртембергскими и нассаускими полками. Революционеры, располагавшие 25—30 тысячами солдат неодинакового достоинства, вручили главную команду поляку Мерославскому. Последний был разбит при Вагхейзеле и на берегах Мурга, после чего остатки его армии бежали в Швейцарию, а Раштат капитулировал (23 июня). Репрессия была ужасна, и с тех пор династия, окруженная атмосферой глухой народной ненависти, искала поддержки за границей. Немецкая демократическая партия не могла оправиться после этого страшного разгрома.

Прусская уния и Готская партия. Хотя победы, одержанные прусской армией, и не вплели новых лавров в ее венок, но они значительно упрочили положение Фридриха-Вильгельма IV. Он сыграл роль восстановителя порядка и спасителя общества и имел право рассчитывать на признательность государей, спасенных им от верной гибели. Нотой от 28 апреля он пригласил немецких государей на конференцию для обсуждения тех изменений, которые следовало внести во франкфуртскую конституцию. Совещание, на котором присутствовали только представители Австрии, Баварии, Ганновера и Саксонии, открылось в Берлине 17 мая. В первом же заседании австрийский делегат заявил, что Австрии нечего делать в том союзе, который проектируется Пруссией, и удалился; баварский делегат протестовал против назначения одного главы союза. Саксония и Ганновер отнеслись не с бо̀льшим энтузиазмом к предложениям Фридриха-Вильгельма; так как они не могли действовать с такой же полной свободой, то они скрыли свои истинные чувства и старались только подготовить себе удобную лазейку для отступления. 26 мая они заключили с Пруссией союз на один год и пригласили остальных немецких государей примкнуть к новой федерации, построенной на следующих началах: председательство и руководство дипломатическими и военными делами должно принадлежать исключительно Пруссии, которой будет помо-

гать коллегия, состоящая из шести государей; предложения правительства поступают на обсуждение двух палат: палаты государств, составленной из 160 делегатов от правительств, и палаты депутатов; глава союзного государства может палагать вето на все постановления парламента. До вступления в действие окончательно принятой конституции заведывание общими делами поручалось административному совету, председательство в котором принадлежало Пруссии; разрешение конфликтов, которые могли бы возникнуть между союзными государствами, возлагалось на особый третейский суд.

Даже и не будучи особым пессимистом, можно было с самого начала скептически отнестись к осуществимости столь сложного проекта. Саксонский министр Бейст, не отличавшийся особенной склонностью к самопожертвованию, оговорил для себя право расторгнуть договор, если Бавария станет упорствовать в своей оппозиции; а чувства Максимилиана II по этому поводу не оставляли места для сомнений. Пруссия заранее была предана своими союзниками, которых она тащила за собой на буксире. Австрия нисколько не скрывала своего враждебного отношения. Радовиц представил Шварценбергу конвенцию, имеющую целью урегулировать на будущее время взаимные отношения Австрии и объединенных под руководством Пруссии немецких государств. Князь Шварценберг ограничился ответом, что он не может подписать договора с союзным государством, «которое еще не существует и о характере которого нельзя, следовательно, составить себе никакого определенного мнения», он категорически отказался заявить, что император не окажет никакого сопротивления развитию этого государства и предоставит Пруссии полную свободу действий, и настаивал на необходимости создать в Германии временную центральную власть. Австрийский кабинет имел перед своим соперником огромное и неоспоримое преимущество: он прекрасно знал, чего хочет, и не отступал перед логическими последствиями своих действий; он отнюдь не намерен был добровольно устраниться от германских дел и для защиты своих прав готов был взяться за оружие. А после того, как демократия была побеждена, немецкие государи решительно готовились поддержать Австрию, и можно было опасаться, что их неудовольствие против Пруссии способно было толкнуть их на целый ряд неразумных поступков и отдать их с головой в руки Габсбургов.

Радовиц, которому Фридрих-Вильгельм поручил заведывание германскими делами, не смущался этими затруднениями. Он обладал пылким воображением и был так же оптимистически

настроен, как и сам король; умея хорошо поговорить, он сам упивался своими аргументами и никогда не терял надежды убедить своих противников; это был двоедушный человек, скрывавший под маской математической прямоты пустоту своих туманных и неустойчивых воззрений. Он пользовался затруднительным положением Австрии. Шварценберг, любивший прихвастнуть, очутился бы в несколько неловком положении, если бы к его бахвальству кто-нибудь вздумал отнестись серьезно. Монархия была сильно поколеблена недавним кризисом; Пьемонт сохранял угрожающее положение; венгерская инсуррекция отразила все атаки имперских войск, и для подавления ее Франц-Иосиф принужден был обратиться к помощи русской армии. Судьба, которая за истекшие годы не переставала улыбаться Пруссии, давала ей последний удобный случай подчинить себе Германию или оставляла ей по крайней мере последнюю лазейку для того, чтобы с честью и выгодой выпутаться из ложного положения, созданного для нее боязливым честолюбием короля.

Партизаны германского объединения принимали поставленные им условия без возражения. Прежде они надеялись утвердить единство на свободе; горький опыт заставил их ограничить свои желания и умерить свои притязания; они готовы были сделать всевозможные уступки, лишь бы получить сильное правительство, способное обеспечить стране почетное положение в концерте держав. Среди либеральных профессоров и чиновников государственная идея брала верх над стремлениями к свободе. Главные вожди бывшего правого центра, Гагерн, Дальман, Мати, Гергенган, созвали своих сторонников на съезд в Готу с целью обсудить вопрос, какой тактики следует держаться ввиду сделанных Пруссией предложений. На это приглашение отозвалось 150 депутатов. Некоторые из них с горечью указывали на недостатки конституции, которую Фридрих-Вильгельм предлагал Германии, на то недоверие, которое невольно вызывали люди, сначала всячески мешавшие деятельности народного парламента, а теперь выступающие в роли творцов национального единства.

Против этих доводов трудно было что-нибудь возразить, и Гагерн, Беккерат или Яков Гримм даже не пытались этого делать; они старались только доказать наличность смягчающих вину обстоятельств: положение, дескать, крайне серьезное; можно опасаться, что Германии предстоит полное возвращение к тому жалкому политическому состоянию, которое существовало до революции; следует спешить, пока у Австрии еще связаны руки; прусские министры, если даже признать,

что их политика отличается нерешительным характером, будут увлечены теми элементами, которые к ним пристанут, и вынуждены будут согласиться на уступки; отказаться принять объединение из рук государей значило бы совершить такую же ошибку, какую сделали монархи, отказавшись принять его из рук народа.

После бурных дебатов 130 депутатов заявили, что «убежденные попрежнему в том, что национальное собрание, вотируя конституцию 28 марта, действовало сообразно тогдашнему положению вещей в Германии, они тем не менее признают невозможность практического применения этой конституции» и готовы оказать содействие тем государям, которые попытаются осуществить объединение Германии иными путями (28 июня). С этого времени сторонники национального объединения Германии получили название «Готской партии»; забывши, с какой бесцеремонностью Пруссия презрительно отвергла их предложения, они отдавали себя во власть прусской монархии со связанными руками и ногами.

Мы не хотим преувеличивать значения этой декларации, но должны признать, что она не осталась без некоторого влияния на решения мелких владетельных князей; некоторые из них давно уже прислушивались к тому, что говорится в Берлине, а другие были слишком слабы для того, чтобы сопротивляться давлению общественного мнения; некоторые, наконец, ничуть не дорожили той хрупкой и незначительной властью, которой они пользовались на деле. 28 государей, в свое время признавших франкфуртскую конституцию, примкнули к Прусской унии, которая с этого момента обнимала всю Германию, кроме Австрии, Баварии, Вюртемберга, Люксембурга, Гессен-Гомбурга и княжества Лихтенштейн. Но прусский король не сумел воспользоваться удачным поворотом счастья, и вскоре ход событий доказал всю проницательность депутатов, составлявших меньшинство на Готском съезде и решительно отказывавшихся верить в энергию и искренность людей, которые взяли в свои руки направление германской политики.

Австрия не признавала за всеми этими государями права отдавать свою судьбу в руки Пруссии. Только война могла принудить Австрию отказаться от своих традиционных притязаний, но Фридрих-Вильгельм с ужасом отступал перед этой грозной перспективой, не столько по трусости и моральному ничтожеству, сколько потому, что в такой войне он видел своего рода братоубийственное дело. Он ничуть не дорожил делом рук своих; Герлах и старопрусская партия старались

объяснить ему все затруднения и всю опасность, связанные с дальнейшим существованием Прусской унии. По их мнению, правительству предстоит достаточно возни с прусским парламентом, и поэтому не имеет никакого смысла навязывать себе на шею новое пестрое собрание, контроль которого будет только стеснять королевскую политику. Если этот союз и даст Пруссии некоторый выигрыш в смысле материальной силы, то она гораздо больше потеряет от неизбежного усложнения правительственного механизма, внутренних трений и нескончаемых споров. Эти аргументы вполне совпадали со скрытыми заботами короля, но он все-таки никак не решался окончательно расстаться со своими мистическими проектами. Он ждал какого-то чуда, которое заставит его соперников раскаяться и подчиниться его желаниям; но, к несчастью, Шварценберг не был так сентиментален и мягок, как либералы франкфуртского парламента, и Пруссия мало-помалу заходила в тупой переулок, выбраться из которого можно было только или страшной войной, или унизительным отступлением.

Роспуск Прусской унии. Все лето 1849 года прошло в нерешительных действиях короля, инертность и колебания которого в конце-концов привели к полному упадку его влияния. Общество согласилось примириться с прусским планом не потому, что он возбуждал в нем какой-нибудь энтузиазм, а просто потому, что из двух зол приходилось выбирать меньшее; но поведение Фридриха-Вильгельма разочаровало самых пылких оптимистов. За последние два года общество быстро переходило от одной надежды к другой; теперь оно больше не ждало ничего хорошего; раз становилось ясно, что Германии предстоит возвращение к старому порядку, то всем хотелось как можно скорее покончить с этим невыносимым положением; общество жаждало только покоя. Теперь у государей руки были развязаны, и все те, кто примкнул к союзу только из страха перед радикалами или перед Пруссией, увидели, что до сих пор они дрожали просто перед призраками, а раз убедившись в этом, они решили сбросить свои цепи.

Фридрих-Вильгельм, казалось, сам приглашал их сделать этот шаг. Он был женат на сестре эрцгерцогини Софии, матери Франца-Иосифа; она чувствовала к своему племяннику чисто материнскую любовь. Эти семейные отношения всегда имели сильное влияние на чувствительную душу короля; во время свидания в Пильнице (сентябрь 1849 г.) его легко убедили подписать соглашение, по которому Пруссия и Австрия брали на себя заведывание общими делами Германии до 1 мая 1850

года. Он видел в этом соглашении просто удобный путь для спокойного подготовления союзной реформы; Австрия же, наоборот, делала этим актом первый шаг к восстановлению старого франкфуртского сейма.

Это прекрасно поняли и народ и государи: венское правительство порывало с революцией и не признавало никаких легальных основ, кроме трактатов 1815 года. Партикуляристские тенденции, которые временно было ослабели, возобновились с еще большей силой, так как на этот раз успех казался им более обеспеченным. Когда административный совет Прусской унии предложил созвать избирателей для избрания депутатов в давно обещанный парламент, то Ганновер и Саксония бурно протестовали, а так как совет не обратил на их протест никакого внимания, то оба короля отозвали своих посланников; Австрия оказала им энергичную поддержку. 27 февраля 1850 года Саксония подписала с Баварией и Вюртембергом «договор четырех королей», хотя Ганновер официально и не примкнул к этому союзу, но истинные его намерения не подлежали никакому сомнению: в силу этого договора германский союз должен был управляться директорией из 7 членов (Пруссия, Австрия, четыре указанные государства и оба Гессена), при которой должен был состоять парламент из 300 депутатов, поровну избираемых Австрией, Пруссией и остальной Германией. Австрия немедленно приняла предложение Баварии и Саксонии и только потребовала, чтобы в состав реорганизованной Германии входили все австрийские провинции. Это было окончательным крушением прусских надежд. Отданная во власть коалиции своих противников, Пруссия в известном смысле перестала бы существовать в качестве независимой державы; ей предлагали тратить свои силы на поддержание ее соперницы.

Принц Луи-Наполеон, который искал в это время союзников, послал в Берлин своего наперсника Персиньи, с тем чтобы нащупать почву и постараться завязать связи. Наполовину немец, дружественно расположенный к стране, в которой он провел часть своей молодости, Персиньи ничего не имел против того, чтобы Пруссия округлила свою территорию; он предлагал ей поддержать ее проекты за небольшое «вознаграждение», например, за Ландау. В качестве импровизированного дипломата, Персиньи, в котором было больше пылкости, чем проницательности, внес в свои предложения столько бестактности, что крайне возмутил Фридриха-Вильгельма. Последний был еще слишком проникнут воспоминаниями о священном союзе, и Франция рисовалась ему в качестве наследственного

врага; мысль о том, что разрыв с Австрией может толкнуть его в объятия принца-президента, еще сильнее побуждала его к примирительной политике. Но все-таки вызывающее поведение Саксонии и Баварии резко задевало его самолюбие, и Радовицу удалось добиться от него согласия на принятие двух мер, перед которыми он отступил бы раньше.

Уже несколько месяцев он, несмотря на требования прусского парламента, оттягивал окончательное утверждение октроированной им конституции, которая, по его мнению, была еще сильно окрашена радикализмом. Либеральное меньшинство с бо́льшим мужеством, чем с успехом, старалось отстоять некоторые завоевания мартовских дней; постепенно ему пришлось отказаться от свободы печати, от присяги солдат хартии, от права не утверждать существующие уже налоги; правительству предоставлено было право издавать указы, имеющие силу закона. Но всех этих уступок было еще недостаточно: король потребовал пересмотра 15 статей, и парламент подчинился и на этот раз. Тем не менее, несмотря на всю свою уступчивость, он, быть может, не получил бы никакой награды за свое смирение, если бы не осложнения во внешней политике. В предвидении внешнего конфликта правительство благоразумно рассчитало, что не следует восстановлять против себя народ.

Не без глубокой скорби решился Фридрих-Вильгельм присягнуть, наконец, на верность конституции; в сущности говоря, теперь палата была просто-напросто совещательным учреждением, и король мог быть уверен, что неопределенный и ослабленный контроль такого парламента не угрожает его власти никакой серьезной опасностью. Тем не менее совесть короля была неспокойна, и совершавшаяся в его душе внутренняя борьба ясно выразилась в произнесенной им речи: «Я и мой дом, — сказал он, — мы хотим служить господу богу! Сегодня я в первый раз и в последний раз выступаю перед депутатами страны, не покрытый ответственностью моих советников, а один, лично, как человек чести, который хочет дать то, что у него есть самого дорогого, свое слово, произнести решительное и обдуманное «да». Конституция родилась в такую годину, которую верность грядущих поколений захочет слезами смыть и вычеркнуть из истории Пруссии, и на всех частях ее лежит клеймо ее происхождения. Но в том исправленном виде, который она получила в настоящее время, я могу присягнуть ей на верность; я могу это сделать в надежде, что мне дадут возможность управлять на ее основании, что верность народная окажет мне поддержку против злонамерен-

ных людей, которые пожелают прикрыть свою испорченность свободой, дарованной королем, и смотреть на эту хартию, как на устранение божественного провидения» (6 февраля 1850 г.).

Одной из отличительных черт характера Фридриха-Вильгельма было то, что на него ни в чем нельзя было решительно полагаться; на него не действовали ни советы, ни логика событий; если он иногда и откладывал осуществление своих планов, то окончательно он никогда от них не отказывался. В тот самый момент, когда он присягал на верность конституции, он уже помышлял о дальнейшем ее изменении, причем он основательно рассчитывал на тупую покорность своих подданных и на их почти безграничную угодливость. Он отказался по крайней мере от мысли о восстановлении чистого абсолютизма, а при бессилии и безнадежном положении тогдашних немецких либералов для них достаточно было какого-нибудь проблеска, какой-нибудь слабой надежды на лучшее будущее, для того чтобы они все-таки отдавали предпочтение Пруссии.

В это время в государствах, объединенных под гегемонией Пруссии, состоялись, наконец, давно ожидаемые и неоднократно откладываемые выборы. Парламент состоялся в Эрфурте 20 марта. Смирение этих депутатов, которые для того, чтобы склонить избранного ими государя признать их своими верноподданными, старались предупредить все его фантазии, производит и трогательное и вместе с тем комичное впечатление; большинство из них принадлежало к Готской партии; они были больше роялистами, чем сам король, и в данном случае слова эти следует понимать в буквальном смысле. Им предложено было внести в конституцию 26 мая 1849 года некоторые изменения, обусловленные выступлением из союза Саксонии и Ганновера; слово «конфедерация» было заменено словом «союз»; коллегия государей была сокращена с семи человек до пяти; ни на одно предложение они не возразили ни слова. Скоро они заметили, что их излишняя услужливость не нравится начальству и что их холопство признается бестактностью; король хотел, чтобы они изменили основную хартию: но в каком смысле? в каком пункте? Решение этих вопросов предоставлено было их собственной догадливости. Радовиц предупредил их, что чрезмерным усердием они рискуют скомпрометировать все дело, а затем погрузился в молчание оракула.

Собрание пустилось на хитрости; оно решило сначала принять конституцию целиком (для того чтобы создать таким

образом «совершившийся факт» и окончательно привязать Фридриха-Вильгельма к Унии), а затем рекомендовать правительствам принять целый ряд предложенных поправок. При всем том собранию не удалось удовлетворить короля, оно разошлось с печальным сознанием, что оно играло дурацкую роль в комедии, к которой никто серьезно не относился, и с чувством сожаления о том, что оно принесло свои убеждения в жертву королю, который даже не догадывался о горечи этой жертвы и уже решил столковаться с Австрией.

Нашлись горячие головы, которые захотели довести начатое дело до конца, в том числе князь Эрнест Саксен-Кобургский. Он играл до известной степени роль мухи, помогавшей тащить телегу, и возбуждал к себе подозрительное отношение Елисаветы и партии «Крестовой газеты», прекрасно знавшей слабые стороны короля, которого легко было увлечь фантастическими планами. Чтобы вырвать его из-под влияния ревниво окружавшей его «старопрусской» камарильи, князь предложил ему созвать входивших в Унию государей на съезд в Готу. Этот план способен был вскружить романтическую голову Фридриха-Вильгельма: окруженный торжественным кортежем государей, он мог бы вообразить, что возродилась эпоха Гогенштауфенов. Королева вместе с камарильей отпарировала этот удар; съезд состоялся, но не в Готе, а в Берлине (май 1850 г.), и с этого момента потерял всякое значение. Под более или менее благовидными предлогами введение в действие конституции Унии было снова отложено; теперь никто уже не составлял себе никаких иллюзий относительно близкого будущего, а большинство членов Унии выжидало только удобного предлога, для того чтобы снова занять свое место в свите Австрии. Теперь у Шварценберга руки были развязаны; 13 августа 1849 года Гёргей сложил оружие при Виллагоше, а 27 сентября капитуляция Клапки при Коморне ознаменовала конец венгерского восстания. Венеция была покорена (август), туринский парламент утвердил мирный договор, заключенный Виктором-Эммануилом (декабрь), Италия лежала у ног Радецкого. Эти быстрые успехи несколько опьянили австрийских государственных деятелей, и они готовились расправиться с Пруссией так, как они расправились с Пьемонтом.

Кризис. Раньше чем произвести на Унию решительную атаку, Шварценберг занялся ее расшатыванием: он настаивал на отречении великого герцога Баденского, который связал себя по отношению к Пруссии слишком определенными обяза-

тельствами; поддерживал мекленбургское рыцарство против его монарха, предлагал свою поддержку гессенскому курфюрсту, который согласился на предложение Фридриха-Вильгельма только после самого упорного сопротивления и давно уже собирался порвать с Унией. Вюртембергский король Вильгельм I, уверенный в поддержке австрийского кабинета, объявил объединение Германии опасной химерой, а союз 26 мая 1849 года — новым Зондербундом и самоубийством Германии.

Когда общественное мнение оказалось достаточно подготовленным, Шварценберг раскрыл свои карты и 26 апреля 1850 года пригласил немецкие правительства прислать во Франкфурт своих уполномоченных, чтобы заменить временную австро-прусскую комиссию, полномочия которой к этому времени истекали. Восстановляя таким образом собственной властью старый союзный сейм, он вместе с тем послал Фридриху-Вильгельму угрожающий ультиматум. Если только Пруссия не хотела рискнуть на грозную войну, то у нее оставался один лишь выход: это — скромно занять снова свое прежнее место среди остальных союзных государств, озлобленных ее честолюбивыми проектами и готовых нагло издеваться над ее отступлением. Вся Германия разделилась на два лагеря: с одной стороны, партизаны Пруссии, а с другой.— все те, кто не желал подчиниться ее гегемонии.

10 мая 1850 года при открытии сейма представлены были только четыре упомянутых королевства, Гессен-Гомбург и Люксембург; но скоро ряды прусских союзников поредели благодаря измене: оба Гессена, Шаумбург и Стрелиц послали во Франкфурт своих делегатов. Не обращая внимания на протест Фридриха-Вильгельма, президент заявил (2 сентября), что сейм правильно конституировался и что решения его обязательны для всех членов союза. Король поднял брошенную перчатку и назначил Радовица министром иностранных дел. Он упустил удобный момент для получения некоторых уступок, и теперь он упорствовал уже из нелепого самолюбия. Герлах и Бисмарк старались ему растолковать, что не имеет никакого смысла рисковать страшной войной для сохранения под своим влиянием дюжины мелких государей, не способных оказать ему никакой реальной помощи и являвшихся его вассалами не в силу специальных договоров, а по самой сущности вещей. Король не возражал на эти доводы и решился не итти до конца. Но ему было крайне тяжело отказаться от всех своих планов, так как он убедил себя, что его честолюбивые стремления вызываются его преданностью интересам общего отечества.

Он не усматривал никакого неудобства в дальнейшем сопротивлении, так как он полагал, что Шварценберг, как и он сам, с ужасом отступит перед перспективой междоусобной войны; он упорно закрывал глаза на очевидность, отказывался признать, что прусские проекты, в какой бы форме он их ни выставлял, угрожают австрийскому влиянию в Германии, и каждый раз придумывал новые нелепые и неосуществимые проекты. Его считали лицемером; вернее было бы сказать, что он обманывал сам себя, ставя себя в ложное положение и поддаваясь сумбурным мыслям, и что ему никак не удавалось примирить свою совесть с атавистической алчностью. Несмотря на свет, пролитый на характер Фридриха-Вильгельма его корреспонденцией и свидетельствами некоторых близких к нему лиц, как Бунзен, Герлах, Реймонт и Ранке, историк с недоумением останавливается перед этой таинственной и неопределенной личностью. Не следует во всяком случае удивляться, что такой человек приводил в отчаяние своих противников.

Второстепенные дворы толкали Шварценберга вперед; в Мюнхене и Дрездене Пфордтен и Бейст замышляли широкие планы. Изречение, которое приписывается князю Шварценбергу: «следует сначала унизить Пруссию, а затем ее уничтожить», быть может, не совсем верно; но это изречение во всяком случае точно выражало заветную мечту мелких государей. Им улыбалась мысль о том, чтобы сбить спесь с этого выскочки среди других государств, который систематически и в продолжение столетий отодвигал их на задний план, и вычеркнуть гогенцоллернский эпизод из истории Германии. Австрийские войска сосредоточивались в Богемии, а Максимилиан II усиливал численный состав своей армии. В Бреченце, на берегу Констанцкого озера, состоялось свидание между ним, Вильгельмом I и Францем-Иосифом: «Я старый солдат, — сказал вюртембергский король, — и не люблю фраз. Достаточно сказать, что я готов исполнить приказания своего императора, куда бы последний меня ни послал». Франц-Иосиф на это ответил, что с такими товарищами никакой противник ему не страшен (октябрь 1850 г.).

В действительности Шварценберг далеко не был спокоен. Слишком продолжительный период мира ослабил прусскую армию; несколько чрезмерная бережливость Фридриха-Вильгельма III, а также несколько небрежное и причудливое ведение дел при его преемнике привели к отрицательным результатам: генералы были слишком преклонного возраста, кадры — крайне немногочисленны, а солдаты, состоявшие на действи-

РОБЕРТ БЛЮМ
1807—1848

Neue

Rheinische Zeitung

Organ der Demokratie.

№ 301 Köln Samstag, den 19 Mai 1849.

Abschiedswort der Neuen Rheinischen Zeitung.

Kein offner Hieb in offner Schlacht –
Es fällen die Nücken und Tücken,
Es fällt mich die schleichende Niedertracht
Der schmutzigen West-Kalmücken!
Aus dem Dunkel flog der tödtende Schaft,
Aus dem Hinterhalt fielen die Streiche –
Und so lieg' ich nun da in meiner Kraft,
Eine stolze Rebellenleiche!

Auf der Lippe den Trotz und den zuckenden Hohn,
In der Hand den blitzenden Degen,
Noch im Sterben rufend: „Die Rebellion!" –
So bin ich mit Ehren erlegen.
O, gern wohl bestreuten mein Grab mit Salz
Der Preuße zusammt dem Czare –
Doch es schicken die Ungarn, es schickt die Pfalz
Drei Salven mir über die Bahre!

Und der arme Mann im zerriss'nen Gewand,
Er wirft auf mein Haupt die Schollen;
Er wirft sie hinab mit der fleißigen Hand,
Mit der harten, der schwielenvollen.
Einen Kranz auch bringt er aus Blumen und Mai'n,
Zu ruh'n auf meinen Wunden;
Den haben sein Weib und sein Töchterlein
Nach der Arbeit für mich gewunden.

Nun Ade, nun Ade, du kämpfende Welt,
Nun Ade, ihr ringenden Heere!
Nun Ade, du pulvergeschwärztes Feld,
Nun Ade, ihr Schwerter und Speere!
Nun Ade – doch nicht für immer Ade!
Denn sie tödten den Geist nicht, ihr Brüder!
Bald richt' ich mich rasselnd in die Höh,
Bald kehr' ich reisiger wieder!

Wenn die letzte Krone wie Glas zerbricht,
In des Kampfes Wettern und Flammen,
Wenn das Volk sein letztes „Schuldig!" spricht,
Dann stehn wir wieder zusammen!
Mit dem Wort, mit dem Schwert, an der Donau, am Rhein, –
Eine allzeit treue Gesellin
Wird dem Throne zerschmetternden Volke sein
Die Geächtete, die Rebellin!

F. FREILIGRATH.

Последний номер «Новой Рейнской газеты» с прощальным стихотворением Фрейлиграта:

«Так прощай же, мир, но не навсегда!
Дух они не убили, о братья!
Скоро, скоро опять я вернусь сюда
И за меч свой возьмусь я!»

тельной службе не свыше двух лет, не всегда были достаточно обучены. Недостатки военной организации, которые с особенной яркостью обнаружились только во время событий 1848—1850 годов, составляли предмет серьезной заботы военного начальства. При всем том эти недостатки были не так уже велики, так что наследный принц Вильгельм, человек уже не молодой, не увлекающийся и прекрасно знакомый с военными вопросами, считал победу над Австрией возможной. Он рассчитывал на патриотизм возбужденного населения. Венский двор прекрасно понимал, что предстоящая война далеко не будет победным шествием, как это воображал Бейст. Значительная часть австрийской армии связана была в Италии, а отозвать эти войска правительство не решалось из страха вызвать таким образом новое восстание. В расквартированных в Богемии дивизиях процент венгерцев был довольно высок, и полагаться на их преданность было несколько рискованно; политика Стадиона и Баха восстановила против правительства все национальности; казна была пуста, а кредит почти не существовал. При таких условиях Австрия могла надеяться на победу только в случае решительной помощи со стороны России.

В это время царь Николай I пользовался в Европе авторитетом, который далеко превосходил его действительные силы. Революционный поток остановился у пределов его империи, а его престиж возрос пропорционально падению престижа остальных монархов: он спас Австрию; к нему обращались взоры всех реакционеров, напуганных революцией. Как это часто бывает, его личные чувства обострились под влиянием ненависти и надежд, возносившихся к его трону, и он стал позировать своими убеждениями. Ему нравилась роль защитника законности и порядка. Он строго осудил заигрывание своего шурина с революцией и одно время помышлял даже силой освободить его от интриг либералов. Когда однажды генерал Донà, присутствовавший на русских маневрах, поздравил его с прекрасным видом солдат, то царь быстро возразил: «Они вам нравятся. Так я вам их даю. Возьмите их, идите на Берлин и освободите короля». Смущенный несколько Донà холодно ответил, что прусский офицер исполняет только приказания своего государя.

Политика Радовица не рассеяла, конечно, неудовольствия Николая против коварных и нерешительных действий берлинского кабинета; но от этого брюзжанья было еще далеко до открытого разрыва с Фридрихом-Вильгельмом, к которому царь чувствовал живую симпатию. В августе 1850 года Нико-

лай приехал в Берлин, и взаимные отношения обоих дворов, по крайней мере наружно, получили характер прежней сердечности. Король дал ему доказательство почтения, к которому Николай был чрезвычайно чувствителен. По истечении заключенного в Мальме перемирия, военные действия в герцогствах возобновились (апрель 1849 г.), причем пруссаки сначала отбросили датские войска в целом ряде сражений; но на границе Ютландии они остановились, и осаждавшие Фредерицию инсургенты, захваченные датчанами врасплох (6 июля), потерпели полное поражение. Европейские державы снова вмешались и принудили воюющие стороны заключить перемирие. После долгих переговоров Фридрих-Вильгельм подписал с Данией договор, по которому восстановлялось *statu quo ante bellum* (2 июля 1850 г.); но договор этот был составлен в таких двусмысленных выражениях, что Пруссия при желании могла во всякое время возбудить новый конфликт. Царь, страстно желавший восстановления порядка в герцогствах, чувствовал тем не менее величайшую признательность к Фридриху-Вильгельму за выказанное ему уважение и возмущался тем недовольством, которое обнаружил по этому поводу сейм.

Шварценберг был крайне этим встревожен и сделал Пруссии выгодные предложения, которые сводились к следующему: исполнительная власть в союзе будет принадлежать обеим крупным немецким державам; президентство в сейме переходит поочередно от Пруссии к Австрии; австрийский император признает Прусскую унию, ограниченную Северной Германией. Но это примирительное настроение продолжалось недолго; во время свидания с Нессельроде в Ишле Шварценбергу удалось вернуть себе расположение царя присоединением к Лондонскому протоколу (2 августа 1850 г.), по которому Франция, Англия, Россия и Швеция гарантировали неприкосновенность Дании, в то время как Фридрих-Вильгельм снова умудрился восстановить против себя Россию.

В то время Кургессен управлялся Фридрихом-Вильгельмом I, которого Радовиц сравнивал с Калигулой; это было, впрочем, преувеличением. Курфюрст был просто маленьким тираном, озлобленным мизантропом, сварливым грубияном; его женитьба на разведенной жене капитана, особе сомнительной репутации, графине Шаумбург, поставила его в двусмысленное положение, от которого он сильно страдал; его дети лишены были престолонаследия; ему хотелось, по крайней мере, обеспечить их в материальном отношении, но конститу-

ция подчиняла финансовое управление строгому контролю парламента; чтобы избавиться от этого досадного контроля, он начал подготовлять государственный переворот, как вдруг подоспела революция. Когда первый испуг прошел, он снова вернулся к своему первоначальному плану и пригласил в министерство Гассенпфлуга, бессовестного честолюбца, который однажды уже принужден был оставить свое отечество и искать счастья в Пруссии (февраль 1850 г.).

Гассенпфлуг сознательно искал конфликта с палатами и отказался представить им бюджет. Гессенцы — народ упорный; либералы, которые имели все основания не доверять своим государям, очень ловко составили конституцию. Курфюрст приказал чиновникам взимать налоги вопреки запрещению парламента; когда суды запретили им делать это и чиновники повиновались, то курфюрст прибегнул к военной экзекуции: тогда 241 офицер подали в отставку.

Фридрих-Вильгельм поспешил во Франкфурт, чтобы просить у союза помощи против своих подданных; его просьба была немедленно принята, и австро-баварский корпус готовился уже вступить в гессенские пределы. Но Радовиц протестовал против этого намерения самым решительным образом. Пруссия не признавала франкфуртского сейма, а следовательно, не считала его вправе принимать законные резолюции; главным же образом она не считала возможным допустить вступление австрийской армии в область, географически и исторически связанную с ее политикой, и позволить чужеземным батальонам водвориться в самом сердце монархии, между рейнскими провинциями и столицей.

Спор обострился еще вопросом о Голштинии. Инсургенты, официально оставленные Пруссией на произвол судьбы, отказались подчиниться; статья 4 Берлинского трактата позволяла Дании «требовать вмешательства Германского союза для осуществления своей законной власти в герцогстве». Австрия обещала ей свое содействие, тогда как прусское правительство, не решаясь открыто принять сторону бунтовщиков, придумывало всевозможные формальные затруднения, дававшие инсургентам возможность продолжать сопротивление.

Николай был крайне недоволен; граф Бранденбург поехал в Варшаву, чтобы постараться его успокоить. Зибель, который при составлении своей «Истории основания Германской империи» имел возможность пользоваться берлинскими архивами, доказал, что легенда, представляющая этого министра искупительной жертвой королевской слабости и повествую-

щая о том, что он умер от горя вследствие унижения, постигшего его отечество, ровно ни на чем не основана. Принимая условия, поставленные ему царем, Бранденбург не приносил никакой жертвы. Он чувствовал к голштинцам или гессенцам не больше симпатии, чем сам король, и не придавал никакого значения Унии, в которую входило несколько мелких государств; рисковать войной из-за какого-нибудь формального вопроса, да притом еще при самых неблагоприятных условиях, он считал безумием. Но что бы ни говорил Зибель, нельзя отрицать, что такое подчинение приказаниям иностранного государя несколько унизительно. Несомненно, что для Пруссии выгоднее было столковаться непосредственно с Шварценбергом несколькими месяцами раньше.

У царя не было никаких оснований для личной неприязни к Бранденбургу, и весьма вероятно, что он старался ослабить горечь положения, в которое попал прусский министр; он не хотел придавать делу особенной огласки, но он ясно дал понять, что если Пруссия будет попрежнему косвенно поддерживать голштинских или гессенских революционеров, то он не поколеблется поддержать Австрию; таким образом, он фактически требовал от Пруссии признания франкфуртского сейма и принуждал Фридриха-Вильгельма отказаться от всех своих проектов относительно Германии. Франц-Иосиф прибыл в Варшаву со своим министром: уверенные в расположении России, они выказали полную несговорчивость по всем существенным пунктам (28 октября 1850 г.), и Бранденбург выехал обратно в Берлин с тем, чтобы убедить своих коллег и короля согласиться на уступки, которые, по его мнению, необходимо было сделать.

В Берлине господствовало сильнейшее возбуждение. Радовиц готов был на полный разрыв; Фридрих-Вильгельм искал среднего пути: он хотел соблюсти достоинство и свалить на своих министров ответственность за эти тягостные решения; даже и в этот момент он не относился серьезно к угрозам Шварценберга, обманывал себя насчет истинного настроения царя и надеялся утомить своих противников и таким образом вырвать у них некоторые уступки. Но этот закоснелый оптимизм должен был привести только к более громкому поражению. Бранденбургу не стоило особого труда доказать, что раз решено принять условия Австрии в основных пунктах, то не имеет никакого смысла ставить на карту существование монархии из-за формальных тонкостей и самолюбия.

В заседании совета 2 ноября большинство, несмотря на

энергичное сопротивление наследного принца, отклонило мобилизацию и приняло составленный в очень примирительном духе проект ноты для посылки Шварценбергу: Пруссия отказывалась от Унии и в принципе не противилась союзной экзекуции в Гессене, настаивая лишь на известных гарантиях. Король с несвойственной ему конституционной корректностью, которая в его уме далеко не означала полного отказа от нового поворота, склонился перед решением большинства. Радовиц подал в отставку, а Бранденбург удалился для того, чтобы составить ноту. Волнения и утомление последних дней расшатали его здоровье; состояние его быстро ухудшалось, началась агония, и, не приходя в сознание, он скончался в ноябре 1850 года.

Ольмюцкое унижение. Трагическая кончина Бранденбурга усилила общественное волнение и произвела, повидимому, некоторое впечатление на короля, который усмотрел в ней перст божий и вернулся к воинственным проектам. По своей обычной тактике он старался отвоевать шаг за шагом потерянную почву; прусские войска попрежнему стояли в Гессене лицом к лицу с союзным корпусом и преграждали ему дорогу. Таким образом, никогда разрыв не казался более вероятным, чем в тот момент, когда спорящие стороны пришли к соглашению относительно большей части спорных пунктов (ноябрь 1850 г.). Шварценберг лишь с крайней неохотой согласился на компромисс, который оставлял вещи в прежнем положении и давал Пруссии возможность вернуться к своим проектам при первом удобном случае; министры мелких дворов, в особенности Бейст, толкали его к более решительным действиям; противоречивая политика берлинского кабинета, который украшал цветами дружественных протестов и смиренных просьб свое непобедимое упорство, окончательно вывела его из терпения. Впрочем, он был уверен, что в решительный момент Фридрих-Вильгельм отступит, и поэтому он с ним не церемонился; посылаемые им ноты составлялись все в более высокомерных и настойчивых выражениях, причем они подкреплялись передвижением военных сил.

Ввиду деятельных вооружений Австрии и враждебной назойливости Баварии и Саксонии, Мантейфель, сделавшийся президентом прусского кабинета по смерти Бранденбурга, отдал приказ о мобилизации прусской армии, продолжая, впрочем, заявлять во всеуслышание, что он не преследует никаких враждебных намерений. Но Шварценберг, который нисколько в этом не сомневался, начал только действовать еще

более решительно и потребовал от Фридриха-Вильгельма, чтобы союзному корпусу в Гессене открыт был свободный пропуск. Командиру прусских войск в Гессене даны были самые мирные инструкции, «ввиду уважения, которое прусское правительство должно оказать русскому правительству». Ему не удалось предупредить небольшой стычки при Бронзелле (8 ноября); но офицеры успели прекратить сражение, а крайне взволнованный Мантейфель поспешил дать Шварценбергу решительные доказательства своей доброй воли; он заявил тем государям, которые остались верны Пруссии, что она отказывается от своих объединительных проектов, и высказал сожаление по поводу стычки при Бронзелле.

«Мы добились полной победы, — писал австрийский посланник в Берлине Прокеш-Остен. — Здешнее правительство находится в самом затруднительном положении; его фиаско настолько колоссально, что притворство никого не обманывает». Но даже и в этот момент король, «самым настойчивым образом просивший Шварценберга дать ему возможность явиться перед палатами», оговаривал свои права и обратился к прусскому парламенту с воинственным посланием: «он никому не угрожал, но требовал такого устройства Германии, которое соответствовало бы положению Пруссии в общем концерте держав». Доведенный до крайности и увлекаемый своими союзниками, Шварценберг ответил ультиматумом, в котором он заявил, что экзекуционный корпус дольше ждать не может, и спрашивал, дан ли Гребену приказ очистить ему дорогу?

Шварценберг требовал ответа в 48-часовой срок. Припертый к стене король приказал Мантейфелю попросить у Шварценберга свидания, а так как последний, совершенно справедливо видевший в этой конференции новую попытку проволочки, не спешил дать своего согласия на просимое свидание и не торопился отвечать на получаемые из Берлина депеши, то прусский министр, по приказу своего повелителя, отправился наудачу в Ольмюц; здесь он встретился с князем Шварценбергом, который поехал в Ольмюц против своей воли, по формальному желанию Франца-Иосифа (28 ноября). Посол Фридриха-Вильгельма находился в крайне скверном положении для ведения переговоров, и продиктованные ему условия нельзя назвать славными: Пруссия не должна была впредь оказывать никакого сопротивления союзной экзекуции в Гессене, оставить на произвол судьбы инсуррекционное голштинское правительство и поставить свою армию на мирную ногу; в награду за эти уступки ей было обещано созвать в

Дрездене конференцию, которая займется обсуждением союзной реформы.

Ольмюцкое соглашение вызвало в Пруссии взрыв яростного негодования. «Новая Пруссия похоронена», — писала жена наследного принца, принцесса Августа. «В нашей истории нельзя найти ничего подобного, — писал Бунзену граф Пурталес; — во всем этом есть нечто столь подавляющее, что я никак не могу подобрать ему подходящего названия». Повсюду говорили о новой Иене. «Неудача какого-нибудь плана всегда связана с неприятным чувством, — сказал Мантейфель в прусском парламенте, — но на сильных и на слабых людей она производит неодинаковое впечатление. Сильный человек отступает на один шаг, но не упускает из виду конечной цели и старается отыскать другие средства для ее достижения». Но эти неопределенные утешения не убедили большинства, и пришлось отсрочить заседания палаты.

Старопрусская партия гораздо скорее примирилась с этой неудачей, которая закрепляла поражение революции. «Прусская армия, — отвечал Бисмарк ораторам, нападавшим на Ольмюцкий договор, — не нуждается в том, чтобы представить новые доказательства своего мужества. Честь Пруссии, я глубоко в этом убежден, вовсе не требует, чтобы она сыграла в Германии роль Дон-Кихота». Что же касается короля то он был чрезвычайно доволен возобновлением дружественных отношений с венским двором и продолжал глядеть в будущее с доверием. Князь Шварценберг, весьма огорченный тем обстоятельством, что из рук его ускользнула верная, как ему казалось, победа, нисколько не щадил его иллюзий, и тон его депеш отнюдь не отличался примирительным духом: «Все даваемые газетами официальные объяснения производят жалкое впечатление, — писал он 19 декабря. — В них нет ни искренности, ни честности, и все сводится к хотению и нехотению, возможности и невозможности... Если в Берлине будут продолжать говорить на различных языках, подавать одну реплику направо, а другую налево, то скоро не замедлит обнаружиться, что установившееся согласие носит чисто внешний характер». Он резко напал на слова Мантейфеля, который пытался ослабить дурное впечатление, произведенное Ольмюцким договором: «Австрия, — говорил он в оглашенном циркуляре к своим агентам, — Австрия хотела показать, что ей претит воспользоваться своими громадными преимуществами для унижения Пруссии, но она ни в чем не пожертвовала ни своей собственной федеральной политикой, ни политикой своих союзников»; дальше он рассказывал

о растерянности, господствовавшей при прусском дворе, о «сумасшедших депешах» Мантейфеля, об его быстром отъезде на конференцию, добиться которой он не надеялся: «Император, мой августейший повелитель, не счел возможным отвергнуть столь скромно формулированную просьбу».

Дрезденская конференция и возвращение к старому порядку. Эти бестактные выходки нельзя объяснить одним деспотическим характером австрийского министра; он испытывал потребность щеголять своей победой потому, что чувствовал ее неполноту и неуверенность. Пруссия, принужденная отказаться от своих проектов, избежала катастрофы и осталась достаточно могущественной для того, чтобы внушать уважение своим врагам; мелкие государи, восстановленные против Шварценберга, которого они упрекали в том, что он помешал им вполне удовлетворить жгучее чувство мести, скоро вернулись к своей прежней политике золотой середины и стремились главным образом к установлению обеспечивавшего их независимость равновесия между обеими великими державами.

На Дрезденской конференции (23 декабря 1850 г.), они инстинктивно сгруппировались вокруг прусского делегата Альвенслебена, который требовал полного возвращения к условиям прежнего союза. Шварценберг предлагал учредить исполнительную директорию с довольно широкими полномочиями, в которой Австрия с уверенностью рассчитывала на большинство; он хотел, чтобы в союз допущены были все провинции австрийской монархии; таким образом, в случае нападения со стороны какой-нибудь иностранной державы, Австрия была бы поддержана Германией. Мантейфель отнесся с высокомерием к этим предложениям: по его словам, Пруссия готова была согласиться на подобную реформу лишь в том случае, если ей предоставлено будет совместно с Австрией президентство во франкфуртском союзном сейме. Пруссия понимала, что в этом вопросе она может рассчитывать на поддержку Европы.

Царь, который в то время замышлял нападение на Турцию и опасался противодействия со стороны Австрии, ничуть не был заинтересован в преобладающем положении ее в Германском союзе; он отрицательно относился к внутренней политике австрийского правительства, находил, что оно не считается с его советами, и полагал, что Австрия, столь многим ему обязанная, собирается обнаружить по отношению к нему самую черную неблагодарность. Западные державы заволновались, а французское правительство представило мемо-

рандум, в котором оно, ссылаясь на трактаты 1815 года, самым энергичным образом высказалось против замыслов венского двора. Не менее решительно настроена была Англия, где принц Альберт был убежденным противником Австрии.

Шварценберг должен был скоро признать, что ему не удастся убедить большинства, и с грустью закрыл конференцию. В деле преобразования союзного устройства он так же мало добился успеха, как и франкфуртский парламент или Пруссия. Объединительные попытки все без исключения разбились о невозможность примирения соперничающих честолюбивых стремлений, равно как о партикуляристические тенденции государей и народов и о недоверие Европы. 13 июня 1851 года союзный сейм, благодаря вступлению последнего упорствующего государства, княжества Вальдек, оказался в полном составе и снова приступил к своим обычным заседаниям.

Гофбург старался взять реванш в другой области: срок Таможенного союза истекал 1 января 1854 года, и венский кабинет надеялся помешать его возобновлению. В ожидании внутренних преобразований, которые впоследствии должны были позволить Австрии вступить в Цоллферейн, австрийское правительство выразило желание заключить с Таможенным союзом торговый договор, сводившийся к тому, что впредь тарифные ставки могли изменяться только по соглашению обеих договаривающихся сторон. Это равносильно было лишению Пруссии той гегемонии, которой она до тех пор пользовалась в Цоллферейне, причем в данном вопросе Шварценберг имел на своей стороне второстепенные немецкие государства, которые с величайшей охотой готовы были сбросить с себя опасное иго вассальных отношений. Но Пруссия с большим искусством расстроила план Шварценберга; она заключила договор с *Steuerverein*'ом (Ганновер, Ольденбург и Шаумбург-Липпе), которым во всех случаях обеспечивались свободные сообщения между обеими частями прусского королевства. Южногерманские государства метали громы и молнии, созывали одну конференцию за другой и угрожали соединиться с Австрией, которая предлагала им заключить с ними таможенный союз.

Пруссия отнеслась к этой буре с величайшим хладнокровием: распущение Цоллферейна грозило подорвать бюджеты всех мелких государей, они требовали от Австрии гарантии тех доходов, которые они рисковали потерять, а так как для Австрии эта гарантия равносильна была пожертвованию

50 000 000 франков, то она отступила перед перспективой такого расхода. Да и без того ей не легко было бы склонить их к такой перемене фронта, которая способна была резко нарушить интересы и привычки населения этих государств. Пруссия, благодаря договору с Ганновером, держала в своих руках устья больших германских рек и северные и северо-восточные торговые пути, так что государства центральной Германии целиком находились в ее власти.

Вся ловкость и вся энергия Шварценберга ничего не могли поделать с этими соображениями. После его скоропостижной смерти (5 апреля 1852 г.) преемник его граф Буоль-Шауэнштейн счел благоразумным прекратить этот спор, в котором он не мог рассчитывать на победу, а 8 апреля 1853 года Таможенный союз был возобновлен на 12 лет; теперь он обнимал 9046 квадратных миль, на которых жило 35 миллионов человек.

Если Пруссии, благодаря ошибкам короля, и не удалось объединить Германию под своей гегемонией, то в конце-концов она вышла из кризиса с большими силами. Унижение, которое ей пришлось испытать, не пошатнуло ее веры в свое будущее, а оставило только в сердцах жгучее желание реванша и вместе с тем выяснило необходимость военной реформы, которая должна была подготовить страну к решительной войне. С своей стороны сторонники национального единства убедились, что без союза с Пруссией они бессильны, а для снискания этого союза они готовы были согласиться на какие угодно условия; падение демократической партии избавило их от опасных конкурентов, а в то же время малодушие и мелочный деспотизм мелких государей ослабляли те узы, которые связывали народы с местными династиями.

Восстановленный франкфуртский сейм немедленно принялся с лихорадочным жаром за истребление всех следов революции. 23 августа 1851 года он отменил «основные права» немцев и пригласил «правительства безотлагательно принять необходимые меры для устранения из действующего законодательства тех постановлений, которые не согласны с союзными законами или противоречат цели союза». Повсюду новые конституции были отменены; тем государям, которые не решались так бессовестно нарушить данные ими своим подданным обещания, грозили союзной экзекуцией, так что им пришлось с большей или меньшей готовностью подчиниться требованиям сейма. На прессу надет был намордник, право союзов введено в самые тесные пределы, а правительственное давление повсюду обеспечило избрание послушного парламент-

ского большинства. Для борьбы с духом времени правительства обратились к содействию церкви, заключили конкордаты с Римской курией, в пользу которой отказывались от всех прав светского государства, и начали поддерживать мелочную и нетерпимую ортодоксию. Нигде реакция не приняла более резкой формы, чем в Гессен-Касселе, где население подвергнуто было настоящему режиму террора.

Эти репрессивные меры ясно показали, каким сильным страхом охвачены были монархические правительства. Они с недоверием смотрели на будущее и чувствовали, что их положение вполне зависит от какой-нибудь непредвиденной случайности. А все их усилия, направленные к предупреждению этой случайности, только восстановляли против них население и лишь приближали наступление катастрофы.

ГЛАВА IV

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕАКЦИЯ В АВСТРИИ

1848—1859

I. РЕВОЛЮЦИЯ (1848—1849)

Революция в Вене. Первые известия о февральских событиях в Париже получены были в Вене 29 февраля 1848 года. Полиция по обыкновению думала покончить с волнением, хватая направо и налево всех, кто заговаривал на улице об этом опасном предмете. Но на этот раз немедленно началась оппозиционная кампания. Книготорговцы подали петицию, в которой они требовали, чтобы австрийская цензура перестала относиться к печатному слову строже римского Индекса. Студенты подавали адреса в пользу свободы слова, печати и преподавания. Съезд Промышленного общества Нижней Австрии в скрытых выражениях представил своему покровителю, эрцгерцогу Францу-Карлу, брату императора, политические пожелания торгово-промышленных слоев. Политико-юридический клуб, бывший сборным пунктом венской интеллигенции, также подал петицию; адвокат Александр Бах составил известную программу либеральной буржуазии, требовавшую отмены цензуры, публичного судопроизводства, учреждения национального представительства и подписанную, между прочим, некоторыми высокими сановниками. Члены императорской семьи и влиятельные придворные советовали сделать некоторые уступки общественному мнению. Но когда прошел первый страх, то конференция министров снова воспрянула духом, так как правительство считало венцев неспособными к революции. 8 марта Меттерних сообщил президенту союза книгопродавцев, что в продолжение нескольких недель он не сможет заняться рассмотрением их петиции.

«Революция назначена на 13 марта». Эта фраза, наполовину ироническая, наполовину выражавшая смутные на-

жды и ходившая в политических кружках, была характерна для тех ожиданий, которые возлагались на чинов нижне-австрийского сейма, созванного на 13-е число. Авторы петиций, не полагаясь на собственные силы, хотели доверить судьбу своих ходатайств «конституционному выразителю народных желаний». Толпа, собравшаяся сначала перед домом заседаний земских чинов и в прилегающих дворах, но скоро возбужденная речами импровизированных ораторов, волнуемая слухами о заговоре и известием о приближении войска, ворвалась в залы дворца. Только тогда земские чины согласились отправиться к императору и сообщить ему о требованиях народа. В то время как они шли в императорский дворец, войска эрцгерцога Альберта, толкаемые, теснимые, раздраженные ругательствами и, наконец, бомбардируемые из окон, открыли огонь. Толпа разбежалась по дальним кварталам, рассказывая повсюду о произведенном избоище, и увлекла рабочих в инсуррекционное движение.

Тем временем во дворце конференция министров, со всех сторон осаждаемая делегациями, университетом, земскими чинами и буржуазией, соглашается на провозглашение свободы печати и учреждение гражданской гвардии. Меттерних, увидав, наконец, воочию, каковы истинные народные чувства, выходит в отставку. После непродолжительного сопротивления (14 марта генерал князь Виндишгрец облечен был диктаторской властью) двор решительно пошел на уступки: 15 марта императорское воззвание обещало жителям Вены созыв учредительного собрания «в целях конституционного устройства отечества».

Революция в австрийских провинциях. Вена играла роль центра только для немецких провинций Австрии, и только в этих провинциях венские события дали толчок к революционному движению, не представлявшему, впрочем, особенно серьезного значения.

В Галиции воспоминания 1846 года и врожденная ненависть крестьян к панам предохранили австрийскую администрацию от серьезных замешательств. Польская аристократия и не думала воспользоваться падением Меттерниха и последовавшей за ним анархией, а поспешила укрыться в городах от грозных мужицких кос.

Напротив, в Богемии, где фрондирующее дворянство, либеральная немецкая буржуазия и масса чешского народа совместно боролись против меттерниховской системы, революционное движение с самого начала приняло довольно оригинальную форму. По получении известий о парижских событиях

и об отраженном их действии на Германию, в Праге составился национальный комитет; народное собрание, созванное на 11 марта, без прений решило послать в Вену петицию, требовавшую свободы собраний, учреждения национальной гвардии, отмены феодальных повинностей и кроме того (в очень туманных выражениях) более тесного слияния Богемии, Моравии и Силезии, этих трех областей короны святого Вячеслава.

Но вместо ожидаемой триумфальной встречи, делегация, вернувшаяся с благоприятным ответом правительства, натолкнулась в Праге на почти враждебный прием. В ее отсутствие движение приняло демократический характер и в силу того, что низшие классы населения состояли главным образом из чехов, — более резкую национальную окраску. В Вену послана была вторая петиция, которая требовала особого министерства для Богемии, ответственного перед местным ландтагом, широкой законодательной и административной автономии, права для богемского сейма рассмотреть будущую австрийскую конституцию для согласования ее постановлений с интересами провинции и, наконец, полного равенства чешского и немецкого языков. Императорский указ от 8 апреля удовлетворил все эти требования.

В Вене чрезмерные требования чехов и интриги Пруссии в Германском союзе вызвали реакцию немецко-национального чувства. Вена хотела остаться столицей Австрии и снова сделаться столицей Германии; поэтому ее возмущали и сепаратистские стремления Богемии, этого «лена Германской империи», и притязания Фридриха-Вильгельма IV на гегемонию в Германии. Жители Вены противопоставляли берлинскому «палачу» доброго Фердинанда, который «не позволяет стрелять в венцев»; воспоминанию о Фридрихе II — воспоминание о Иосифе II; узурпаторским замашкам Гогенцоллернов — права Габсбургов. 2 апреля громадное черно-красно-золотое знамя, символ новой Германии, взвилось на колокольне собора св. Стефана. Скоро имперские цвета, черный и желтый, начали преследоваться в Вене, тогда как в Праге население демонстративно выставляет их напоказ и открывает гонение на трехцветное немецкое знамя.

Революция в Венгрии. Законы 1848 года. Собравшийся в ноябре 1847 года в Пресбурге сейм очутился лицом к лицу перед совершенно новым правительством. Палатин эрцгерцог Иосиф скончался несколькими месяцами раньше; герцог Аппоньи, заменивший Антония Майлата в должности канцлера двора, убедил своего друга Сечени также поступить на госу-

дарственную службу. Можно было ожидать от правительства, что оно обнаружит отныне больше понимания истинных нужд страны и примет более положительную программу, чем до тех пор. Но за истекший период требования оппозиции также возросли. Тронная речь встречена была с энтузиазмом, так как на этот раз она впервые произнесена была на мадьярском языке. Но оппозиции нужны были более серьезные уступки; она открыто требовала соблюдения конституционной самостоятельности Венгрии и установления парламентского образа правления.

3 марта Кошут, вмешавшись в дебаты относительно банка, поставил вопрос с надлежащей определенностью: «Язва, разъедающая наш организм, — сказал он, — постоянная опасность, угрожающая нашим вольностям, — это австрийский абсолютизм; мы должны одновременно требовать для Венгрии — национального правительства и ответственного министерства, а для других областей, находящихся под властью императора, — введения конституционных учреждений».

Магнаты, опасаясь за целость своих политических и социальных привилегий, пытались всячески затянуть решение этих вопросов. Но их сопротивление было сломлено известиями из Праги, Вены и Пешта, где национально-радикальная агитация принимала с каждым днем все более угрожающий характер. В то время как в Вену послана была депутация, которой поручено было предъявить правительству принятые в конце-концов сеймом требования, Кошут, не дожидаясь ее результатов, нанес последний удар старой аристократической конституции. «Время не ждет, — говорил он, — нам нечего дожидаться согласия магнатов; достаточно, если мы сообщим им наши решения». Увлеченная его речами нижняя палата почти без прений декретировала равномерное распределение налогов и отмену (посредством выкупа) феодальных повинностей — залог новой эпохи в венгерской истории.

Венский двор 16 марта в принципе согласился удовлетворить все требования сейма. Но потребовались еще новые переговоры и угрозы, для того чтобы убедить его, что времена голословных заявлений прошли безвозвратно и что данные обещания должны быть сдержаны. Только 30 марта двор сдался окончательно. Венгрия получила права суверенного государства с той оговоркой, что она должна была принимать участие в расходах на содержание двора и дипломатического корпуса, а императору предоставлялось право распоряжаться армией в случае войны. Австрийское министерство, представлявшее цислейтанские провинции, которые за протекшие

века также заслужили некоторое право быть выслушанными в таком деле, узнало только из разговоров в публике о соглашении, состоявшемся между венгерским королем и венгерской нацией.

10 апреля Фердинанд, окруженный блестящей свитой, явился для того, чтобы закрыть сессию сейма и придать свою санкцию органическим законам новой Венгрии. Конституционная реформа, выразившаяся в учреждении отдельного и ответственного министерства, в полном слиянии с Трансильванией, ежегодном созыве сейма, в расширении избирательного права (в принципе — всеобщего), в свободе печати и введении суда присяжных; национальная реформа, выразившаяся в признании мадьярского языка единственным государственным языком; социальная реформа, выразившаяся в отмене феодальных повинностей и установлении равенства всех граждан в податной области, — таковы были результаты последнего сейма, заседавшего в Пресбурге. Отныне национальная столица, Пешт, объявлена была местопребыванием сейма, превращенного из съезда комитатских делегатов в парламент, состоящий из народных представителей.

Политика венского двора. Старая Австрия продолжала существовать только в лице династии, а лойялизм верноподданных заменял австрийский патриотизм. Революция, давшая свободный выход национальным стремлениям, вызвала повсюду столкновение между национальным патриотизмом (чешским и немецким и т. д.) и лойялизмом. В 1848 году австрийцы в смысле прежней Австрии сохранились только среди знатных родов, связанных с династией, и в армии (императорский офицерский корпус). Но зато при дворе и в армии вера в будущность Австрии не была поколеблена ни на иоту; для них на первом плане стояло могущество австрийского государственного дома, основанное на преобладающем влиянии в Италии и Германии, особенно в Италии. И прежде всего дело шло о возвращении этого влияния.

Военный министр Байе-Латур, аристократ и солдат, вывел из Вены войска, несмотря на угрозы революционеров, для того чтобы усилить армию Радецкого, от которого в то время зависела судьба империи. В ожидании того момента, когда армии удастся покорить Италию, австрийская дипломатия старалась обмануть Германию: взрыв национально-немецкого чувства в Вене, который правительство в глубине души осудило, на самом деле служил его расчетам. Нота 21 апреля выговаривает для Австрии право подвергать рассмотрению с точки зрения своих интересов решения будущего обще-

КОШУТ ЛЮДОВИК
1802—1894

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ СВОБОДЫ. ВЕНА 13 МАРТА 1848 г.

германского парламента, прежде чем признать за ними силу закона на австрийской территории; но вопреки протестам чехов Пиллерсдорф велел произвести выборы во франкфуртский парламент, так как Австрия должна же была иметь там своих представителей. В течение всего этого периода внешняя политика идет по твердо намеченному пути и является целью, которой внутренняя политика служит как средство.

Торжество демократии в Вене. Из всех уступок, сделанных правительством 13 марта венскому населению, последнее больше всего дорожило вооружением студентов и буржуазии. Быстро сорганизовавшийся академический легион и национальная гвардия, не довольствуясь игрой в солдатики, основали политические комитеты, которые начали вмешиваться во все общественные и частные дела; особенно важную роль играл студенческий комитет, к которому народ обращался за советами по всевозможным вопросам. Сами министры не столько зависели от двора, сколько от «Аулы» (так назывались студенческие сходки) и от народной массы.

Граф Тааффе, министр юстиции и автор не понравившегося университету закона о печати, вышел в отставку. Граф Фикельмонт, министр иностранных дел, считавшийся русским агентом, должен был уйти после устроенного ему народом кошачьего концерта. Из всех министров (в большинстве случаев пережитки старого режима) общественным доверием пользовался только Пиллерсдорф, который заведывал министерством внутренних дел и вообще всеми политическими делами, но именно это доверие делало его жертвой подозрений и интриг со стороны камарильи. Ответственное положение при отсутствии инициативы и свободы действий скоро ему опротивело, но он оставался на своем посту из чувства преданности династии и ввиду невозможности подыскать ему преемника.

25 апреля он обнародовал первую австрийскую конституцию, составленную по бельгийскому образцу с двухпалатным парламентом, избираемым на основе косвенных выборов и цензитарной системы. Действие этой конституции не распространялось ни на Венгрию, ни на Ломбардо-Венецианскую область; но кроме того Богемия, во имя своей хартии от 8 апреля, и Галиция, во имя своих естественных прав и своих интересов, отказались ее признать. К сопротивлению этих провинций, объяснявшемуся мотивами национального порядка, присоединилась оппозиция венского населения, обусловленная политическими соображениями.

Комитеты академического легиона и национальной гвардии находили конституцию слишком недемократической; для того чтобы добиться полной ее отмены или изменения, они решили объединить свои силы и составить центральный политический комитет. Министерство, усмотревшее в новой организации зародыш комитета общественного спасения, немедленно издало приказ о его роспуске. Но войска в столице не было; комитет оказал сопротивление и в конце-концов добился от Пиллерсдорфа своего признания, а вместе с тем и обещания, что конституция подвергнется пересмотру в будущем парламенте, составленном из одной только палаты (15 мая).

Но радость венцев после этой победы была нарушена поразительным известием: император бежал! 17 мая он без всяких особенных подготовлений выехал в карете на свою ежедневную прогулку, а 18-го утром население и вместе с ним министерство узнали, что он для поправления своего здоровья решил провести некоторое время в Тирольских горах. Император уехал, даже не предупредив своих министров; из провинции получено было известие, что видные придворные лица пытаются возбудить движение против столицы; таким образом, план камарильи был разоблачен.

18 мая два журналиста, которые среди общего оцепенения вздумали провозгласить республику, чуть не были растерзаны рабочими. 25 мая, когда правительство во исполнение первого условия, поставленного императором для своего возвращения, объявило академический легион распущенным, Вена покрылась баррикадами, и рабочие тысячами поспешили на защиту легиона. Растерявшееся министерство, лишенное поддержки и не имевшее в своем распоряжении никаких сил, снова пошло на уступки: оно обязалось не покидать Вены, добиться от императора его возвращения в столицу или назначения наместника и сохранить академический легион. Комитет, составленный из муниципальных советников, национальных гвардейцев и студентов под названием «Комитет безопасности» и добившийся от Пиллерсдорфа признания своей полной самостоятельности, взял на себя заботу об охране порядка, а также о защите торжественно подтвержденных уступок 15 мая.

День 26 мая был торжеством демократии в Вене. Но это торжество в действительности было роковым для дела революции. На первых же баррикадах, воздвигнутых в этот год, буржуазия увидела призрак республики и призрак социализма. Она отпрянула в ужасе, и из ее рядов появились первые перебежчики в лагерь реакции. Камарилья поспешила исполь-

зовать этот страх, овладевший буржуазией, и негодование, возбужденное в провинции слухами о «дурном» обращении с императором.

Богемия; выборы во франкфуртский парламент; славянский конгресс в Праге; первые успехи реакции. Образование центрального политического комитета было отчасти ответом на происки пражского национального комитета. Составленный сейчас же после обнародования императорского указа от 8 апреля под председательством губернатора Богемии (что ничуть не мешало его независимости и придавало ему большой престиж), этот комитет фактически играл в Богемии роль временного революционного правительства; впрочем, он встречал так же мало повиновения, как и представители центральной власти, и вскоре превратился в орган одной только чешской партии.

Вопрос о германском единстве поселил раздор среди обеих национальностей. Когда Палацкий был приглашен явиться в франкфуртскую комиссию пятидесяти от имени Австрии, то он ответил письмом, которое вскоре предано было гласности и включало в себе национальную программу, с энтузиазмом принятую славянами и враждебно встреченную немцами. В этом письме он с гордостью называл себя чехом и славянином, утверждал, что историческое присоединение Богемии к Германии, составляющее дело рук государей, ни в коем случае не связывает чешского народа, и отказывался принять участие в создании Новой Германии, которое способно было только ослабить Австрию к вящшей выгоде гигантской русской империи. Верные этой программе, чехи поставили себе задачей помешать выборам в общегерманский парламент: две трети богемских округов воздержались от участия в этих выборах.

Но чехи не удовольствовались этим пассивным сопротивлением. После событий 26 мая губернатор, граф Леон Тун, по соглашению с чехами провозгласил свою независимость от министерства, ставшего, по его словам, игрушкой в руках венской толпы; но даже двор высказал неодобрение этим бестактным своим защитникам. С целью поднять дух своих приверженцев и внушить уважение своим врагам, славяне в противовес немецкому парламенту созвали славянский съезд. Прежде всего этот конгресс должен был собрать воедино австрийских славян, но на нем могли также присутствовать неавстрийские славяне; и действительно, рядом с австрийцами на этом съезде фигурировали познанские и варшавские поляки и несколько русских, в том числе Бакунин.

Конгресс открылся 2 июня. Он должен был обсудить вопрос о положении славян в Австрии и вне Австрии, а также об отношениях между славянами и другими национальностями; кроме того, он должен был резко протестовать против франкфуртского парламента. Но с первых же заседаний благодаря влиянию польских делегатов выдвинулась более демократическая и интернациональная программа. Палацкому было поручено составить манифест к европейским народам. Это был единственный положительный результат этого конгресса.

12 июня в Праге вспыхнуло восстание, вызванное, кажется, венгерскими эмиссарами; построены были баррикады. После четырехдневного сражения Виндишгрец овладел городом. Теперь уже не было и речи ни о конгрессе, ни об учредительном собрании: главная из уступок 8 апреля была потеряна. Министерство потребовало, чтобы в Богемии, точно так же, как и в остальных провинциях, было приступлено к избранию депутатов в австрийский парламент.

Одержанная Виндишгрецом, хотя и без особого труда, победа восстановила престиж армии, сильно поколебленный со времени мартовских дней, и до крайности усилила чванство военных. В это же время Радецкий и находившиеся под его командой офицеры, ободренные своими первыми успехами, убедили двор отвергнуть всякую мысль о мирном соглашении с итальянским населением и положиться исключительно на силу оружия. Партия сопротивления одержала двойную победу, и на армию возложена была миссия спасти империю от революции.

Австрийская конституанта. Отмена феодальных повинностей. Рескриптом 3 июня император подтвердил уступки, сделанные им 15 мая, и выразил свое «горячее желание» скорейшего открытия парламента. Иметь дело с депутатами приходилось одному Пиллерсдорфу. Дольгоф, министр торговли, находился при особе императора в Инсбруке, куда он был откомандирован своими коллегами по министерству; туда же вслед за посланниками выехал министр иностранных дел Вессенберг; Латур продолжал управлять военным ведомством, но он не поддерживал никаких сношений со своими коллегами и даже не посещал заседаний совета министров. Чтобы покрыть министерство, Пиллерсдорф просил императора прислать на время своего отсутствия какого-нибудь заместителя из императорской семьи. Эта миссия возложена была на единственного популярного представителя династии, эрцгерцога Иоанна.

Одним из первых актов наместника было назначение преемника самому Пиллерсдорфу, который принужден был выйти в отставку после вотума недоверия, выраженного ему комитетом безопасности. Комитет указал на Дольгофа, которому и поручено было составить новое министерство. Он оставил в кабинете Крауса, у которого никто не хотел отобрать портфель министерства финансов, Вессенберга, который нужен был для дипломатических сношений с Германией, Латура, которого двор и армия поддерживали против нападок со стороны комитета, а в товарищи к ним он назначил лиц, пользовавшихся доверием венской демократии: Горнбостеля, крупного венского фабриканта, журналиста Шварцера и, наконец, по настойчивому требованию комитета, честолюбивого и недобросовестного адвоката Александра Баха.

22 июля вернувшийся из Франкфурта эрцгерцог торжественно открыл первый австрийский парламент. В тронной речи говорилось о равноправии всех австрийских национальностей, о желательности объединения с Германией, о необходимом соглашении с Венгрией, о настоятельных нуждах государственной казны и о высоком призвании парламента. Последний в ответ на тронную речь убедительно просил императора возвратиться в свою столицу: 12 августа двор вернулся в Шёнбрунн. Его возвращение несколько утешило венцев, разочарованных составом парламента, в котором большинство принадлежало славянам. Радикальные газеты никак не могли успокоиться; их яростные нападки на «варваров» находили отклик в сочувствующей аудитории, и не у одного депутата выходили крупные неприятности с венским народом.

Фактически привилегия, выражавшаяся в признании немецкого языка государственным, подверглась с первого же заседания самой резкой критике; большинство, хотя и не решавшееся провозгласить равноправие всех языков, тем не менее отказалось определенно санкционировать притязания немецкого языка. Президентом парламента выбран был венский депутат, но в вице-президенты попали чех Стробах и поляк Смолка.

Группировка партий не отличалась особенной определенностью. Правая в большинстве состояла из славян; ядро ее составляли чехи, выдвинувшие чисто федералистическую программу; их тактическим вождем был Палацкий, а оратором — Ригер. Центр состоял из консерваторов, а отчасти из клерикалов; в него входили депутаты разных национальностей, но главным образом «черно-желтые» немцы, т. е. люди, признававшие себя прежде всего австрийцами, а затем уже нем-

цами; по самой своей сущности они были сторонниками министерства, каков бы ни был характер этого последнего. На левой сидели немецкие демократы, радикалы в политических и национальных вопросах, больше германцы, чем австрийцы, централисты, убежденные в превосходстве германского элемента; к ним примыкало большинство героев революции, между прочим Фишгоф, первый оратор 13 марта, и Фюстер, священник академического легиона.

Крестьяне преобладали в парламенте. Добрая четверть депутатов принадлежали к этому сословию; во время выборов они успели провалить дворян, помещиков, феодальных сеньеров, представленных только несколькими аристократами из Галиции. Таким образом, крестьяне явно показали свое твердое намерение покончить с феодальным режимом. В этом отношении они были согласны все как более развитые немецкие крестьяне, так и галицийские и буковинские мужики, которые, не зная немецкого языка, старались держаться поближе к своим более образованным православным священникам, объяснявшим им, что делать.

Парламент сразу был засыпан петициями и прошениями, относившимися все к тому же самому предмету. Ввиду этого во время третьего же заседания самый молодой из депутатов, Ганс Кудлих, внес следующее предложение: «Феодальные отношения, равно как и все вытекающие из них права и повинности, отменяются; при этом не предрешается вопрос о выкупе и его размерах». Такой вопрос нельзя было разрешить в двух строчках. Подлежавшие отмене права имели различное происхождение: одни были законно приобретены, другие — узурпированы. Но ввиду обнаруживаемого крестьянами нетерпения, всякие проволочки были бы крайне опасны, так как они способны были вызвать жакерию, тем более что фактически все феодальные повинности перестали уже исполняться. Благодаря министерству, которое в решительный момент поставило вопрос о доверии, парламент вотировал отмену феодальных повинностей, причем личные сеньериальные права — сюзеренная власть, вотчинный суд — отменены без вознаграждения, а повинности, связанные с землепользованием, — барщина, десятина и т. п. объявлены подлежащими выкупу.

Как только отмена феодальных повинностей в принципе была принята единогласно парламентом, крестьянские депутаты вскочили с своих мест и начали обходить все скамьи, пожимая руки своим товарищам и выражая им свою признательность. Не подлежит сомнению, что закон, в том виде,

в каком он был обнародован 7 сентября, не совсем-то отвечал надеждам своих авторов: Кудлих, например, мечтал о ночи 4 августа. А крестьянство, добившись той реформы, которая одна только затрагивала его интересы, начало относиться к борьбе между двором и парламентом с полнейшим индиферентизмом. Итак, после напуганной буржуазии, которая первая изменила революционному делу, удовлетворенные крестьяне в свою очередь оставили его на произвол судьбы как раз в тот момент, когда противники революции, ободренные своими успехами во внешней политике, готовились начать против нее решительный приступ.

Борьба национальностей в Венгрии. Уступки 15 марта и санкционирование законов 1848 года отвечали желаниям мадьяр, но не остальных народностей Венгрии. Словаки северо-востока, кроаты и сербы, жившие на юге, и трансильванские румыны с недоверием встретили эти нововведения, которые давали им политические вольности, но только ценой национального порабощения их мадьярами. Населявшие Венгрию неполноправные национальности решились оказать сопротивление. Основатель иллирийского движения Гай явился в первых числах апреля в Вену во главе депутации, требовавшей автономии Кроации как по отношению к Австрии, так и по отношению к Венгрии, учреждения триединого Далмато-Кроато-Славонского королевства, которое должно было послужить центром для объединения сначала южно-австрийских славян, а затем турецких (когда они будут, как на это надеялись, освобождены из-под турецкого ига). Иллирийская партия добилась от правительства назначения нового бана, а именно, кроатского офицера, полковника Иеллачича, командовавшего полком пограничной стражи.

Сербы, с своей стороны основывали свои притязания на независимое национальное существование на тех привилегиях, которые им предоставлены были императором Леопольдом I во время их переселения на австрийскую территорию в конце XVII века; они требовали признания вольностей своей православной церкви и восстановления сербского воеводства с национальным правительством и выборным воеводой. Духовенство, с карловицким митрополитом Райячичем во главе, взяло в свои руки руководство движением. Состоявшийся в Карловице (13 мая) национальный конгресс провозгласил митрополита патриархом и избрал воеводу; кроме того, он объявил сербов самостоятельной нацией под австрийским скипетром, признал национальные права румын, проживавших в сербской области, и учредил временное правительство.

В Трансильвании румын насчитывалось больше, чем мадьяров и немцев, вместе взятых; руководимые своим православным духовенством, они потребовали для своей национальности таких же прав, какими пользовались остальные народности, и сверх того — расширения унии с Венгрией. Состоявшееся (15 мая) в Блазендорфе румынское собрание формулировало как эти требования, так и требования реформ в пользу крестьян. Однако провинциальные штаты, где румыны не имели ни одного представителя, вотировали присоединение Трансильвании к Венгрии, и это решение было утверждено королем 18 июня. Но первая кровь уже пролилась во время стычки румынских крестьян с венгерскими солдатами.

В первое время двор не знал, какой политики следует ему держаться в своих интересах. Иеллачич начал свое правление с того, что запретил всем кроатским властям исполнять чьи бы то ни было приказания, кроме его собственных. Вследствие жалобы, последовавшей на это распоряжение из Пешта, император напомнил бану, что он обязан повиноваться венгерскому министерству. Тогда двор еще боялся всяких федералистских движений. Иеллачич был даже не столько кроатским патриотом, сколько австрийским солдатом, а следовательно, прежде всего он был предан интересам династии; но чтобы не очутиться в изолированном положении и не лишиться всякого влияния, он принужден был искать поддержки иллирийской партии. Поэтому, вопреки пришедшему из Пешта формальному запрещению, он позволил кроатскому сейму собраться 5 июня.

На этом сейме впервые представлена была военная граница; депутаты остальных славянских провинций австрийской монархии присутствовали на заседаниях, но не принимали участия в голосованиях. Сейм принял план великого южно-славянского государства, которое должно было входить в качестве одной из составных частей в австрийскую федерацию; последняя ведала бы, в качестве общих дел, военное дело, финансы и внешние сношения.

Но замечались все-таки некоторые признаки несогласия; так, Далмация отказалась прислать в Аграм своих представителей; католическое духовенство распространяло в деревнях слух, будто сейм, протягивавший руку сербам воеводства, намеревается обратить всех южных славян в православную веру. Двор, упорствуя в своих иллюзиях, манифестами 10 июня осудил поведение Иеллачича. 16 июня бан, формально объявленный бунтовщиком и лишенный всех своих должно-

стей, прибыл в Инсбрук, чтобы оправдаться перед правительством. Сразу ему это не удалось, но двор благосклонно отнесся к манифесту, с которым Иеллачич обратился к кроатским солдатам, служившим в итальянской армии, и в котором он увещевал их не оставлять доверенного им императором поста. Этот манифест в глазах двора имел тем больше значения, что в это самое время венгерский военный министр почти оправдывал тех мадьярских солдат, которые оставляли свои гарнизоны и возвращались в Венгрию, и обвинял их лишь в «чрезмерном патриотизме». Вернувшись в Аграм, Иеллачич постарался успокоить волнение, вызванное манифестами 10 июня, и убедил сейм разойтись (9 июля), вручив ему, Иеллачичу, диктаторскую власть.

Разрыв между Венгрией и двором. В первое венгерское конституционное министерство входили вместе и консервативные реформисты и радикалы; с одной стороны, президент совета Ватиани, министр юстиции Деак и министр вероисповеданий Этвес; с другой — Семер, министр внутренних дел, и в особенности Кошут, которому предоставлен был портфель министра финансов. Первые, искренние лойялисты, полагали, что революция закончилась 10 апреля и что теперь остается лишь мирно развивать новые учреждения. Вторые стремились добиться образования совершенно независимого венгерского государства. Присутствие их в министерстве компрометировало весь кабинет в глазах двора, а Кошут продолжал печатать программные статьи, вряд ли способные рассеять недоверие венского правительства. В финансовой области он принял ряд мер, имевших целью подчеркнуть противоположность австрийских и венгерских интересов в вопросах банкового, монетного дела и т. п.

С другой стороны, ввиду влияния Кошута на депутатов, его коллеги выбрали его оратором, который должен был выступать от имени всего министерства перед новым парламентом, собравшимся 5 июля. От старой палаты магнатов осталась только тень: бо̀льшая часть крупных землевладельцев, испуганных революцией, удалилась в свои поместья. Новая палата депутатов в сущности и составляла весь парламент. 11 июля, после речи Кошута, в которой оратор разоблачил союз, заключенный правительством с кроатами, палата вотировала военный набор и заем в 42 миллиона флоринов. Скоро Кошуту при обсуждении итальянского и германского вопросов представился случай еще яснее раскрыть свои планы. От имени министерства, но не предупредив своих товарищей, он увлекся до того, что потребовал от Австрии очищения

Ломбардии. Кабинет принудил его взять обратно свои слова, но принятая в конце-концов резолюция отличалась двусмысленностью: Венгрия обещала свою поддержку австрийской политике в Италии под условием, что венское правительство окажет Венгрии содействие в деле подчинения Кроации и обязуется при заключении мира дать удовлетворение законным национальным требованиям итальянцев. «Победа австрийцев в Италии, — сказал один из депутатов оппозиции, — противоречит венгерским интересам, так как, покорив Италию, династия соберет все свои силы, чтобы покончить с либерализмом в Венгрии».

С другой стороны, Венгрия старалась как можно сильнее запутать Австрию в германские дела, во-первых, для того, чтобы отвлечь ее силы, а во-вторых, для того, чтобы помешать ей превратиться в славянскую империю. Кошут, опять-таки не спросив мнения своих товарищей, присоединился к предложенной оппозиционными депутатами резолюции, по которой Венгрия отказывалась помогать Австрии в случае войны ее с Германией. Хотя магнаты постарались исправить эту резолюцию, но произведенный ею эффект остался в полной силе. В то же самое время Кошут, несмотря на протест военного министра, настоял на том, чтобы часть новых рекрутов была организована в независимую национальную армию.

Еще до того сербы под предводительством бывшего гусарского поручика Стратимировича взялись за оружие, разбили венгерские войска и принудили их командиров заключить перемирие. По истечении этого перемирия венский военный министр разрешил офицерам императорской армии поступить на службу в ряды сербов; другие офицеры отказались действовать против верноподданных бунтовщиков; пограничные полки в полном составе переходили на сторону инсуррекции, которую поддерживал австрийский консул в Белграде. Сербы, собравшись в укрепленных лагерях, утомляли своих противников мелкими стычками; 19 августа, окопавшись в сильнейшем из этих лагерей, Сент-Томас, они отбили нападение 10 000 человек венгерской регулярной армии. Эта неудача была тем более прискорбна для венгерского правительства, что 3 августа Радецкий вступил победителем в Милан, и победа австрийцев в Италии была обеспечена.

Камарилья не замедлила воочию показать, что она намерена воспользоваться этими событиями в своих интересах. Чрезвычайные полномочия, которым раньше был облечен палатин, теперь были у него отняты; а император немедленно пустил в ход вернувшиеся к нему права и отказался утвердить

законы об организации венгерской национальной армии и о заключении займа. Против венгерского правительства двор выдвинул австрийское правительство, которое, во имя цислейтанских интересов и прагматической санкции, начало оспаривать законность мартовских уступок и апрельских законов. Депутации венгерского парламента, которой поручено было просить императора определенно высказаться против кроатов и перенести свою резиденцию в Буду, Фердинанд дал уклончивый ответ (9 сентября). В тот же день опубликован был императорский указ, по которому Иеллачичу возвращались все чины и должности.

Тогда Батиани вышел в отставку, а Кошут был провозглашен диктатором (11 сентября). Он заставил принять и обнародовать без императорской санкции — т. е. революционным путем — два закона, разрешавших правительству выпускать бумажные деньги и произвести новый набор. В тот же день Иеллачич, закончивший свои вооружения, которые он начал с момента неудачи своих последних переговоров с венграми (27 июля), перешел через Драву и вторгнулся в венгерские пределы.

Таким образом, Венгрия фактически очутилась на военном положении. Палатин, после тщетной попытки добиться свидания с Иеллачичем, быстро оставил Пешт и бежал в Вену, где 24 сентября он сложил в руки императора свои полномочия. Двор назначил генерала Ламберга, командовавшего гарнизоном в Пресбурге, правительственным комиссаром, облеченным чрезвычайными полномочиями, и поручил ему принять команду над всеми венгерскими войсками. Ламберг отправился в Пешт, чтобы потребовать от Батиани, снова сделавшегося министром, конституционной скрепы, без которой его назначение было незаконным. В это самое время Батиани искал его в армии; а в Пеште господствовал комитет из 6 членов, незадолго до того выбранный палатой для содействия министрам и контроля над их действиями. По инициативе этого комитета палата, в которой остались одни только радикалы, запретила Ламбергу принять это незаконное назначение под угрозой обвинения в измене конституции (27 сентября). Народ, возбужденный этой прокламацией и ложными слухами о приближении кроатов, напал на Ламберга на одной из пештских улиц и растерзал его в клочки (28 сентября). Королевский манифест (3 октября) объявил парламент распущенным, а Венгрию — в осадном положении и назначил Иеллачича главнокомандующим всех венгерских войск и наместником короля в Венгрии.

Осада и взятие Вены. Отречение императора Фердинанда. Возвратившись в Вену, император не взял обратно тех условий, которые он поставил для своего возвращения. Министерство хитростью добилось выхода в отставку Комитета безопасности; усилия демократов вызвать 13 сентября восстание ни к чему не привели. Потеряв отныне надежду восторжествовать собственными силами, демократия начинает искать союза с мадьярами. По инициативе Кошута венгерский парламент послал в Вену депутацию, которая должна была заинтересовать австрийский парламент в деле венгерской свободы; большинство, в согласии с министерством, отказалось ее принять, но демократические комитеты устроили ей торжественную встречу.

Когда Латур приказал венскому гарнизону отправиться в Венгрию для усиления императорских войск, боровшихся там с революцией, то народ силой воспротивился выступлению солдат, причем один генерал, пытавшийся увлечь солдат за собой, был убит. Победоносная толпа вернулась тогда во внутренние кварталы города, требуя головы министра, изменившего народной свободе. Латур, схваченный в своем доме и вырванный из рук депутатов, пытавшихся его защитить, был повешен на фонаре. На следующий день (7 октября) император бежал в Ольмюц, надеясь обрести безопасное убежище среди славянского населения. Наиболее влиятельные члены правой и центра, собравшись в Праге, протестовали против решений своих коллег, оставшихся в Вене, и отрицали за ними право действовать от имени парламента.

Таким образом, между венской революцией и императорским правительством началась открытая война. Виндишгрецу, произведенному в маршалы и назначенному главнокомандующим всех австрийских войск (кроме находившихся в Италии), поручено было усмирить возмутившуюся столицу. Вена не могла оказать серьезного сопротивления; буржуазия от всей души желала торжества порядка; самые проницательные из вождей демократической партии бежали, убедившись в безнадежности борьбы. Венгерская революционная армия, на помощь которой рассчитывала Вена, была отброшена. И после трехдневного сражения венскому населению оставалось только покориться (31 октября).

Начались многочисленные казни, причем палачи руководствовались известной системой. Роберт Блюм и Фребель, принесшие венской демократии поздравления германских демократов, считали себя в безопасности в качестве неприкосновенных членов франкфуртского парламента. Виндишгрец,

чтобы избежать конфликта, хотел было ограничиться их высылкой, но его зять, князь Феликс Шварценберг, впоследствии министр иностранных дел, настоял на предании их военному суду: оба депутата были приговорены к смертной казни, из них Фребель был помилован, а Блюм казнен.

21 ноября появился указ о назначении Шварценберга министром. Этому истрепанному и напыщенному бонвивану нравилось шутя играть с затруднениями, запугивать своих противников холодной дерзостью и гнуть вся и всех в бараний рог. Выставленная им программа заявляла о его конституционных чувствах, слегка касалась итальянского и венгерского вопроса, настаивала на единстве австрийской империи и объявляла, что обновленная Австрия заключит с Германским союзом дипломатическое соглашение: это равносильно было полному игнорированию франкфуртского парламента и превращению вопроса об объединении Германии в просто дипломатический вопрос.

Австрийский парламент, заседания которого были перенесены в небольшой городок Моравии, Кремниц, был научен горьким опытом венских событий и благоприятно встретил программу министерства (27 ноября). Через 5 дней он был поспешно созван в экстренную сессию и с удивлением узнал, что в тот же самый день император Фердинанд отрекся в Ольмюце от престола, что его брат и наследный принц отказался от короны и что на престол вступил его племянник Франц-Иосиф. Так как министерство утверждало, что уступки, сделанные государем, теряют силу вместе с его отречением от престола, то новый император был свободен от каких бы то ни было обязательств в венгерском вопросе; и первая же его прокламация заявляла о его твердом намерении слить все области австрийской монархии в одно большое государство. Таким образом, опасность грозила не только законам 1848 года, но и самой венгерской конституции.

Парламент в Кремнице. Октроированная конституция. В Кремницком захолустье, лишенном каких бы то ни было элементов политической жизни, депутаты оказались совершенно отрезанными от народа. За неимением лучшего занятия они погрузились в обсуждение выработанного ими проекта конституции. В Кремнице парламентские партии распределялись почти так же, как и в Вене; они только сгруппировались теснее. В чисто политической области, поскольку не задевались национальные вопросы, большинство польских депутатов вотировало вместе с немецкими радикалами. Министерство проявляло очень мало интереса к парламентским

дебатам; оно энергично вмешалось в прения один только раз, а именно, 4 января, для того чтобы противопоставить принципу народного верховенства, который собрание хотело поставить во главе «основных прав австрийцев», монархическую доктрину в ее чистом виде. Министерство одержало победу, но парламент был крайне возмущен этим посягательством исполнительной власти на права Учредительного собрания, и с этого момента кабинет (хотя и остававшийся в Ольмюце) старался держаться в стороне.

После продолжительного обсуждения, тянувшегося несколько месяцев, конституционная комиссия представила парламенту свой проект, далеко оставлявший за собой все те проекты, которые до того предлагались в Австрии. По этому проекту нация должна была представляться парламентом, составленным из областной палаты — уступка, сделанная федералистам, — и народной палаты. Равноправие всех национальностей обеспечивалось широкой автономией, предоставленной коммунам и новым местным делениям, округам (части провинций), которые должны были, по возможности, составляться из одной только национальности.

2 марта комиссия закончила свои труды, а 15-го должны были начаться общие дебаты по этому вопросу. Вечером 6 марта неожиданно прибыл в Кремниц Стадион и, пригласив к себе главных членов правой и центра, заявил, что император, принимая во внимание события, происходящие в Венгрии, и некомпетентность Учредительного собрания в вопросах, касающихся этой страны, собственной властью пожаловал конституцию всей австрийской империи. Депутаты протестовали, а Стадион обещал подумать и переговорить со своими товарищами. На следующее утро депутаты могли прочитать на стенах Кремница императорские манифесты, из которых один содержал текст конституции, помеченной 4 марта, а другим распускалась палата за то, что она своими чисто теоретическими рассуждениями угрожает существованию установленного порядка. Зал заседаний был закрыт, а ночью наиболее скомпрометированные депутаты левой оставили Кремниц и выехали за границу.

Эта конституция не была применена на деле. Она создавала централистский аппарат, охватывавший своими тисками и Австрию и Венгрию; по этой конституции нижняя палата выбиралась на основе цензитарной системы, а в верхней палате три четверти всех мест предоставлялись крупному землевладению, т. е. дворянству. Она предоставляла гражданам свободу личности и совести, но с весьма существен-

ными ограничениями; провозглашала равноправие всех национальностей, не обставляя его ровно никакими гарантиями; оставляла в силе венгерскую конституцию «во всех ее частях, не противоречащих настоящей конституции», — другими словами, она ее отменяла.

Шварценберг принял это произведение Стадиона, игнорируя в нем решительно все, кроме строгой централизации; эта конституция удачно подходила к его планам в германском вопросе. Он опирался на нее как на совершившийся факт против большинства франкфуртского парламента, которое намеревалось по-своему урегулировать отношения Австрии к Германии, а когда собрание не обратило внимания на возражения Шварценберга, то он отозвал оттуда австрийских депутатов (5 апреля). «Конституция, — говорил он, — сделала Австрию целостным и нераздельным государством». Эта целостность не мешала, впрочем, тому, что в Богемии, Галиции и Ломбардии господствовала военная диктатура, а в Венгрии свирепствовала кровопролитная война.

Венгерская война. Конец революции. Венгерский парламент отказался признать Франца-Иосифа королем: венгерский конституционный король не может отречься от престола без согласия страны, а законным королем может быть признан лишь тот, который короновался и подписал коронационную грамоту. Уже и раньше Кошут резко нападал на династию, которая «до сих пор не была низложена только благодаря великодушию парламента», но республиканцев в Венгрии насчитывалось немного, и собрание, придерживаясь формальной легальности, продолжало признавать королем Фердинанда V. Для охраны прав короля, которому вопреки закону мешают осуществлять свою власть, назначен был Комитет безопасности, состоявший из шести человек под председательством Кошута и облеченный исполнительной властью.

Против 150 000 императорских солдат и славянских инсургентов Венгрия могла выставить только 100 000 человек, в громадном большинстве — необученных рекрутов. После падения Вены их пришлось расставить широким полукругом, так как австрийские войска шли на Пешт из Моравии, Галиции, Штирии и с юга. Если бы не поразительная бездарность австрийских генералов, то война эта не могла бы продолжаться больше двух месяцев. Но в конце сентября Иеллачич был разбит у Платенского озера; Виндишгрец, которому он передал команду, обязан был некоторыми незначительными успехами численному перевесу своих сил и крайней осторожности,

с которой он подвигался вперед; в начале января он занял Буду и Пешт.

Венгерский парламент и Исполнительный комитет бежали в Дебречин. Венгерский генерал Гёргей отступил за Дунай, и венская официозная газета уже праздновала «славный конец кампании». Сформированный в Галиции армейский корпус под начальством Шлика вторгся в Верхнюю Венгрию и, без труда гоня перед собой революционные войска, угрожал самому Дебречину. Но молодой генерал Клапка, бывший австрийский артиллерийский офицер, реорганизовал венгерскую армию. Гёргей двинулся на соединение с ним, и Шлик, избегая грозившей ему опасности, форсированным маршем пошел на соединение с армией Виндишгреца. Венгерские войска, соединившись под командой поляка Дембинского, двинулись на Пешт. Но венгерские генералы относились с недоверием к иностранному вождю, которого навязал им Кошут; и действительно, своей медлительностью и бесполезным маневрированием Дембинский умудрился превратить нерешительную стычку в проигранную битву (при Капольне, 26 февраля).

Спустя 8 дней обнародована была конституция 4 марта.

Но торжество двора оказалось преждевременным. В Трансильвании Бем, который после падения Вены предложил свои услуги Венгрии, всю зиму тревожил императорские войска партизанскими нападениями; несмотря на то, что он терпел поражения во всех правильных битвах, перевес был все-таки на его стороне. Рядом быстрых и ловких переходов он неожиданно напал на противника, усиленного тем временем русским корпусом, явившимся из Валахии, и овладел Германштадтом (11 апреля). Австрийцы и русские отступили в Валахию. В Банате новый венгерский генерал Перцель взял штурмом Сент-Томас, который так долго сопротивлялся усилиям мадьяров, прогнал сербов до Карловица и восстановил сообщение с Бемом.

Тем временем Виндишгрец, выступивший из Пешта после трехмесячного бездействия, был разбит Гёргеем при Гёдёло и отступил к стенам столицы (7 апреля); Клапка заставил австрийцев снять блокаду с Коморна, откуда мадьярский гарнизон с самого начала революции беспокоил императорские войска и угрожал Вене. Теперь очередь отступать пришла для австрийцев. Виндишгрец, бездарность которого превосходила все вероятия, был 12 апреля отозван в Ольмюц. Австрийская армия очистила Пешт, оставив только в Буде сильный гарнизон. Несмотря на советы Кошута и Клапки,

БАРРИКАДА В ПРАГЕ

которые стояли за тактику смелого наступления, Гёргей предпринял осаду Буды. Блестящее сопротивление генерала Генци, убитого во время последнего приступа 21 мая, дало двору возможность оправиться и собрать все силы для того, чтобы окончательно подавить противника численностью.

Победа при Гёдёло побудила Кошута сделать решительный шаг. 14 апреля Дебречинский парламент в торжественном заседании объявил династию Габсбургов лишенной престола и на вечные времена изгнанной из венгерских пределов. «Господь может покарать меня всякими напастями, — воскликнул Кошут, — но одной беды он не может на меня наслать: это снова сделаться когда-нибудь подданным австрийского дома». Таким образом, восстание для защиты права превратилось в борьбу за революцию. Тем не менее парламент не решился провозгласить республику. А пока что Кошут сделался главой исполнительной власти с титулом правителя.

После того как Радецкий одержал полную победу над сардинцами (20—24 марта), явилась возможность отправить часть его войск, лучших в Австрии, на венгерский театр войны. Назначение на пост главнокомандующего, облеченного гражданскими и военными полномочиями, генерала Гайнау, известного не столько своими военными талантами, сколько своей зверской жестокостью (он привез с собой из Италии прозвище «гиэна Брешии»), показало, что австрийское правительство решило покончить с венгерской революцией во что бы то ни стало.

1 мая венская официальная газета сообщила, что царь предоставляет в распоряжение австрийского императора русскую армию для усмирения Венгрии. Еще год тому назад Николай I предлагал свою помощь австрийцам. Русский генерал Паскевич совершенно не считался с самолюбием австрийцев и разыгрывал роль спасителя. Все обращения Кошута к западным державам и к Турции с целью вызвать контрвмешательство ни к чему не привели. Начались раздоры между венгерскими генералами, а затем между армией и правительством. Гёргей из честолюбивых мотивов интриговал против Кошута и против собственных товарищей. Разбитые приРаабе и при Коморне, главные силы венгерской армии отступили к Сегедину, и преследовавший их по пятам Гайнау окончательно уничтожил их при Темешваре (9 августа).

Революционное правительство, которое вслед за армией переехало из Пешта в Сегедин, а из Сегедина в Арад, узнало в одно и то же время об этом несчастье и о поражении Бема в Трансильвании. 11 августа Кошут, покинутый своими

министрами, передал диктатуру Гёргею, а сам удалился в изгнание.

Гёргей в свое время высказался против акта 14 апреля и против разрыва с династией. Он поспешил согласиться на капитуляцию, которую русские предлагали ему уже несколько раз; 13 августа при Вилагоше 23 000 венгерцев положили оружие и сдались царской армии. Непобедимая крепость Коморн держалась дольше всех, и только 27 сентября Клапка свободно вышел оттуда со всем гарнизоном. Через несколько дней после капитуляции при Вилагоше пала Венеция, и Австрия с торжеством вернулась к тому же состоянию, в котором она находилась до революции.

II. РЕАКЦИЯ (1849—1859)

Восстановление абсолютизма. Армия спасла империю. В силу одной только военной централизации и дисциплины чехи и немцы, поляки и кроаты и даже мадьяры, собранные под черно-желтыми знаменами, превращались в австрийских, просто австрийских солдат, беспрекословно повинующихся приказаниям императора. Деспотическая централизация была законом армии, а теперь она на 10 лет должна была сделаться законом для всей Австрии. Задачу всестороннего восстановления абсолютизма взял на себя Бах, назначенный министром внутренних дел, после того как Стадион впал в сумасшествие.

20 августа 1851 года указом императорского кабинета министерство объявлено было ответственным за свои действия только перед императором; вместе с тем министерству поручено было подвергнуть конституцию 4 марта основательному рассмотрению для выяснения вопроса о совместимости ее постановлений с интересами государства. Само собой разумеется, что при этом обнаружилась полная ее несовместимость с государственным порядком. Кабинетскими указами 31 декабря 1851 года конституция формально была отменена и провозглашены были принципы, долженствовавшие ее заменить, «принципы органических учреждений в провинциях Австрийской империи». Шварценберг, восторжествовавший над Пруссией в Ольмюце и скрепивший своей подписью декрет об отмене конституции, довел до конца дело восстановления власти. Вскоре после того он скончался, и первое место в правительстве занял Бах, имя которого навеки осталось связано с реакционной системой, получившей название «Баховской системы».

«Баховская система». Баху не приходилось стремиться к восстановлению старого порядка во всех его частях; в своей внутренней политике ему необходимо было считаться с двумя новыми фактами: с отменой феодальных повинностей и с уничтожением дуализма. Отмена феодальных повинностей ставила перед ним двойную задачу: с одной стороны, приходилось окончательно определить размер выкупа и довести до конца то колоссальное экономическое и политическое преобразование, которое обусловливалось возникновением в Австрии класса совершенно самостоятельных и свободных крестьян; с другой стороны, необходимо было выработать совершенно новые государственные органы, которые впредь должны были выполнять функции, до тех пор принадлежавшие феодальным помещикам: имперские суды для замещения прежней вотчинной юрисдикции и государственную полицию. Так как дуализм был отменен конституцией 4 марта и еще более определенно императорским указом 17 октября 1849 года, мотивировка которого гласила: «Прежняя венгерская конституция отменена самой революцией», то приходилось вести новую организацию также и по ту сторону Лейты: перегородки между обеими половинами империи были разрушены, а разделявшая их таможенная линия уничтожена в 1850 году.

Дорожа властью и каждую минуту опасаясь ее лишиться, Бах готов был итти на все уступки, лишь бы ее не потерять. Единственная уступка, на которую он не хотел пойти, так как знал, что он не может ее сделать, это было восстановление крепостного права. Дворянство, не желавшее примириться с безвозвратной потерей сеньериальных прав, повело против Баха отчаянную борьбу. Здесь, между прочим, крылась одна из причин того обстоятельства, что в продолжение всего этого периода Австрия была подчинена чисто бюрократическому режиму. Указ 31 декабря 1851 года содержал в себе обещание представительных учреждений: правда, не в центре, но в провинциях предполагалось созывать депутатов от дворянства, крупного и мелкого землевладения и от промышленных слоев, которые должны были помогать правительственным чиновникам своими советами. Но в этих собраниях дворянство безусловно преобладало бы над другими сословиями, а своими требованиями оно рисковало поставить правительство в затруднительное положение. Поэтому упомянутое обещание никогда не исполнялось.

По своим взглядам Бах принадлежал к венской централистической школе и не был по опыту знаком с особенностями австрийских провинций и национальностей. Он полагал,

что осуществить невозможную задачу, заключавшуюся в превращении многоплеменной Австрии в централистическое немецкое государство, ему удастся путем исключительно административного воздействия.

В государственных интересах, а вовсе не с германизаторскими целями — уверяли защитники этой системы, — немецкий язык повсюду объявлен был государственным языком: в судопроизводстве, администрации, а фактически даже в области народного образования. Но этим самым подорвано было значение реформы и сильно уменьшено количество лиц, которые могли ею воспользоваться. Когда в 1860 году Бенедек вступил в отправление должности венгерского генерал-губернатора, то он с изумлением узнал, что среди высшего персонала пештской полиции по-мадьярски говорил только один чиновник; могла ли при таких условиях полиция исполнять свою задачу и быть хоть сколько-нибудь связанной с населением? Чиновники Баха не чувствовали под ногами твердой почвы, они не могли с увлечением отнестись к своей задаче и действовать с полной уверенностью в своих силах; они жили в неустойчивой обстановке и прекрасно это сознавали.

Администрация была реорганизована сверху донизу по строгому плану. Мелкие провинции, некогда соединенные в крупные, снова получили свою прежнюю автономию; очень большие провинции, как, например, Галиция, были разделены на несколько мелких. Венгрия была разорвана на части: не только Кроация сохранила свое привилегированное положение, а Трансильвания получила обратно свою прежнюю автономию, но и Сербское воеводство, а также Темешварский банат были выделены в особые провинции, остальная часть венгерской территории разделена была на 5 имперских наместничеств, и с этого момента единство Венгрии воплощалось только в лице военного и гражданского генерал-губернатора.

Низшей административной инстанцией в провинциях являлись окружные власти и в конечном счете уездные власти, облеченные административными, судебными, полицейскими и отчасти финансовыми функциями. Как и следовало ожидать, полиция начала играть особенно выдающуюся роль: общее заведывание полицией перешло к специальному министерству, которому также подчинен был новый особый корпус жандармов; но в продолжение всего описываемого периода от жандармов требовалось не столько наблюдение за исполнением законов, сколько шпионская слежка за обывателями. Подозрительность правительства дошла до крайних пределов. Так например, промышленность сильно страдала от слишком

придирчивой регламентации; неоднократно делались попытки добиться реформы, основанной на принципе свободы, но осуществить эти проекты удалось только в декабре 1859 года, после падения Баха.

Общественное недовольство. 10-летняя реакция оставила по себе в Австрии самое скверное воспоминание. Притесняемые народности и средние классы тем живее чувствовали ненавистное иго реакционной политики, что в 1848 году они успели вкусить от древа свободы. Славяне ненавидели систему Баха за ее германизаторские тенденции, а немцы — за проникающий ее дух абсолютизма. Общественное мнение лишено было всякой возможности высказываться. Закон о союзах и собраниях, поставивший основание всяких обществ в зависимость от правительственного разрешения и подчинивший их строжайшему надзору, запрещал, кроме того, в самых определенных выражениях всякое общество, «задачи которого вторгаются в круг ведомства государственного законодательства или администрации». Печать, со времени издания закона 27 мая 1852 года, подчинена была суровому режиму: каждая газета обязана была представить властям один экземпляр за час до выхода в свет; розничная продажа на улицах и расклейка были воспрещены, и все газеты должны были вносить залог. Как впоследствии выразился один знаменитый юрист, закон 1852 года заставил сожалеть об отмене предварительной цензуры. Суд присяжных исчез вместе с конституцией; но даже и до его уничтожения правительство отменяло не нравившиеся ему приговоры. Гавличек, великий чешский журналист, оправданный присяжными, был без дальних рассуждений посажен в крепость административным порядком.

Сначала общественное недовольство проявлялось в виде заговоров, которых было особенно много в первые годы (1851—1853) и которые привели к грандиозным процессам главным образом в Венгрии и Трансильвании. Из всех частей империи от реакционной политики особенно пострадала Венгрия; ей хуже всех пришлось от восстановления порядка. После одержанной им победы Гайнау жестоко отомстил революционерам; в один только день в Араде повешено было 13 революционных генералов. Венгрия же потеряла больше всех других областей от новой политической организации. Хотя новые чиновники часто оказывались лучше своих предшественников, хотя крестьяне в особенности находили у них теперь иной прием и иную правду, тем не менее «баховские гусары», немцы или чехи с германизаторскими тенденциями, натолкнулись на единодушную оппозицию со стороны вен-

герского населения. Они или вовсе не знали местного языка, или страшно его коверкали; в насмешку над их постоянным замешательством крестьяне прозвали их «чего вам угодно?». Для них закрыт был доступ в венгерское общество; высшее дворянство жалело о старой аристократической конституции, и все надеялись на ее восстановление, а мелкое дворянство, низшее католическое духовенство и все протестантское духовенство жили воспоминаниями о 1848 годе и ожиданием реванша.

На государственную службу соглашались поступать только два сорта людей: добровольные шпионы и разорившиеся дворяне, с лихвой возвращавшие своим немецким товарищам то презрение, которым награждали их самих их соотечественники; венгерец, занимавший место помощника уездного судьи, называл своего шефа не иначе, как «богемским псом». Венгерцы никогда не претендовали на звание исправных плательщиков налогов, а теперь они считали честью надувать казну и в причинении всяческих неприятностей угнетателям видели акт патриотизма. Кошут и другие революционные вожди старались через своих доверенных агентов поддерживать из-за границы национальную агитацию в стране.

Если оппозиция остальных народностей и не отличалась таким же единодушием и не проявлялась в такой же открытой форме, то тем не менее она в общем была не слабее. Осадное положение в Галиции, Сербском воеводстве и Трансильвании было снято, как и в Венгрии, только в 1854 году. Режим, введенный Бахом, достиг своей цели, он осуществил единство австрийских народностей, но единство в недовольстве. В одном анекдоте того времени рассказывается, что какой-то мадьяр на вопрос кроата относительно общественного настроения в Венгрии ответил, намекая на события революционной эпохи: «О, мы весьма довольны. Обращение, которому нас подвергают в наказание за наши грехи, применяется к вам в виде награды».

Конкордат. Реформы в области народного образования. В то время как проект конституции, выработанный кремницким парламентом, восстановлял принципы иозефианизма, австрийские прелаты в своих декларациях и петициях, подаваемых императору, требовали предоставления церкви полной свободы и заключения конкордата. Поведение епископов, которые на венском соборе 1849 года осудили национальные требования и объявили различие языков пережитком язычества и следствием грехопадения, показало правительству, что из союза с церковью оно может извлечь огромную пользу

для преследуемой им реакционной политики. Тесный союз престола и алтаря закреплен был конкордатом 18 августа 1855 года.

Этот конкордат урегулировал отношения между церковью и государством в 36 опубликованных статьях и в ряде секретных добавлений. Католицизм был признан государственной религией. Церкви предоставлена была навеки полнейшая автономия, безусловное право приобретать и владеть имуществом и целый ряд привилегий, вытекающих из ее божественного происхождения и канонических законов. Епископы получили беспрепятственное право сноситься непосредственно с Римом, осуществлять над паствой и клиром юрисдикцию, предоставляемую им каноническим правом, и следить за тем, чтобы католическое юношество воспитывалось католическими преподавателями согласно учению церкви, а также утверждать инспекторов народных училищ. Епископам дано было право цензуровать и осуждать опасные сочинения, и в таком случае правительство обязалось не допускать их распространения. Гражданские власти могли возбуждать преследования против духовных лиц за нарушение общих гражданских и уголовных законов, но они обязаны были при этом предупреждать епископа и соблюдать должное уважение к духовному сану.

Конкордат был обнародован и получил силу закона 5 ноября 1855 года. Начиная с 1 января 1857 года отдел австрийского гражданского права «О браке» перестал применяться к католикам. В передаче брачных дел духовному суду возмущенное, болезненно подозрительное общественное мнение увидело символ передачи основных прав гражданского общества в руки его вечного врага.

Из всех подвигов реакционной эпохи конкордат возбудил в обществе самую ярую вражду и неугасимую злобу. Такое отречение государства от своих прав, казалось, невозможно было объяснить иначе, как изменой. Утверждали, что ценой этого конкордата Бах старался купить поддержку епископов и иезуитов не столько для своей политики, сколько для себя лично. Несмотря на из ряду вон выходящие уступки, которых конкордат требовал от императора, он не вызвал особенных возражений при самом дворе, но он встретил ярых противников среди высоких сановников старой школы, пропитанных принципами иозефианизма и ревниво отстаивавших права светского государства. А между тем общество еще не знало всей правды. Одной из секретных статей император обязался не решать никакого вероисповедного вопроса, за-

тронутого или незатронутого в конкордате, без согласия папы.

В исполнение этого конкордата Леон Тун, министр вероисповеданий и народного просвещения, отдал народную школу во власть духовенства, и эта измена заставила общество закрыть глаза на действительные заслуги этого министра, который далеко не был только деятелем конкордата и обскурантизма. Напротив, он приложил много сил к делу преобразования австрийских университетов по немецкому образцу, так что они перестали быть, как при старом порядке, простыми гимназиями высшего разряда с той же дисциплиной и методой преподавания; он изменил самый дух университетских занятий и отвел чисто научным, теоретическим исследованиям почетное место наряду с механической подготовкой слушателей к либеральным профессиям; он содействовал развитию исторического преподавания на юридическом и философском факультетах; и главным образом положив конец подавляющему режиму обязательных полугодичных экзаменов, он предоставил студентам свободу учиться, а профессорам свободу преподавать. Кроме того, руководясь советами Экснера, он ввел в средних учебных заведениях, классических и реальных, учебный план, остающийся в силе и доныне.

Финансы. Министерство Брука. Долги, вызванные великими войнами начала XIX столетия, лежали еще и в 1848 году тяжелым бременем на австрийских финансах. С другой стороны, двойное государственное банкротство поселило в публике крайнее недоверие, и, наконец, революция довела финансовые стеснения и замешательства до апогея. Несмотря на все запрещения, звонкая монета вывозилась из Австрии, хотя цена ее преднамеренно была понижена; правительство принуждено было выпустить мелкие кредитные билеты, и даже частные лица пустили в обращение бумажные деньги. До 1854 года сохранялся старый чекан с изображением Фердинанда; не стоило делать нового, так как едва вычеканенная монета исчезала из обращения.

В 1854 году выпущен был внутренний заем в 500 миллионов, который должен был послужить для восстановления металлического обращения; но подоспели осложнения в восточном вопросе, и 500 миллионов пошли не на изъятие из обращения кредитных билетов, а на военные расходы. Австрийское правительство с 1815 года отказалось от этой разорительной формы кредита и поручило банку изъять из обращения выпущенные бумажные деньги. Но революция, а также италь-

янская и венгерская войны вызвали новые значительные расходы и потребовали новых выпусков кредитных билетов. Но, к несчастью, публика не поддавалась ни на какие уловки: под каким бы именем ей ни предлагали новые билеты, билеты казначейства или облигации займа, выпущенного под обеспечение венгерских доходов, и несмотря на их принудительный курс, она разбивала впрах все усилия финансового ведомства: лаж на звонкую монету поднялся с 9,36% в 1848 году до 26% в 1851 году и почти до 28% в 1854 году.

В обращении находилось слишком много бумажных денег. От такого порядка вещей сильно страдала торговля: постоянные колебания курса стесняли коммерческие операции; учетный процент для самых солидных подписей составлял 10%; затруднительным положением казны и публики пользовались только спекулянты венской биржи, быстро наживавшие громадные состояния. Заем 1854 года должен был дать банку возможность извлечь из обращения все государственные бумажные деньги и заменить их своими собственными билетами. Но операция эта не удалась, и банк, которому государство и без того должно было значительные суммы, принужден был снова ссудить ему 100 миллионов флоринов на покрытие расходов по восточной политике.

С 1848 по 1854 год Австрия заключала займы, не помышляя о последствиях. Результаты такой политики не замедлили сказаться: внутренний заем в 500 миллионов удалось поместить только благодаря насильственному давлению; заем был распределен между капиталистами, а если кто-нибудь из них не покрывал доставшейся ему по раскладке доли, то на имущество его налагался секвестр, как на недоимщика. Тогда правительство решило, наконец, изменить свою финансовую систему. В январе 1855 года управление министерством финансов возложено было на Брука, бывшего министра торговли, а затем посланника при константинопольском дворе. При одном известии, что Брук представил императору свои проекты, о содержании которых никто ничего еще не знал, лаж сразу понизился на 10%. Умный и решительный человек, прирожденный дипломат, Брук заслуживал того доверия, которое оказало ему общественное мнение. Между тем все его усилия заранее обречены были на фатальную неудачу.

Режим абсолютизма не представлял никаких гарантий порядка и безопасности, которые необходимы были для восстановления финансов. С первого же дня Бруку пришлось убедиться, что он в состоянии будет сделать серьезную и безопасную экономию только в области военных издержек.

И до конца он обманывал себя надеждой добиться этой экономии и позволял высшим военным чинам водить себя за нос обещаниями помочь ему в осуществлении этой цели; он не понимал, что с этой стороны ему нечего ждать содействия в деле осуществления экономий. Аристократическая и военная котерия была всемогуща при императорском дворе. Одной из первых мер реакции явилось уничтожение военного министерства и передача его функций старшему генерал-адъютанту, прикомандированному при особе императора; таким образом, военные дела были изъяты из круга ведомства общегосударственной администрации и переданы в личное заведывание монарха. В 1855 году предусматривался дефицит в 175 миллионов; но расходы по мобилизации и по оккупации княжеств довели его до втрое бо̀льших размеров. За 1848—1859 годы на армию израсходовано было два миллиарда.

Брук встретился, кроме того, с затруднениями иного порядка. Если венгерская война обременила государство громадным долгом, то, с другой стороны, отмена дуализма привела к установлению в Венгрии австрийской фискальной системы. Ввиду этого ожидалось повышение ежегодных доходов казны на 50 миллионов флоринов. Но на самом деле обнаружился значительный недобор; по одному только подоходному налогу за Венгрией к концу 1851 года накопилось 13 миллионов недоимки. Общая реорганизация административных органов повлекла за собой сильный рост расходов; за 1850—1859 годы бюджет министерства внутренних дел, равно как и расходы на полицейское ведомство — удвоились. Чтобы раздобыть нужные средства, Брук должен был прибегать к таким мерам, которые он сам осуждал, как, например, продажа на крайне невыгодных условиях государственных железнодорожных линий.

Его таможенная политика, клонившаяся к созданию австро-германского союза, встречала препятствия во внешней политике Австрии, проникнутой идеями конкордата; ему удалось все-таки провести новый таможенный тариф, на основе которого он заключил с Пруссией торговый договор 1853 года. Решительный разрыв с запретительной системой не только не причинил вреда австрийской промышленности, но даже дал сильный толчок ее развитию. Брук уменьшил долг государства банку, уступивши последнему часть государственных имуществ на сумму 156 миллионов флоринов. Он подписал австрогерманское монетное соглашение 1857 года, имея в виду подготовить отмену принудительного курса и возобновление свободного размена кредитных билетов и таким образом упро-

чить положение банка. Но едва только политика Брука начала приносить свои первые плоды, как разразилась война с Италией; чтобы удовлетворить вновь возникшим потребностям, он принужден был снова нанести удар кредиту банка, им же самим восстановленному.

Внешняя политика. Крымская война и война с Италией. Конец абсолютистского режима. Только какие-нибудь особенно громкие успехи могли сделать популярным или по крайней мере не столь невыносимым реакционный режим, который приносил все интересы австрийских народностей в жертву величию династии. А между тем после смерти Шварценберга, который имел в своем активе унижение Пруссии в Ольмюце, внешняя политика Австрии была сплошным рядом поражений. Граф Буоль-Шауенштейн унаследовал от Шварценберга его программу, но не его таланты. И это с особенной яркостью обнаружилось во время Крымской войны.

Россия и западные державы с одинаковым усердием старались привлечь Австрию на свою сторону. Царь предлагал ей Сербию, Боснию, Герцеговину; но Австрия находила, что это приобретение не равноценно дунайским равнинам. Верное понимание своих интересов толкало ее к союзу с Англией и Францией, но этому противоречила традиция, влияние которой при австрийском дворе всегда было чрезвычайно сильным; при этом, вопреки заявлениям Шварценберга, Франц-Иосиф не решался удивить весь мир своей неблагодарностью. Выбор затруднялся еще и другими соображениями. Австрия расплачивалась в этот момент за свое чрезмерное честолюбие; впутавшись во все европейские дела, она теперь никак не могла ориентироваться. Она хотела действовать согласно с Пруссией, для того чтобы обеспечить себя против возможных сюрпризов в Германии, но Пруссия ставила свои условия; принимая сторону России, она рисковала вызвать революционные вспышки в Италии, в Польше и особенно в Венгрии. Наполеон III не остановился бы перед союзом с революцией, а система Баха подготовила для этого плана весьма благоприятную почву. Венгрия, которая во всякое другое время охотно оказала бы содействие в войне против России, теперь рассчитывала на поражение Австрии и с своей стороны помогла бы ему с величайшим удовольствием. Теперь австрийское правительство начало понимать, какую глубокую ошибку оно совершило в 1849 году; императору представлен был целый ряд записок, направленных против «нивеллирующего якобинизма» централизации и рекомендовавших возвращение к австрийской традиции, считавшейся с историческими и

национальными отличиями. И в высших сферах начали уже подумывать о перемене системы.

Буолю не без труда удалось склонить Пруссию на соглашение 20 апреля 1854 года, «союз совершенно особого рода, — как говорит Зибель, — сердечное соглашение, обставленное величайшими предосторожностями, братское доверие со всевозможными оговорками. В уме Австрии союз имел в виду восточные дела, в уме Пруссии — западные». Буоль не преминул это заметить; в то время как он всеми силами старался убедить Германию высказаться против России, Пруссия с успехом противодействовала его усилиям. Ввиду этого Буоль, без совещания со своим союзником, примкнул 8 августа к программе западных держав, так называемым «четырем пунктам», а 2 декабря он при таких же условиях подписал формальный договор с Англией и Францией. Этой политикой он навлек на себя вражду Пруссии и ненависть царя, а в то же время западные державы были не очень довольны тем обстоятельством, что он не скоро решился на этот шаг. Стараясь всех перехитрить, он успел только возбудить всеобщее недовольство.

На Парижском конгрессе он пожал плоды своей политики: несмотря на его сопротивление, державы признали единство Дунайских княжеств (Буоль протестовал против создания у ворот Венгрии нового Пьемонта, всецело находящегося под французским влиянием), а итальянский вопрос был поставлен перед Европой. Австрия оказалась изолированной за одно удовольствие оккупировать на несколько месяцев Дунайские княжества и окончательно расстроить свои финансы. Бейст следующим образом резюмирует результаты этой политики: «России нанесено было глубокое оскорбление, и теперь она выжидала удобного случая для отмщения; Пьемонт усилился и занял угрожающее положение; Франция была избалована и стала опасной; Англия была наполовину умаслена и колебалась; Пруссия обижена и выжидала удобного случая, чтобы взять реванш, — таково было положение вещей через два года после подписания Парижского трактата». При таких условиях Австрия начала борьбу с Пьемонтом, вызвавшую вмешательство Франции. Битвы при Мадженте и Сольферино положили конец австрийскому господству в Италии, а вместе с тем и режиму абсолютизма. В Венгрии грозило вспыхнуть революционное движение. Перемена режима являлась безусловной необходимостью, и 22 августа 1859 года Бах был уволен в отставку.

ФРАНЦИЯ

ГЛАВА V

ВТОРАЯ ИМПЕРИЯ. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

2 декабря 1852 г. — 2 января 1870 г.

I. НЕОГРАНИЧЕННАЯ ИМПЕРИЯ

Наполеон III; усиление его власти. Добившись короны, Наполеон III начал заботиться о расширении своей власти и об обеспечении престола за своей династией. В то время его политика далеко не отличалась либеральным характером. «Свобода — говаривал он впоследствии, — никогда не служила орудием к созданию прочного политического устройства; но она может явиться увенчанием здания, упроченного временем». В ожидании этого увенчания здания он добился сенатус-консульта 25 декабря 1852 года, значительно сократившего компетенцию Законодательного корпуса в области финансовых вопросов.

На основании этого сенатус-консульта торговые договора, заключенные императором, получали силу закона, даже если они вели к изменению тарифных ставок; общественные работы и предприятия общественного характера разрешались и приводились в исполнение в силу простого императорского декрета; наконец, бюджет вотировался не по отдельным статьям, а для целого министерства сразу, распределение же кредитов по отдельным статьям производилось самим императором, который мог притом разрешать перевод сумм из одной статьи в другую. Кроме того, взаимные отношения высших государственных учреждений между собой и отношения их к главе правительства устанавливались последним (эти отношения вскоре урегулированы были императорским декретом от 31 декабря).

Если к этим новым ограничениям политических вольностей прибавить изданные за 1853—1855 годы законы и декреты о подавлении политических преступлений и покушений, о со-

ставлении списков присяжных заседателей, о назначении мэров и президентов «советов сведущих людей» (прюдомов), а также о подчинении народных учителей высшей департаментской администрации (префекты), то мы составим себе ясное представление о завоеваниях, сделанных в эпоху империи принципом власти, которой и без того даны были огромные полномочия конституцией 1852 года и диктаторскими законами-декретами.

Двор, императорская семья, императрица. Несмотря на свое народное происхождение и на свои постоянные ссылки на революцию, новая империя, по образцу первой, не преминула впасть в подражание традиционным нравам монархии. Поселившись в Тюильрийском дворце, подобно своему дяде, и подобно ему получая 25 миллионов по цивильному листу[1], Наполеон III скоро окружил себя пышным дворцом, к которому он старался привлечь дворян и при котором воцарился строгий придворный этикет. Не довольствуясь щедрой раздачей титула «маршала Франции», он с самого начала завел при дворе обер-гофмаршала, обер-камергера, обер-шталмейстера, обер-егермейстера, императорского духовника и целый ряд сановников низшего ранга. Затем он учредил привилегированную императорскую лейб-гвардию.

У него была «гражданская семья», поставленная в личную от него зависимость, и «политическая семья», из среды которой сенатус-консультом 7 ноября ему разрешено было назначить своего наследника. В последнюю входил только экс-король Жером и двое его детей, принцесса Матильда и принц Наполеон. Декретом 18 декабря 1852 года было постановлено, что в случае бездетности императора престол перейдет к Жерому, а после него к его сыну. Ввиду преклонного возраста принца Жерома его вступление на престол представлялось весьма маловероятным, но второму принцу было всего 30 лет.

Он обладал широким умом, но по временам отличался крайней резкостью; в Законодательном собрании он заседал на скамьях Горы и, несмотря на свое новое положение, сохранил демократические и антиклерикальные аллюры, возмущавшие консервативные сферы и приводившие поэтому императора в смущение. Наполеон признал его своим наследником в надежде, что, во-первых, ему удастся сдержать его порывы, а во-вто-

[1] В силу сенатус-консульта 12 декабря 1852 года, который обеспечивал ему, кроме того, пользование государственными лесами, дворцами и мануфактурами и отпускал на содержание его семьи ежегодно 1 500 000 франков.

рых, оказывать через его посредство известное влияние на демократическую партию. Во всяком случае, после установления империи он предпочитал держать его поближе к себе. Впрочем, он так же мало хотел оставить ему престол, как высшие государственные учреждения (и в особенности сенат) хотели видеть его своим императором.

Наполеону хотелось иметь прямого наследника. Поэтому немедленно по вступлении своем на престол он начал подыскивать себе жену. Но его предложения в этом смысле не были особенно благосклонно встречены старыми европейскими дворами, которые готовы были, пожалуй, признать его императором [1], но относились к его личности не с особенным уважением и не очень-то верили в прочность его положения. Ему не удалось добиться руки какой-нибудь принцессы ни из дома Гогенцоллернов, ни из дома Вазы. Убедившись в тщетности своих попыток и будучи склонным к оригинальным поступкам, он решил вступить в брак по любви. 22 января 1853 года он возвестил о своем намерении сочетаться браком с молодой испанкой из дворянской, но не царствующей фамилии, Евгенией Монтихо, в которую он незадолго до того влюбился, и заявил (правда, несколько поздно), что он гордится званием «выскочки».

И действительно, он женился на ней через несколько дней (30 января). Новая императрица, которая, по словам Наполеона, должна была воскресить «добродетели императрицы Жозефины», своей красотой, грацией и роскошью придала новый блеск придворным празднествам, которые с этого времени давались в Тюильри почти без перерыва. Но эта неизвестная, капризная и фривольная женщина никогда не пользовалась настоящей популярностью. Следует прибавить, что, воспитанная в католическом духе, она с тем большей страстностью примкнула в ультрамонтанской партии, что принц Наполеон выказывал склонность бороться с клерикалами, а этот принц, которого она старалась удалить от трона, сделался в ее глазах противником. Таким образом, с самого начала вокруг Наполеона III образовались две враждебные партии, а бесхарактерный император никак не мог бесповоротно стать на сторону одной из них, к несчастью для своей собственной политики и для всей Франции.

Рост национального богатства. Насильственные сред-

[1] Венский, берлинский и петербургский дворы сделали это, вдобавок, с явной неохотой. Они признали его почти с оскорбительными оговорками; высокомерное и презрительное письмо, присланное ему по этому случаю царем Николаем I, глубоко его оскорбило.

ства, пущенные им в ход для захвата власти, и ошибки, совершенные им в качестве императора, не должны скрывать от нас его стремления к развитию национального богатства. Он был и хотел казаться человеком прогресса. Ему хотелось играть роль просвещенного деспота и обеспечить народу благосостояние, но с тем условием, чтобы он все это мог делать лично, без чьих бы то ни было советов и контроля, и чтобы в действия его никто не вмешивался. В первые годы его царствования капризная и беспорядочная, но вместе с тем плодотворная деятельность Наполеона не встретила никаких помех.

В эту эпоху во Франции возникло множество благотворительных учреждений, яслей, детских приютов, богаделен, обществ взаимопомощи (число которых за 3 года возросло на целую треть). Правительство содействовало основанию дешевых жилищ для рабочих в крупных промышленных центрах и пыталось организовать врачебную помощь в городах и деревнях. С другой стороны, основание *Crédit foncier* (1852), который в 1854 году сделался настоящим государственным учреждением, дало возможность крупным и мелким землевладельцам, а также коммунам и департаментам доставать за невысокие проценты необходимые для их предприятий капиталы. Крупные железнодорожные линии, постройка которых при Луи-Филиппе едва началась, быстро доведены были до конца; кроме того, проведены были многие другие железные дороги, а также учреждены были правильные рейсы трансатлантических пароходов в Гавре, Сен-Назере и Бордо (1857).

Благодаря этим новым средствам сообщения торговые обороты усилились и расширились. Железоделательная промышленность, горноделие, производство светильного газа и т. п. преобразуются и быстро развиваются. Париж под диктаторским управлением префекта Османа (Гаусмана) (с 1853 года) украшается, оздоровляется и, благодаря проведению новых улиц и постройке новых зданий, приноравливается к потребностям современной жизни; его примеру начинают следовать остальные большие города. Всемирная выставка 1855 года обнаружила громадные успехи, сделанные в короткое время французской промышленностью; эти успехи не следует, конечно, приписывать исключительно императорскому правительству, но не подлежит сомнению, что оно в значительной мере им содействовало.

Первые симптомы недовольства. Но даже и первые годы Второй Империи не были сплошь периодом величия и благо-

действия; медаль имела и свою оборотную сторону. Пример двора, а также слишком быстрое образование или рост богатства некоторых спекулянтов развили в буржуазии, а скоро и в народе, наряду со стремлением к комфорту, жажду роскоши и необузданную погоню за наслаждениями. Колоссальные биржевые операции, которые вызваны были государственными займами и выпуском на рынок множества промышленных и финансовых ценностей, породили погоню частных лиц за быстрой наживой. Общественная мораль явно изменилась; биржевая игра сделалась потребностью. Тщетно император высказывает свое одобрение сочинениям, которые обличают и высмеивают биржевую спекуляцию [1]; даже окружающие его лица были заражены этой болезнью, а его платонические увещания не производят никакого действия.

Приток и быстрое обращение капиталов, равно как украшение городов вскоре повлекли за собой вздорожание всех продуктов, от которого особенно сильно страдали рабочие, рантье и чиновники. Если к этому экономическому кризису прибавить случайные действия (неурожай, холеру), посетившие Францию в 1853—1855 годах, наводнения 1855 и 1856 годов, наконец, убийственно продолжительную Крымскую войну, которая обездолила множество семейств и в которой народ не усматривал никаких выгод для страны, то мы поймем, что уже и в это время оптимистическое и доверчивое настроение нации не свободно было от некоторой примеси недовольства.

Оппозиционные партии (легитимисты, орлеанисты, республиканцы) с 1852 до 1857 года. Правда, народ почти не сознавал этого недовольства. Впрочем, он почти совершенно лишен был легальных путей для выражения этого недовольства, а пустить в ход незаконные средства ему не приходило в голову. Народ не устраивал манифестаций. Конечно, враждебные империи партии не сложили оружия и не отказались целиком от своих надежд. Но они не успели еще оправиться от растерянности и уныния, в которое поверг их государственный переворот. Они производили впечатление офицеров без армии; нерешительный характер их действий и недостатки применяемой ими тактики, казалось, еще надолго обрекали их на полное бессилие.

Наименее опасной была, конечно, легитимистская партия, которая составляла ничтожное меньшинство нации и была страшно непопулярна в народных массах. А между тем

[1] Комедия Понсара *La Bourse* и брошюра *Les manieurs d'argent*. Оба эти сочинения вышли в 1856 году.

правительство относилось к ней с величайшей предупредительностью ввиду ее тесной связи с духовенством, в котором оно само сильно нуждалось. Ввиду этого известное количество роялистов примкнуло к империи без особого сопротивления и начало принимать от нее должности и чины [1]. Другие мирно будировали или сочиняли острые эпиграммы, которые сердили Наполеона III, но особенного вреда причинить ему не могли. К тем, кто отличался слишком злым язычком, по временам врывалась полиция, уносившая их бумаги. Некоторые роялисты основали «Федеральную лигу», существовавшую, впрочем, только на бумаге (1853). Вожаки партии ездили в Фросдорф и привозили оттуда лозунг, обязательно сводившийся к воздержанию. Граф Шамбор, самый непримиримый и самый инертный из всех претендентов, как будто поставил себе задачей убить энергию своих сторонников своей полной достоинства, но чисто выжидательной и бесполезной политикой.

Орлеанизм, насчитывавший в своих рядах настоящих государственных людей, администраторов, генералов и талантливых писателей, несмотря на свое фактическое бессилие, постоянно внушал Наполеону III сильное беспокойство. Осторожный *Journal des Débats*, служивший официальным органом этой партии, гораздо больше выводил из себя императора тем, чего он не хотел говорить, чем тем, что он говорил. Хотя орлеанские принцы были изгнаны из Франции, но у них оставались там богатые и образованные сторонники, оппозиция которых, при всей корректности и умеренности своей формы, отличалась тем не менее непримиримым характером.

Во всяком случае орлеанские принцы, которые также не обнаруживали никакой энергии, могли бы причинить серьезные затруднения императорскому правительству лишь в том случае, если бы «слияние» привело к искреннему и полному примирению обеих ветвей династии Бурбонов. Но эта политика экивоков натолкнулась, с одной стороны, на лойяльное сопротивление графа Шамбора, который требовал от своих родственников безусловного подчинения и признания его божественного права, а с другой — на непобедимое отвращение орлеанистов, которые, как, например, Тьер, Ремюза, Дювержье де Горан и т. п., не хотели пожертвовать для белого знамени принципами 1789 года. Герцог Омальский, принц Жуанвильский, герцогиня Орлеанская и ее дети реши-

[1] Укажем, например, на герцога Муши и маркизов Ларошжаклэна и Пасторэ, вступивших в сенат.

тельно отказались принести такую жертву. Таким образом, визит, сделанный в конце 1853 года герцогом Немурским «главе французской династии» в Фросдорфе, и ответный визит последнего (1854) королеве Марии Амелии не привели ни к чему. Глубокие разногласия и личная вражда, разделявшие обе семьи, остались в полной силе, а публичное констатирование этих разногласий с графом Шамбором в 1857 году надолго сделало всякую новую попытку к сближению обеих ветвей династии бесполезной.

В ожидании слияния обеих династий или реставрации одной из них легитимисты и орлеанисты составили так называемую «либеральную» коалицию, которая поставила себе целью добиваться восстановления парламентских вольностей, отмененных режимом 1852 года. Эта котерия насчитывала в своих рядах много выдающихся и талантливых людей, но она фатально осуждена была на бессилие именно потому, что она состояла из генералов, с презрением относившихся к всеобщему избирательному праву и не желавших смешиваться с толпой. Ее главный орган, *Le Correspondant*, читался только в салонах; ее главной кватирой была Французская академия, где господами положения были «старые партии», как их называли. В период 1854—1857 годов тон задавали там такие господа, как Гизо, Тьер, Монталамбер; они ввели туда одного за другим Дюпанлу, Беррье, Сильвестра де Саси, герцога Бройля, графа Фаллу. Каждое из этих собраний рассматривалось новой Фрондой как великая победа; во время торжественного принятия каждого нового члена произносились тщательно обработанные речи, полные многозначительных намеков, которые подчеркивались аристократической и ханжеской аудиторией, поражали империю и ее правящий персонал в самое сердце, но не мешали им чувствовать себя прекрасно.

Республиканская партия, насчитывавшая гораздо больше сторонников, более решительная и готовая к действию, естественно внушала Наполеону III больше опасений и вызывала с его стороны самую тщательную слежку. Но она была бедна; в самой Франции проживали лишь немногие из ее вождей, а остальные (и самые выдающиеся) находились тогда в ссылке или изгнании (в Швейцарии, Бельгии, Англии и т. д.). Те же из деятелей 1848 года, которые имели возможность остаться во Франции или возвратиться туда, должны были молчать или служить своему делу с крайней осторожностью. Кавеньяк, за которым строго следили, держался в стороне от общественной жизни; Жюль Фавр произносил талантливые речи, которых

правительство не разрешало печатать; Жюль Бастид тайком внушал новому поколению сознание его прав и обязанностей; Гудшо с большим трудом устраивал подписки в пользу эмигрантов. Немногие газеты, в которых могли высказываться представители демократической оппозиции *(Siècle Charivari, Presse)*, старались вести себя скромно и чинно, чтобы избегнуть административных кар. Когда умирал какой-нибудь блестящий носитель республиканской идеи, как Марра и Араго в 1853 году или Ламеннэ в 1854 году, то народ вооруженной силой не допускался к участию в похоронах. Несколько студенческих сборищ, несколько свистков, которыми встречены были в 1855 году Сент-Бэв и Низар в Collége de France и в Сорбонне, — вот и все публичные манифестации, которые позволяла себе учащаяся молодежь, некогда строившая баррикады.

Правда, во мраке и в тайне (раскрывавшейся императорской полицией) эмиссары и сообщники эмигрантов, проживавших в Лондоне или Брюсселе, лишенные поддержки и помощи, организовывали один заговор за другим. Заговорщики замышляли то захватить императора, то убить его. Эти комплоты приводили к процессам, как, например, дела Гипподрома и Комической оперы, «Революционной коммуны» и т. п., за которыми неизменно следовали новые высылки (1853—1854). Иногда совершались отдельными личностями покушения на жизнь императора, как например, покушения Пианори и Беллемаре (апрель — сентябрь 1855 г.). Но общественное спокойствие этими покушениями не нарушалось; а народная масса не возмущалась тем обстоятельством, что правительство, воспользовавшись удобным предлогом, наполняло тюрьмы подозрительными людьми, а затем ссылало их без суда (как оно поступило, например, с Артуром Ранком в 1855 году). Если не считать незначительной стычки в Анжере (в августе 1855 г.), то нельзя указать ни одной попытки народного возмущения в первые годы Второй империи.

Законодательный корпус и выборы 1857 года. Казалось, таким образом, что в общем новый политический режим застрахован от всяких потрясений. Особенно обеспеченным представлялось его будущее в 1856 году по окончании Крымской войны, покрывшей французское оружие славой и сделавшей Наполеона III на Парижском конгрессе как бы верховным распорядителем судеб Европы. В то же время судьба послала ему сына [1], крестным отцом которого счел за честь быть сам

[1] Евгений-Луи-Жан-Жозеф, императорский принц, родился в Париже 16 марта 1856 года, убит в Улунди в стране зулусов 1 июня 1879 года.

папа Пий IX. После этого события Наполеон III мог считать судьбу своей династии вполне обеспеченной. Во всяком случае он без страха ожидал первого обновления Законодательного корпуса, которое должно было иметь место в следующем году.

Составленный из правительственных креатур, Законодательный корпус не делал никаких серьезных усилий для того, чтобы выйти из того пассивного и унизительного положения, на которое обрекла его конституция 1852 года. Заседания этой палаты, подчиненной Государственному совету, происходили почти втайне [1]; он принимал целиком законопроекты, которые не он вырабатывал и в которые он не имел даже права вносить поправки, вотировал бюджет по министерствам, смиренно подчинялся совершившимся фактам, не спрашивал у правительства объяснения его политики, а тем паче не смел выражать ему порицание. Нашелся в составе этого собрания один человек, позволивший себе заговорить независимым языком, — это Монталамбер, который в свое время присоединился к политике государственного переворота, но затем опомнился и сделался ярым противником нового режима. Товарищи его с ужасом выслушивали его речи, в которых он требовал восстановления свободы, а один раз они даже разрешили правительству отдать его под суд [2].

Президент Билло, а затем сменивший его на президентском кресле Морни без особого труда могли, конечно, руководить дебатами подобного собрания; правительству, естественно, желательно было, чтобы состав его оставался без перемены. На деле, благодаря системе официальных кандидатур, почти все депутаты Законодательного корпуса были переизбраны (22 июня 1857 г.), кроме нескольких человек, которые, подобно Монталамберу, не пользовались покровительством администрации. Так как свободы личности, печати и собраний не существовало, то противники правительства большей частью воздерживались от участия в избирательной борьбе. Орлеанистских и легитимистских кандидатов было очень мало; «старые партии» представлены были в новой палате несколь-

[1] С 1852 года не печаталось стенографических отчетов о парламентских дебатах. Газеты могли печатать только краткий, бесцветный и сухой официальный протокол о прениях палаты. Монталамбер, бывший тогда членом Законодательного корпуса, впоследствии говорил: «Никто никогда не узнает, что я выстрадал в этом душном и темном подвале, где я провел 6 лет в борьбе с пресмыкающимися».

[2] За письмо, содержавшее несколько иронических выходок по адресу империи, посланное Монталамбером Дюпену-старшему и напечатанное в Бельгии. Впрочем, правительство, удовлетворившись полученным разрешением, не дало этому делу дальнейшего движения (апрель 1854 г.).

кими «независимыми», вроде Брама или Плишона, которые в сущности вовсе не были противниками империи.

Что же касается демократической оппозиции, то рассчитывать на успех она могла только в очень крупных городах, а в особенности в столице. Но даже и здесь недостаток дисциплины и единства действий принесли ей значительный вред Жившие за границей республиканские эмигранты рекомендовали абсолютное воздержание от участия в выборах или отказ от присяги. В Париже республиканцы никак не могли столковаться относительно кандидатов; в результате оппозиция одержала победу только в 5 округах из 10 и провела Кавеньяка, Гудшо, Карно, Эмиля Оливье и Даримона. Впрочем, из первых трех один, а именно Кавеньяк, скончался вскоре после выборов (28 октября 1857 г.), а другие оба, как и в 1852 году, отказались от принесения присяги. Правда, на дополнительных выборах, имевших место спустя несколько месяцев (в апреле 1858 г.), в Законодательный корпус избраны были Жюль Фавр и Эрнест Пикар.

Эти два новых депутата вместе с Оливье и Даримоном, а также Геноном, депутатом Ронского департамента, составили группу «пяти», которая вплоть до 1863 года являлась единственным представителем демократической оппозиции в новой палате. Одного ораторского искусства Жюля Фавра, Эмиля Оливье и Эрнеста Пикара было недостаточно для ниспровержения империи, и непрерывные усилия «пяти» не могли бы ее поколебать, если бы Наполеон III не оттолкнул от себя значительную часть своих прежних друзей, которые в продолжении второй половины его царствования, даже и не желая его падения, фактически содействовали нападкам отъявленных врагов имперского режима.

Наполеон III принужден был в 1860 году сблизиться с демократией и перейти, без всякой пользы для империи, от принципа власти к принципу свободы вследствие разрыва с клерикальными и протекционистскими элементами, т. е. с двумя главными элементами консервативной партии, на которую он опирался со времени государственного переворота. Историк должен приписать огромное значение этому двойному разрыву, без которого результаты 1852 года еще долго оставались бы, без сомнения, в полной неприкосновенности

Начало раздора между Наполеоном III и римской курией. После римской экспедиции и принятия закона Фаллу католическая партия в течение долгого времени была ярым и верным сотрудником наполеоновской политики. Высшее фран

цузское духовенство приветствовало государственный переворот и приняло самое деятельное участие в восстановлении империи. За исключением небольшой группы так называемых «либеральных» католиков (Дюпанлу, Монталамбер, Бройль, Кошен и т. п.), которым папа выражал неодобрение, сторонники папы объявили себя друзьями императора. Епископы приветствовали в Наполеоне III нового Константина. Самый резкий и непримиримый из всех ультрамонтанов, Луи Вейо, вместе со своей газетой *L'Univers* выступил на защиту нового режима. В продолжение нескольких лет он не переставал расточать похвалы государю, который силой оружия охранял светскую власть папы, снова отдал воспитание юношества в руки церкви и содействовал развитию монашеских орденов.

Но мало-помалу тесный союз правительства и духовенства ослабел. Теперь известно (чего большинство современников в то время не знало), что в течение трех лет (1852—1854) Наполеон III тщетно настаивал на том, чтобы Пий IX приехал в Париж короновать его, подобно тому как Пий VII в свое время прибыл туда на коронацию Наполеона I, и что в то же время папа безуспешно старался добиться отмены органических статей и закона, запрещавшего совершение церковного венчания раньше заключения гражданского брака. К этим первым недоразумениям вскоре присоединился более чем холодный прием, оказанный императорским правительством догмату «непорочного зачатия пресвятой девы», а также процесс салеттской девы, получивший крайне досадную для католической церкви огласку, помешать которой правительство не пыталось (1854—1855).

Недоверие католического духовенства к императору главным образом поколебалось благодаря франко-пьемонтскому союзу, заключенному во время крымской войны (26 января 1855 г.), и благодаря открытой поддержке, оказанной Наполеоном III Кавуру во время Парижского конгресса (1856). Соединяясь с правительством, которое намеревалось продолжить за свой счет итальянскую революцию, не удавшуюся в 1849 году, Наполеон III дал этим понять католической церкви, что он вовсе не считает себя обязанным во всех случаях считаться с нею. А после Парижского конгресса поведение императора по отношению к папе, которому он настоятельно рекомендовал даровать своим подданным реформы, и по отношению к Виктору-Эммануилу, которому он с каждым днем подавал все больше надежд, получило еще более многозначительный характер. В самой Франции он устроил похо-

роны Беранже на государственный счет и вернул старому галликанцу Дюпену должность главного прокурора Кассационного суда (июль — ноябрь 1857 г.). Но он продолжал все-таки колебаться попрежнему и еще не сделал решительного шага; итальянские революционеры и совершонные ими покушения окончательно увлекли его на тот путь, на который он до сих пор не решался открыто вступить.

Итальянские патриоты; покушение Орсини и закон об общественной безопасности. Бывшие защитники Римской республики не могли простить ему экспедиции 1849 года. Так как в молодости он сам принимал участие в тайных обществах, то они прежде рассчитывали даже на его содействие и смотрели на него не только как на противника, но и как на изменника. Многие из них были убеждены, что его смерть освободит не только Францию, но и Италию. Один из них, Танори, покушался на его жизнь в 1855 году, а через два года (в июле 1857 г.) другой итальянский патриот, Тибальди, был арестован и осужден по обвинению в заговоре с той же целью. Неудача этих покушений не помешала новым попыткам в том же духе, и 14 января 1858 года 4 итальянских патриота, во главе которых стоял бывший член римского Учредительного собрания Феликс Орсини, бросили под карету императора в тот момент, когда она подъезжала к опере, несколько бомб, которые убили и ранили 156 человек, но не задели Наполеона III.

Император воспользовался этим неудачным покушением, вызвавшим всеобщее неодобрение, для того, чтобы возобновить преследование французских республиканцев, которые не имели никакого отношения к заговору Орсини. Правительство снова пустило в ход суровую репрессию. Вся Франция была как бы объявлена на осадном положении и разделена на 5 военных генерал-губернаторств, а в Законодательный корпус был внесен новый закон о подозрительных под названием «закон об общественной безопасности» (1 февраля). Этот закон, покорно но не без некоторого отвращения принятый палатой, давал правительству право заключать в тюрьму, высылать и изгонять административным порядком не только лиц, виновных в подстрекательстве к покушениям против правительства, даже если это подстрекательство *не сопровождалось никакими последствиями, в преступных происках или соучастии в преступлении, совершонном в самой стране или за границей*, в изготовлении, продаже, передаче или хранении взрывчатых веществ, но также осужденных за участие в незаконных сборищах, тайных обществах, хранении оружия, составлении

скопищ и других проступках, и, наконец, даже тех лиц, которые уже подвергались преследованиям за участие в восстаниях, имевших место в июне 1848 и в июне 1849 года, и в сопротивлении государственному перевороту 2 декабря. Для применения этого закона император назначил министром внутренних дел генерала Эспинаса, известного своим участием в государственном перевороте, а этот замечательный министр послал каждому префекту приказ указать ему определенное число жертв. Около 2 000 республиканцев было арестовано, а около 300 человек без суда были сосланы в глухие места Алжира.

Тайный договор в Пломбьере. После покушения 14 января духовенство и католическая партия стали надеяться, что отныне император откажется от всякой мысли о соглашении с Пьемонтом и снова примет сторону папы. Некоторые проявления католического усердия, которых им удалось от него добиться, поддерживали в них эту иллюзию в продолжение части 1858 года. А в сущности он в это время снова склонился на сторону «революционных» идей; в нем совершился один из психологических поворотов, обыкновенно свойственных его впечатлительной натуре, и теперь он считал итальянскую войну необходимой, хотя раньше отступал перед мыслью об этой войне, какой бы желательной она ему ни представлялась. Он твердо решился не откладывать ее в долгий ящик, и удивительнее всего то, что к этому решению он пришел под влиянием просьбы Орсини.

Известно, что последний написал императору из тюрьмы трогательное письмо, в котором умолял его загладить свой грех перед Италией и возвратить свободу 25 миллионам людей, ненавидящих его и желающих ему смерти, но готовых, если он заступится за них, благословлять его имя и чтить его память. При этом Орсини давал ему понять, что если он попрежнему будет мешать осуществлению стремлений итальянских патриотов, то покушения на его жизнь не прекратятся. Наполеон III позволил защитнику Орсини, Жюлю Фавру, прочитать это письмо во время процесса, и знаменитый адвокат сопроводил это чтение такими комментариями, к которым император не мог остаться хладнокровным. Вскоре после того префект полиции Пиетри явился к осужденному Орсини в камеру и убедил его написать второе письмо, в котором Орсини, в интересах итальянского освобождения, рекомендовал своим политическим единомышленникам отказаться от таких насильственных действий, как убийства. Орсини написал это письмо, а затем вышел на эшафот (13 марта 1858 г.).

Вскоре после этого Наполеон III начал вести с графом Кавуром таинственные переговоры, закончившиеся заключением тайного договора в Пломбьере (21 июля 1858 г.). Это был настоящий заговор, с неизбежной необходимостью подготовивший войну 1859 года (о которой говорится в другой главе этой книги). По этому договору Франция обязалась помочь Пьемонту изгнать австрийцев из Италии и получала в награду за эту поддержку Савойю и графство Ниццу; Виктор-Эммануил удовлетворялся присоединением к своим владениям северной части полуострова, а Италия превращалась в союзное государство под почетным председательством папы. Но не нужно было быть пророком для того, чтобы предсказать, что, способствуя развитию революции по ту сторону Альп, Наполеон III не в силах будет сдержать ее размаха, что папа, равно как и остальные государи полуострова будут лишены своих владений и что вся эта авантюра логически приведет к полному объединению Италии.

Первые результаты итальянской войны. Папа, французское духовенство и католическая партия прекрасно понимали, к чему приведет союз Франции с Пьемонтом. Их опасения особенно усилились в последние месяцы 1858 года, когда выяснилась новая политическая эволюция Наполеона III, начавшего выказывать благоволение итальянской национальной партии и потворствовать антиклерикальной прессе [1]. Вскоре вступление принца Наполеона в брак с принцессой Клотильдой, дочерью Виктора-Эммануила (30 января 1859 г.), воочию доказало существование франко-пьемонтского союза, и война сделалась неизбежной. В последний момент (апрель 1859 г.) ультрамонтанские депутаты потребовали в Законодательном корпусе от правительства объяснений относительно тех последствий, которые война может иметь для светской власти папы. Туманные заявления министра Бароша в пользу папы не вполне успокоили католическую партию.

Затем события пошли ускоренным темпом. После битвы при Мадженте (4 июня) восстала вся центральная Италия, призванная к оружию самим Наполеоном III. Романья возму-

[1] Например, газетам *Siècle*, редактору которой, Гавену, в июне тайком рекомендовалось продолжать свою кампанию в пользу итальянского революционного движения, и *Presse*, где такую же кампанию вел Геру, протеже принца Наполеона. *Patrie*, связь которой с правительством ни для кого не составляла секрета, открыто требовала войны с Австрией. А официальный орган империи *Moniteur* напечатал за подписью Эдмонда Абу ряд писем, в которых устарелая политика папского правительства разоблачалась с чисто вольтерианским жаром, т. е. в крайне непочтительных для католической церкви выражениях.

тилась против папы. Император, который должен был бы предвидеть это, испугался того оборота, который приняли события. Императрица и министр Валевский, смущенные недовольством католического духовенства, умоляли его сдержать революционное движение. И непостоянный император, поспешивший на другой день после новой победы (при Сольферино) подписать предварительный договор в Виллафранке (11 июля), сделал это не столько потому, что он опасался маловероятного нападения со стороны Германии, сколько из страха перед католической партией.

Но, как известно, это предварительное соглашение, равно как и Цюрихский договор ничего не изменили; революция отказалась остановиться на полдороге, центральная Италия, в том числе и Романья, открыто заявили о своем желании присоединиться к Пьемонту, а Наполеон III после слабого протеста снова повернул фронт и предоставил им полную свободу действий. В декабре он стал доказывать папе — сначала в получившей громкую известность брошюре, составленной одним из близких к нему людей [1], а затем в письме, написанном им самим, — что лучшим исходом для папы явился бы добровольный отказ от Папской области. Пий IX с негодованием отверг эти советы и даже дал Наполеону III оскорбительный ответ (январь 1860 г.). Ввиду этого император, выработавший совместно с Англией план действий в итальянском вопросе, заключил с Виктором-Эммануилом договор в Турине (24 марта 1860 г.) и вступил, наконец, во владение Савойей и Ниццей.

Угрозы ультрамонтанов. Это новое соглашение Наполеона III с Кавуром вызвало взрыв негодования среди французского духовенства, которое в целом ряде яростных пасторских посланий уже подало сигнал к своего рода крестовому походу против императора. Особенно отличался резким тоном своих нападок орлеанский епископ Дюпанлу. «Либеральные» католики в этом вопросе действовали солидарно с ультрамонтанами, и Монталамбер заговорил таким же языком, как и Вейо Газета последнего *L'Univers* взяла такой резкий тон, что правительство увидело себя вынужденным ее закрыть (январь 1860 г.). Для протеста против новой политики императора в Законодательном корпусе образовалась оппозиционная клерикальная группа. После заключения Туринского договора некоторые члены сената с величайшей энергией защищали петиции в пользу сохранения светской власти папы (29—30 марта 1860 г.).

[1] Артур де ла Героньер. Брошюра называлась «Папа и Конгресс».

В Бурбонском дворце, с одной стороны, группа «пяти» порицала Наполеона III за то, что он оставил Венецию во власти Австрии и продолжал держать в Риме французский гарнизон вопреки желанию населения, а с другой стороны, католическая оппозиция, гораздо более многочисленная (Лемерсье, Плишон, Флавиньи, Келлер и т. д.), жаловалась на его потворство революции и требовала новых гарантий в пользу папы. На все эти упреки Барош мог давать только уклончивые ответы. В это время (апрель 1860 г.) Наполеон III готовился отозвать французский гарнизон из Рима; и он осуществил бы свое намерение, если бы этому не помешала экспедиция Гарибальди (май), который стремился возбудить революционное движение не только в Сицилии и Неаполе, но и в самом Риме.

Французские войска остались охранять папу. Но таким образом Наполеон III поставил себя в двусмысленное положение и восстановил против себя все партии. С одной стороны, итальянцы перестали чувствовать к нему всякую благодарность за прежние услуги, оказанные им итальянскому делу, а с другой стороны, католическая церковь стала считать себя совершенно свободной от всякой признательности за те его услуги, которые он ей оказывал прежде и продолжал оказывать в рассматриваемое время. Тогда Наполеон III оружием поддерживал католические интересы даже в Китае и изъявлял готовность точно так же поддерживать их в Сирии; и в это же время папа отдал свои войска под команду декабрьского изгнанника Ламорисьера, заклятого врага французского императора, демонстративно вербовал в свою армию французскую легитимистскую молодежь и, наконец, позволял в присутствии императорского отряда и трехцветного знамени водружать белое знамя и приветствовать имя Генриха V. Возмущенный этими выходками и в то же время уговариваемый посланцами Кавура, доказывавшего ему необходимость обуздать революцию и воспрепятствовать Гарибальди провозгласить республику в Квиринале, Наполеон III в конце-концов дозволил пьемонтской армии двинуться в Неаполь и занять почти всю Папскую область. Это сделало возможной битву при Кастельфидардо (18 сентября 1860 г.) и новые плебисциты, сделавшие Виктора-Эммануила королем Италии.

Эти события, естественно, еще больше восстановили французское духовенство против императора. На следующий день после Кастельфидардо все церкви во Франции огласились воплями скорби и негодования. Жертвы, павшие в этот день, чествовались епископами как мученики и святые. Епископ-

ские послания к концу 1860 года приняли такой резкий тон, что министр внутренних дел счел необходимым подчинить закону о представлении известного числа экземпляров и обложить гербовым сбором те из них, которые распространялись в виде брошюр. Вопреки закону составились общества для агитации и собирания подписей в пользу папы; они были распущены, и правительство пригрозило возбудить против них судебное преследование. Но епископы продолжали действовать в прежнем духе, а клерикальная агитация не прекращалась.

Торговый договор 1860 года; недовольство протекционистов. Наполеон III восстановил против себя не только католическую партию, но также протекционистские элементы, т. е. класс крупных фабрикантов, горько упрекавших его в том, что он принес их интересы в жертву своей фритредерской политике.

Виновники государственного переворота уже с 1852 года втайне поставили себе задачей не только поддержать движение к национальной независимости, но и осуществление теорий тех экономистов, которые требовали понижения международных барьеров и установления свободной конкуренции на всемирном рынке. Интересы массы потребителей были ему дороже, чем интересы производителей, и в первые же годы своего царствования он воспользовался неурожаем для того, чтобы провести понижение тарифных ставок, возбудившее тревогу в рядах французских фабрикантов. Затем он предложил Законодательному корпусу (1856) законопроект, имевший целью совершенно отменить тарифные ставки, носившие запретительный характер, и сильно понизить все покровительственные пошлины. Но фабриканты подняли такой крик, что он поспешил взять обратно свой проект.

Впрочем, с его стороны это было простой отсрочкой вопроса, и с этого момента этот «мягкий упрямец», никогда не отказывавшийся целиком от своих планов, выжидал лишь удобного случая для осуществления своего намерения. Ему показалось, что наступили, наконец, благоприятные для его цели условия, когда английские фритредеры, в содействии которых он нуждался для низвержения министерства Дерби, мешавшего его итальянской политике, помогли Пальмерстону вернуться к власти (июнь 1859 г.). На этот раз он не сообщил о своих намерениях ни публике, ни Законодательному корпусу. В величайшей тайне министр Руэр выработал, совместно с англичанином Кобдэном, торговый договор 23 января 1860 года между Францией и Великобританией. По этому договору,

послужившему образцом для целого ряда других трактатов, заключенных в следующие годы, Франция отказывалась от запретительных ставок и заменяла их ввозными пошлинами, не превышающими 30% стоимости импортируемых товаров. С другой стороны, Франция выговаривала себе свободный ввоз некоторых своих продуктов в Англию, равно как понижение пошлин с французских вин и старинных напитков.

Значительная часть французских промышленников отнеслась к этому договору, как к государственному перевороту и национальному бедствию. 400 фабрикантов просили у императора аудиенции, но получили отказ. Но энергичный Пуйе-Кертье громко высказал в Бурбонском дворце протесты промышленного класса (24 апреля и 2 мая 1860 г.), и агитация еще усилилась после опубликования специальных конвенций, коими определялись новые тарифные ставки (октябрь — ноябрь).

Декрет 24 ноября 1860 года. Наполеон III чувствовал, что вокруг него скопляется грозная атмосфера ненависти. В течение последнего года он старался сблизиться с демократической партией, еще недавно подвергавшейся с его стороны самым суровым преследованиям. По возвращении из Италии он обнародовал амнистию, по которой большинство декабрьских изгнанников получили возможность возвратиться во Францию [1]. Не отказываясь от своей диктаторской власти над печатью, он фактически предоставил либеральным газетам известную свободу, особенно в области их полемики с обскурантизмом и ультрамонтанством, и разрешил издание нескольких новых оппозиционных газет (*L'Opinion Nationale*, *Le Temps*, *Le Courrier du Dimanche* и т. д.).

Наполеон III начал пугаться той ответственности за свою политику, которая перед лицом Франции падала на него одного. Умные (или считавшие себя таковыми) советники, как Морни, дали ему понять, что наступила пора разделить эту ответственность с представителями страны или по крайней мере сделать вид, что он готов ее разделить. Тогда-то (24 ноября 1860 г.) он издал декрет, предоставлявший сенату и Законодательному корпусу ежегодно, в ответ на тронную речь, свободно обсуждать и вотировать адрес, в котором подвергалась бы рассмотрению и оценке политика правительства;

[1] Некоторые выдающиеся эмигранты, как Виктор Гюго, Шаррас, Луи Блан, Шельхер и т. п., демонстративно отказались от этой милости и не пожелали, пока будет существовать империя, возвратиться на родину, где вдобавок они и после амнистии оставались бы под действием «закона об общественной безопасности».

министрам без портфеля поручалось защищать эту политику перед палатами, а в официальном *Moniteur*'е отныне должен был печататься полный отчет о парламентских прениях.

Таким образом, не отказываясь ни от одной из своих цезаристских прерогатив, император готов был, казалось, привлечь нацию к делу управления и до некоторой степени сделать ее судьей своей политики. Он не сомневался в том, что обе палаты, из которых одна целиком назначалась им самим, а другая почти вся состояла из депутатов, выбранных по рекомендации префектов, склонны будут покрыть своим одобрением все действия правительства; он не отказывался даже от надежды привлечь на свою сторону группу «пяти» и таким образом обезоружить зарождавшуюся в недрах Законодательного корпуса демократическую оппозицию. А в таком случае, если бы духовенство вздумало упрекать его в измене папе, а крупные фабриканты продолжали бы нападать на его экономическую политику, то ему легко было бы защищаться от этих обвинений сваливанием всех своих промахов на страну. Он и не догадывался, что в этой игре одурачен будет не кто иной, как он сам, и что из декрета 24 ноября в один прекрасный день выйдет вооруженной с головы до ног фатальная для империи свобода.

II. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

Демократическая оппозиция в Законодательном корпусе. Группа «пяти» быстро сообразила, какую выгоду она может извлечь из нового режима. Конечно, они и теперь, как и до тех пор, не могли открыто требовать восстановления республики (двое из них, впрочем, об этом и не помышляли) или оспаривать основные принципы империи; теперь, как и до тех пор, они не могли увлечь за собой большинства или причинить Наполеону III материальный ущерб. Но зато отныне их голос, до того времени не выходивший за стены Бурбонского дворца, мог быть услышан всей Францией; им позволено было громко разоблачать злоупотребления правительственной власти и ее до тех пор замалчиваемые ошибки, а также требовать отмены или глубокой реформы политических законов, без которых действие конституции 1852 года должно было скоро прекратиться. Они и не преминули это сделать. И вот, благодаря их деятельности, во Франции пробудилась политическая жизнь. Парламентские прения, которыми за последние 20 лет страна совершенно перестала

интересоваться, снова начали привлекать к себе усиленное внимание общества. Нация начала мало-помалу приходить к сознанию своих прав; поколение 1848 года подняло голову, и народилось новое поколение, готовое помочь отцам отвоевать утраченную свободу.

В течение трех сессий 1861, 1862 и 1863 годов депутаты левой смело стояли на своем посту; своим красноречием, равно как живостью и непрерывностью своих нападений особенно выделялись трое из них: Жюль Фавр, Эмиль Оливье и Эрнст Пикар. При обсуждении новых законов и бюджета они имели возможность выставлять свою политику только случайно и урывками, но зато обсуждение ответного адреса предоставляло им удобный случай для систематического развития своей хотя и неосуществимой в данный момент, но вполне определенной программы, значение которой не могло ускользнуть от внимания публики. Ежегодно они требовали, чтобы всеобщее избирательное право было освобождено от назойливой опеки правительства, гордящегося тем, что оно вышло из всеобщей подачи голосов; чтобы правительство отказалось от права перекраивать по произволу избирательные округа; чтобы система официальных кандидатур была оставлена; чтобы французским гражданам возвращено было право собраний и союзов; чтобы свобода печати была восстановлена и обставлена определенными гарантиями; чтобы произвол администрации перестал покрываться статьей 75 конституции VIII года; чтобы закон об общественной безопасности был отменен; чтобы свобода личности признавалась на деле; чтобы на место фиктивной ответственности главы государства поставлена была реальная ответственность министров; чтобы у монарха отнято было право бесконтрольного распоряжения государственными финансами и бесконтрольного заведывания внешними сношениями Франции, политическими и экономическими; чтобы он лишен был возможности употреблять французские войска на угнетение других народов, как он делал это в Риме с 1849 года и как готов был сделать это в Мексике в 1862 году. Они хотели также, чтобы коммунам возвращено было право самим выбирать своих мэров и, наконец, чтобы Париж и Лион, которые вовсе лишены были выборных муниципальных советов, были освобождены от действия исключительных законов.

Нечего и прибавлять, что их голос, встречавший отклик во всей стране, совершенно не выслушивался в Бурбонском дворце. Если министры без портфеля, как Бийо, Мань, Барош, давали себе труд отвечать оппозиционным депутатам, то делали это они не столько для того, чтобы убедить заранее

убежденное собрание, сколько для того, чтобы широким характером прений подчеркнуть свободу, предоставленную императором парламенту. А в сущности Наполеон III и его советники пока еще очень мало боялись оппозиции в Бурбонском дворце, которая фактически представлялась им совершенно безобидной и которую они находили даже полезной, так как она давала им возможность пугать общество «красным призраком».

Впрочем, в 1861 году старания Морни разбить эту маленькую группу начали приносить плоды. В это именно время Эмиль Оливье, давно уже охаживаемый этим великим развратителем, начал делать первые свои публичные заявления в пользу империи. Одержимый крайней самонадеянностью и жгучим желанием играть крупную роль, этот республиканец, сын политического эмигранта, позволил себя мало-помалу убедить, что возможно примирить цезаризм со свободой и что именно ему, Оливье, предназначено осуществить эту славную задачу. И вот, не переставая требовать основных условий политической свободы, он в 1861 году заявил о своей готовности признать империю, если Наполеон III соблаговолит согласиться с его взглядами. С этого времени он повторял это неоднократно, заявляя себя противником систематической оппозиции, равно как систематического холопства. Один из его товарищей, Даримон, обнаружил склонность последовать за ним по этому новому пути.

Клерикальная оппозиция. Таким образом, в рассматриваемый период правительство полагало, что опасность грозит ему не слева; оно готово было скорее усматривать ее справа, и его опасения до известной степени оправдывались клерикальной агитацией.

Вся французская католическая партия, без различия между ультрамонтанами и «либералами», перед лицом всего христианского мира провозгласила Наполеона III врагом церкви и отступником. Епископы публично оскорбляли его в своих пастырских посланиях, сравнивая его с Понтием Пилатом, а он не сразу даже решился употребить против них невинное и почти смешное оружие *appel comme d'abus* (протест, подаваемый в Государственный совет, против решений духовной власти). В 1861 году потворство императора итальянскому революционному движению подверглось в сенате резким нападкам не только со стороны кардиналов, но и со стороны мирян, как например, Ларошжаклен, Геккерен и т. п. Речь принца Наполеона, непочтительно напавшего на светскую власть папы и открыто требовавшего, чтобы Рим сделался

столицей объединенной Италии, произвела в верхней палате впечатление настоящего богохульства. Говорившему от имени правительства Бийо с трудом удалось воспротивиться принятию поправки в пользу светской власти папы (за которую высказывалась почти половина сената, а именно — 61 голос).

В Бурбонском дворце целый ряд депутатов горько упрекали Наполеона III в нарушении принятых на себя обязательств и приглашали его возвратить папе утраченную им власть. Один из ораторов, Келлер, произнесший наделавшую шума речь, не побоялся сказать, что благоволение императора к итальянским патриотам объясняется его страхом за свою жизнь; по его словам, *Франция отступила перед письмом Орсини.* Несмотря на все усилия Бийо и Морни, 91 голос, т. е. свыше третьей части выборной палаты, высказался в пользу папы.

Обсуждение адреса в 1862 году привело к аналогичным и еще более бурным прениям. Незадолго до того император официально признал Итальянское королевство; а теперь он старался обуздать внутри страны происки конгрегаций. Министр внутренних дел Персиньи циркуляром от 16 октября 1861 года объявил, что государство имеет право наблюдать и распускать некоторые монашеские ордена, составлявшие для католической церкви настоящую рать. Он имел при этом главным образом в виду «Общество св. Винцентия де Поля», которое получало свои лозунги из Рима и, располагая огромными денежными средствами, насчитывало 4 000 «конференций» (из них более 1 500 в одной Франции), связанных в стройную иерархическую систему, управлялось парижским «генеральным советом», принявшим характер настоящего политического комитета, и своим вызывающим поведением начинало напоминать «Священную лигу» XVI века.

Министр поставил ему непременным условием принятие генерального президента, назначенного императором. Общество отказалось подчиниться этому требованию, и его центральный комитет принужден был исчезнуть (или сделать вид, что исчез). В сенате Персиньи объявлен был Полиньяком империи; по словам некоторых ораторов, он заслуживал предания суду. В Законодательном корпусе с не меньшей резкостью напали на него разные Лемерсье, Кольб-Бернары, Плишоны и Келлеры. В ответ на эти нападки правительство указало на чрезмерное развитие монашеских орденов, рост их богатства и средства к действию; продолжая попрежнему твердить о своей преданности святому престолу, оно не поколебалось заявить, что «до сих пор французы отказывались

признать за римлянами тот основной принцип, который управляет Францией», т. е. народное верховенство и всеобщее избирательное право.

Но непостоянный характер императора не позволял ему целиком отдаться одной мысли или долго придерживаться одного образа действий. К концу 1862 года он снова подпал под влияние императрицы и католической партии, когда итальянское правительство, остановив двинувшегося на Рим Гарибальди, потребовало от Наполеона III, чтобы он позволил ему занять столицу Италии. Окружающие императора лица объяснили ему, что правительственное большинство в Законодательном корпусе может быть поколеблено и даже разбито клерикальной оппозицией; что приближаются общие выборы 1863 года и что не следует новой конституцией перед итальянской революцией ставить на карту успех официальных кандидатов. Убежденный этими доводами, Наполеон III снова повернул фронт, пригласил в министерство иностранных дел консерватора Друэн де Люиса и категорически отверг последнее домогательство туринского кабинета (октябрь 1862 г.).

Экономический вопрос и финансовый вопрос. Клерикалы были чрезвычайно благодарны императору за этот шаг, но в глубине души испытывали чувство беспокойства и недоверия. Следует заметить, что все их вожди в экономической области были крайними протекционистами, а в этом отношении интересам, задетым торговым договором 1860 года, не было дано никакого удовлетворения. Тщетно раздавались красноречивые протесты; личная воля императора попрежнему была законом, и французские фабриканты теперь сносили эту диктатуру со скрежетом зубовным. Что же касается бесконтрольного хозяйничанья императора в области финансов, то все просвещенные и предусмотрительные элементы нации прекрасно понимали, к какой пропасти оно рискует привести страну. Законодательный корпус обязан был вотировать бюджет по целым министерствам; правительство имело полную возможность переводить отпущенные ему суммы из одних статей в другие, и, что важнее всего, император имел право распоряжаться производством общественных работ и открывать чрезвычайные кредиты посредством простых декретов; неудивительно, что подобный режим скоро начал приносить горькие плоды.

За 10 лет сумма государственных расходов возросла с 1 500 миллионов до 2 миллиардов; в такой же пропорции возросли и налоги. Непокрытые расходы составляли почти 3 миллиарда, и правительству пришлось заключить крупные займы, легшие страшной тяжестью на грядущие поколения;

*

ежегодный дефицит составлял около 100 миллионов; к концу 1861 года текущий долг достигал почти миллиарда. Пришлось снова прибегнуть к займу; в деловом мире чувствовалась заминка и глухое недовольство, побудившее близкого к императору финансиста Фульда открыть Наполеону III глаза на всю серьезность положения в конфиденциальном докладе, который императором был публично одобрен. В известном письме (от 14 ноября 1861 г.) Наполеон заявил, что он отказывается от своего права открывать кредиты в отсутствие палат и от системы вотирования бюджета по министерствам. Фульд был приглашен в министерство финансов, а 1 декабря император постановил, чтобы ни один декрет, связанный с увеличением предусмотренных бюджетом расходов, не предлагался ему для подписи иначе, как в сопровождении мнения министра финансов.

В несчастью, все эти распоряжения превращены были в сенатус-консульт (31 декабря 1861 г.) только с такими оговорками, которые лишали их всякого серьезного значения. Было постановлено, что отныне бюджет будет вотироваться не по целым министерствам огулом, а по *секциям*, обнимающим каждая *по нескольку статей*, а следовательно, настолько широким, что фактически администрация нисколько не стеснялась контролем парламента; кроме того, правительство оставило за собой право переводить суммы из одной статьи в другую и даже из одной секции в другую, даже если этот перевод связан был с отпуском дополнительных кредитов; наконец, император всегда мог собственной властью сделать распоряжение о производстве обширных общественных работ. Таким образом, эта реформа имела чисто призрачный характер. В 1862 году сверхсметные кредиты достигли 300 миллионов, а дефицит и текущий долг еще возросли.

«Либеральный союз» и выборы 1863 года. Все недовольные империей элементы сблизились и составили коалицию, чтобы на общих выборах 1863 года совместными силами бороться против официальных кандидатов. Вожди клерикальной оппозиции (Кольб-Бернар, Лемерсье, Келлер, Флавиньи, Жувенель и т. п.), лишенные милости официальной кандидатуры, выступали теперь в роли партизанов свободы и громко требовали установления парламентарного режима. Протекционисты чистой воды, которые в прежнее время прекрасно чувствовали себя при цезаристской диктатуре, теперь находили ее совершенно невыносимой. Конечно, все эти господа не были непримиримыми противниками империи, но многие из них в данный момент шли рука об руку с прежними руководи-

телями либерально-католической партии, которые всеми силами стремились к ее низвержению.

Последние, со своей стороны, действовали солидарно с лидерами орлеанизма и легитимизма, которым надоела тактика бесплодного воздержания и которые решили перейти к активным действиям и присягнуть императору, для того чтобы проникнуть в Бурбонский дворец. Тьер, более подвижный и честолюбивый, чем когда бы то ни было, снова вмешался в избирательную свалку и, озабоченный в сущности не столько восстановлением монархии, сколько стремлением к достижению власти, сгорая желанием угодить католическому большинству в стране, задетый притом в своем патриотизме ввиду быстрого движения Италии в сторону полного объединения, прелюдии германского объединения, наконец, проникнутый глубокой антипатией к французской политике Наполеона III, поставил во главе своей программы сохранение светской власти папы и возвращение к системе протекционизма.

Что касается демократов всяких оттенков, одобрительно относившихся к итальянской революции и политике торговых договоров, то так как они прежде всего стремились разрушить империю или принудить ее к принятию их условий, они находили уместными совместные действия со «старыми партиями» против общего врага. Таким образом, составился «Либеральный союз», с помощью которого республиканцы помогли Тьеру быть выбранным в Париже, Беррье — в Марселе и Ланжюине — в Нанте, тогда как монархисты или клерикалы оказали поддержку кандидатурам Жюля Фавра, Жюля Симона, Мари, Глэ-Бизуэна, Геру и Авена.

Общие выборы 31 мая и 1 июня 1863 года ознаменовались значительным успехом оппозиции и сильно подняли ее дух. Правда, они дали еще империи огромное большинство, но уже не столь покорное, доверчивое и преданное, как прежнее. С другой стороны, вместо группки «пяти» теперь перед правительством стояла решительная группа 35 оппозиционных депутатов (в том числе 17 республиканцев); это были почти все люди талантливые и популярные, которые должны были скоро привлечь на свою сторону новых сторонников. При этом все прекрасно знали, что оппозиция провела бы еще гораздо больше своих кандидатов, если бы правительство посредством ловкого перекраивания избирательных округов не постаралось заранее нейтрализовать голосование враждебных ему городов голосами деревень, которые пока оставались ему верны. Париж, который в 1857 году выбрал еще 5 официальных кандидатов (из 10), на этот раз не выбрал ни од-

ного. В общем число голосов, поданных во всей стране за нежелательных администрации кандидатов, достигло цифры *двух миллионов*. И это несмотря на то, что печать была скована, что право собраний не существовало, что правительство фактически пользовалось еще диктаторской властью.

Эти выборы были для Наполеона III грозным предостережением истории. Но он, повидимому, не понял его и просто ограничился отнятием портфеля у незадачливого министра внутренних дел Персиньи, излишнее усердие которого мало содействовало относительному успеху оппозиции, вручением портфеля народного просвещения антиклерикалу Дюрюи, что должно было понравиться демократам, но глубоко возмутить ультрамонтанов, и, наконец, отменой должности министров без портфелей. (Отныне от имени правительства перед палатами должен был выступать в качестве главного оратора государственный министр.)

Только наивные люди могут думать, что эта последняя мера была со стороны Наполеона III уступкой партизанам ответственности министров. На самом же деле император таким образом просто создал должность министра-премьера с целью придать отношениям между правительством и палатами более согласованный, тесный и авторитарный характер. Он твердо желал, чтобы министр, которому придется говорить от его имени, находился в полной от него зависимости, согласно букве и духу конституции 1852 года. На деле так и вышло. Новый государственный министр Билло (Billault) не играл бы, если бы остался в живых, иной роли в Бурбонском дворце, кроме роли неответственного адвоката императора, которую он уже играл с 1860 года; но он скоро умер (октябрь 1863 г.). Преемник его, Руэр, соучастник декабрьского государственного переворота, подобно Билло, принял эту должность с единственной задачей всегда и во что бы то ни стало восхвалять политику императора, хотя бы для этого ему приходилось противоречить самому себе и, подобно самой этой политике, изо дня в день коренным образом опровергать самого себя.

Образование «средней партии». В 1864 году оппозиция энергично возобновила в Бурбонском дворце свою кампанию против царизма и цезаристской политики. Ораторы демократической левой заговорили неслыханно резким и решительным тоном; они знали, что на их стороне стоит подавляющее большинство городского населения и для него-то они главным образом и говорили, так как в данный момент они еще не надеялись привлечь на свою сторону большинство

Законодательного корпуса. Но могучие союзники, доставленные им старыми монархическими партиями, уже начали вносить элементы морального разложения в это большинство, которое, не видя в них носителей революционного духа, до известной степени поддавалось обаянию их красноречия. Когда такие люди, как Беррье или Тьер, начинали доказывать, что финансы Франции расстроены, национальные интересы скомпрометированы, армия дезорганизована, престиж и авторитет Франции во внешних делах подорваны, — и все это благодаря отсутствию «необходимых вольностей», которых бывший министр Луи-Филиппа требовал с умеренностью, но в то же время с энергией и убеждением, — то народные представители, которые прежде сознательно затыкали уши, не только внимательно слушали ораторов, но в глубине души с ними даже соглашались, а многие в душе уже раскаивались в прежнем своем поведении. Между ними почти не было таких, которые в 1864 году в глубине души не оплакивали мексиканской авантюры, что не мешало им покрывать ее своим голосованием.

Что касается императора и его министров, то они, повидимому, даже и не догадывались, что декабрьскому режиму нанесен серьезный удар; они не старались ослабить его насильственного и произвольного характера. Император, неоднократно заявлявший, что декрет 24 ноября является лишь первым шагом по пути к свободному режиму, пока, повидимому, не намерен был делать новых уступок, а «увенчание здания» откладывалось в долгий ящик. Если нетерпеливые люди заявляли, что на выборах 1863 года страна высказалась в пользу свободы, то государственный министр отвечал, что настоящим основоположником свободы является Наполеон III. «Разве не император, — воскликнул он, — первый водрузил это знамя не для того, чтобы затем дать ему упасть в грязь, а для того, чтобы утверждать его на прочном основании законов?» А между тем единственным доказательством либеральных намерений императора в тот момент было внесение в Законодательный корпус законопроекта о рабочих съездах, который разрешал устройство стачек, но не признавал рабочих организаций и который, таким образом, являлся для стачечников, как это доказал Жюль Фавр, в полном смысле слова ловушкой.

В августе 1864 года процесс «тринадцати», возбужденный против главных членов комитета, с успехом поддерживавшего кандидатуры Гарнье-Пажеса и Карпо, показал, какую свободу правительство намерено предоставить своим против-

никам в области избирательной агитации. Наконец, вот в каких обескураживающих выражениях император при открытии сессии 1865 года говорил о реформах, которых страна ждала с величайшим нетерпением: «Будем твердо охранять основы конституции; будем противиться крайним стремлениям тех, кто вызывает перемены с единственной целью разрушить то, что мы создали. Утопия находится в таком же отношении к добру, в каком иллюзия находится к истине; а прогресс вовсе не является осуществлением более или менее остроумной теории, а практическим приложением результатов опыта, освященных временем и признанных общественным мнением». Остроумная теория, на которую намекал Наполеон III, это та теория, которую с таким блеском за год до того Тьер изложил в Бурбонском дворце, т. е. теория парламентского режима.

Конвенция 15 сентября и Силлабус. Разжигая таким образом раздражение демократической и либеральной партий, Наполеон III в то же время своими словами и действиями снова пробуждал вражду клерикальной партии, несколько утихшую с 1862 года. В области внешней политики его неловкие и бесплодные усилия в пользу Польши и Дании в конце-концов восстановили против него правительства почти всех великих держав. Единственный союз, на который он мог в это время рассчитывать, это был союз с Италией. Вот почему он заключил с последней конвенцию 15 сентября 1864 года, по которой он обязался в двухлетний срок отозвать из Рима свои войска, взамен чего Виктор-Эммануил обязался не нападать на тогдашние владения папы.

С этого момента возмущенный Пий IX всячески старался, насколько это от него зависело, усилить те политические замешательства, из которых приходилось выпутываться императору французов. Этим объясняется издание энциклики *Quanta cura* и резюмировавшего ее *Силлабуса* (8 декабря 1864 г.), документов, переносящих нас в средние века и решительно отрицавших все завоевания великой революции. В этом манифесте папа осуждал не только права совести, философии и науки, но и самые элементарные принципы публичного права, которые провозгласила в 1789 году Франция и которые, следуя ее примеру, в конце-концов признало большинство европейских государств. Он заявлял, что церковь представляет совершенное общество, во всех отношениях независимое от светской власти, что она стоит выше государства и что только ей принадлежит право руководить воспитанием народа; он отвергал учение о народном верховенстве и прин-

ции всеобщего избирательного права, свободу некатолических исповеданий, свободу печати и слова; он требовал предоставления церкви карательной власти, равно как предоставления духовной власти в случае ее конфликтов с гражданской властью таких прав, которые современные правительства признают только за последней; он хотел, чтобы ей дано было право вмешиваться в область гражданского законодательства, с целью, например, устранить из него все постановления, благоприятные для протестантов и евреев; он осуждал гражданский брак. И он заканчивал осуждением следующего положения: «Римский первосвященник может и должен примириться и вступить в сделку с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией».

Теории Силлабуса проникнуты были таким непримиримым духом и дышали таким преувеличением, они настолько расходились с господствующими в обществе идеями, что ни одно правительство не могло серьезно их бояться. Но Наполеон III, который постоянно взывал к всеобщему избирательному праву и гордо провозглашал себя признанным представителем революции на престол, чересчур серьезно отнесся к этому папскому манифесту. Запрещая распространять документ, который вся Франция уже читала, он поставил себя в смешное положение. Некоторые епископы не подчинились его приказу и приказали прочитать его с церковной кафедры, рискуя подвергнуться безобидному «*appel comme d'abus*»; почти все они воспроизвели основные его положения в своих пастырских посланиях, сопровождая их почтительными комментариями, причем большинство прелатов одобряли Силлабус без всяких оговорок [1].

В продолжение нескольких месяцев император не мог скрыть дурного настроения. Он назначил принца Наполеона вице-президентом Тайного совета, разрешил манифестацию (впрочем, совершенно мирную) во время похорон Прудона (январь 1865 г.), поддерживал своего недавнего министра Рулана, который в сенате напал на энциклику со всем пылом галликанского судейского чиновника старого режима, и, наконец, позволил Дюрюи, предмету ненависти всего духовенства, напечатать в официальном *Moniteur*'е достопамятный доклад, заключавшийся в необходимости бесплатного и обязательного народного образования (февраль 1865 г.).

[1] Умные епископы, в роде Дюпанлу, старались ослабить его смысл и значение своими комментариями. И только немногие, как, например, Лекуртье, епископ Монпелье и парижский архиепископ Дарбуа, позволили себе критиковать его.

Но решимость Наполеона III всегда была половинчатая, и хватало ее ненадолго. Едва только доклад Дюрюи появился в печати, как император поспешил выразить свое неодобрение содержащимся в нем мыслям. Принц Наполеон, произнесший наделавшую шума речь, в которой он утверждал, что империя никогда не изменит революции, получил публичный выговор и подал в отставку (май 1865 г.). Император с печалью убеждался, что сентябрьская конвенция подвергается резким нападкам не только со стороны признанных защитников церкви, но и со стороны политических деятелей, которые доказывали пагубное значение этого акта с точки зрения французских интересов. Тщательно отделанная речь, произнесенная по этому поводу[1] в Законодательном корпусе Тьером, убежденным противником объединения Италии, наделала в стране большой шум, и Наполеон III, повидимому, начал сомневаться, не совершил ли он тяжкого промаха, подписав эти договоры.

Эмиль Оливье, средняя партия и поправка сорока пяти. Большинство Законодательного корпуса с каждым днем становилось все менее надежным; если преданность его императору и не ослабела, то уверенность и оптимизм его значительно пошатнулись; превосходство цезаризма перестало казаться всем членам парламентского большинства неприкосновенной догмой. Между непримиримой оппозицией принципиальных противников империи и закоснелым холопством безусловных ее партизан нашлось место для конституционной оппозиции; и вот начала составляться «средняя партия», которая вскоре выдвинула программу возрождения империи посредством постепенного развития политических вольностей. Выдающиеся члены этой группы (Бюффе, Шевандье де Вальдром, Мартель, маркиз де Граммон, Плишон, Брам, Морис Ришар, Сегри, Латур-Дюмулэн и т. д.) были старыми парламентскими деятелями или империалистами, которых излишества и недочеты имперской политики толкнули в ряды оппозиции. Среди них находились и честолюбцы, полагавшие, что правящий персонал 2 декабря достаточно пользовался властью и что по всей справедливости он должен быть заменен новыми людьми.

Главнокомандующим этой небольшой армией был Эмиль Оливье, который, будучи докладчиком закона о рабочих коалициях, без всяких оговорок горячо защищал правительственный проект (апрель — май 1864 г.) и, таким образом, окончательно разошелся с депутатами левой, видевшими в нем

[1] В апреле 1865 года при обсуждении адреса.

теперь просто ренегата. В марте 1865 года он вотумом «надежды», как он выражался, присоединился к адресу большинства и заявил, что он *без всякого сожаления готов употребить все свои силы в целях установления прочного союза между демократией и свободой через посредство сильной национальной власти.* Ввиду этого император и императрица, с которыми вскоре после того он завязал личные сношения, сочли благоразумным, не вполне ему доверяясь, ободрить и поддержать преданность этого неофита. По смерти Морни ему начал покровительствовать родственник и друг Наполеона III, граф Валевский, не столько, конечно, из симпатии к нему или к его либерализму, сколько из вражды к фавориту Руэру, всемогущество которого его озлобляло.

Последовавшее вскоре после того назначение Валевского на пост президента Законодательного корпуса свидетельствовало, повидимому, о том, что император относился теперь к либеральной программе Оливье не с таким отвращением, как в прежнее время. Последний, после своего изгнания из среды радикалов, некоторое время находился в изолированном положении; но когда по некоторым признакам явилось основание полагать, что высшие сферы начали относиться к нему благосклонно, то у него сейчас же нашлись сторонники. Ему удалось набрать 45 партизан, которые под его влиянием воспользовались обсуждением адреса (1866) для того, чтобы в знаменитой поправке сформулировать программу *средней партии.* «Франция, — говорилось в этой резолюции, — твердо привязанная к династии, обеспечивающей сознание порядка, не менее привязана к свободе, которую она считает необходимой для исполнения своей исторической миссии. Поэтому Законодательный корпус полагает, что он является выразителем общественного настроения, повергая к подножию престола пожелание, чтобы ваше величество дало великому акту 1860 года надлежащее дальнейшее развитие».

Эта поправка была еще слишком смела для того, чтобы большинство Законодательного корпуса посмело к ней присоединиться. Государственный министр объяснил, что переходить пределы, поставленные свободе императором, это значит бросаться очертя голову в революционные авантюры; и на этот раз палата с ним согласилась. Но при подсчете голосов оказалось, что за поправку сорока пяти подано было 63 голоса, а через несколько дней специальная поправка «средней партии» в пользу свободы печати получила 65 голосов.

Партия сопротивления и сенатус-консульт 14 июля 1866 года. Встревоженный быстрым успехом либеральных

идей в Бурбонском дворце, Руэр старался убедить императора в основательности своих опасений. С помощью всех людей, которые, подобно ему самому, слишком скомпрометировали себя на службе авторитарной империи и не надеялись поэтому сохранить своего положения при другом режиме, он старался доказать Наполеону III, что уступки взглядам «средней партии» равносильны открытию дверей не только для парламентаризма, но и для республики. По его мнению, наступила пора раз навсегда положить конец мечтаниям о пересмотре конституции, проявлявшимся со всех сторон. Так как право отвечать на тронную речь адресом расшатало фундамент империи в том отношении, что позволило подвергнуть критике основные законы 1852 года, то, по словам Руэра, его следовало отменить. Во всяком случае необходимо было поспешить с возведением новых окопов для защиты конституции.

Император присоединился к этому мнению, и правительство на поправку сорока пяти ответило проектом сенатус-консульта, который 14 июля 1866 года сделался государственным законом и в силу которого только сенату впредь предоставлялось право обсуждать предложения, клонившиеся к изменению конституции. Всякие рассуждения по этому поводу в Законодательном корпусе и в печати воспрещались под угрозой денежного штрафа в размере до 10 000 франков. Подаваемые в сенат петиции, имевшие предметом изменение конституции, могли докладываться в публичном заседании не иначе, как с разрешения по крайней мере трех бюро, причем содержание этих петиций могло излагаться только в официальном отчете.

После этого решительного шага назад, партизаны *status quo*, казалось, одержали полную победу; но этот перевес они сохранили не надолго. Через каких-нибудь 6 месяцев Наполеон III счел необходимым снова повернуть фронт.

Упадок империи и успехи оппозиции. Наполеон III, который имел неосторожность содействовать союзу Италии с Пруссией, теперь со стыдом присутствовал в качестве бессильного зрителя при победе последней над Австрией, при всех ее завоеваниях и при подчинении всей Германии воле берлинского кабинета. Он хотел получить какое-нибудь территориальное вознаграждение, но его требования были отвергнуты с почти оскорбительным высокомерием. Не по летам изнуренный и настолько больной, что в 1866 году окружающие его лица считали его близкую кончину неминуемой, он не смел прибегнуть к силе оружия. При этом он прекрасно понимал, что при устарелом вооружении французской армии

ее шансы на победу в случае конфликта с героями Садовой совершенно минимальны. Благодаря всевозможным хищениям и казнокрадству, французские полки доведены были до крайне слабого состава. Мексиканская экспедиция, продолжавшаяся 5 лет, поглотила лучшие элементы французских войск, опустошила арсеналы и деморализовала армию.

Если бы она хотя была удачной! А то ведь вопреки уверениям государственного министра все прекрасно знали, что французский протеже Максимилиан не пользуется в Мексике никакой властью; всем прекрасно было известно, что в это самое время Наполеон III отозвал из Мексики находившихся еще там французских солдат, и сделал это по формальному и угрожающему требованию Соединенных штатов. Итак, после таких колоссальных жертв людьми и деньгами, незаконно взятыми из казённых сумм, эта затея, притом крайне еще несправедливая, закончилась унизительным отступлением.

Чтобы замаскировать постигшие его неудачи, правительство заявило, что в последних событиях, имевших место в Германии, оно не усматривает ровно ничего такого, что способно было бы обеспокоить французское общество [1]; по его словам, положение Франции не было поколеблено или задето, а интересам ее не грозило никакой опасности. А между тем спустя некоторое время правительство не только с величайшей поспешностью отозвало французские войска из Мексики и римский оккупационный корпус, но и выработало законопроект, увеличивавший расходы страны на национальную оборону вдвое (12 декабря).

Истина начинала раскрываться. Как только у правительства 2 декабря начались неудачи, общество начало обращать внимание преимущественно на его ошибки; как только счастье изменило императору, он сразу потерял свою популярность. Масса сельского населения оставалась ему еще верна по невежеству и по косности; но рабочий класс с каждым днем начинал все более резко высказываться против него. «Международная ассоциация рабочих», основанная в 1864 году, основала множество секций во французских городах, особенно в Париже, подняла знамя революционного социализма и открыто стремилась к установлению республики.

Духовенство и другие за ним элементы готовы были скорее бороться с Наполеоном III, чем служить ему. Буржуазия, ободряемая явным упадком империи, снова начала фронди-

[1] Циркуляр министра иностранных дел Лавалетта, от 16 сентября 1866 года.

ровать, злословила насчет императора и окружавшей его камарильи и также подготовляла словом и пером месть за 2 декабря. Образованная молодежь в подавляющем большинстве была враждебно настроена против правительства. Из ее рядов вышла республиканская партия, совершенно готовая перейти к непосредственным действиям и своим радикализмом оставлявшая далеко позади себя демократическую левую Законодательного корпуса. Гамбетта был уже идолом «Латинского квартала»; Рошфор дебютировал «Французами эпохи упадка», этой прелюдией к знаменательному «Фонарю»; *Les Châtiments* Виктора Гюго распространялись и читались повсюду; *Propos de Labienus* [1], несмотря на все принятые полицией меры, были у всех в руках. Небольшие, якобы литературные, газетки, беспощадно преследуемые администрацией, но умиравшие, успевши все-таки поднять известный шум (*La Voix des Ecoles*, *La Rive Gauche*, *Candide*, *La Morale indépendante*), с такой же резкостью и непочтительностью нападали на империю, как и на церковь (а это кое-что да значит). Наконец, французские студенты резко выделялись своей экзальтацией на происходивших тогда в большом числе международных конгрессах, на которых пропагандировалось не только свободомыслие, но и республиканские идеи.

Декрет и письмо от 19 января 1867 года. Наполеон III чувствовал, что мало-помалу вокруг него нарастает волна антипатии и даже презрения. Истощенный болезнью, встревоженный, нерешительный, толкаемый туда и сюда враждебными партиями, он снова склонился к партии реформ. Лидер «средней партии», романтические иллюзии которого по временам разделялись императором, уверенно утверждал, что он спасет монархию, если Наполеон III пожелает ему довериться. Тогда император составил декрет и написал известное письмо от 19 января 1867 года, давшее Эмилю Оливье основание надеяться на близкое торжество.

На самом деле эти два документа не давали полного удовлетворения пожеланиям Оливье; содержание их показало, что Руэр старался удержать императора от слишком широких уступок. Декрет предоставлял каждому сенатору и депутату право интерпеллировать правительство по поводу его политики; вместе с тем право палаты отвечать адресом на тронную речь было отменено; но, с другой стороны, право интерпелляции было обставлено такой сложной предварительной процедурой, что в большинстве случаев оно фактически превра-

[1] Памфлет Рожара, изданный в 1865 году.

щалось в чистую фикцию. И действительно, для того чтобы внесенная интерпелляция могла публично обсуждаться, требовалась подпись пяти членов и согласие четырех бюро из девяти в Законодательном корпусе и двух из пяти в Сенате. При этом парламентские прения по поводу интерпелляции не должны были заканчиваться мотивированным порядком дня, а простым отклонением или передачей в соответствующее министерство.

С другой стороны, так как император объявил, что он может поручить каждому из министров выступать от имени правительства во время прений в палате или сенате, то на первый взгляд можно было подумать, что этим он до известной степени признает принцип ответственности министров. Но на самом деле ничего подобного не было. Письмо к государственному министру, сопровождавшее вышеупомянутый декрет, совершенно определенно разъясняло, что министры попрежнему будут зависеть только от монарха, что они попрежнему не могут быть членами Законодательного корпуса, что никакой солидарности кабинета не будет установлено и что они просто будут выступать перед палатами от имени главы государства по специальному его поручению.

В том же письме анонсировалось предстоящее внесение двух законопроектов: один из них освобождал газеты от произвола административного усмотрения, но подчинял их суду исправительных трибуналов, а не суду присяжных; другим восстановлялось право собраний, но так, что собрания политического или религиозного характера во всякое время могли запрещаться администрацией, а другие могли распускаться по произволу полиции.

Колебания Наполеона III; борьба Руэра и Эмиля Оливье. Сделанные Наполеоном III уступки не соответствовали надеждам и пожеланиям общественного мнения, которое в рассматриваемое время уже не могло удовлетвориться такой скромной программой. Во всяком случае реформа могла оказаться полезной для империи лишь в том случае, если бы император захотел применить новые принципы в широком масштабе и поспешил призвать к власти новых людей. Но этого-то по свойственной ему нерешительности он и не сделал.

Общество ожидало отставки Руэра, но на самом деле положение его еще более, повидимому, упрочилось, так как он не только сохранил пост государственного министра, но вдобавок получил еще портфель министерства финансов. А вскоре после того он со своей обычной самоуверенностью начал хвастать перед Законодательным корпусом тем, что он давно якобы

присоединился к либеральным намерениям императора и всеми силами содействовал успеху реформаторских начинаний (которые он в действительности старался похоронить и во всяком случае задержать, насколько возможно). Но правительственное большинство, которое предпочитало Руэра Эмилю Оливье и понимало его с полуслова, покрыло его лицемерную выходку бурными аплодисментами. Под верховным покровительством государственного министра составилась обширная группа депутатов (так называемый «кружок улицы Аркад») с чисто реакционной или консервативной программой.

Сенат, как бы встревоженный возросшим значением нижней палаты, пожелал составить ей противовес и принять участие в законодательной деятельности. Правительство пошло навстречу этому желанию, предложив ему вотировать сенатус-консульт 12 марта, который дал сенату право не только решать вопрос о конституционном характере законов, но и рассматривать законопроекты по существу и отсылать их обратно в Законодательный корпус.

Рассмотрение обещанных законов о печати и народных собраниях систематически откладывалось и, казалось, правительство совершенно забыло о своем обещании. Одним словом, Эмиль Оливье оказался формально одурачен и сделался мишенью для всеобщих насмешек. Сначала он старался скрыть свою досаду, но через несколько месяцев он потерял терпенье и в резкой речи напал лично на «вице-императора», которого он объявил злым гением империи и Франции. Но этими нападками он достиг того, что положение Руэра только упрочилось: император обратился к нему на следующий день с самым дружеским письмом и пожаловал ему бриллиантовые знаки командорского креста Почетного легиона, чтобы вознаградить его за «несправедливые нападки, которым он подвергся» (12 июля).

1867 год; «темное облако». Однако декрет 19 января, несмотря на злую волю правительства и *мамелюков* [1], начал приносить свои плоды в том смысле, что некоторые интерпелляции все-таки невозможно было устранить и что теперь злоупотребления и ошибки империи разоблачались гораздо сильнее, чем прежде. Особенно резкой критике подвергалась внешняя политика Наполеона III. В марте 1867 года Тьер со свойственной ему ясностью обрисовал различные фазы немецкой революции, которая угрожала Франции величайшей

[1] «Мамелюками» называли непримиримых бонапартистов, которые, подобно Гранье де Кассаньяку, отвергали всякую либеральную реформу и не видели в конституции 1852 года ровно никаких недостатков.

опасностью и которую император не сумел ни предупредить, ни направить, ни использовать. «Нет такой ошибки, — воскликнул он в конце своей речи, — которую вы могли бы еще совершить». Тщетно Руэр возражал, что правительство *не совершило ни одной ошибки*. Хотя большинство и аплодировало этому смелому утверждению, но в глубине души оно само ему не верило и в сущности разделяло мнение Тьера, выражавшего общую мысль всей Франции.

Всемирная выставка, продолжавшаяся от 1 апреля до 1 ноября 1867 года и привлекшая в Париж многих монархов, несмотря на весь свой блеск, не могла заставить Францию забыть о падении ее престижа и об угрожающих ей опасностях. Сопровождавшие ее торжественные празднества были отравлены новыми неудачами во внешней политике, как, например, безуспешностью переговоров относительно приобретения Люксембурга; или инцидентами, способными скомпрометировать отношения между Францией и иностранными государствами, как враждебные манифестации против русского императора Александра II и покушение на его жизнь во время посещения им Парижа [1]; или, наконец, печальными известиями, вроде известия о казни французского протеже, Максимилиана, который был схвачен мексиканцами после отплытия французских войск, приговорен к смертной казни и расстрелян 19 июня. Последнее событие нанесло окончательный удар и без того поколебленной популярности Наполеона III. Он пал духом и в Лилльской речи (27 августа 1867 г.) даже признал публично, что Франция потерпела некоторые неудачи, и заявил, что *на политическом горизонте появилось темное облачко* («черные точки»).

Вторая римская экспедиция и новые требования ультрамонтанской партии. Затруднительное положение императора еще ухудшилось вследствие нового взрыва клерикальной оппозиции. Если республиканцы и либералы жаловались на то, что он нарушает принципы революции, то ультрамонтаны, наоборот, горько упрекали его в том, что он приносит этим принципам в жертву интересы католической церкви. Стараясь угодить им, Наполеон III вопреки сентябрьской конвенции продолжал держать французских солдат и офицеров на папской службе. Они требовали второй римской

[1] В то время судьба Польши вызывала во Франции большое сочувствие, и восстание 1863 года было еще в памяти у всех. При проезде царя раздавались крики: «Да здравствует Польша!», а молодой поляк Березовский выстрелил в него из пистолета; сенский суд присяжных признал Березовского виновным, но в то же время признал наличность смягчающих вину обстоятельств (июнь 1867 г.).

экспедиции и пытались вовлечь императора в новые сделки, которые ввиду безостановочного роста революционной партии способны были только еще больше ослабить и дискредитировать императорское правительство.

Главный орган клерикалов, *L'Univers*, которому незадолго до того снова было позволено выходить в свет, взял более резкий тон, чем когда бы то ни было. Некоторые епископы (Дюпанлу, Пи, Плантье и т. п.) не прекращали своих нападок на правительство и, как бы оно ни старалось им угодить, не находили его достаточно преданным католицизму. Мишенью для нападок ультрамонтанской партии сделался в особенности министр Дюрюи, который усиленно старался демократизировать народное образование [1]. Клерикалы не могли ему простить того, что он стремился увеличить число учебных заведений и просветить народную массу, а в особенности того, что он требовал для государства права вмешиваться в воспитание женщин. Католики объявили его законопроект о народных школах, обсуждавшийся в 1867 году, покушением на религию, так как он клонился к подчинению монашеских орденов, до сих пор пользовавшихся привилегированным положением, действию общих законов.

В сенате католики упрекали правительство в том, что оно не заставляет чтить воскресный день и предоставляет почти неограниченную свободу философии, имеющей претензию совершенно игнорировать теологию. В верхнюю палату подавались петиции, требовавшие очищения народных библиотек и удаления оттуда сочинений Вольтера, Руссо, Мишлэ, Ренана, Жана Рено, Жорж Занд и многих других. Сент-Бев вызвал свистки и подвергся оскорблениям со стороны почти всех сенаторов за то, что он посмел выступить в защиту свободы мысли и науки. Высшая нормальная школа была закрыта по желанию императрицы за то, что она приветствовала Сен-Бева за его мужественное поведение (июль 1867 г.).

После нападения гарибальдийских отрядов на римскую область требования французских ультрамонтанов приняли еще более властный и настойчивый характер. Наполеон III, от которого католики требовали помощи папе, тем охотнее согласился пойти навстречу их желаниям, что Гарибальди до принятия команды над своими волонтерами председательствовал на состоявшемся в Женеве «Конгрессе мира», который

[1] Он содействовал основанию множества народных библиотек, чтению публичных лекций, организовал в лицеях и коллежах «специальное преподавание» (реальное) и вообще дал сильный толчок развитию народного образования».

вместе с Международной ассоциацией рабочих[1] высказался за всемирную республику. Выступая в защиту папы, Наполеон преследовал двойную задачу: вернуть себе утраченные симпатии католической партии и вместе с тем нагнать страху на революционные элементы; в конце октября он послал на помощь папе французский корпус, шасспо которого через несколько дней «совершили чудеса» при Ментане (3 ноября). Благодаря этой поддержке, папа мог еще оставаться в течение некоторого времени римским государем.

После этой новой услуги, оказанной папе, Наполеону очень хотелось бы вернуть себе свободу действий, но католическая партия этого ему не позволила. 29 ноября клерикалы сделали правительству запрос в сенате и хотели вырвать у него новые обязательства в пользу римского первосвященника. Благодаря поддержке старого галликанца Бонжана и парижского архиепископа Дарбуа, оно на этот раз без особого труда выпуталось из затруднительного положения. Но не так легко ему удалось отделаться в Законодательном корпусе, где итальянские дела обсуждались 5 декабря в гораздо более серьезном духе. Демократическая позиция упрекала правительство за новый поворот в пользу папы, но большинство палаты не стояло на стороне этой оппозиции; это большинство, состоявшее из консерваторов и католиков, в рассматриваемом вопросе шло за Тьером и Беррье, а эти ораторы, наоборот, требовали от Наполеона III, чтобы он ни за что не выводил французских войск из Рима.

Бывший министр Луи-Филиппа снова подверг резкой критике движение в пользу объединения Италии; он старался доказать, что падение светской власти папы было бы для Франции величайшим несчастием, причем он говорил с таким волнением и страстностью, что бо̀льшая часть собрания находилась под обаянием его речи. Руэр мог воздействовать на большинство только тем, что он пошел еще дальше Тьера и имел неосторожность от имени государя взять на себя следующее обязательство: «От имени французского правительства мы заявляем, что Италия не овладеет Римом. Никогда Франция не допустит этого посягательства на свою честь и на католицизм». И 200 голосов с увлечением повторили за ним: «Никогда! никогда!»

С этого момента и вплоть до конца своего царствования Наполеон III оставался пленником католической церкви. Ободренное его слабостью, духовенство начало проявлять

[1] Конгресс которой происходил в это самое время в Лозанне.

все большее высокомерие и открыто претендовать на руководящую роль в государственных делах. В 1868 году епископы усилили свои нападки на университет и изобличали членов этой великой корпорации, учащихся и преподавателей, в распространении превратных и безнравственных учений. Они с крайней резкостью напали на Дюрюи за открытие женских гимназий, так как девушки, по словам Дюпанлу, должны воспитываться не иначе, как «на лоне церкви». Под предлогом свободы высшего образования они добивались права налагать молчание на уста своих противников, как это неопровержимо доказал Сент-Бев в своей последней речи в сенате (май 1868 г.). Наконец, когда папа созвал вселенский собор, который должен был открыться в Риме в декабре следующего года[1], то они достаточно ясно заявили, что, отправляясь туда, они в подавляющем большинстве твердо решили провозгласить *непогрешимость* папы и придать принципам Силлабуса характер католических догматов.

Новые законы о военной организации, о печати и о народных собраниях. Императорское правительство, которое подобные союзники могли только скомпрометировать, не принося ему никакой пользы, окончательно рушилось под ударами окружавшей его со всех сторон оппозиции и никак не в состоянии было ориентироваться. Его намерения встречали отрицательное к себе отношение, даже если оно в сущности бывало право, а иногда политика его наталкивалась на противодействие не только со стороны противников, но и друзей. Так например, только с величайшим трудом ему удалось провести военный закон, с помощью которого оно надеялось создать сильную французскую армию, способную в случае конфликта потягаться с прусской армией (закон 1 февраля 1868 г.).

Республиканцы из ненависти к милитаризму всячески старались провалить этот закон. Либералы «средней партии» и даже «мамелюки» согласились на его принятие только скрепя сердце ввиду тех жертв, которые он налагал на буржуазию; народная масса встретила его враждебно, так как в новом законе она не видела ничего, кроме увеличения своих повинностей. Вот почему испуганное правительство не решилось сразу применить его на практике и вот почему мобильная национальная гвардия, которая должна была удвоить численный состав французской армии, к моменту объявления войны с Пруссией в 1870 году существовала почти только на бумаге.

[1] На этот сбор папа в отличие от своих предшественников не пригласил посланников великих католических держав.

В продолжение целого года император уклонялся от исполнения своего обещания, касавшегося свободы печати и права собраний. Но общество так настойчиво требовало этой реформы, что Наполеон III и его министры сочли благоразумным не отказывать ему дольше в этом удовлетворении. Закон о печати, обнародованный 11 мая, предоставлял прессе свободу, в том смысле, что отменял систему предварительного разрешения, предостережений, административных приостановок и запрещений. Но при этом процессы по делам печати объявлены были подсудными не суду присяжных, а исправительным трибуналам, политическая независимость которых подлежала большому сомнению, кроме того наряду с весьма стеснительными фискальными помехами (гербовый сбор, залог и т. п.) оставлены были в силе несоразмерно высокие наказания, привилегированное положение чиновников и крайне неясное определение проступков печати: все это вместе на практике способно было сделать пользование этой свободой невозможным или же весьма опасным.

Точно так же закон 6 июня 1868 года в принципе разрешал публичные собрания, но с такими оговорками, что администрация и полиция фактически имели полную возможность запретить или распустить всякое собрание по произволу. Что же касается давно отмененного империей права союзов, то закон не упоминал о нем ни одним словом.

Республиканская партия в 1868 году. Эти половинчатые уступки, сделанные правительством против своей воли, явились слишком поздно, и притом очевидно было, что за ними скрывается задняя мысль при случае взять все обратно. Оппозиция видела в этих уступках просто-напросто вынужденное и неполное возвращение народу прав, предательски украденных у Франции 2 декабря; она не только не выказала империи никакой за них благодарности, но воспользовалась предоставленным ей оружием для еще более яростной и действительной борьбы против деспотизма.

С изданием нового закона о печати возникла масса газет, которые открыто поставили себе задачей ниспровержение империи и восстановление республики, не только не опасаясь преследований и судебных приговоров, но даже ища их в целях увеличения своей популярности. До тех пор оппозиционные газеты обыкновенно нападали на положение дел и на деятелей империи, сохраняя при этом известную внешнюю сдержанность и осторожность в выборе выражений. Все это прекратилось с того момента, когда на сцену выступил Анри Рошфор, который, срывая все маски и развенчивая всех

идолов, высказывая во всеуслышание то, что накануне еще решались только нашептывать друг другу на ухо, поставил себе задачей выставить императора, его приближенных и министров не только в ненавистном, но и в смешном свете, — и достиг своей цели изданием знаменитого «Фонаря». Этот небольшой еженедельный памфлет, горячо написанный и дышавший непочтительностью, близкой к оскорблению, имел колоссальный успех. Тщетно правительство пыталось убить его судебными преследованиями, Рошфор, избегая тюремного заключения, эмигрировал в Бельгию, где резкий тон его писаний еще усилился, а «Фонарь», ввозимый во Францию контрабандным путем, приобрел только вкус запрещенного плода и продолжал пользоваться широким распространением.

В то же время в больших городах и главным образом в Париже происходило множество народных собраний, куда свободно сходились социалисты и крайние республиканцы под предлогом обсуждения чисто экономических вопросов и где они ежедневно подвергали критическому рассмотрению не только институты религии и собственности, но и учреждения империи. Эти сходки, отличавшиеся весьма бурным характером, а часто даже сопровождавшиеся резкими столкновениями, почти всегда распускались полицейскими комиссарами, что не мешало им повторяться и с каждым днем принимать все более агитационную окраску. Рабочий класс и учащаяся молодежь находились в возбужденном состоянии, которое еще усиливалось чтением новых газет и исторических сочинений зажигательного характера, как, например, «Париж в декабре 1851 года» Эженя Тено [1].

Все с нетерпением ждали отплаты за государственный переворот. Вскоре начали устраиваться уличные манифестации. 2 ноября 1868 года на могилу Бодэна [2], открытую на Монмартрском кладбище, организовано было республиканцами настоящее паломничество, подавшее повод к резким призывам в пользу восстания. Некоторые газеты открыли подписку на сооружение этому народному представителю достойного его памятника, а правительство имело неосторожность возбудить судебное преследование против инициаторов этой подписки; процесс этот возбудил во всей стране самые нежелательные для империи толки. Этот процесс замечателен главным образом тем, что он впервые обнаружил ораторский талант Леона

[1] Имеется русский перевод. — *Прим. переводчика.*

[2] Член Законодательного собрания, павший 3 декабря 1851 года на баррикаде жертвой своей преданности закону.

Гамбетты, который накануне еще был совершенно неизвестен широкой публике, но который благодаря своему громовому красноречию сразу выдвинулся как величайший оратор новой Франции.

Общие выборы 1869 года. Император тем яснее должен был понимать всю серьезность положения, что помимо чтения газет он давно уже получал от префекта полиции Пьетри самые тревожные доклады о состоянии умов в обществе [1]. При открытии палат (18 января 1868 г.) он с грустью констатировал, что *беспокойные и нарушительные элементы стараются нарушить общественное спокойствие*. Правда, при этом он прибавлял, что *нация остается в стороне от этой искусственной агитации*, так как она *рассчитывает на твердость правительства в деле охраны порядка*, но это были голые фразы и больше ничего.

Оппозиция продолжала усиливаться в Законодательном корпусе. Так например, она принудила правительство отказаться от давно уже присвоенного им себе права произвольно распоряжаться финансами города Парижа [2]. А за стенами Бурбонского дворца ее успехи с каждым днем все более бросались в глаза. Общие выборы, которые должны были вскоре иметь место, открывали для правительства такие неприятные перспективы, что некоторые депутаты, обязанные ему своими местами, отклоняли его покровительство, а официальные кандидаты, чтобы замаскировать истинную свою природу, приняли название «либеральных консерваторов».

Новые выборы в Законодательный корпус состоялись 23 и 24 мая 1869 года и, как и следовало ожидать, закончились неблагоприятно для империи. Отчаянные усилия администрации в значительном числе избирательных округов были нейтрализованы республиканской и либеральной пропагандой газет, публичных собраний, избирательных комитетов и тайных обществ. На этот раз враждебные империи партии не составили такой коалиции, как в 1863 году; каждая из них в отдельности чувствовала себя теперь достаточно сильной для того, чтобы завоевать несколько мест собственными си-

[1] Начиная с сентября 1867 года этот полицейский чиновник неоднократно указывал Наполеону III на систематическую вражду «правящего» класса, т. е. буржуазии, и высказывал опасение, что народная масса вскоре будет вовлечена в оппозицию (см. его доклады в *Papiers secrets et correspondence de la famille impériale)*.

[2] Законом 1869 года постановлено было, что отныне чрезвычайный бюджет города Парижа вотируется сначала муниципальным советом, а затем передается на рассмотрение Законодательного корпуса, и что такой же порядок устанавливается для сведения окончательных счетов по исполнении росписи.

лами. И каждая партия могла похвастать некоторыми своими победами.

Но самый громкий и, повидимому, представлявший наибольшую важность успех выпал, как и в 1863 году, на долю республиканской партии, которая на этот раз боролась с высоко поднятым забралом, не считаясь с конституционными приличиями. Одно время казалось, что Париж решил выбирать только «неприсяжных» кандидатов [1]; в конце-концов он выбрал отъявленных противников империи, «непримиримых», которые сами себя так называли или были известны как таковые. Он с презрением отверг Эмиля Оливье, которому удалось пройти только в Варском департаменте, и заменил его декабрьским изгнанником Банселем. Те кандидаты, которых поддерживала администрация, получили в Париже ничтожное число голосов; за всех их подано всего 74 000 голосов, тогда как за остальных кандидатов — 231 000.

Если в общем итоге правительство и одержало материальную победу, то на этот раз она была далеко не решительной, так как общая сумма голосов, поданная во всей стране за официальных кандидатов, достигла лишь 4 636 713, тогда как противники его получили 3 266 366 голосов.

По этим цифрам мы можем судить о тех громадных успехах, которые сделала оппозиция с 1863 года. Теперь она не только господствовала в городах, но сильно задела и чисто сельские округа. Эти выборы были для империи моральным поражением, которое, повергая в глубокое уныние ее сторонников, должно было в то же время ободрить и укрепить ее врагов, и без того крайне дерзких и сильных. С этого момента для многих здравомыслящих людей стало очевидным, что империя погибла, если только, вернувши себе популярность какой-нибудь счастливой войной, она не прибегнет к новому государственному перевороту.

Последние выборы довели оппозицию в Бурбонском дворце приблизительно до 90 человек. Из этого числа около 40 депутатов были непримиримыми врагами Наполеона III и его династии. Остальных при известном старании можно было бы, пожалуй, привлечь на свою сторону; но для этого император должен был безоговорочно и добросовестно капитулировать перед их конституционалистическими требованиями и собственными руками восстановить тот парламентский режим, который он сам разрушил 2 декабря и который с тех пор неоднократно

[1] Т. е. таких, которые отказались бы принести присягу, требовавшуюся от кандидатов с 1858 года.

предавался анафеме и вышучивался им самим и его министрами. Он прекрасно понимал, что если он будет упорствовать в прежней политике, то со скамей левой оппозиция быстро перекинется на центр и без особого труда поглотит большинство, преданность которого неограниченной империи давно уже поколебалась. Но он не хотел примириться с этим исходом иначе, как в крайней необходимости, и оставлял себе возможность в один прекрасный день отнять одной рукой то, что он принужден был отдать другой.

Прежде чем решиться на окончательную уступку, он снова попытался напугать страну красным призраком и таким образом привлечь ее на свою сторону. Бонапартистские газеты силились убедить общество, что революция и анархия стоят у ворот Франции. Не подлежит сомнению, что в рабочем классе, особенно в Париже, замечалось некоторое брожение, способное поселить тревогу в сердцах буржуазии и деревенского населения, и среди рабочих начали распространяться теории революционного социализма.

В некоторых округах народ относился с подозрением к республиканцам 1848 года ввиду их умеренного направления. Жюль Фавр на этот раз прошел только во время перебаллотировки. Гамбетта, для того чтобы получить голоса бельвильских избирателей, должен был принять программу, требовавшую, между прочим, наряду с другими реформами отделения церкви от государства, избрания всех чиновников пародом и уничтожения постоянной армии. Наконец, в нескольких городах, и главным образом в столице, на другой день после выборов произошли беспорядки. Правительство старалось раздувать эти беспорядки через своих агентов, разжигавших толпу [1], и, придавая им таким образом более резкую форму, надеялось запугать буржуазию. А затем оно пользовалось этими волнениями для того, чтобы производить обыски и аресты и выступать перед страной в роли спасителя общества от грозящей ему опасности.

Средняя партия и программа 116-ти. Но эта тактика далеко не приводила к желательным для правительства результатам. Республиканцев она только забавляла, а через несколько дней они научились уже остерегаться всяких полицейских ловушек. Правда, умеренная оппозиция готова была сблизиться с правительством, которое старалось восстановить внутренний мир и общественный порядок, но она соглашалась оказать

[1] Это были шпионы, надевавшие белые блузы для того, чтобы походить на рабочих; несмотря на все учинявшиеся ими скандалы, они никогда не арестовывались полицией и всегда оставались безнаказанными.

содействие партизанам империи лишь под тем условием, чтобы последние, с своей стороны, примкнули к ее либеральным требованиям. Ей без особого труда удалось склонить многих правительственных депутатов на свою сторону, и вскоре в Законодательном корпусе составилась «средняя партия», более сильная, сплоченная и решительная, чем в 1866 году, с вполне определенной программой, которую правительство не могло долго игнорировать.

Новая палата собралась 28 июня 1869 года, и почти сейчас же *сто шестнадцать депутатов* подписали интерпелляцию, в которой правительство запрашивалось «относительно необходимости дать удовлетворение чувствам страны путем более близкого ее привлечения к управлению государственными делами. *Для достижения этой цели*, — говорилось далее в этом манифесте, — *безусловно необходимо составление ответственного министерства, предоставление Законодательному корпусу права определять органические условия своих работ и форму своих сношений с правительством*».

Преобразование империи в конституционном духе. Наполеон III, не решаясь отвергнуть эту просьбу, но вместе с тем не желая допустить обсуждения в Бурбонском дворце конституционных вопросов, на что имели право только император и сенат, выпутался из затруднительного положения путем отсрочки заседаний Законодательного корпуса (13 июля). Затем, вынужденный, хотя и против воли, пойти на уступки, он упразднил пост государственного министра, назначил Руэра президентом сената и предложил на обсуждение этого собрания сенатус-консульт, который должен был, казалось, дать группе 116-ти самое широкое удовлетворение.

По этому проекту, получившему силу закона 6 сентября, Законодательному корпусу предоставлено было право законодательной инициативы наравне с императором; отныне он сам избирал своего президента и своих секретарей; ограничения, стеснявшие право интерпелляций и поправок, были отменены; право вотировать бюджет по отдельным статьям было восстановлено; утверждение таможенных и почтовых договоров предоставлено было Законодательному корпусу. Заседания сената объявлены были публичными, а право его отсылать законопроекты нижней палате для вторичного рассмотрения было подтверждено.

По новому закону конституционные отношения между императором и палатами могли быть изменены только сенатус-консультом. Но самым важным нововведением было, без сомнения, установление ответственности министров; кроме того

в законе было сказано, что министры могут быть членами той или другой палаты и что во всяком случае они имеют право присутствовать на заседаниях и получать слово. Правда, сенатус-консульт прибавлял, что министры *зависят от императора*. Каким же образом возможно было примирить эту зависимость с ответственностью перед палатами? Этот именно вопрос не без некоторого коварства и ставил принц Наполеон, всегда готовый щегольнуть своими демократическими чувствами, в одной речи, которую чистые империалисты находили «прискорбной и скандальной» и которую один министр назвал «программой младшей линии». Сенат оставил этот вопрос без внимания; а между тем не подлежало никакому сомнению, что с помощью этой лазейки император надеялся сохранить руководство политическими делами лично за собой и в случае нужды поступать вопреки желанию палат.

В сущности все его симпатии продолжали оставаться на стороне «мамелюков»; эта партия находила деятельную поддержку в лице императрицы, влияние которой возрастало по мере того, как ослабевала физическая и моральная энергия Наполеона III. Отставка Руэра имела чисто фиктивный характер; в Тюильри попрежнему продолжали спрашивать его совета и считаться с его мнением. Так обстояло дело до конца империи, а министерство Оливье, которого ждала «средняя партия», должно было сыграть роль бессознательного орудия в руках камарильи.

Общественное брожение не только не ослабевало, но, напротив, все усиливалось. Одно время в столице можно было опасаться революционного «дня», который намеревались организовать на 26 октября [1] вожаки республиканской партии (и даже некоторые либералы). Этот проект не осуществился; но Париж готов был попрежнему воспользоваться всяким удобным случаем для проявления своих враждебных чувств против правительства. Он доказал это на дополнительных выборах 21 и 22 ноября, послав в палату самого резкого хулителя империи, Анри Рошфора, избрание которого могло рассматриваться как личное оскорбление, нанесенное Наполеону III.

Через несколько дней после этих выборов глава государства, открывая очередную сессию парламента (29 ноября), не без грусти умолял палаты «помочь ему спасти свободу». Он прибавил к этому, что «за порядок он отвечает», но эта при-

[1] В виде протеста против новой (неконституционной, по их мнению) отсрочки правительством заседаний Законодательного корпуса.

творпая уверенность не в силах была скрыть его тревоги и бессилия. «Средней партии» уже надоело верить императору на слово; она заставила его дать новую конституцию, и теперь она хотела получить власть, для того чтобы испытать ее на практике. Можно было опасаться, что если правительство попрежнему будет оттягивать это удовлетворение, которого требовала «средняя партия», то последняя будет увлечена левой, которая устами Жюля Фавра уже требовала предоставления Законодательному корпусу учредительной власти.

Ввиду этого Наполеон III решил сделать новый шаг по пути уступок. Он уже несколько месяцев вел тайные переговоры с Эмилем Оливье, а последний даже отправлялся к нему по ночам в Компьен для секретных совещаний. 28 декабря 1869 года Франция узнала, что бывшему товарищу Жюля Фавра по группе «пяти» поручено составить министерство, а 2 января 1870 года новое министерство было сформировано. Так возникла *либеральная империя*. «Средняя партия» приветствовала ее как прочный режим, которому суждено возродить империю; правая, не разделявшая ее воззрений, смотрела на поворот к либеральной политике как на переходную меру, имеющую смысл для того, чтобы выиграть время и подготовить возвращение к неограниченной власти. А в глазах левой новый режим являлся просто переходной стадией к республике.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

ГЛАВА VI

КРЫМСКАЯ ВОЙНА, ТУРЕЦКАЯ ИМПЕРИЯ И ХРИСТИАНСКИЕ НАРОДНОСТИ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

I. ТУРЦИЯ, РОССИЯ И ЕВРОПА

Молдаво-Валахская революция. Революция 1848 года послужила толчком, который пробудил политическую жизнь в вассальных турецких княжествах Молдавии и Валахии, где движение приняло такой же характер, как и в остальных странах Европы: оно отличалось конституционным и либеральным духом, а также стремлением к национальному единству. В Молдавии все движение ограничилось съездом, состоявшимся в Яссах 27 марта, почти на глазах господаря Михаила Стурдзы; на этом собрании выработан был проект конституции, который господарь обещал принять во внимание. В тот же вечер он приказал арестовать вожаков движения, — и все успокоилось.

Более серьезным характером отличалось движение в Валахии. Несмотря на то, что господарь Бибеско осуществил несколько полезных реформ, он сделался страшно непопулярен, главным образом благодаря своим тесным отношениям с Россией. Оппозиционная партия, состоявшая из проникшейся французскими идеями молодежи, крайне враждебной русскому влиянию, готова была в интересах освобождения своей страны из-под «ига протектората искренне присоединиться к Порте» [1]. Деятели этой партии мечтали об объединении Молдавии и Валахии и даже румынской части Трансильвании; а пока они требовали отмены органического регламента 1831 года и введения конституции, обеспечивающей гражданское и политическое равенство, свободу печати, административную и законодательную автономию под простым контролем Турции.

[1] Записка, представленная турецкому комиссару Талаату-эффенди, напечатана в *Mémoire justificatif de la Révolution roumaine*, Париж 1849, стр. 74.

Несколько тайных обществ, как, например, образовавшийся в 1844 году «союз братьев», пропагандировали эти идеи и старались сгруппировать недовольных.

Когда либералы, которые в первое время рассчитывали действовать исключительно легальными средствами, убедились, что надеяться на какие-либо уступки со стороны Бибеско нет никаких оснований, то они решили прибегнуть к насильственным мерам. 21 июня в Ислазе «на поле возрождения» они провозгласили конституцию; в Бухаресте солдаты заявили, что «против своих братьев они драться не станут», а 23 июня господарь согласился подписать конституцию. 25 июня, «чувствуя, что силы его не соответствуют требованиям обстоятельств», он отрекся от престола и был немедленно заменен временным правительством. Революция совершилась без пролития крови.

Вмешательство России и Турции. Так как либералы требовали восстановления одного только турецкого протектората, то султан, вероятно, признал бы новый порядок вещей. Но царь Николай, помимо своего инстинктивного отвращения ко всякому революционному движению, не мог допустить такого переворота, результатом которого было бы ослабление русского влияния на Балканском полуострове. Поэтому 28 июня 12-тысячный русский корпус вступил в Молдавию и двинулся в Валахию. Этот поход был на некоторое время приостановлен вследствие протеста Турции, а также Франции и Англии, потребовавших от русского правительства объяснений. Но царь усилил свою армию и держал ее готовой к решительным действиям.

С своей стороны, султан отправил за Дунай 20 000 человек, отказался, по совету русской дипломатии, признать временное правительство и поручил чрезвычайному комиссару Солиману-паше восстановить законный порядок. Солиман, отличавшийся умеренным характером, предложил валахам самим выбрать наместника (каймакана) согласно органическому регламенту, но вместе с тем обещал, что после того, как «в стране восстановлен будет прежний порядок, основательные жалобы населения приняты будут во внимание».

4 августа выбрано было «княжеское наместничество румынской земли». Верный своему обещанию, Солиман с величайшим вниманием рассмотрел обращенные к нему требования реформ, в результате чего принята была за вычетом некоторых частностей конституция, провозглашенная на «поле возрождения». Тесное соглашение, установившееся между валахами и турецким представителем, не понравилось русскому

правительству; оно потребовало немедленного отозвания Солимана и назначения нового комиссара, который должен был действовать по соглашению с русским комиссаром. Не встречая ниоткуда поддержки, султан принужден был уступить; Фуад-эффенди и Омер-паша, за которыми внимательно следил русский комиссар, вступили в Бухарест; наместничество было заменено каймаканом Константином Кантакузеном; вожаки либеральной партии подверглись заточению или изгнанию. Чтобы обеспечить точное исполнение своей воли, царь в конце сентября послал в Бухарест 60 000 солдат; правительственная власть фактически очутилась в руках генерала Дюгамеля, который без суда арестовал, заключил в тюрьму и изгнал всех противников русского протектората.

Балта-лиманская конвенция. 1 мая 1849 года Россия и Турция подписали в Балта-Лимане конвенцию, определявшую новые условия существования Дунайских княжеств. Отныне господари, назначаемые на семилетний срок царем и султаном, должны были играть роль простых губернаторов; общие собрания отменялись; назначенные русским и турецким комиссарами комитеты должны были пересмотреть старый органический регламент; оккупация княжеств должна была продолжаться впредь до полного восстановления порядка и до завершения комитетами своих работ. На основании этого договора русский протеже князь Стирбей назначен был валахским господарем, а господарем Молдавии сделался турецкий кандидат, князь Гика.

Таким образом, единственным результатом мирной валахской революции была потеря довольно широких вольностей, предоставленных княжествам по Адрианопольскому трактату: они лишились права самостоятельно выбирать своих господарей и иметь общие выборные собрания. Реакционная политика Николая восторжествовала в Бухаресте и в Яссах точно так же, как ей предстояло через несколько недель восторжествовать и в Венгрии. Попытка младовалахов освободиться от влияния и вмешательства России привела только к усилению последней, получившей новые легальные средства для воздействия на княжества. С другой стороны, этот результат означал также победу царя над султаном, новый успех в деле медленного завоевания Россией Балканского полуострова, новый шаг вперед в терпеливом и безостановочном движении ее к Царьграду.

Восстания в Боснии и в Болгарии. В других областях Турецкой империи русская политика не могла похвастаться такой же удачей. Не подлежит никакому сомнению, что волне-

ния, имевшие место в Боснии и Болгарии в 1849—1851 годах, не обошлись без участия русских агентов. В Боснии в июле 1849 года национальные стремления впервые объединили те элементы, которые до сих пор вследствие религиозных различий всегда выступали в качестве братьев-врагов, а именно, перешедших в мусульманство бегов и христианскую райю. Это восстание было организовано для того, чтобы парализовать всякое поползновение Турции вмешаться в венгерские дела. Инсургенты провозгласили учреждение «славянской федерации», написали на своих знаменах имя кроатского бана Иеллачича и объявили одного из его родственников своим вождем. Они рассчитывали на содействие Сербии и Черногории; но сербский князь Александр Карагеоргиевич из ненависти к России заявил, что намерен верно исполнить свой долг турецкого вассала, а черногорцы из вражды к ренегатам-бегам напали на боснийских бунтовщиков.

Султан отозвал Омера-пашу из Бухары и весной 1850 года послал его в Боснию; тогда русские агенты, воспользовавшись невыносимыми страданиями болгарской райи, поспешили возмутить ее и поднять против мучителей болгарского народа — спаги. Их несомненное поражение должно было доставить русскому царю предлог для вмешательства, несчастные крестьяне, вооруженные большей частью косами и обитыми железом дубинами, не могли устоять против турок. Началась дикая расправа, но она настолько быстро прекращена была внезапным возвращением Омера-паши, что русские не успели вмешаться.

Омер-паша, назначенный генерал-губернатором Европейской Турции, даровал полную амнистию инсургентам и воспользовался обстоятельствами для того, чтобы принудить болгарских спаги к признанию *тансимата*; к тому же он принудил и боснийских бегов, против которых он поспешил снова начать военные действия. Обещанные тансиматом вольности быстро успокоили райю, которая начала даже помогать турецким солдатам преследовать взбунтовавшихся бегов. В интересах усиления турецкого могущества Омер-паша сам поспешил применить наиболее важные постановления закона; он обложил бегов налогами наравне с райей и начал набирать рекрутов среди христиан, как и среди мусульман; эта система вербовки доставила ему некоторые из наилучших элементов той армии, которая вскоре после того должна была остановить движение русских войск у подошвы Балкан.

Россия и Турция. Быстрое подавление боснийского и балканского восстаний, энергичный отказ султана выдать царю

и австрийскому императору венгерских эмигрантов, тот факт, что он принудил даже египетского вице-короля применить танзимат (май 1852 г.), — все это показывало, что турки начинают снова собираться с силами. Николай не мог остаться хладнокровным зрителем турецкого возрождения; с момента своего вступления на престол он выжидал удобного момента для того, чтобы силой (как во время Адрианопольского трактата) или дипломатическими хитростями (как во время заключения договора в Ункиар-Скелесси) завладеть наследством «больного человека», как он назвал Турцию в разговоре с английским посланником. А так как реформы Абдул-Меджида и энергия Решида-паши изменяли условия существования больного, который начал подавать надежды на выздоровление, то необходимо было ускорить развязку. Борьба за влияние, возгоревшаяся в 1851 году между Россией и Францией по поводу обладания святыми местами, доставила Николаю предлог для разрыва с Турцией.

Вопрос о святых местах. Двенадцативековая традиция, подтвержденная многочисленными фирманами, обеспечивала католикам или «латинянам», состоявшим под покровительством Франции, охрану святых мест в Иерусалиме и Вифлееме; эта привилегия с незапамятных времен возбуждала зависть армян и греков, которые неоднократно пытались оспаривать это право у католиков. В 1757 году им удалось захватить некоторые святыни; несмотря на протест и требования Франции, этот инцидент не был улажен в 1789 году; а так как революция и империя совершенно не интересовались этим вопросом, то в 1808 году греки, при решительной поддержке православных русских, окончательно отняли у католиков обладание святыми местами.

Политика Наполеона III. Революция и июльская монархия не пытались добиться от султана перемены в положении дел, хотя этот вопрос имел важное значение для французского престижа и влияния на Востоке. Но все изменилось с того момента, как Наполеон III сделался президентом; он не намерен был допускать какого бы то ни было отступления от исторических прав Франции, особенно, если это отречение могло пойти на пользу царю Николаю. С другой стороны, он нуждался в духовенстве для успехов своей внутренней политики, а выступая в защиту католических интересов в святой земле, он, конечно, привлекал этим симпатии духовенства на свою сторону. Наконец, он, повидимому, усматривал в конфликте на Востоке, где интересы Австрии и России были по необходимости противоположны, вернейшее средство поссорить обе

эти державы и изолировать Австрию на случай итальянской войны, о которой он тогда уже помышлял.

В мае 1851 года французский посол маркиз Лавалет потребовал от блистательной Порты предоставления латинянам в Иерусалиме: гробницы и купола в церкви Святого гроба, а также совместного владения с православными Камнем преткновения; на Голгофе: гробниц франкских королей и совместного владения Голгофским алтарем, гефсиманской церкви и гробницы пресвятой девы, верхней вифлеемской церкви с примыкающими к ней садами и кладбищами. Султан признал основательность французских требований, но ввиду протестов со стороны России оставил все попрежнему.

Тогда в Константинополе начался между Францией и Россией настоящий поединок, который принял особенно резкий характер благодаря поведению Николая по отношению к Наполеону после восстановления империи. Усматривая в этой реставрации вопиющее нарушение трактатов 1815 года, раздраженный тем, что новый император ссылается на плебисциты и революционный принцип народного духовенства, царь хотел чтобы старые монархии отказались признать Наполеона III или по крайней мере держали его на почтительном отдалении. Но он сам должен был признать Наполеона III в начале января 1853 года; он сделал это с величайшей неохотой и вместо традиционного эпитета «брат» употребил в своем письме выражение «добрый друг», причем объяснения русского посланника еще сильнее подчеркнули оскорбительный характер царского намерения.

Проекты Николая и Англии. Император, глубоко оскорбленный этими приемами Николая, естественно, меньше чем когда-либо расположен был сделать какие бы то ни было уступки царским претензиям в Палестине. С другой стороны, Николай, ободряемый проявленной султаном робостью, решился действовать смело и сделать решительный шаг. Он рассуждал так: если бы ему удалось осуществить свой план, то он сразу вернул бы себе то привилегированное положение, которое одно время было ему обеспечено договором в Ункиар-Скелесси, и действительно установил бы русский протекторат над Турцией; в случае же неудачи он получил бы столь давно ожидаемый предлог для того, чтобы объявить Турции войну. Но при этом Николай совершил ошибку в том отношении, что он преждевременно раскрыл британскому правительству план, осуществление которого, помимо согласия и содействия Англии, было, как он понимал, почти невозможно.

Во время одного бала, происходившего в Петербурге 9 января 1853 года, царь в разговоре с английским посланником

Гамильтоном Сеймуром высказал свое удовольствие по поводу дружественных отношений между русским и английским правительствами. «Когда мы действуем согласно, — сказал он, — то я совершенно равнодушно отношусь к западно-европейским государствам; то, что делают или думают другие, не имеет особенного значения». А через 5 дней после вышеописанного разговора он пригласил посланника и повел речь о турецком вопросе. По его словам, Турция впала в состояние такой «дряхлости», что этот «больной человек» может внезапно умереть и «остаться на руках» у держав; царь полагал, что было бы неблагоразумно «довести дело до такого сюрприза», не выработав заранее «какой-нибудь системы» и не установив «предварительного соглашения». «Я хочу поговорить с вами, как с другом и с джентльменом, — прибавил он; — если мне удастся столковаться с Англией по этому вопросу, то остальное мне не важно: я решительно не интересуюсь мнением и действиями других». При этом он напомнил, что во время своей поездки в Лондон, в 1844 году, он уже пытался войти по этому поводу в соглашение с английским правительством.

Впрочем, на этот раз он не стал входить в подробности своего проекта; окончательно он раскрыл свои карты при третьей беседе, 21 февраля. По словам Николая, он не унаследовал «тех мечтаний, которыми любила тешиться императрица Екатерина»; он не хочет «постоянной оккупации Константинополя русскими», но он не хочет также, чтобы Константинополь был занят англичанами, французами или какой-либо другой великой державой; он не намерен также допустить восстановления Византийской империи или территориального расширения Греции, способного превратить ее в «сильное государство». Еще меньше он помышлял о разделе Турции на мелкие республики, которые «послужили бы готовым убежищем для революционеров».

Его предложения сводились к следующему. Дунайские княжества сохраняют свою независимость под покровительством России. «Аналогичное устройство получают Сербия и Болгария». «Что касается Египта, — продолжал Николай, — то я прекрасно понимаю важное значение этой территории для Англии... Если в случае падения и раздела Турецкой империи вы завладеете Египтом, то я не стану делать против этого никаких возражений. То же самое я могу сказать относительно Крита; этот остров вам подходит, и я не вижу, почему бы он не мог войти в состав английских владений». Разговор закончился следующими словами: «Предложите вашему правительству высказать свое мнение по этому вопросу. Я не

требую от него обязательств или формальной конвенции, а свободного обмена мыслями и, в крайнем случае, слова джентльмена. Между нами этого довольно».

Эти заявления вызвали в Лондоне величайшее волнение. Напрасно царь уверял, что «для него не имеет никакого смысла стремиться к дальнейшему расширению своей территории» и что расширение пределов его «и без того обширной» империи угрожало бы только опасностью; напрасно настаивал он, что только желает «продолжить существование больного». Если некоторые министры, как Абердин, делали вид, что придают весьма важное значение этому последнему заявлению, то другие, вместе с Гамильтоном Сеймуром, полагали, что «государь, который с таким упорством настаивал на неминуемо предстоящем падении соседнего государства, в душе твердо решил, что наступила пора не дожидаться его разложения, а ускорить его».

Князь Меньшиков отправляется послом в Константинополь. Не меньшее беспокойство вызывала поездка в Константинополь чрезвычайного посольства, миссия которого была объяснена царем сэру Гамильтону Сеймуру в следующих неопределенных выражениях: «Вы видите, как я действую по отношению к султану. *Этот господин* нарушает свое слово и ведет себя по отношению ко мне самым несносным образом; однако я довольствуюсь тем, что отправляю в Константинополь посла, который должен потребовать удовлетворения». Но высокое положение лица, на которое возложена была эта миссия, а именно, бывшего морского министра и финляндского генерал-губернатора, адмирала князя Меньшикова, заставило предполагать, что дело идет не просто о «демонстрации»; так думало и французское правительство, которое ничего еще не знало о тайных замыслах царя, но которое с величайшим вниманием следило за всеми его ходами и за движениями русских войск на Пруте. Наполеон III и его министр Друэн де Люис были убеждены, что момент кризиса близок. И скоро поведение Меньшикова в Константинополе подтвердило их опасения.

Прибыв в турецкую столицу 28 февраля, русский посол сразу повел себя самым грубым и вызывающим образом и отказался сделать традиционный визит министру иностранных дел Фуаду-эффенди, «лживому» субъекту, с которым он не мог вступить ни в какие переговоры; таким образом, он принудил министра выйти в отставку. Через 15 дней после того он объявил о предмете своей миссии; он открыто потребовал окончательного решения вопроса о святых местах — вопроса,

в котором он мог опасаться противодействия только со стороны Франции. Затем под величайшим секретом и в форме ультиматума он потребовал, чтобы турецкое правительство подписало тайный договор, по которому России обеспечивался действительный протекторат над всем православным населением Турецкой империи. Если бы это предложение было принято, то царь получил бы возможность по всякому поводу вмешиваться в турецкие дела. Зато он предлагал Турции оборонительный и наступательный союз, который должен был обеспечить султана от возможного нападения со стороны Франции. Меньшиков требовал от турецкого правительства полного молчания, потому что если бы предложения России сделались известны, то они должны были бы вызвать оппозицию и Франции, и Англии, и большинства остальных держав. Но английский посланник, лорд Стратфорд Редклиф, заставил Меньшикова раскрыть свои карты.

Решив помочь Меньшикову в вопросе о святых местах, он, по соглашению с французским представителем, действовал так искусно, что 4 мая дело было улажено к полному удовольствию всех трех заинтересованных сторон (султана, царя и императора) и Меньшикову не оставалось никакого иного исхода, как или удалиться, или публично высказать действительную цель своего посольства. Он избрал последний выход. 5 мая он потребовал от султана в пятидневный срок «ненарушимых гарантий на будущее время в форме торжественного обязательства, имеющего силу договора». 10 мая турецкие министры, поддерживаемые французским и английским послами, ответили, что султан «будет покровительствовать православной вере и уважать ее привилегии», но что поэтому он не может заключить с Россией никакого договора, способного «скомпрометировать основные принципы его независимости и верховной власти». 18 мая Меньшиков заявил, что миссия его кончена; «отказ Турции дать гарантии православной вере, — сказал он, — создает для императорского правительства необходимость отныне искать ее в собственной силе». 21 мая он выехал из Константинополя.

Царь порывает с Турцией. Царь немедленно приказал своим войскам вступить в Дунайские княжества; он чувствовал, — говорил он, — на своей щеке следы пяти пальцев султана». Однако нота канцлера Нессельроде от 31 мая объясняла, что движение русских войск не означает открытия враждебных действий, а что дело идет просто о принятии известных материальных мер для того, чтобы склонить «султана к более справедливым чувствам» и добиться от него «моральных

гарантий». Однако английское правительство решило, что наступил момент для принятия предохранительных мер, и 2 июня стоявший в Мальте английский флот присоединился к французской эскадре, которая с марта стояла у Сахалина, а 13 июня пришла в Безику, у входа в Дарданельский пролив. Посланникам обеих держав дано было разрешение призвать эскадры в Константинополь для защиты султана.

Военные действия должны были открыться только через 5 месяцев. Турция была не подготовлена к войне, а царь был совершенно смущен неожиданным для него сближением Франции с Англией. Если Пальмерстон склонялся к активной политике, то руководящий министр, лорд Абердин, стоял за мир; Наполеон, удовлетворенный изолированным положением Николая, не хотел ускорять естественного хода событий и таким образом возбудить недоверие, которое он всегда чувствовал вокруг себя; он предложил подвергнуть этот спор рассмотрению пяти держав, подписавших договор 1841 года.

Австрийский император, которого связывало с царем воспоминание об услугах, оказанных ему русской армией при подавлении венгерской революции, но который в то же время боялся всякого нарушения равновесия на Востоке, охотно примкнул к этому проекту; казалось, что и царь на него соглашается. К концу июля собравшиеся в Вене посланники выработали примирительную ноту, которой царь был удовлетворен, так как она составлена была в совершенно неопределенных выражениях, и которую султан отверг, потому что он, наоборот, хотел вполне определенной ее формулировки.

Пока велись эти переговоры, пробудился мусульманский фанатизм, раздраженный манифестом, который издан был в России и в котором Николай призывал православных к крестовому походу против турок. Улемы требовали, чтобы султан объявил царю войну или отрекся от престола; 25 сентября совет, состоявший из 163 лиц, предложил султану открыть военные действия. 8 октября Омер-паша обратился к князю Горчакову с требованием очистить княжества в 15-дневный срок, а 23 октября на Дунае начались военные действия.

Война; англо-французское вмешательство. В тот же день английская и французская эскадры вошли в Босфор; однако вооруженное вмешательство обеих западных держав окончательно определилось только после катастрофы 30 ноября, когда 12 турецких кораблей, атакованных на Синопском рейде вице-адмиралом Нахимовым, были потоплены после трехчасового боя. Тогда соединенный англо-французский флот вошел в Черное море, с тем чтобы прекратить плавание по нему

каких бы то ни было русских судов. «Мы сохраним Черное море в качестве залога вплоть до очищения княжеств и до восстановления мира», — писал Друэн де Люис.

Дипломатические сношения были прерваны 4 февраля 1854 года. На личное письмо Наполеона III, предлагавшего заключение немедленного перемирия и одновременного очищения княжеств и Черного моря, Николай ответил 8 февраля отказом и заявил, что «Россия сумеет в 1854 году показать себя такой же, какой она была в 1812 году». 27 февраля лондонский и парижский кабинеты потребовали удаления русских войск из Дунайских княжеств до 30 апреля; 18 марта Нессельроде ответил, что император не считает нужным отвечать на это требование, а 27 марта в французском и английском парламентах официально объявлено было о начале войны.

Константинопольский и лондонский трактаты; венский протокол. 12 марта Англия и Франция подписали в Константинополе договор с турецким султаном; они обязались защищать Турцию оружием вплоть до заключения мира, гарантирующего независимость Турецкой империи и права султана; с своей стороны, Порта брала на себя обязательство преобразовать учреждения Турецкой империи в смысле обеспечения всем турецким подданным без различия вероисповедания полного равенства перед законом и судом, допущения ко всем должностям и равномерного распределения налогов.

10 апреля Англия и Франция заключили в Лондоне договор, по которому они обязались не вступать в отдельные переговоры с Россией, не добиваться в этой войне никаких отдельных выгод и удержать от необдуманных поступков греков, подготовлявших восстание в Акарнании, Фессалии и Македонии.

Накануне представители Франции, Англии, Австрии и Пруссии подписали в Вене очень важный протокол, который определял основные принципы и условия *sine qua non* других переговоров, а именно: неприкосновенность Турецкой империи, очищение княжеств, независимость султана, который должен был собственной властью предоставить своим христианским подданным необходимые вольности и привилегии. Державы обязались действовать солидарно в деле разрешения выдвинутых вопросов и не заключать с Россией никаких отдельных договоров, условия которых не были бы предварительно установлены по взаимному соглашению. Этот протокол имел важное моральное значение; он констатировал и санкционировал изолированное положение России и, успокоив союзников относительно намерений центральной Европы, позво-

лил им употребить все свои силы на ведение войны, которая благодаря отдаленности театра военных действий сопряжена была с величайшими затруднениями.

II. КРЫМСКАЯ ВОЙНА: ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Характер войны. С военной точки зрения крымскую войну следует признать одной из самых своеобразных и тяжелых войн. Воюющие государства расположены были на двух противоположных концах Европы; не имея точек соприкосновения, они могли добраться друг до друга только по морю, так что англо-французская армия должна была снабжаться боевыми припасами и продовольствием из пунктов, отстоявших больше чем на 4 000 километров. Транспорты, большей частью парусные, должны были употреблять не меньше 12 дней, а часто и до 30 дней на переход из Марселя в Галлиполи, а оттуда в Севастополь приходилось итти еще от 6 до 7 дней. Снабжение русской армии всем необходимым связано было почти с такими же трудностями благодаря огромным расстояниям, несовершенству путей сообщения, отсутствию или дурному качеству дорог.

С другой стороны, союзники не имели заранее выработанного и согласованного плана действий, так что проекты английского и французского штабов сильно различались между собой. Первоначальной целью союзников было остановить движение русских войск на Дунае; затем, когда они очистили княжества, Наполеон начал подумывать о войне на суше, а англичанам хотелось произвести высадку в Крыму и разрушить морской арсенал в Севастополе. Когда крымская экспедиция была, наконец, решена, то возникли разногласия по поводу того, каким образом вести кампанию на полуострове. По соображениям национального самолюбия за все время войны союзные войска не имели общей команды; три армии имели три отдельных генеральных штаба, которые составляли планы, вели между собой переговоры, обменивались нотами, посылали друг другу меморандумы, подписывали протоколы и подготовляли каждую военную операцию так, как дипломаты вырабатывают мирный трактат. Кроме того, в каждой армии командующие менялись довольно часто; так, во главе французской армии поочередно стояли Сент-Арно, Канробер и Пелисье, а во главе английской —Раглан и Симпсон, причем каждый из них имел свой собственный план, который ему приходилось приспособлять к положению, унаследованному от своего предшественника.

Вся эта путаница еще осложнялась разными правительственными, государственными людьми и министрами, которые претендовали не только на общий контроль, но и на руководство военными действиями, нагромождали один проект на другой и пытались — впрочем, тщетно — навязать генералам стратегические планы, которые (как, например, план, принадлежавший Наполеону III и относившийся к главной кампании) отличались полнейшей рациональностью и наиболее соответствовали истинным принципам великой войны, но возникали слишком поздно, когда военные операции уже развертывались. Как бы твердо генералы ни решались не прерывать раз начатых операций, они не могли тем не менее всецело игнорировать инструкции своего государя; приходилось соблюдать внешние приличия, лавировать, стараться выиграть время, т. е. терять его. К этому следует прибавить необычайно суровую зиму, которая в январе 1855 года уложила в госпиталь 9 000 человек, т. е. восьмую часть наличного состава французской армии, болезни — холеру, скорбут, тиф, а в особенности — противника, одаренного редкими военными качествами, бесстрашного, упорного, не впадающего в уныние, а, напротив, после каждого поражения бросавшегося в бой с возросшей энергией.

Сент-Арно и Раглан. Первые французские войска выехали из Марселя 18 марта под начальством Канробера и отправились в Галлиполи, чтобы подготовить там квартиры для главных французских сил. Восточная армия (таково было официальное название экспедиционного корпуса) первоначально должна была состоять из четырех дивизий, в том числе одной резервной, т. е. приблизительно из 30 000 человек. Англичане думали послать 25 000 человек. Главное начальство над военными силами принадлежало маршалу Сент-Арно и лорду Раглану. Первый был еще молодой, блестящий африканский солдат, прославившийся завоеванием Малой Кабилии и сыгравший выдающуюся роль в декабрьском государственном перевороте; это был весьма деятельный генерал, способный по честолюбию и стремлению к славе вести кампанию смело и решительно. Канробер отличался в то же время крайней простотой, что давало ему возможность поддерживать хорошие отношения со своим английским коллегой. Лорду Раглану было в то время 66 лет; ветеран португальской и испанской войн, раненный при Ватерлоо, несколько тяжеловатый на подъем, холодный, резкий и подозрительный, он ревниво относился к своей власти и хотел быть вполне самостоятельным в своих действиях.

Силистрия; Добруджа; Бомарзунд. Когда генералы прибыли в Константинополь, русская армия, на некоторое время задержанная маневрами Омера-паши в княжествах, перешла в наступление и 23 марта переправилась через Дунай, а 14 апреля русские начали осаду Силистрии. После совещания с Омером-пашой в Варне, Сент-Арно и Раглан решили немедленно открыть военные действия (10 мая). Но когда пришлось перейти к делу, то оказалось, что в Галлиполи ничего не приготовлено; войска, поспешно отправленные на пароходах, испытывали недостаток в самых необходимых вещах, посланных на парусных судах. «У нас нет ни хлеба, ни сапог, ни котлов, ни манерок», писал Сент-Арно, объявлявший, что он располагает упряжкой только для 24 орудий. Сначала пришлось ограничиться отправкой в Варну одной английской дивизии и одной французской бригады.

Когда союзники получили, наконец, возможность действовать, русские после 6 бесплодных штурмов 23 июля уже сняли осаду с Силистрии, не столько вследствие сосредоточения в Варне 30 000 французов и 20 000 англичан, сколько ввиду явно враждебного положения, занятого Австрией. 2 июня она потребовала от царя очищения княжеств и сосредоточила значительные силы в Трансильвании; вместе с тем она подписала 23 июня с Турцией конвенцию, разрешавшую ей занять своими войсками Молдавию и Валахию вплоть до заключения мира. С этого момента военные действия на Дунае потеряли всякий смысл. Единственная совершавшаяся здесь операция состояла в беспрерывных разведках в Добрудже и стычках с казаками; во время этого похода среди дивизии Канробера начала свирепствовать холера, в 20 дней унесшая 1 900 человек.

Серьезные столкновения произошли в других местах. 21 апреля на Черном море англо-французская эскадра бомбардировала и разрушила одесский порт, стараясь не повредить самого города. На Балтийском море английский флот бомбардировал Бомарзунд, крепость на Аландских островах, которая 16 августа была взята французским корпусом, состоявшим под начальством Бараге-д'Ильера.

Крымская экспедиция. После того как отступление русской армии поставило вне всякой опасности Константинополь и Европейскую Турцию, возникал вопрос: что должна предпринять союзная армия, сосредоточенная в Варне? Каким образом принудить царя к принятию условий, установленных венским протоколом? Австрийцы, объявляя о своем намерении занять Валахию, выразили желание совершить эту операцию совместно с французской армией; таким образом, в перспек-

тиве вырисовывалась война на Пруте, и эта идея улыбалась Наполеону. Но лондонский кабинет 29 июня послал лорду Раглану приказ приготовиться к отплытию и предложил французскому правительству экспедицию на Крымский полуостров.

Севастополь. На юго-западной оконечности полуострова, в его горной части, в центре скалистого плато, известного под названием Херсонесского, море врезывается в материк глубокой бухтой, называемой Северной бухтой. На южной ее стороне открывается перпендикулярно более узкая и короткая Южная бухта; вместе обе они образуют нечто вроде буквы Т. Здесь русские устроили сильный морской арсенал; на востоке — арсенал в собственном смысле слова; эта часть называлась Корабельной бухтой; на западе развертывался город. После того как союзные эскадры прошли через Босфор, в Севастопольской бухте укрылся русский военный черноморский флот, состоявший из 14 линейных кораблей, 7 фрегатов и 11 кораблей меньшего размера. В общем это был довольно сильный флот, который в один прекрасный день мог причинить Константинополю большие неприятности; англичане хотели его уничтожить, а для того, чтобы сделать невозможным его восстановление, разрушить и самый Севастополь.

С другой стороны, оккупация Крыма способна была без всякого сомнения принудить царя к заключению мира и во всяком случае дать союзникам в руки важный залог к моменту открытия переговоров. Англичане полагали, что этот план может быть осуществлен очень быстро, но французы не разделяли этой иллюзии. «Россия допустит оккупацию Крыма только после самого упорного сопротивления и самых крупных жертв,— писал маршал Вальян Сент-Арно. — Поэтому мы должны быть готовы ко всему и не питать никаких иллюзий насчет тех жертв, которые нам самим придется принести». Несмотря на эту совершенно верную оценку предстоявших затруднений, экспедиция тем не менее была решена.

Экспедиционный корпус. Начались обширные приготовления. Англичане отправили 7 пехотных дивизий, одну кавалерийскую дивизию, 9 полевых батарей, осадный парк, в общем 21 500 человек, французы послали 30 000 человек, разделенных на 4 дивизии (пятая дивизия вместе с кавалерийской дивизией осталась в Варне), 12 полевых батарей и 65 осадных орудий. Кроме того, имелась турецкая дивизия, состоявшая из 6 000 человек. Армия везла с собой 13 000 туров, 24 000 фашин, 180 000 мешков для земли, продовольствие и фураж на 45 дней. Союзный флот, находившийся под начальством вице-адмиралов Амлена и Брюа, Дундаса и Лионса,

состоял из 89 военных судов и 267 транспортов, в общем из 356 паровых и парусных судов. 7 сентября эскадра снялась с якоря.

Высадка; сражение при Альме. В июле Канробер произвел рекогносцировку крымского побережья и наметил пункты для высадки. Избегая похода через неровную и лишенную дорог область, решено было высадить войско в низменной части Крыма, севернее Севастополя и несколько пониже Евпатории, которая сдалась 13 сентября по первому же требованию. 14 сентября началась высадка на широком песчаном берегу; русские не мешали этой операции. 19 сентября союзные войска двинулись к Севастополю.

Высадка союзников была для русских до известной степени неожиданностью. Несмотря на несдержанность английской прессы, неоднократно разоблачавшей планы союзников, а быть может, именно благодаря этой несдержанности, русские совершенно не предполагали, что враг нападет на Севастополь; они думали, что целью его стремлений является Одесса. Таким образом, в Бессарабии русские сосредоточили 180 000 человек, между Николаевом и Одессой — 32 000, а в Крыму только 50 000 солдат под начальством князя Меньшикова. Дело в том, что в Крыму они ожидали только бомбардировки с моря, а с этой стороны крепость была сильно защищена, снабжена семью фортами и двумя батареями, а также казематными укреплениями с 600 пушек, поставленных в несколько этажей. Со стороны суши город был почти не укреплен, начаты были некоторые земляные работы и баррикады сухой кладки, а на всем семиверстном протяжении незаконченного вала стояло не больше 145 орудий.

Поэтому высадка союзников была для Меньшикова сюрпризом, но тем не менее он сделал смелую попытку преградить им дорогу.

Переведя к северу от Севастополя все силы, которыми он располагал, т. е. приблизительно 40 000 человек, он расположился на Евпаторийской дороге, на склоне террасы, которая спускалась к морю почти отвесным и на вид неприступным утесом, а с фронта прикрывалась ложем реки Альмы. По этому-то утесу и взобрались утром 20 сентября зуавы и батарея дивизии Боске, поддержанные огнем небольшой французской эскадры, и опрокинули левое крыло русской армии. Этот удар решил до полудня победу, но она была доведена до конца на правом фланге только к 4 часам вечера благодаря медленному движению англичан. «Я бежал, — сказал Сент-Арно, — а англичане шли». Поэтому у них выбыло из строя

2 000 человек, десятая часть их наличного состава — потеря, втрое превышавшая потери французов. У русских выбыло из строя около 6 000 человек, что с достаточной ясностью свидетельствовало об упорстве их сопротивления.

Оборона Севастополя; Тотлебен. Так как победа, одержанная союзниками при Альме, открывала им дорогу к Севастополю, то Меньшикову пришлось принять крайние меры для того, чтобы привести крепость в оборонительное положение; и он выполнил свою задачу с замечательной быстротой и энергией. Сам он, вместо того чтобы запереться в Севастополе, готовился выйти в поле, имея в виду поддерживать постоянные сообщения с Россией; в тот же вечер он отдал приказание адмиралу Корнилову преградить дорогу неприятельскому флоту, затопив в бухте часть своей эскадры; таким образом, были затоплены 5 линейных кораблей и 2 фрегата. Остальные суда были отведены во внутреннюю бухту и высадили на берег свой экипаж, артиллерию и всякого рода запасы; они доставили Севастополю продовольствие на 7 месяцев, 3 000 пушек и 18 000 матросов, оказавшихся прекрасными солдатами; проникнутые духом дисциплины и полные беззаветной храбрости, они вели себя на бастионах точно так же, как прежде на своих кораблях. Командовавшие ими адмиралы Корнилов и Нахимов оказались достойными своих людей. Внутренняя организация обороны была облегчена тем обстоятельством, что Севастополь, по словам Руссе, был «не столько городом, сколько военной колонией»; из 42 000 жителей гражданского населения насчитывалось едва 7 000 человек.

Для организации внешней обороны Меньшиков нашел в своем штабе подполковника Тотлебена. Изобретательность и энергия этого инженера превратили почти лишенный всякой защиты город в грозную крепость, в которой фашины и наполненные землей мешки заменили камень и известь; эти подвижные укрепления, свободно разрушаемые бомбами и ядрами, восстановлялись с такой же легкостью, так что на следующий день после сражения неприятель находил пробитые накануне бреши совершенно заделанными. Союзники могли убедиться в важном значении этих земляных укреплений при первом же штурме: Большой Редант, почти до основания разрушенный английской артиллерией 17 октября, утром 18 октября оказался совершенно восстановленным и снова укрепленным.

Благодаря Тотлебену, оборона Севастополя приняла до некоторой степени наступательный характер; защитники города не только не ограничивались обороной первой линии укреплений, но и продолжали подвигаться вперед, даже под

огнем союзников, последовательными апрошами, а в самом разгаре осады Тотлебен воздвиг перед Малаховым курганом знаменитое укрепление, Зеленый курган. Генерал Пелисье в письме к императору от 29 июня 1855 года удачно обрисовал тот странный характер, который получила осада Севастополя благодаря смелости Тотлебена. «Что представляет собой осада Севастополя?—писал он.— Это — безостановочная борьба двух армий, подвигающихся друг против друга, воздвигая окопы, устанавливая батареи и оспаривая друг у друга обладание бранным полем, отделяющим их с самого начала, подобно тому как противники оспаривают друг у друга решающие позиции во время сражения. Это — бой, продолжающийся безостановочно в течение восьми месяцев... Каждый раз, когда мы останавливаемся, неприятель начинает наступать на нас...» Земляные работы производились с таким усердием, что к концу осады союзники прорыли около 80 километров траншей.

Союзники перед Севастополем. Канробер. Когда союзники 26 сентября появились на Херсонесском плато, на востоке и на юге от Севастополя, то крепость была уже застрахована от нечаянного нападения. Впрочем, союзная армия осадила город только с юга, а с севера сообщение с Россией продолжалось все время. Англичане расположились на востоке против Корабельной бухты, которую прикрывали Малахов курган и Большой Редант. На западе, перед городом, который защищался Мачтовым и Центральным бастионами, расположились французы. Сент-Арно, захворавший холерой, должен был передать команду Канроберу; 29 сентября он сел на пароход «Бертолле» и в тот же вечер скончался.

Новый начальник французской армии был известен своей храбростью и пользовался любовью солдат, о которых он постоянно заботился и жизнь которых он щадил. Но ему недоставало твердости характера; величие выпавшей на его долю задачи и связанная с нею ответственность тяготили его. Неуверенный в собственных силах, он колебался и не мог принимать определенных решений — недостаток тем более серьезный, что лорд Раглан и без того склонен был к чрезмерной медлительности. Рядом решительных нападений можно было, по словам Тотлебена и маршала Ниеля, скоро овладеть Севастополем. Траншея была прорыта только 9 октября, а 17-го 53 французских и 73 английских орудия открыли огонь. Несмотря на содействие флота, французская атака была совершенно отбита. Англичане, разрушившие Большой Редант, не посмели воспользоваться своей удачей, и упущенный ими в этот день удобный случай больше уже не повторялся.

Балаклава; Инкерман. Не успели союзники как следует расположиться на плато, как им пришлось подумать о собственной защите. 25 октября Меньшиков послал генерала Липранди, поручив ему овладеть Балаклавой, где англичане устроили свои склады. Попытка русских закончилась неудачей, но англичане потеряли при этом лучшую часть своей легкой кавалерии, брошенную лордом Рагланом в «совершенно непостижимую» атаку (выражение Канробера). Впрочем, для Меньшикова сражение при Балаклаве имело значение просто авангардного боя; он готовился нанести неприятелю удар в другом месте, а численный перевес, обеспеченный ему прибывшими из Бессарабии подкреплениями, подавал ему надежды на успех; он мог выставить 100 000 солдат против 65 000 человек, которыми располагали союзники.

5 ноября, на заре, в густом тумане, поднявшемся после проливного дождя, английские аванпосты были внезапно атакованы на Инкерманских высотах: нападение произведено было одновременно с Корабельной бухты и из долины речки Черной, так что англичане подверглись атаке с фронта и с фланга. В продолжение трех часов они держались с поразительной стойкостью, не желая обращаться к помощи французов, которые при звуке первых выстрелов схватились за оружие и готовы были двинуться в бой по первому сигналу. Однако в 9 часов, отброшенный к своим палаткам, потеряв шестую часть своего наличного состава, валявшегося на залитой кровью земле, не имея ни одного человека в резерве, раздавленный и обойденный справа, лорд Раглан призвал на помощь Боске.

В то же время на другом конце линии союзных войск, против города, русские произвели вылазку против французских окопов; они были скоро отброшены, но эта диверсия несколько замедлила прибытие главных французских сил к Инкерману. Бурбаки, прибывший на место сражения беглым шагом с двумя батальонами, дал первый отпор наступавшим русским. В 11 часов, теснимые пешими егерями, зуавами и алжирскими стрелками, солдаты Меньшикова, оттесненные к обрывистому берегу речки Черной, были отброшены на другой берег. Из 40 000 русских, принимавших участие в сражении, выбыло из строя 11 800 человек, в том числе 5 генералов; со стороны англичан в этом деле участвовало 12 000, а со стороны французов 4 000 человек; у первых выбыло из строя 9 генералов и 2 000 солдат, вторые оставили на поле сражения 1 700 человек. Эти цифры красноречиво говорят об ожесточенном характере битвы, во время которой союзники дрались не за славу, а за свою жизнь.

Зима. Осада Малахова кургана. Хотя русские и потерпели поражение, но они достигли того результата, что союзники, которые также понесли огромные потери, не могли произвести предполагавшегося приступа и должны были выждать прибытия подкреплений. Но если число французов скоро достигло 50 000 человек, то подкреплений, присылавшихся англичанам, нехватало даже для заполнения выбывавших ежедневно из строя. Внезапно наступила суровая зима; сначала шли проливные дожди, затем повалил снег, подули северные ветры и ударили морозы: англичане, привыкшие к комфорту, оказались совершенно неподготовленными к этому суровому климату; в конце ноября люди ходили еще в холщевых шароварах; смертность свирепствовала среди них ужасающая: из 53 000 человек, присланных из Англии, на ногах оставалось только 12 000. Несмотря на помощь со стороны французов, которые делились с ними всем, что имели сами, английская армия буквально таяла; в 1855 году в течение одной только недели в лазареты поступило 2 000 человек.

Поэтому лорд Раглан, английское самолюбие которого сильно при этом страдало, принужден был сначала отклонить план совместного штурма, а затем попросить Канробера усилить его правый фланг перед Корабельной бухтой и взять на себя штурм укрепления, на которое до тех пор обращалось мало внимания, а именно, Малахова кургана. 13 января 1855 года англичане уступили французам Инкерманское плато и поле перед курганом; с этого момента французская армия окружала английскую с обеих сторон. Как заметил начальник французских саперов, генерал Бизо, от которого не ускользнуло стратегическое значение Малахова кургана, здесь необходимо было предпринять новую осаду и отложить решительный штурм до весны. Бизо ошибся в своих предсказаниях: для овладения Малаховым курганом, а значит и Севастополем, понадобилось не меньше 9 месяцев.

Несмотря на зимние холода, военные операции не прекращались. Русская армия, начальство над которой вместо Меньшикова принял князь Горчаков, сделала неудачную попытку овладеть Евпаторией, охранявшейся турками под начальством Омера-паши (17 февраля). Смерть Николая, скончавшегося 2 марта, подала надежды на близкое заключение мира, но эти надежды скоро рассеялись. В манифесте к своему народу новый царь Александр II выразил веру в лучшее будущее и надежду осуществить виды и пожелания своих славных предшественников: Петра, Екатерины, Александра I и своего

отца. Затем он употребил все силы для того, чтобы доставить защитникам Севастополя новые подкрепления.

С своей стороны, союзники старались сконцентрировать под Севастополем как можно больше сил. 26 января они подписали союз с сардинским королем Виктором-Эммануилом, и 15 000 пьемонтцев под начальством Ламарморы отправлены были в Крым. Наполеон послал часть своей гвардии и начал составлять резервную армию, над которой он лично намеревался принять начальство. «Мое присутствие, — писал он Пальмерстону 26 февраля 1855 года, — обеспечит единство взглядов и действия: это единственное средство для того, чтобы поскорее довести до конца это предприятие». Этот проект, который так же не нравился англичанам, как и приближенным императора, не осуществился. К весне силы союзников достигли свыше 140 000 человек.

Пелисье; Зеленый курган; штурм 18 июня. В это время Канробер, очутившись между двух огней: с одной стороны, между планами императора, который стремился к полной блокаде Севастополя и потому хотел совершенно очистить Крым от русских войск, а с другой, между лордом Regланом, который засел в своих позициях и не хотел двигаться, — Канробер подал в отставку (16 мая). Он был заменен Пелисье, человеком твердой воли и быстрых решений, считавшим безусловно опасными побочные маневры, рекомендуемые императором, и твердо намеревавшимся держаться тактики беспрестанных и смелых нападений, подготовляя решительный штурм. Он приступил к исполнению своих обязанностей с заранее выработанным планом, от которого он ни в каком случае решил не отказываться, и напрямики обращался в письме к императору со следующими словами: «Мои плечи достаточно крепки для того, чтобы выдержать возложенное на меня тяжелое бремя; но я смогу выполнить свою задачу тем лучше, чем свободнее я буду чувствовать себя в действиях». А так как этой относительной свободы ему не предоставили, то он взял ее сам и не обращал никакого внимания на самые строгие приказания. 25 мая он приказал занять Керчь и отрезал таким образом русским одну из их продовольственных линий; 7 июня он овладел Зеленым курганом, прикрывавшим Малахов курган, и всеми внешними русскими укреплениями.

Опьяненные первым успехом, Пелисье и Раглан 18 июня, в годовщину сражения при Ватерлоо, предприняли штурм Малахова кургана и Большого Редана. Атака, недостаточно подготовленная, издалека начатая и веденная без нужного единства, закончилась полной неудачей на всех пунктах,

причем 5 500 человек были напрасно принесены в жертву. Неудача этой попытки чуть было не повела к новой перемене французского главнокомандующего: «Мое терпение истощилось, — писал император маршалу Пелисье, — и я впредь не потерплю нарушения моих приказаний». Он предложил маршалу или подчиниться, или передать команду генералу Ниелю, но маршалу Вальяну удалось настоять на том, чтобы Наполеон взял обратно свое письмо.

28 июня Раглан умер от холеры и был заменен Симпсоном.

Трактир; взятие Малахова кургана. Проведение траншей возобновилось с новой силой. Князь Горчаков, чувствуя, что падение Севастополя близко, попытался все-таки с помощью вновь полученных подкреплений произвести отчаянную диверсию. 16 августа он атаковал три французские и одну сардинскую дивизии на Трактирном мосту на Черной речке, но потерял 8 000 человек.

Начиная с 17 августа союзники открыли по Севастополю не прекращавшуюся бомбардировку, которая производила разрушительное действие на укрепления, уничтожала по 700—800 человек в сутки и наполовину дезорганизовала защиту, а 5 сентября, с проведением последней параллели, отстоявшей всего на 25 метров от Малахова кургана, началась последняя «адская бомбардировка»; в продолжение трех дней 803 орудия изрыгали на город дождь бомб и ядер; только 7 сентября выпущено было 70 000 снарядов; в эти три дня погибло 7 500 русских.

8 сентября 20 000 франко-пьемонтских войск, стоявших перед самым городом, 25 000 французов, расположенных перед Корабельной бухтой и Малаховым курганом, и 11 000 англичан, стоявших перед Большим Редантом, должны были двинуться на приступ крепости, в которой Горчаков располагал еще 50 000 солдат. Это собственно был не штурм, а, как сказал Боске, общая схватка двух армий.

В полдень батареи сразу замолчали, и 1-й зуавский полк ринулся на Малахов курган; в 2 часа это укрепление было окончательно занято дивизией Мак-Магона. Русские, одержавшие победу на всех остальных пунктах, вплоть до 5 часов вечера производили отчаянные атаки для того, чтобы отнять Малахов курган, потеря которого равносильна была падению города. У горжи укрепления разгорелась отчаянная борьба, к концу которой алжирские стрелки и гвардейские зуавы дрались за стеной трупов.

Когда Горчаков убедился, что всякие дальнейшие усилия бесполезны, он приказал очистить Севастополь; войска отсту-

пили по мосту, переброшенному через Северную бухту; это отступление продолжалось всю ночь; в это время один за другим взлетали на воздух бастионы и магазины, а на рейде горели последние русские корабли, подожженные собственным экипажем. К утру от Севастополя осталась только бесформенная груда дымящихся развалин, за которые союзники в течение последнего дня положили 10 000 человек, а русские — 13 000.

Русские не очистили Крыма, но война, собственно говоря, была закончена. Хотя союзники располагали почти 200 000 человек и продолжали все время получать новые подкрепления, они не пытались ничего предпринять против Горчакова, стоявшего со 150 000 человек подле Симферополя; англо-французские войска ограничились занятием Кинбурна, расположенного у Днепровского лимана (17 октября). В Севастополе англичане требовали систематического разрушения порта, рейда, казарм, верфей, шлюзов и сухих доков, но этот вандализм глубоко претил французам. В Лондоне, где национальное самолюбие было сильно задето неудачей при штурме Большого Редана, подготовлялась сильная экспедиция против Кронштадта. Но последние военные действия имели место в Малой Азии, под Карсом; эта крепость была осаждена русскими в августе; Омеру-паше неудалось принудить русские войска снять блокаду, и 25 ноября Карс, вследствие недостатка жизненных припасов, должен был сдаться на капитуляцию. Взятие этой крепости, восстановившее до некоторой степени честь русского оружия, должно было склонить царя к началу переговоров с неприятелем и облегчило заключение перемирия.

III. КРЫМСКАЯ ВОЙНА; ДИПЛОМАТИЯ; ПАРИЖСКИЙ ТРАКТАТ

Австрийская политика. Во все продолжение военных операций дипломаты не прекращали своей работы. Франция и Англия после подписания Венского протокола старались привлечь Австрию и Пруссию к военным действиям против России. В течение всего этого периода Австрия придерживалась двусмысленной политики, свойственной слабым, которым сознание своего бессилия ничуть не мешает питать честолюбивые замыслы и которые, не желая подвергаться ни малейшему риску, стараются в то же время добиться максимальных выгод. Прежде всего Австрия стремилась к очищению Дунайских княжеств русскими войсками, после чего она предполагала занять эти самые княжества австрийскими войсками. Но,

располагая слабыми, немногочисленными и разбросанными силами, она старалась тщательно скрыть эти детали от английских и французских дипломатов, которые так их и не знали. Поэтому Австрия не хотела предпринимать никаких решительных шагов до тех пор, пока она не была уверена в содействии Пруссии.

Прусская политика; Германский союз. Между тем берлинскому двору слабость австрийской армии была прекрасно известна, благодаря проницательности русского военного атташе в Вене, князя Рейса; ввиду этого она согласилась подписать только оборонительный союз на тот маловероятный случай, если Австрия подвергнется нападению со стороны России (20 апреля 1854 г.). Пруссия соглашалась перейти к наступательной политике только в том случае, если задеты будут *общегерманские* интересы; она даже требовала, чтобы к подписанию договора был приглашен и Германский союз.

Зная, с какой симпатией мелкие германские государства относятся к России, Пруссия была уверена, что их участие в предполагавшейся комбинации послужит, по выражению Бисмарка, «тормозом, парализующим воинственные стремления Австрии». Эти предположения оправдались на деле: германские государства вошли в союз только 24 июля после продолжительных совещаний в Бамберге и потребовали, чтобы без их согласия никаких шагов не предпринималось; они предложили даже принять некоторые враждебные действия против союзников, например, помешать им двинуться дальше Дуная; таким образом, оказалось, что Австрия, стремясь принять предохранительные меры, очутилась в таком положении, что руки у нее были связаны и что ей даже грозила опасность выступить в защиту России и поссориться с Францией и Англией.

Венская конференция; протокол «четырех гарантий». Но так как Франция и Англия угрожали создать Австрии затруднения в Италии, то канцлер Буоль поспешил организовать конференцию в Вене, и хотя Пруссия отказалась послать туда своего представителя, он подписал с союзными дворами протокол 8 августа. Этот протокол устанавливал в качестве основных условий мира отмену русского протектората над Валахией, Молдавией и Сербией — протектората, который заменялся коллективной гарантией держав; свободу плавания в устьях Дуная; пересмотр конвенции о проливах; отказ России от покровительства христианам в Турции, причем великие державы брали на себя обязательство добиться от султана под-

тверждения и охраны привилегий различных христианских вероисповеданий. Это — так называемые «четыре гарантии».

Присоединение Австрии к этим требованиям казалось прелюдией перехода ее к активным действиям; но ничего подобного в действительности не произошло. С 31 июля русские приступили к эвакуации Дунайских княжеств, где их заменили австрийцы в силу договора с Портой (3 июня). Австрия достигла своей цели и не считала нужным заходить дальше.

Это не ускользнуло ни от французского, ни от английского правительства, а так как оба они не имели никакого желания «тащить каштаны из огня» для Франца-Иосифа, то они открыто возобновили переговоры с сардинским королем; эта тактика отчасти увенчалась успехом.

Союз 2 декабря 1854 года. Союз с Сардинией. 2 декабря 1854 года Австрия подписала с Францией и Англией договор, по которому три договаривавшиеся державы обещались не заключать с царем никаких отдельных соглашений без общего предварительного обсуждения; Австрия брала на себя защиту княжества в случае нового наступательного движения России, причем Англия и Франция должны были поддерживать ее всеми силами; наконец, тайный пункт договора постановлял, что если мир не будет заключен до 1 января 1855 года, то союзники «незамедлительно обсудят, какие следует принять решительные меры для достижения цели составленного ими союза». Австрия рассчитывала, что это последнее постановление даст ей возможность как можно дольше оттянуть момент активного выступления, и льстила себя надеждой, что это фиктивное обязательство позволит ей помешать заключению союза с Сардинией.

Но державы не позволили себя одурачить. Наполеон стоял за привлечение Сардинии к участию в войне; и действительно, это было единственным средством для того, чтобы доставить ей возможность попасть на конгресс, которому предстояло заняться разрешением восточного вопроса, вступить в среду великих держав и торжественно представить перед всей Европой итальянский вопрос. Начиная с мая 1854 года французский посланник Граммон подготовлял с Виктором-Эммануилом и Кавуром заключение договора, который был подписан 26 января 1855 года и в силу которого в Крым послан был сардинский корпус. Из этого договора должна была родиться свобода Италии. Тщетно Австрия, желая дать союзникам формальное удовлетворение, обратилась к Пруссии и союзному сейму с предложением мобилизовать германскую армию; Пруссия добилась

отклонения этого предложения, которое привело лишь к ухудшению отношений между государствами центральной Европы. И в этом пункте Наполеон III также достиг своей цели.

Третья Венская конференция. Вскоре после смерти Николая (2 марта 1855 года), с целью выработки мирных условий, в Вене состоялась новая конференция, к участию в которой стараниями союзников Пруссия не была допущена (15 марта). Для участия в этой конференции в Вену прибыли Друэн де Люис и Джон Россель. Представленные на совещании державы не могли столковаться ни относительно вопроса о коллективной гарантии неприкосновенности Турецкой империи, ни относительно вопроса об ограничении морских сил России на Черном море, — и конференция не привела ни к каким другим результатам, кроме выхода в отставку Друэн де Люиса и Росселя, поведение которых вызвало неодобрение их правительств. А так как в Крыму не происходило никаких решительных событий, так как победа союзников не казалась уже несомненной, так как Пруссия и Германский союз не скрывали своих симпатий к России, то Австрия покинула союзников и распустила 60 000 запасных.

Австрийский ультиматум; венские предварительные условия. Падение Севастополя изменило намерения Австрии. Опасаясь, чтобы Наполеон III в случае продолжения войны не прибегнул к революционным приемам и не обратился с воззванием к полякам, а с другой стороны, зная, что силы русских совершенно истощены и что, следовательно, заняв более воинственную позицию, он ровно ничем не рискует, венский кабинет сблизился с Наполеоном III и в ноябре предложил послать царю ультиматум. Даже Пруссия, начавшая опасаться войны на берегах Рейна, убеждала царя покориться; 16 января Александр II принял ультиматум, а 1 февраля в Вене подписаны были предварительные условия мира.

Парижский конгресс; мир. Ввиду преобладающей роли, сыгранной Францией, конгресс для заключения мира состоялся в Париже; он открылся 25 февраля 1856 года под председательством графа Валевского, французского министра иностранных дел. Австрия была представлена на конгрессе Буолем и бароном Гюбнером, Англия — лордом Кларендоном и лордом Каулеем, Россия — графом Орловым, Сардиния — Кавуром, Турция — Фуадом и Али-пашой. Прусский представитель был допущен на конгресс только после открытия заседаний и благодаря решительным настояниям Наполеона. Трактат был подписан 30 марта. Все обратили внимание на сердечные отношения французского и русского посланников: война оставила после

себя между обоими народами чувство взаимного уважения, вызванное той храбростью, которую русские и французские солдаты обнаружили на поле битвы; с другой стороны, сближение между Россией и Францией, которое многие в то время уже предвидели, облегчалось общим враждебным отношением к Австрии.

Хотя державы и не должны были вмешиваться во внутренние дела Турции, однако трактат в окончательной форме не мог быть подписан прежде, чем султан торжественным актом не обеспечил своим христианским подданным известных гарантий; впрочем, Франция и Англия принудили его взять на себя в этом смысле вполне определенные обязательства. 18 февраля 1856 года появился *гатти-гумаюн*, который гарантировал привилегии и изъятия, издревле предоставленные всем христианским общинам, подтверждал постановления тансимата, провозглашал равенство всех вероисповеданий и народностей и доступ христиан ко всем должностям и обеспечивал им представительство в Государственном совете.

Этот гатти-гумаюн был сообщен конгрессу; статьей 9-й Парижского трактата державы объявили о получении этого акта и признали «важное его значение». При этом «предполагалось, что он ни в коем случае не дает державам права сообща или отдельно вмешиваться в отношения султана к своим подданным, равно как во внутренние дела Турецкой империи». Таким образом, принцип независимости султана был огражден от посягательств. Статья 7-я гарантировала «территориальную неприкосновенность» Турецкой империи, причем «всякое действие, способное нарушить ее, будет рассматриваться как вопрос общеевропейского значения»; в случае возникновения недоразумений между Турцией и одной из договаривающихся держав, стороны, прежде чем прибегнуть к насильственным действиям, должны обратиться к посредничеству правительств, подписавших договор (статья 8-я).

Следующие статьи касались восстановления конвенции 1841 года о проливах; нейтрализации Черного моря, на котором ни Россия, ни Турция не могли иметь ни арсеналов, ни военных судов; свободы плавания по Дунаю, устья которого предполагалось углубить под надзором делегатов семи держав. Русская граница в Бессарабии была изменена таким образом, что Дунайская дельта целиком отошла к Молдавии; в Азии граница между Россией и Турцией была восстановлена в том виде, какой она имела до войны. Привилегии и вольности Дунайских княжеств, оставшихся под верховной

властью султана, были гарантированы всеми державами; русский и турецкий протектораты были совершенно отменены; княжества признаны были автономными и должны были получить национальную администрацию.

Результаты. Таковы были основные постановления Парижского трактата. Впервые за все XIX столетие султан подписал договор, не сопряженный ни с какой потерей его владений, ни с ослаблением его могущества; Турция добилась того, в чем ей отказано было в 1815 году Венским конгрессом, т. е. вступления в концерт держав и распространения на нее норм европейского публичного права; ей предоставлено было даже привилегированное положение, так как в случае возникновения какого-нибудь касающегося ее конфликта ей во всякое время было обеспечено благосклонное вмешательство и посредничество остальных государств. Более того, она была объявлена неприкосновенной, и принцип «*неприкосновенности Оттоманской империи*», равно как принцип ее «*внутренней самостоятельности*» сделались двумя догмами международного права и дипломатии. Наконец, Франция и Англия, уничтожившие военное могущество России на Черном море, и Европа, поручившаяся в том, что это могущество восстановлено не будет, обеспечивали Турции полную безопасность; таким образом, именно Турецкая империя извлекла наибольшую выгоду из Крымской войны.

После Турции наибольшие выгоды достались на долю Австрии (так, по крайней мере, могло показаться) и Англии: на долю первой — в том отношении, что Россия была удалена из княжеств и далеко отодвинута от Дуная, а на долю второй в том смысле, что ей удалось разрушить морскую силу державы, которая могла в один прекрасный день появиться на Средиземном море и оказать там противодействие английской политике. Но Австрия восстановила против себя всех: Россию— своей черной неблагодарностью, а союзников — своей лицемерной политикой. На Парижском конгрессе Австрия настойчиво требовала уступки Бессарабии в пользу Молдавии. «Господин австрийский уполномоченный, — заметил граф Орлов, — не знает, какого моря слез и крови такое исправление границ будет стоить его стране». Через три года Россия отомстила Австрии в Италии. Что же касается Англии, то, требуя, чтобы Россия не могла строить на Черном море никаких арсеналов и держать там каких-либо военных кораблей, она превзошла этим требованием всякую меру. Временно истощенная Россия могла подчиниться этим условиям, но ясно было, что при первом удобном случае она поспешит разорвать этот

унизительный договор, сохранение которого, в общем, выгодно было одной лишь Англии.

Выигрыш Франции имел чисто моральный характер и сводился к восстановлению ее престижа в Европе и влияния на Востоке; материальных выгод она не искала, так как «была достаточно богата для того, чтобы заплатить за свою славу». Но Наполеон достиг такого результата, на который многие первоначально не обратили никакого внимания: он разрушил коалицию абсолютистских государств — России, Пруссии и Австрии, чем значительно было облегчено и подготовлено осуществление заветной его мысли — освобождения Италии. Этот факт ясно обнаружился, когда к концу конгресса, вследствие состоявшегося между императором и Кавуром соглашения, граф Валевский по поводу занятия Пирея французскими войсками заговорил об итальянских государствах, оккупированных иностранными войсками, указав на ненормальность и опасность положения в Папской области и королевстве Обеих Сицилий и заключив заявлением о необходимости обратиться к итальянским государям с «предостережениями». Только австрийские уполномоченные протестовали против его слов; если конгресс и не принял по этому поводу определенной резолюции, то, во всяком случае, как должен был сказать Кавур, «итальянский вопрос отныне занял свое место в ряду европейских вопросов». И это обстоятельство было одним из немаловажных последствий Восточной войны.

По предложению Франции конгресс на последнем своем заседании принял декларацию, состоявшую из четырех статей и внушенную теми правилами, которым союзники следовали во время войны. «Каперство отменяется. Флаг покрывает неприятельский товар, за исключением военной контрабанды. Нейтральный товар, плавающий под неприятельским флагом, не подлежит захвату, кроме военной контрабанды. Блокада признается обязательной только в том случае, если она установлена фактически». За признание этих принципов Франция боролась в течение целого столетия.

IV. ТУРЦИЯ И БАЛКАНСКИЕ ХРИСТИАНЕ

Гатти-гумаюн 1856 года. Если бы «гатти-гумаюн» 18 февраля 1856 года мог быть применен добросовестно и в полном объеме, то он, без всякого сомнения, изменил бы судьбы Турецкой империи. На бумаге это был целый переворот; провозглашая равенство всех вероисповеданий и всех народностей,

равенство всех турецких подданных в несении налогов и в исполнении воинской повинности, доступ христиан ко всем должностям (ст. 8), султан вносил коренную перемену в традиционную организацию своей империи, где все отношения испокон веков основывались на подчинении христиан туркам и на угнетении райи мусульманами.

Кроме того гатти-гумаюн постановлял учреждение смешанных судов и предоставление христианам права посылать своих представителей в Государственный совет; он обещал безотлагательную кодификацию гражданского и уголовного законодательства, реформу полиции и системы наказаний, преобразование провинциальной администрации, усовершенствование путей сообщения, основание кредитных учреждений для нужд торговли, коренную реформу монетной системы и даже ежегодное опубликование росписи доходов и расходов.

Всем этим прекрасным проектам суждено было остаться мертвой буквой ввиду сопротивления таинственных лиц, как мусульман, так и христиан. Мусульмане усматривали большую опасность в вооружении райи; еще меньше допускали они предоставление этой райе права командовать в армии над поклонниками пророка. С своей стороны, христиане предпочитали старую систему *хараджа*, денежного выкупа, системе обязательной воинской повинности: денежный налог нравился им больше налога крови. Турецкое правительство сначала разрешило христианам ставить вместо себя охотников, а затем вернулось к подушной подати, восстановленной под новым названием *(бедель-и-аскерие)*.

С другой стороны, равенство всех подданных султана, провозглашенное гатти-гумаюном, должно было повлечь за собой отмену или по крайней мере пересмотр привилегий, которыми пользовались религиозные общины; эта перспектива вызвала решительное сопротивление со стороны патриархов и епископов, прекрасно понимавших, что только эти привилегии доставляли им некоторую безопасность и что режим равенства немедленно превратится для них в господство полного произвола. И в конце-концов общая реформа, возвещенная в 1856 году, свелась только к назначению некоторых новых чиновников и к учреждению двух министерств — юстиции и народного просвещения. Тщетно в 1859 году Россия требовала производства анкеты о положении христиан, а различные европейские правительства официально выразили сожаление по поводу того, что султан «не приступает к постепенному и неуклонному применению реформ». Расследование о положении христиан, начатое в 1860 году великим визирем, ни к чему не привело.

Ливанские события. Убийство французского и английского консулов в Джедде (15 июля 1858 г.), убийство, за которым немедленно последовало бомбардирование города французским флотом, показало, что мусульманский фанатизм сохранил прежнюю силу, а события, имевшие место в Сирии с мая по июль 1860 года, доказали, что Порта всегда будет поддерживать этот фанатизм. Друзы в Ливане и Антиливане напали на маронитов и произвели среди них страшное избиение; в Дамаске (9—14 июля) поголовное истребление христианского населения было предотвращено только благодаря героическому поведению Абу-эль-Кадера, который со своими алжирцами бросился в самую гущу толпы и превратил свой дворец в убежище для жертв побоища.

Турецкие власти, дамасский губернатор, маршал Ахмед-паша и сирийский губернатор Куршид-паша ничего не сделали для прекращения этих жестокостей, в которых кое-где, особенно в Дамаске, турецкие войска приняли даже непосредственное участие. Французское правительство не забыло, что ему принадлежит протекторат над маронитами; оно начало подготовлять отправку экспедиционного корпуса в Бейрут и в самых энергичных выражениях потребовало от турецкого правительства наказания виновных. Порта струсила и поспешила удовлетворить это требование; отправленный в Сирию Фуад-паша приказал расстрелять Ахмеда-пашу и казнить 185 мусульман, виновников и пособников произведенной бойни. Собравшаяся в 1861 году в Бейруте международная комиссия пыталась преобразовать управление «горной области»; 9 июня в Константинополе подписана была конвенция, по которой управление областью поручалось единому губернатору, назначаемому из христиан, зависящему непосредственно от султана, назначающему чиновников и судей, взимающему налоги и обеспечивающему охрану порядка с помощью местной милиции без всякого участия турецких войск.

Абдул-Азис; Фуад и финансы. 25 июня 1861 года умер Абдул-Меджид; партия «старотурков» и противников всяких реформ возлагала все свои надежды на его преемника Абдул-Азиса, но последний, повидимому, обманул эти надежды. Он начал с того, что обратился к великому визирю с гатти-шерифом, в котором заявлял о своем твердом намерении продолжать политику реформ; затем он упразднил гарем и объявил, что намерен иметь только одну жену. Власть фактически почти все время находилась в руках двух представителей... Молодой Турции, сначала Фуада-паши (до 1866 года), а затем Али-паши; оба они были турецкими уполномоченными на Париж-

ском конгрессе, а второй из них пользовался громкой известностью во всей империи благодаря тому чрезвычайно редкому обстоятельству, что он никогда не брал взяток. Оба министра посвятили свои силы двойной задаче: попытке восстановить порядок в турецких финансах и хотя бы отчасти осуществить обещания 1856 года.

Фуад обратил главное внимание на упорядочение финансов, которые приведены были в самое жалкое состояние, благодаря казнокрадству чиновников, чрезмерным издержкам султана, в особенности на содержание гарема, бунтам и войнам, а также волнениям, вызванным реформаторскими попытками. Махмуд II, впервые прибегнувший в 1830 году к выпуску бумажных денег *(кайме)*, внес еще больший беспорядок в финансы, и без того расстроенные; подобно всем правительствам, незнакомым с финансовой наукой, турецкое правительство начало злоупотреблять этим на первый взгляд столь удобным средством доставить деньги. Для покрытия дефицита, достигшего в 1860 году 80 миллионов, оно прибегло к усиленным выпускам кредитных билетов; затем оно установило принудительный курс бумажных денег, полагая таким путем противодействовать падению их цены (кредитные билеты упали до $^2/_7$ своей номинальной ценности).

К несчастью, султан скоро позабыл о своих первых похвальных намерениях; он восстановил свой гарем, в котором насчитывалось 900 женщин с 3 000 служителей и в котором ежедневно накрывалось 500 столов по 12 блюд. Турецкое правительство безуспешно пыталось заключить за границей займы по 8% и даже по 12% в 1865 году. Проекты коренной финансовой реформы закончились неудачей; единственным результатом всех реформаторских потуг было только учреждение книги государственных долгов (1865) и основание Оттоманского банка, организованного при содействии французских и английских финансистов.

Али-паша и административные реформы. В 1864 году Фуад-паша сделал попытку отделить судебную власть от административной путем учреждения суда и совета именитых людей в каждом из административных подразделений государства, в *вилайете* (губернии), *санджаке* (уезде) и *казе* (стане). События, имевшие место на острове Крите, побудили европейские державы снова протестовать против неисполнения гатти-гумаюна 1856 года; было установлено, что ни одно из обещаний не было сдержано, что христиане попрежнему не имели доступа к должностям, что они попрежнему не могли добиться право-

судия и что финансовая организация находилась в самом плачевном состоянии.

Али-паша обратил серьезное внимание на этот протест; он действительно пытался последовать совету Франции и слить воедино различные составные элементы империи. Он учредил Государственный совет, состоявший наполовину из мусульман и христиан, а султан при открытии этого нового учреждения (в июне 1868 г.) заявил, что «для него не существует никакого различия между мусульманами и христианами». «До сих пор, — прибавил он, — религия и права христиан пользовались охраной, но христиане не призывались к занятию высших должностей в государстве. Такова была старая система; но теперь христианам открывается доступ ко всем должностям, не исключая поста великого визиря. При назначении на государственные должности правительство будет руководиться только заслугами кандидатов».

В Галате был основан французский лицей, имевший целью подготовлять чиновников, получивших европейское образование и готовых применять реформы. В 1869 году учреждено было министерство внутренних дел; в том же году обнародованы первые законоположения, долженствовавшие лечь в основу свода гражданских законов; наконец, в 1870 году разрешено было пользоваться метрической системой мер и весов.

Но Али-паша скончался в 1871 году (Фуад умер еще в 1869 году); с другой стороны, внимание Европы было поглощено событиями 1870—1871 годов, и Турция снова впала в состояние бессилия. Россия добилась от Лондонской конференции (13 мая 1871 г.) отмены тех постановлений трактата 1856 года, которыми Черное море было объявлено нейтральным, а русское влияние вытеснило в Константинополе влияние побежденной Франции.

Задача министров-реформаторов была еще более затруднена двумя восстаниями, вспыхнувшими в Герцеговине и на Крите и вызвавшими осложнения в дипломатической области.

Черногория. Герцеговинское восстание разразилось в 1861 году и немедленно повлекло за собой конфликт с Черногорией. В этом небольшом сербском государстве (Црна Гора, Монтенегро) в феврале 1852 года произошло важное политическое преобразование. С 1499 года в Черногории господствовала теократическая форма правления; власть принадлежала князьям-епископам *(владыкам)* из рода Негошей, причем она регулярно переходила от дяди к племяннику. После смерти Петра II (1851) его племянник Данило секуляризовал княжеское достоинство.

Так как с 1830 года Черногория находилась под русским протекторатом, то Данило просил и добился одобрения Николая. Султан протестовал против этого переворота; хотя туркам никогда не удавалось стать твердой ногой в этой неприступной горной цитадели, тем не менее они номинально претендовали на сюзеренную власть над Черногорией. Омеру-паше приказано было напасть на маленькую страну; после трехмесячной борьбы, в продолжение которой турки потерпели три поражения, Австрия принудила султана прекратить военные действия (1853). Это вмешательство и влияние французского консула побудили Данилу пойти наперекор требованиям своего народа, горячо преданного России, и держаться во время Крымской войны самого строгого нейтралитета.

На Парижском конгрессе Али-паша хотел добиться от Европы заявления, признающего Черногорию «нераздельной частью Оттоманской империи»; Данило немедленно протестовал, требуя официального признания своей независимости, исправления границ и уступки Антивари с портом; в ответ державы пригласили Данилу признать верховную власть султана, и только Наполеон принял сторону черногорцев. В 1857 году он принял Данилу в Тюильри и был восприемником его наследника. Когда в 1858 году турки без объявления войны вторглись в Черногорию, то адмирал Жюрьен-де-ла-Гравьер блокировал Антивари; 13 мая брат Данилы, князь Мирко Петрович, в рукопашном бою при Грахове нанес 20-тысячному корпусу Гуссейна-паши решительное поражение; 3 000 турок было убито, а вся артиллерия попала в руки горцев.

Тогда султан согласился признать решения европейской комиссии, которая созвана была по инициативе Наполеона и которая должна была заняться проведением границ между обоими государствами; в этой комиссии официально участвовал черногорский делегат. Труды этой комиссии не были еще закончены, когда 13 августа 1860 года Данило был убит в Катаре одним изгнанником; не имея сыновей, он назначил своим наследником племенника своего Николая, сына князя Мирко. Так как новому князю было только 19 лет, то фактически делами руководил его отец.

Восстание в Герцеговине. Граховская победа произвела сильнейшее впечатление на герцеговинских сербов и возбудила среди них надежды на освобождение; доведенные до отчаяния злоупотреблениями бегов и разбоями башибузуков, герцеговинцы восстали. Европейские державы, опасаясь вмешательства со стороны Черногории, способного взбудоражить весь Балканский полуостров и вызвать европейскую войну,

настойчиво убеждали Николая сохранить строгий нейтралитет; он настолько считался с этими советами, что допускал провозить по Черногорской территории обозы, предназначенные для снабжения продовольствием крепости Никшич; но он не мог помешать своим горцам бандами спешить на помощь к своим братьям по вере и по крови (так как и черногорцы и герцеговинцы — сербы).

Сначала Порта организовала блокаду княжества; затем, после поражения, нанесенного Омером-пашой инсургентам при Пиве, он потребовал, чтобы Николай разоружился, а когда последний отказался исполнить это требование, турки весной 1862 года перешли черногорскую границу. Омер-паша имел в своем распоряжении 60 000 солдат; 20 000 горцев в течение четырех месяцев оказывали упорное сопротивление турецким войскам. Благодаря поразительной активности и энергии черногорского героя, князя Мирко, который поспевал решительно всюду, чашка весов одно время склонялась было на сторону черногорцев. Там, где проходили турки, они буквально оставляли после себя пустыню. Но разделенная Европа оставалась безучастной.

Наполеон начал уже запутываться в мексиканскую авантюру; Пальмерстон цинически заявил в палате общин, что «черногорские бунтовщики будут наказаны войсками султана при рукоплесканиях Англии». Только папа Пий IX выступил в защиту черногорцев; в энциклике, обращенной к албанским епископам, он запретил католикам этой области оказывать какую бы то ни было помощь туркам.

В конце-концов победа досталась турецкой армии, благодаря численному ее перевесу. Желая остановить движение Омера-паши на Цетинье, Мирко без пушек с оставшимися воинами дал последнее замечательное сражение 25 августа при Риеке и уступил только после шестичасового боя под градом снарядов, которыми осыпали его турецкие батареи. Однако Омер-паша не мог вступить в Цетинье; державы представили султану коллективную ноту, а князю Николаю послан был ультиматум, который он принял по совету французского консула. Князь Мирко должен был навсегда выехать из Черногории; дорога из Герцеговины в Скутари, проходящая через Черногорию, должна была отныне охраняться блокгаузами, занятыми турецким гарнизоном; ввоз оружия и военных снарядов был воспрещен, а черногорцы лишались права возводить укрепления на своей границе.

Впрочем, постановления этого ультиматума не были исполнены на деле. Порта сама отказалась от изгнания Мирко;

она, правда, выстроила 9 небольших фортов на Скутарийской дороге, но Франция и Россия потребовали и добились их эвакуации и разрушения (протокол 3 марта 1863 г.); но дорога должна была навсегда остаться открытой для торгового движения. Что же касается запрещения ввозить оружие, то на него никогда не обращали никакого внимания. Правительство Наполеона III, пославшее в Черногорию хлеб, для того чтобы спасти страну от наступившего после войны голода, разрешило устроить во Франции лотерею, доход с которой пошел на покупку 12 000 карабинов; патроны доставила Россия. Поражение, понесенное черногорцами, повлекло за собой подчинение Герцеговины, которая была жестоко наказана и снова подпала под ненавистное иго бегов.

Греция. Король Оттон. Не так легко удалось туркам подавить критское восстание, чуть было не приведшее к войне с Грецией.

Вступление на престол Оттона Баварского в 1832 году не доставило юному королевству внутреннего мира. Баварское регентство и иностранные войска, служившие ему опорой, возбудили недовольство, которым старались воспользоваться некоторые державы-покровительницы, как, например, Англия и Россия; каждая из них хотела установить свое влияние на страну. В 1843 году Англия и Россия, потребовав уплаты процентов по займу, выпущенному греческим правительством при вступлении на престол Оттона, вызвали финансовый кризис, который принудил короля распустить свои баварские войска. С этого момента он остался беззащитным, а произведенный греческой армией бунт (3 сентября 1843 г.) заставил его созвать национальное собрание, которому поручено было выработать конституцию. С этого времени (март 1844 г.) Греция получила ответственное министерство и две палаты: сенат, составленный из пожизненно назначаемых королем членов, и палату депутатов, избираемую всеобщей подачей голосов. Принятие православия поставлено было необходимым условием для получения наследственных прав на корону.

Введение парламентского режима не положило конца внутренним распрям и борьбе держав за влияние. Французская партия во главе с Колетти, против которой боролись Россия и Англия, господствовала до 1847 года; чтобы добиться ее падения, Англия поддерживала и даже вызвала восстание в Ахее, Мессении и на Эвбее в 1846—1847 годах. А в 1850 году она пошла еще дальше: когда во время бунта был разграблен дом португальского еврея Пачифико, состоявшего под английским покровительством, то Пальмерстон послал флот для блокады

Пирея (15 января). Греческому правительству послан был возмутительно-грубый ультиматум; Франция тщетно предлагала свое посредничество и даже отозвала из Лондона своего посла. Греция принуждена была уступить; но цель, поставленная себе Англией и заключавшаяся в возбуждении восстания против Оттона, не была достигнута.

Теперь для России наступила очередь интриговать. Когда в 1852 году правительство предложило организовать национальный синод, а с другой стороны, признало супрематию константинопольского патриарха, отвергаемую со времени войны за независимость, то фанатический монах Христофор Папулакис поднял восстание в Майне (Морея) и был поддержан русскими агентами. Но и эта попытка закончилась неудачей.

Крымская война послужила причиной для новых волнений. Патриоты хотели воспользоваться конфликтом, в котором оказалась запутанной Турция, для расширения до смешного узких границ королевства; фессалийские инсургенты снабжены были оружием, а множество волонтеров явилось в их ряды для борьбы с турками. Но Франция и Англия не могли допустить благоприятной для русских диверсии на Архипелаге в то самое время, как они отправляли свои войска на Дунай и Черное море. С другой стороны, не следует забывать, что они провозгласили и гарантировали территориальную неприкосновенность Оттоманской империи.

Поэтому 26 мая 1854 года в Пирее высадилась французская дивизия, которая оставалась там до 1857 года и принудила греков к соблюдению мира. Это вмешательство Франции и Англии, а также разоблачение истинных чувств России по отношению к грекам (благодаря опубликованию бесед Николая с Гамильтоном Сеймуром) подорвали положение французской, английской и русской партий, а король Оттон сделался окончательно непопулярным за то, что он не рискнул на отчаянную авантюру и не попытался оказать сопротивление Европе.

Враждебное отношение к королю приняло особенно резкий характер в армии; в 1861 году раскрыто было два военных заговора. 1 февраля 1862 года в Навплии вспыхнул военный бунт; потребовалась правильная осада для того, чтобы овладеть этим городом, где королевская власть была восстановлена только через два с половиной месяца (20 апреля). Во время этой осады произошло восстание на острове Сире; в стране фактически господствовали тайные общества, гетерии. Во время одной из поездок короля по стране взбунтовался миссолунгский гарнизон (19 октября); движение распространилось на Афины, где солдаты разграбили королевский дворец, а

26 октября Оттон, понимая невозможность всякого сопротивления, отрекся от престола.

Король Георг. Учреждено было временное правительство, состоявшее из Канариса, Булгариса и Руфоса; оно созвало национальное собрание, в котором участвовали депутаты заграничных греческих колоний. Прежде всего собранию пришлось заняться подысканием короля, так как предложение учредить республику было отклонено подавляющим большинством голосов.

Желая угодить Англии и добиться от нее уступки Ионических островов, которые несколько раз, и между прочим в 1859 и даже в 1862 году, уже требовали своего присоединения к Греции, собрание избрало королем принца Альфреда, второго сына королевы Виктории. Но так как в силу Лондонского протокола 1830 года греческая корона не могла быть предоставлена членам царствующих династий держав-покровительниц, то Наполеон и Александр отказались признать избрание принца Альфреда, а затем своего родственника, принца Лейхтенбергского. Тогда дело взял в свои руки Пальмерстон, правильно рассчитавший, что если ему удастся дать Греции короля, то последний по чувству признательности сделается английским клиентом; при этом Пальмерстон заявил, что если новым монархом будет выбран желательный для Англии кандидат, то британское правительство подарит Греции Ионические острова.

После неудачного обращения к Фердинанду Саксен-Готскому, отцу португальского короля, на престол избран был племянник датского короля, Вильгельм-Георг, сестра которого была замужем за принцем Уэльским (30 марта 1863 г.). Он согласился принять корону только 18 июня. По договору, подписанному в Лондоне 14 ноября, Англия уступила грекам Ионические острова под условием нейтрализации Корфу и снесения укреплений.

Пока велись переговоры об избрании короля, анархия в стране достигла крайних пределов: в феврале 1863 года новое военное восстание повлекло за собой выход в отставку членов временного правительства. С этого момента вся власть перешла в руки национального собрания, в котором, благодаря борьбе личных честолюбий и вмешательству армии, в свою очередь распадавшейся на различные партии, царствовал позорнейший беспорядок. 30 июня, уже после назначения короля Георга, в Афинах вспыхнул военный бунт, и в продолжение трех дней на улицах города происходили кровавые стычки. Разбойничьи шайки, эта язва первых лет независимого существо-

вания Греции, снова появились по всей стране; да иначе и быть не могло после того, как собрание, реабилитировавшее даже убийц, как например, цареубийцу Донзиоса, отняло на 10 лет политические права у членов министерства, которые, исполняя свой долг, подавили восстание в Навплии (1862).

Прибытие короля Георга (30 октября 1863 г.) ничуть не изменило положения; в первой прокламации к своему народу король обещал посвятить свою жизнь на то, чтобы сделать из Греции «образец королевств на Востоке». В 1864 году можно было бы подумать, что греки сознательно стремятся к гибели своего государства. Национальное собрание продолжало заседать под предлогом выработки новой конституции; депутаты всегда имели при себе пистолеты и кинжалы. Новая амнистия даровала свободу множеству уголовных преступников, которые для данного случая объявлены были «жертвами тирании». Военные бунты вспыхивали со всех сторон. У самых ворот столицы, в местечке Миниди, муниципальный совет приговорил к смерти мэра и пятеро его детей, а толпа привела этот приговор в исполнение. Министерские кризисы происходили почти каждый месяц. В конце-концов король пришел к той мысли, что он завоюет симпатии большинства народа, если попытается положить конец анархии; 18 октября он обратился к национальному собранию с посланием, в котором приглашал его закончить обсуждение конституционного акта в 10-дневный срок. Собрание повиновалось; 29 октября, ровно через год после прибытия Георга в Грецию, конституция была вотирована огромным большинством голосов.

Конституция 1864 года. Национальное собрание, которому пришлось вырабатывать законы для страны, совершенно лишенной какого бы то ни было политического воспитания, сразу вздумало применить почти в полном объеме крайние радикальные доктрины. Помимо того, что оно провозгласило неограниченную свободу союзов, собраний и печати, оно вручило законодательную власть одной палате *(Буле)*, избираемой на 4 года всеобщей подачей голосов, и объявило министров ответственными перед этой палатой. Сенат был упразднен. Только с помощью большинства в 12 голосов королю удалось добиться учреждения Государственного совета, которому поручалось рассмотрение законопроектов; но этот Государственный совет был упразднен во время первой же легислатуры (1865). Королю предоставлено было право распускать палату с условием, что новые выборы должны быть произведены, а новая палата созвана в трехмесячный срок.

С этого момента началась ожесточенная борьба за власть между политическими партиями, которые фактически представляли просто группы личностей, связанных местными интересами. Разные Комундуросы, Делиანисы, Делигеоргисы, Булгарисы, Заимисы, Руфосы сменяли друг друга, падали, поднимались, проходили и исчезали, как в водовороте. Каждый из них тащил за собой свою клиентеллу, смещал всех чиновников и назначал на их место своих сторонников, по обычаю, принятому в Соединенных штатах. С мая до декабря 1865 года у власти сменилось 5 министерств; а с 30 октября 1863 года до 17 декабря 1866 года, т. е. в продолжение трех лет и двух месяцев, сменилось 11 министерств. В армии попрежнему господствовал самый плачевный дух, казна была пуста, а внутренняя безопасность становилась все менее надежной, — одним словом, три державы-покровительницы в конце-концов встревожились и начали угрожать вмешательством. Посреди этой неслыханной анархии разразилось в августе 1866 года восстание на Крите.

Критское восстание. На Крите, как и в большей части областей Турецкой империи, христианское большинство угнеталось мусульманским меньшинством; в 1770, затем в 1821, 1841, 1858 годах критяне пытались сбросить с себя турецкое иго, которое тем сильнее их тяготило, что они видели, как греческие их братья освободились от мусульманского владычества. Обнародование гатти-гумаюна в 1856 году внушило им надежды на некоторое улучшение их участи, но надежды эти скоро рассеялись. В 1866 году христиане выбрали комиссию, которая представила султану петицию, перечислявшую жалобы критян и желательные реформы; Порта ответила неопределенными обещаниями, отказалась рассмотреть жалобы и угрожала суровыми наказаниями тем, кто не подчинится воле султана и попытается устроить собрание вопреки запрещению губернатора Измаила-паши.

Тогда критяне восстали, а общее собрание в Сфакии (23 сентября) провозгласило «нерасторжимый союз Крита с матерью Грецией»; в горных ущельях турки были разбиты и отброшены к Кандии и Канее. Порта немедленно послала на возмутившийся остров 40 000 человек под начальством Омера-паши; попытка последнего овладеть крепостью Сфакией, этой исторической цитаделью и неприступным убежищем всех критских восстаний, закончилась неудачей. Франция, Италия, Пруссия и Россия, полагая, что эти повторные неудачи внушили султану мысль о необходимости умиротворения, вмешались и предложили послать в Крит международную комиссию, ко-

торая должна была бы взять в свои руки управление островом; но эгоистическая политика Англии и Австрии, не пожелавших присоединиться к этому предложению, сделали его совершенно бесполезным. Султан, понимая, что европейские державы далеко не солидарны между собой, а следовательно, ему нечего бояться, отклонил предложение упомянутых держав; впрочем, он послал великого визиря Али для переговоров с инсургентами (октябрь 1867 г.), но эта попытка ни к чему не привела.

Критское восстание заставило на время умолкнуть внутренние раздоры в Греции; все боровшиеся между собой котерии объединились на национальном чувстве, на желании расширить пределы своего отечества и помочь освобождению греческих братьев великого острова. Организовались отряды волонтеров, которые доставлены были на остров с оружием и боевыми припасами, приобретенными министерством Комундуроса; на протесты Порты король ловко отвечал, во-первых, указанием на то, что конституция не дает ему возможности помешать вступлению греческих подданных на иностранную службу, а во-вторых, ссылкой на затруднения, созданные для греческого правительства бесконечными внутренними волнениями. И действительно, в Афинах скопилось свыше 60 000 беглецов, для содержания которых пришлось установить особый налог.

Но эти уловки никого не обманули; в Афинах общественное мнение с каждым днем все громче требовало объявления войны туркам. Когда султан убедился, что державы из страха перед общим конфликтом не станут оказывать Греции никакой поддержки, то он послал (11 декабря 1868 г.) королю Георгу ультиматум, в котором требовал, чтобы король разогнал скопища волонтеров и закрыл свои порты для судов, доставлявших продовольствие инсургентам; турецкий посланник был отозван из Афин, а все греческие подданные, проживавшие в Турецкой империи, были оттуда выселены. Греция уже собиралась поднять брошенную ей перчатку, когда вмешались европейские державы.

По инициативе Франции и Пруссии в Париже собралась конференция, на которую допущена была и Греция, но только с совещательным голосом; тогда греческий представитель отказался принимать участие в ее заседаниях (январь 1869 г.). Греции предложено было впредь не допускать на своей территории никаких враждебных действий против Турции; она подчинилась этому требованию. Что же касается критян, то, лишенные всякой поддержки и истощив свои силы, они были раздавлены турками (январь — февраль 1869 г.).

Впрочем, 10 января 1868 года султан обнародовал фирман, настоящий органический регламент, который должен был несколько улучшить положение критян. Христиане освобождались от уплаты налога, которым они откупались от воинской повинности, до тех пор, пока мусульмане освобождались от несения этой повинности; греческий язык признавался официальным языком наравне с турецким; учреждены были смешанные суды, члены которых выбирались народом, частью выбранные административные советы, заседавшие вместе с султанскими чиновниками, начиная от каймакана и кончая генерал-губернатором. Таким образом, критяне проливали свою кровь не напрасно.

Как только закончилось критское восстание, в Греции снова начались внутренние распри. Финансы были расстроены расходами на помощь инсургентам и на военные приготовления; банды грабителей распространились по всему королевству. В 1870 году в Марафоне разбойники захватили двух секретарей английского и итальянского посольств и пять путешественников, а затем умертвили четырех из своих пленников: негодование, возбужденное этим преступлением, помогло Комундуросу провести целый ряд мер, которые должны были позволить правительству покончить с анархией и подготовить восстановление порядка и внутренней безопасности.

Сербия; Александр Карагеоргиевич. Если после крымской войны султану удалось сохранить свою власть над непосредственно подчиненными ему христианскими подданными, то, с другой стороны, вассальные узы, связывавшие Сербию и Дунайские княжества с Турцией, сильно ослабели.

В Сербии после революции 1842 года князь Александр Карагеоргиевич, «избранный князем, увлеченный и встреченный народными приветствиями и не успевший хорошенько сообразить, в чем дело», держался по своему темпераменту и по интересам мирной политики и оставался покорным султану, своему сюзерену и покровителю. И действительно, в то время как Милошу и его сыну султан пожаловал звание наследственных князей, *берат*, пожалованный Александру, не давал ему даже пожизненной инвеституры; таким образом, сербский князь оказался просто высоким сановником, сменяемым во всякое время по желанию блистательной Порты. Это было для Сербии значительным шагом назад в отношении национальной независимости.

Это обстоятельство не ускользнуло от внимания сербских патриотов, и князь сразу лишился популярности. С другой стороны, Александр слишком подчинялся австрийскому влия-

пию, что опять-таки оскорбляло национальное самолюбие сербов. В 1848 году, когда венгерские сербы из воеводства начали добиваться автономии под верховной властью австрийского дома и подняли оружие против мадьяр, то князь сначала доставил им денежную помощь, а затем послал им вспомогательный корпус; поступая таким образом, он шел навстречу стремлениям своего народа, но в то же время служил интересам Франца-Иосифа. Это с особенной ясностью обнаружилось, когда после подавления венгерской революции император пожаловал ему высшие австрийские ордена «за содействие сохранению династии и неприкосновенности империи». В то же самое время Александр не позволял посылать никакой помощи повстанцам, султан в свою очередь наградил его за это орденом Нишам-Ифтикар и званием *мушира* (маршала).

Когда начался конфликт, приведший к Крымской войне, сербским министром иностранных дел был Илья Гарашанин, выдающийся человек, получивший политическое воспитание на Западе. Он понял, что Сербия, поставленная между Австрией, Россией и Турцией, ненавидимая одной и подстерегаемая обеими другими, ничего не имевшими против ее существования, но не желавшими допустить ее усиления, что Сербия должна искать себе опоры на Западе и особенно во Франции. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания русского правительства, и Меньшиков во время своего пребывания в Константинополе потребовал от князя Александра, чтобы он под угрозой разрыва дипломатических сношений уволил своего министра в 24 часа. Князь подчинился этому требованию.

Это грубое вмешательство России во внутренние дела княжества восстановило против нее сербский народ, что позволило Александру сохранить во все продолжение Крымской войны строгий нейтралитет. За эту мудрую политику Сербия была награждена на Парижском конгрессе; она была освобождена от русского протектората, а ее вольности были торжественно подтверждены и поставлены под коллективную гарантию великих держав.

Такой удачный результат должен был бы, повидимому, упрочить положение князя; но на самом деле ничего подобного не произошло. Открытое вмешательство Австрии в дела управления раздражало сербский народ, который, с другой стороны, был недоволен тем обстоятельством, что его держали вдалеке от дел: с 1842 года скупщина ни разу не была созвана. Еще сильнее сербы были возмущены слабостью князя, палец о палец не ударившего для того, чтобы добиться от султана

полного применения гатти-шерифа 1830 года и статей, коими туркам воспрещалось проживать вне крепостей.

В октябре 1857 года раскрыт был заговор, в котором принимали участие президенты сената и кассационного суда; после секретного дознания заговорщики были приговорены к смертной казни. Державы не допустили привести этот приговор в исполнение; князь заменил смертную казнь каторжными работами, а затем изгнанием, благодаря вмешательству Порты, побуждаемой Францией и Россией. Покушение на английского генерального консула, совершонное в Белграде одним турком (7 июня 1858 г.), сделало созыв скупщины необходимым; на этот раз это было не собрание тысяч сербов, нечто вроде всенародного схода, а настоящая выборная палата.

Скупщина собралась 30 ноября 1858 года, в день Андрея Первозванного. В большинстве своем враждебная князю, «Свято-андреевская скупщина» (под этим названием она известна в истории Сербии) прежде всего составила список жалоб, а затем назначила комиссию из 17 человек, на которую возложена была «забота о спасении отечества». Комиссия первым долгом потребовала, чтобы Александр отрекся от престола; князь укрылся в цитадель, занятую турками. Скупщина провозгласила низложение Александра и в этом же заседании избрала сербским князем Милоша Обреновича «с правом, предоставленным ему некогда Оттоманской Портой, передать престол по наследству»; последней фразой она подчеркивала свое желание поднять достоинство Сербии и сделать княжеское звание совершенно независящим от прихоти султана.

Милош Обренович. Милош, находившийся в то время в Бухаресте, был немедленно признан Наполеоном и царем; их примеру последовала Турция. Австрия, которой угрожала потеря влияния в Белграде, проявила свое недовольство, воспретив Дунайской компании предоставить в распоряжение князя какой-либо пароход. Въезд Милоша в Белград (2 января 1859 г.) совершился в самой торжественной обстановке; общество забыло про его деспотические приемы в прежнее время. «Единственной моей заботой отныне, — сказал он, — будет сделать вас счастливыми, вас, моих единственных братьев, вас и ваших детей, которые являются также и моими детьми и которых я люблю, как моего единственного сына, *наследника сербского престола*, князя Михаила». Таким образом, Милош с первых же слов высказал твердое намерение восстановить принцип наследственности сербской короны, не считаясь с желаниями султана по этому поводу. С своей стороны, скупщина объявила (сентябрь 1859 г.) княжеское достоинство наслед-

ственным в роде Обреновичей и предоставила князю право усыновления на тот случай, если княжеский род угаснет; она установила совершеннолетие князя в 18 лет и выработала условия регентства в случае несовершеннолетия князя.

Таким образом, Сербия, не дожидаясь органического регламента от своего сюзерена, сама выработала для себя законы и ограничилась тем, что предложила их султану на утверждение; последний отказал в своей ратификации. Милош, не прибегая к крутым мерам, 7 мая 1860 года ответил меморандумом, в котором, снова повторяя просьбу о ратификации принятых скупщиной законов, требовал точного применения гаттишерифа 1830 года в тех пунктах, которые касались незаконного проживания турок в Сербии. Порта отклонила его требование; тогда 22 августа Милош торжественно заявил, что «никогда ни он лично, ни народ сербский не перестанут смотреть на все постановления, заключающиеся в меморандуме 7 мая, как на приобретенные и неотменяемые права».

Этой декларацией фактически провозглашалась независимость Сербии. Через месяц, 26 сентября, Милош умер. Сын его, Михаил, принял власть «самостоятельно, в качестве наследственного князя, в силу пожеланий сербской нации, *согласно закону 1859 года*». Это равносильно было открытому вызову по адресу сюзерена, который тем не менее дал Михаилу свою инвеституру.

Князь Михаил. Князь Михаил в момент вступления на престол имел 37 лет от роду. Его обширный ум развился и созрел в продолжение 16 лет, проведенных в изгнании; он посетил главные европейские города: Берлин, Лондон, Париж, проникся западными идеями и поставил себе задачей довести до конца освобождение своей страны, добиться удаления турецких войск, расположенных еще в крепостях, подготовить и осуществить восстановление старинного сербского королевства, вырвав из-под власти султана еще подчиненных ему сербов, т. е. босняков и герцеговинцев.

Восстание 1862 года могло бы доставить удобный случай для частичного осуществления этого плана, если бы Сербия оказалась подготовленной в военном отношении; князю Михаилу пришлось ограничиться принятием некоторых мер в защиту несчастных беглецов, искавших спасения от мстительности турок, и изданием закона, дозволявшего им селиться в княжестве (17 апреля 1862 г.). В то же время Михаил провел закон об организации национальной милиции, составившей резерв для постоянной армии; протесты Турции по этому поводу были одобрены Англией, но встретили самый дурной

прием со стороны Франции и России, которые относились к князю Михаилу с явной симпатией.

Вопрос о турецких гарнизонах. Вскоре разыгрался очень серьезный конфликт, во время которого Франция решительно приняла сторону князя Михаила. Между жителями Белграда и мусульманами, остававшимися там вопреки договорам, происходили частые стычки; 16 июня 1862 года один турецкий сержант убил сербского ребенка у фонтана; население взялось за оружие. Началась битва, которая была прекращена только благодаря энергичному вмешательству Гарашанина и французского консула Тастю; сербы в силу писаного соглашения позволили турецкому населению Белграда войти в цитадель. На следующий день, в 9 часов утра, когда инцидент казался совершенно улаженным, цитадель открыла по городу огонь, осыпая его в продолжение 5 часов бомбами и ядрами

Этот варварский поступок возмутил Европу, и Друэн де Люис предложил немедленно созвать в Константинополе конференцию; французский посланник Мустье, поддержанный русским и итальянским посланниками, потребовал очищения еще занятых турецкими гарнизонами укрепленных пунктов. Австрия воспротивилась этому требованию, а Англия, относившаяся к сербам с еще большей враждой, осмелилась предложить протокол, оправдывавший происшедшую бомбардировку и разрешавший будущие бомбардировки. Протокол, подписанный 8 сентября, требовал разрушения двух крепостей, Сокола и Ужицы; кроме того, турки, проживавшие еще в городах, должны были выехать, оставив свое недвижимое имущество сербскому правительству за известное вознаграждение. Это равносильно было применению гатти-шерифа 1830 года, которого в свое время тщетно добивался Милош.

Но вопрос не был еще решен окончательно; было до очевидности ясно, что сербы не успокоятся до тех пор, пока турецкие солдаты не оставят крепости. «Всякий действительный прогресс невозможен в Сербии до тех пор, — говорила скупщина в адресе князю, — пока крепости держат страну в вечном страхе». В 1867 году Австрия, в министерство Вейста, перестала сопротивляться этой эвакуации, которой всегда требовала французская дипломатия. Последние турецкие солдаты были отозваны, и единственным символом вассального подчинения Сербии осталось турецкое знамя, развевавшееся над Белградской цитаделью рядом с трехцветным сербским знаменем.

Смерть князя Михаила. Однако князь Михаил продолжал усиливать свою армию и организовывать милицию при содей-

ствии французского полковника Мондэна. Парижский, венский и лондонский кабинеты начали с беспокойством смотреть на лихорадочную деятельность и честолюбивые стремления юного княжества, этого «восточного Пьемонта»; державы сделали даже сербскому правительству представления, не имевшие никакого результата. Во избежание конфликта султан подумывал даже назначить князя Михаила пожизненным губернатором Боснии за уплату известной дани, когда 10 июня 1869 года во время прогулки в Оленьем парке Михаил был умерщвлен убийцами, выскочившими из-за кустов. Глава заговора, вербовавший своих сторонников даже среди белградских каторжников, состоял в сношениях с князем Александром Карагеоргиевичем, но на процессе он заявил, что составил свой заговор исключительно с целью основать республику.

Смерть князя Михаила была для Сербии величайшим несчастьем; но она лишний раз доказала, что фактически княжество сделалось независимым. Хотя султан не признал закона 1859 года о престолонаследии, тем не менее сербским князем немедленно был провозглашен ближайший родственник Михаила, его внучатый племянник, Милан Обренович, 14-летний мальчик, воспитывавшийся тогда в парижском лицее Людовика Великого.

В правление Александра и Михайла Сербия сделала большие успехи в культурном отношении. В 1856 году основаны были школьные классы для развития первоначального народного образования; в 1863 году организованы были средние учебные заведения *(гимназии)*, в 1858—1865 годах — реальное образование *(реальные училища)* и преобразованы были высшие учебные заведения *(великая школа)*. В 1844—1865 годах обнародованы были своды гражданский, уголовный и торговый и издан закон о судебном устройстве; в 1864 году издан закон об устройстве податной системы. В 1853 году открыта военная академия, а в 1861 году учреждено военное министерство; двумя законами 1861 и 1864 годов организована была армия, которая при полной мобилизации состояла из 150 000 человек (в стране, насчитывавшей около 1 миллиона жителей).

Дунайские княжества. В то время как Сербия с помощью Франции и России добивалась права на полное самоопределение, Дунайские княжества при содействии тех же двух держав осуществили свое объединение.

Так как Парижским трактатом Балта-лиманский договор был отменен, то естественно возникал вопрос о реорганизации Молдавии и Валахии, поставленных под коллективный протекторат европейских держав. Выполнение этой задачи воз-

ложено было на европейскую комиссию, которой помогали в ее работе два дивана, выбранные населением княжеств.

Среди европейских держав Франция, Россия и Пруссия благосклонно относились к объединению румынской нации; Франция внесла на Парижском конгрессе предложение в этом смысле, и все прекрасно знали, что свободно выбранные депутаты обоих княжеств наверно потребовали бы того же. Турция, Австрия и Англия желали сохранить status quo; Англия опасалась, чтобы объединенное румынское государство не сделалось опасным для Турции союзником русских; Австрия боялась, что слияние Молдавии и Валахии послужит заразительным примером для трансильванских румын; кроме того, занимая своими войсками княжества до ноября 1856 года, она надеялась рано или поздно окончательно присоединить их к своим владениям. Поэтому в июне 1857 года Англия и Австрия заключили тайный договор, имевший целью воспрепятствовать объединению Молдавии и Валахии.

Выборы, произведенные (июль 1857 г.) под надзором назначенных Портой каймаканов, благодаря беззастенчивому давлению, оказались крайне благоприятными для противников объединения; Франция, Россия, Пруссия и Сардиния потребовали признания этих выборов недействительными и добились от султана удовлетворения этого требования только после разрыва дипломатических сношений с Константинополем (6 августа 1857 г.). Оба дивана, выбранные в сентябре, потребовали объединения обоих княжеств в одно, во главе которого был бы поставлен какой-нибудь из иностранных принцев, введения представительного правления и объявления нового государства нейтральным.

Султан распустил диваны. Но так как после свидания в Штутгарте между царем и Наполеоном III установилось тесное согласие, то оба они потребовали созыва в Париже конференции для улаживания вопроса о княжествах (май — август 1858 г.). Конференция закончилась компромиссом; княжества сохранили отдельные представительные собрания, и каждое имело своего государя, выбираемого собраниями из среды местных уроженцев, но зато в Фокшанах учреждалась общая для обоих княжеств Центральная комиссия, Верховный суд и кассационный трибунал; Молдавия и Валахия получили название *Соединенных княжеств*.

Князь Куза. Румыния. Молдаване и валахи воспользовались этим решением для осуществления национального единства; оба дивана избрали господарем одно и то же лицо, полковника Александра Кузу (январь 1859 г.). Турция, конечно,

протестовала; в Париже собралась вторая конференция, и в конце-концов султан «в виде исключения» дал ему эту двойную инвеституру (сентябрь 1859 г.).

Князь составил два отдельных министерства: одно в Яссах, а другое в Бухаресте; эта комедия продолжалась 2 года. Но в мае 1861 года оба дивана высказали пожелание, чтобы оба собрания сошлись для совместного обсуждения вопроса о взаимных отношениях крестьян и помещиков, а по случаю годовщины революции 1848 года 40 000 человек устроили манифестацию, требуя полного объединения княжеств. Порта снова уступила; в декабре она изъявила согласие на объединение обоих княжеств в законодательном и административном отношениях; допустив для обеих провинций одного князя, она теперь допустила одно собрание и единое министерство. На всякий случай она сделала оговорку, что ограничивает свое разрешение исключительно правлением князя Кузы, но тем не менее последний в прокламации к своим народам имел полное право заявить, что «отныне Румыния основана» (23 сентября 1861 г.).

15 февраля оба дивана составили единое национальное собрание в Бухаресте, который сделался столицей нового княжества. Почти с самого начала вспыхнул конфликт между князем, намеревавшимся управлять страной по своему произволу, по-диктаторски, и состоявшим из дворян большинством собрания, которое требовало применения конституционного режима. Собрание констатировало, а князь подготовлял государственный переворот; убийство президента совета Барбо-Катарджи у самых дверей собрания на время изменило намерения большинства, которое предоставило князю на 6 месяцев диктаторские полномочия (10 июня 1862 г.).

Дело «посвященных монастырей». Международные осложнения, вызванные вопросом о «посвященных монастырях», привели к почти полному примирению враждовавших сторон, объединенных патриотическим чувством. В Румынии существовало множество очень богатых монастырей; многие из них, скверно управляемые занимавшими их общежитиями, особыми княжескими грамотами поставлены были под надзор иностранных монастырей, Иерусалимского, Афонского и Синайского, пользовавшихся громкой репутацией. Доходы с монастырских имуществ должны были употребляться «на благотворительные и богоугодные дела внутри страны», и только излишки должны были итти на заграничные предприятия; но в действительности почти все доходы румынских монастырей присваивались константинопольским патриархом и греческими монахами.

Таким образом, по словам европейской комиссии, собравшейся в 1857 году, в руках иностранцев очутилась восьмая часть молдаво-валахской земли; комиссия пришла к тому заключению, что «такое положение вещей весьма плачевно» и что греческие монахи за известную годичную ренту должны уступить румынскому правительству имущества «посвященных монастырей». Последнее в полученных таким образом земельных владениях, подвергнутых более рациональной обработке, должно было найти необходимые средства для упорядочения своего финансового хозяйства и для улучшения участи некоторой части крестьян, которые до сих пор были простыми арендаторами и которых предполагалось сделать собственниками обрабатываемой ими земли. Но Россия, для которой греческие монахи играли роль политических агентов, высказалась против заключений комиссии, а Порта поддержала протесты царя.

В 1863 году вопрос не получил еще разрешения; тогда князь Куза решил наложить секвестр на имущества «посвященных монастырей», предложив выплатить греческим монахам известное вознаграждение. Последним удалось помешать благополучному исходу переговоров князя с Портой; тогда палата вотировала секуляризацию всех монастырей «посвященных» и других (15 декабря). Около того же времени Франция заявила, что она не допустит никаких репрессивных мер, направленных против Румынии; Порта приняла вознаграждение, предложенное греческим монахам, которые заявили, что они не могут согласиться ни на экспроприацию, ни на предложенное им вознаграждение (сентябрь 1864 г.).

Князь воспользовался этим конфликтом для того, чтобы превратить румынскую церковь в национальную и сделать ее совершенно независимой от Константинопольского вселенского патриархата. Сначала он присвоил себе право назначать митрополитов и епархиальных епископов; а затем он объявил их подсудными национальному синоду по духовным делам и кассационному суду по всем другим делам. Первое заседание первого национального синода состоялось 13 декабря 1865 года. Таким образом, разбито было еще одно из звеньев той цепи, которая привязывала Румынию к Турции.

Государственный переворот 14 мая. Согласие, установившееся между князем и палатой по поводу «посвященных монастырей», рушилось даже раньше, чем этот вопрос был окончательно разрешен. Впервые палата вотировала порицание князю в 1863 году; составленная почти исключительно из дворян, представлявших меньшинство румынского населения,

она высказывалась против всяких проектов демократических реформ, задевавших эгоистические интересы и предрассудки дворянства. Когда палата вотировала порицание министерству за то, что оно внесло аграрный законопроект, клонившийся к превращению крестьян-арендаторов в собственников, то князь решился на государственный переворот, который он давно уже замышлял.

14 мая 1864 года палата была распущена, а свобода печати временно отменена; князь обнародовал избирательный закон, вводивший всеобщую подачу голосов, и дополнительный конституционный акт, коим наряду с палатой учреждался сенат. Народ, призванный высказаться по поводу этого переворота, одобрил действия князя 713 285 голосами против 57 «нет» и 70 000 воздержавшихся. Этот государственный переворот, являвшийся подражением *coup d'état* 2 декабря, доставил князю Кузе энергичную поддержку Наполеона III, а следовательно, и одобрение Турции, а затем и всей Европы.

Протоколом 27 июня за Румынией признано было даже право изменять порядок своего внутреннего управления, не обращаясь к утверждению султана. Таким образом, Румыния, более счастливая, чем Сербия, юридически и фактически добилась неограниченной внутренней автономии, которую Сербия фактически тоже завоевала, но которая юридически ей не была предоставлена.

С этого момента князь Александр начал управлять с помощью декретов. В такой именно форме он осуществил самую настоятельную реформу — аграрную. Сначала крестьяне были освобождены от барщины; а затем они получили в собственность те земли, которые раньше находились только в их пользовании. С этой целью государство совершило принудительное отчуждение около двух третей помещичьей земли за известное вознаграждение и роздало эти земли 400 000 крестьянских семей, которые в течение 15 лет должны были вносить выкупные платежи.

Затем князь создал законченную систему общинных и окружных советов, построенную по французскому образцу, подобно тому как румынский свод гражданских законов, уложение о наказаниях и судебные уставы скопированы были с наполеоновских кодексов; он ввел суд присяжных для уголовных преступлений, установил акты гражданского состояния, объявил первоначальное образование обязательным, основал сельскохозяйственные комиции и конские заводы, изменил закон о рекрутском наборе. И, наконец, ему удалось на очень выгодных условиях заключить заем, необходимый

для уплаты обещанного вознаграждения экспроприированным монашеским общинам.

Все это было выполнено в продолжение 7 месяцев. Палата, избранная в декабре и собравшаяся через несколько дней после выборов, утвердила все действия князя и в течение почти целого года послушно вотировала все, что от нее требовали. Но реформы, затронувшие множество частных интересов: диктаторский режим, нежелание румынских бояр подчиняться князю, вышедшему из их же среды, — все это доставило Кузе массу врагов; число недовольных еще возросло, благодаря повышению налогов и финансовым скандалам, в которых оказались замешанными некоторые из приближенных князя. Произошло несколько выступлений, подавленных строгими мерами.

Князь Карл Гогенцоллерн. В ночь с 22 на 23 февраля 1866 года, в Бухаресте, князь, в спальню которого ворвалась группа военных заговорщиков под предводительством депутата-журналиста Розетти, принужден был подписать отречение от престола. Учреждено было временное правительство, а затем начались поиски государя; все румыны сошлись на том, что корона должна быть предложена иностранному принцу. Сначала они избрали графа Фландрского, брата бельгийского короля, но он отказался от предложенного ему престола по личному приглашению Наполеона III. Россия интриговала в Молдавии против единства; поэтому необходимо было найти такого кандидата, который был бы угоден Наполеону III и благодаря которому временное объединение княжеств могло бы таким образом быть увековечено.

Выбор пал на принца Карла Гогенцоллерна, родственника Наполеона и племянника прусского короля, лейтенанта 2-го гвардейского драгунского полка прусской армии. Собравшаяся в Париже европейская конференция, вопреки мнению Франции, отвергла эту кандидатуру и заявила, что она согласна только на избрание румына. Прусский король, которого оскорбляла мысль о том, что Гогенцоллерн может быть вассалом султана, убеждал своего племянника подождать, но Бисмарк посоветовал ему «сделать решительный шаг и немедленно выехать в Румынию», для того чтобы державы очутились перед «совершившимся фактом». Такое же мнение высказал и Наполеон.

22 мая князь был уже в Бухаресте. Турция начала готовиться к вооруженному вмешательству, но державы, хотя и порицавшие образ действий принца, воспротивились осуществлению турецкого плана. В конце-концов султан по совету Франции признал принца Карла, который приехал (октябрь

1866 г.) в Константинополь за получением инвеституры. Объединение княжеств окончательно было освящено, а княжеское достоинство сделалось наследственным.

Конституция 1866 года. Палаты выработали и приняли новую конституцию, составленную по образцу бельгийской конституции и вводившую национальную гвардию, а также свободу собраний и печати; законодательная власть принадлежала двум палатам: *сенату*, выбираемому двумя коллегиями избпрателей, удовлетворявших известному цензу, и *палате депутатов*, выбираемой четырьмя коллегиями, в которые входили все плательщики налогов. Назначаемые королем министры были ответственны перед парламентом; административное устройство было организовано по французскому образцу с сильной централизацией и с разделением страны на префектуры и су-префектуры.

Применение парламентского режима на практике совершалось не без частых министерских кризисов. Три партии ожесточенно оспаривали власть друг у друга: *белая*, или консервативная, партия, составленная из крупных землевладельцев, враждебная реформам и стоявшая за союз с Россией; *красная*, или либеральная, партия, составленная из буржуа и сторонников союза с Германией и Австрией (понятно, что эта партия пользовалась поддержкой князя. Во главе ее стоял Иван Братиано «румынский Бисмарк», но скоро в рядах этой партии произошел раскол, и от нее отделилась под руководством Розетти влиятельная группа, выдвинувшая требование всеобщего избирательного права); наконец, *молодая правая*, враждебно выступившая против политики Братиано.

Братиано произвел новые выборы и с декабря 1867 года располагал верным большинством; кроме того, он пользовался поддержкой князя, ценившего в нем выдающуюся энергию.

Серьезные затруднения возникли в 1868 году для румынского правительства по поводу вопроса о положении евреев в Молдавии, а затем по поводу образования болгарских повстанческих отрядов в Журжеве. Державы заподозрили, что Румыния замышляет напасть на Турцию, внимание которой было тогда отвлечено критскими и греческими делами; принятие военного закона (13 июня), доводившего численность армии в военное время до 150 000 человек, сделанные берлинским фирмам заказы оружия, отправка посольства в Россию с целью сближения с русским правительством — все это, повидимому, подтверждало возникшие подозрения. Турция, Австрия, Франция и Англия приняли угрожающее положение,

и министерство Братиано в конце 1868 года вышло в отставку.

Это послужило исходным пунктом для целого ряда новых министерских кризисов (два в 1869 году и четыре в 1870 году) и роспуска палат; положение князя при таких условиях не могло упрочиться, так что события 1870 года ввиду обнаруженных Румынией симпатий к Франции чуть было не привели к падению Карла.

Итоги: французское влияние с 1848 до 1870 года. Если мы бросим общий взгляд на историю балканских государств за период 1848—1870 годов, то мы заметим следующие основные факты.

Прежде всего, в главном государстве Балканского полуострова, в Турции, сделана попытка изменить традиционный религиозно-сектантский характер государственного устройства, но эта попытка разбилась о сопротивление турецких консерваторов и об основательное недоверие христиан. Таким образом, старые учреждения были приведены в окончательное расстройство, не будучи в то же время заменены новыми, рациональными, здравыми и прочными учреждениями; в результате получилась административная анархия и полный финансовый беспорядок.

Второстепенные государства Балканского полуострова стремились к достижению двоякой цели. Те из них, которые оставались вассалами Турции, как, например, Сербия и Дунайские княжества, старались все более ослабить узы вассальных отношений и превратить свою автономию в независимость. В этом пункте они встретили полное сочувствие и деятельную поддержку со стороны французской дипломатии, благодаря которой они добились права устраивать свои внутренние дела с полной свободой и без всякого постороннего контроля. Инвеститура, даваемая Портой их князьям, обратилась в формальную церемонию и в простой символ верховной власти султана.

Кроме того, все они старались завершить свое национальное объединение, но только Молдавия и Валахия добились своей цели и составили одно государство, Румынию. Убийство князя Михаила помешало объединению Сербии с Боснией, которое могло бы состояться в какой-нибудь форме. Европейские державы, в особенности Англия и Австрия, не допустили присоединения Крита к Греции. В этой области французская политика отличалась более нерешительным характером. Теоретически она относилась благоприятно к развитию национальностей. *В Крыму французские войска сражались не за Турцию, а против России.* Для того, чтобы преградить России

дорогу к Средиземному морю, Наполеон хотел на место клонившейся к разложению Турции поставить новые и сильные государства, объединенные в союз [1].

Так как создание объединенной Румынии не связано было с каким-либо разделом Турецкой империи, то явилась возможность энергично поддержать дело румынских унионистов и доставить ему победу, не рискуя вызвать европейскую войну; и Наполеон воспользовался этой возможностью. Но по отношению к другим балканским странам дело обстояло иначе; здесь Франция столкнулась бы с Англией и Австрией, враждебно относившимся к мысли о каких бы то ни было переменах на Балканском полуострове. Такое отношение Англии объяснялось систематическим и традиционным противодействием французской политике, а отношение Австрии — тем, что *она сама является Турцией центральной Европы*, что некоторые провинции складывавшихся Балканских государств подчинены ее игу и что в тот день, когда произойдет раздел Оттоманской империи, добившиеся независимости сербы и румыны протянут руку своим братьям, населяющим берега Савы и трансильванские возвышенности.

Франция по необходимости должна была ограничиться выражением платонических симпатий и проявлением своей доброй воли, тем более что в ту эпоху, когда Сербия могла бы попытать счастья, т. е. в 1867—1868 годах, власть императора склонялась к упадку, и все внимание Наполеона было поглощено заботами о предстоявших осложнениях на Западе. Тем не менее остается твердо установленным тот факт, что в период 1848—1870 годов Франция неуклонно придерживалась в балканских делах умной политики и что в продолжение долгого времени она, по выражению румынского короля Карла, играла на Балканском полуострове «центральную роль».

[1] См. по этому поводу брошюру *V. Urechia*, L'Alliance des Roumains et des Hongrois, en 1859, Bucarest 1894.

ГЛАВА VII

ОБЪЕДИНЕНИЕ ИТАЛИИ

1850—1870

I. ВИКТОР-ЭММАНУИЛ. КАВУР И НАПОЛЕОН (1850—1859)

Состояние Италии в 1850 году. После революционного взрыва 1848 года и реакции 1849 года Италия, казалось, снова сделалась тем, чем хотел ее видеть Венский конгресс: географическим термином. Вследствие проявленной ею неспособности совместными силами добиваться национальной независимости и политической свободы, она теперь казалась столь же далекой от достижения той и другой цели, как и в 1815 году. Раздробленная и скованная, как во времена Меттерниха, она снова подпала почти под неограниченную власть чужеземцев.

Австрия, покорив Венецию и Милан, восстановила свое преобладание на Апеннинском полуострове; итальянские монархи сделались попрежнему полными ее рабами, а вместе с тем тиранами для своих подданных. В ломбардских и венецианских провинциях господствовала система военного террора; генералы Франца-Иосифа вели себя здесь как в завоеванной стране и не щадили ни личности, ни имущества жителей. Герцог Пармский, Карл III, и герцог Моденский, Франциск V, играли роль средневековых «подест», которые мучили свой собственный народ в такой же мере, в какой они холопствовали перед венским двором. В Тоскане Леопольд II, менее обуреваемый чувством мести, чем вышеупомянутые государи, все-таки отменил все конституционные вольности, бросил в тюрьму или изгнал благороднейших патриотов и возобновил религиозные гонения. А для большей верности он окружил себя охраной из 12 000 австрийских солдат. В королевстве Обеих Сицилий Фердинанд II («король-бомба») отменил конституцию 1848 года, восстановил привилегии и царство произвола: полиция пользовалась неограниченной властью, множество лиц казнено было за

политические преступления, галеры и тюрьмы переполнены были лучшими гражданами, а народ коснел в невежестве и нищете.

В папской области австрийцы занимали Романью, где папские легаты подвергли патриотов беспощадным преследованиям (за 8 лет свыше 500 человек было приговорено к смерти и казнено). В Риме присутствие французских войск (которых Луи-Наполеон не решался отозвать из страха лишиться поддержки католической церкви) не допускало применения подобных зверских мер, но даже в этом городе правительство выказывало крайнюю строгость и ни на иоту не отступало от теократического абсолютизма, который сделался для Пия IX со времени его бегства в Гаету неприкосновенной догмой. Тщетно глава французского правительства, красневший при мысли о том, что его могут счесть соучастником этой дикой реакции, просил или требовал от папы, чтобы он выказал побольше снисходительности, секуляризовал свою администрацию, преобразовал законы в современном духе и ввел некоторые свободные учреждения. Под влиянием деспотического Антонелли Пий IX не соглашался ни на какие уступки или делал их чисто формально [1], оставляя за собой право назначения на все должности и окончательного решения по всем вопросам, сохранял вместе с церковными судами возмутительное и устарелое законодательство и с крайним отвращением относился к великим прогрессивным новшествам. Истинную симпатию он питал только к Австрии. Немудрено, что тот папа, которого вся Италия с энтузиазмом приветствовала в 1846 году как патриота и либерала, давно уже утратил всякую популярность.

Виктор-Эммануил и первые годы его царствования. Теперь итальянцы ждали своего освобождения не от Рима, а от Турина. Здесь царствовал с 1849 года единственный итальянский монарх, оставшийся верным национальному делу и не восстановивший деспотического режима. После поражения при Новаре Виктор-Эммануил [2], едва вступив на шаткий престол, оставленный ему Карлом-Альбертом, начал держаться — как во внешних, так и во внутренних делах — самой достойной, лойяльной и твердой политики. Этот молодой и мужественный король, хотя и не одаренный большим умом, скрывал под чисто солдатской грубоватостью ухваток и языка много здравого

[1] «Motu proprio» от 12 сентября 1849 года и эдикты от 10 сентября 1850 года.

[2] Родился в Турине 14 марта 1820 года, сделался сардинским королем вследствие отречения своего отца, Карла-Альберта, 23 марта 1849 года, итальянским королем в 1861 году, умер в Риме 9 января 1878 года.

смысла и проницательности. Он прекрасно понимал, что, опираясь на Альпы и поддерживаемый Францией, которая из ненависти к Австрии должна была раньше или позже притти к нему на помощь, Пьемонт мог сделаться для итальянских патриотов центром сплочения сил и привлечь к себе все их симпатии.

Для этого необходимо было, чтобы глава этого маленького государства жил в добром согласии со своим народом, соблюдал конституцию, нарушавшуюся и уничтожавшуюся остальными государями полуострова, и, наконец (и это было главнее всего), смело вел себя по отношению к Австрии. Поэтому он не решился отменить «Основной статут» 1848 года и уничтожить вольности, обеспечивавшие его функционирование. Тщетно венский двор при подписании мирного трактата 6 августа 1849 года предлагал Виктору-Эммануилу составить этот договор в менее обременительном для Пьемонта духе, если он согласится отменить конституцию и открыто отказаться от национальных требований, борцом за которые выступил Карл-Альберт. Виктор-Эммануил предпочел покориться всем тяжким условиям победителя, лишь бы никто не мог упрекнуть его в заключении сделки с чужеземцами, и вместо того, чтобы восстановить собственное знамя Сардинского королевства, он с гордостью сохранил трехцветное итальянское знамя, символ реванша и национального освобождения.

Благодаря ему и его умному министру Азелио[1], Пьемонт служил убежищем для множества эмигрантов, бежавших из различных итальянских государств и проникшихся таким образом преданностью к савойскому дому. В продолжение известного периода это небольшое государство являлось как бы воплощением итальянского отечества; и все прекрасно понимали, что близок день, когда Италия добьется своего объединения и раздвинет границы Пьемонта до Адриатического моря и Сицилии. А пока Пьемонт усиливался благодаря быстрому развитию торговли и промышленности, вооружал свои крепости, реорганизовал свою армию, с твердостью отстаивал свои права [2] и не поддавался запугиваниям даже Австрии.

[1] Президент совета с 1849 года.

[2] Например, от посягательств римской курии, которая в 1850 году тщетно пыталась воспротивиться «закону Сиккарди», отменявшему *foro ecclesiastico* или судебные привилегии духовенства. Когда министр торговли Сента-Роза вскоре после того скончался, не выразив раскаяния в своем присоединении к этому закону, то туринский архиепископ отказался хоронить его. Его преемником назначен был граф Кавур.

Инстинктивно он старался сблизиться с французским правительством, глава которого, несмотря на римскую экспедицию, сохранял неизменную симпатию к итальянской нации и не переставал питать желание и надежду рано или поздно освободить ее из-под австрийского ига. После государственного переворота 2 декабря 1851 года Виктор-Эммануил, не переставая играть свою роль конституционного короля, не отказался выказать Луи-Наполеону известное уважение, чем последний был весьма тронут [1]. А через несколько месяцев он с самой дружеской торопливостью поспешил признать его императором. Поэтому в конце 1852 года Наполеон III не поколебался обратиться к сардинскому посланнику маркизу Вилламарине со следующими словами: «Наступит время, когда обе наши страны в качестве товарищей по оружию будут вместе бороться за благородное дело Италии». Спустя некоторое время, в феврале 1853 года, пьемонтский дипломат выслушал от императора следующее заявление: «Следует подождать, чтобы какая-нибудь угроза, сделанная Австрией Пьемонту, доставила удобный случай». А в марте того же года Наполеон III говорил Вилламарине о «крупных территориальных перетасовках, которые сделают возможным возрождение итальянской национальности».

Кавур и его политика. Добрые намерения французского императора относительно Пьемонта заботливо поддерживались и ловко использованы были выдающимся государственным деятелем, который сначала выдвинулся в качестве сотрудника маркиза Азелио и которого Виктор-Эммануил по счастливому наитию пригласил 4 ноября 1852 года на пост первого министра. Этому великому политическому деятелю выпала на долю главная слава осуществить мечту об итальянском единстве.

Граф Камилло Бензо Кавур, родившийся в 1810 году в старинной дворянской семье, сначала служил по инженерному ведомству, но скоро военная служба ему наскучила, и он вышел в отставку; в продолжение нескольких лет он путешествовал с целью самообразования, занимался сельским хозяйством и изучал политическую экономию, а в 1847 году он вместе с Бальбо основал газету *Risorgimento* («Возрождение»). Будучи избран в 1849 году в палату депутатов, он в следующем году получил в кабинете Азелио портфель земледелия и тор-

[1] Так например, он провел закон, по которому рассматривание дел об оскорблении иностранных правительств изъято было из ведения суда присяжных.

говли. На этом посту он заключил с несколькими государствами выгодные для Пьемонта торговые договоры и небезуспешно старался развить естественные ресурсы страны и расширить ее коммерческие сношения. Сардинский парламент обязан ему господством того духа дисциплины и последовательности, без которого осуществление его обширных замыслов было бы невозможно. Благодаря его усилиям состоялось соглашение (connubio) правого центра, душой которого он был, и левого центра, которым руководил Ратацци, и сформировалось большинство, способное понимать положение дел с полуслова, готовое с самоотречением работать для будущего и налагать на страну все жертвы, необходимые для осуществления широких планов Кавура, рассчитанных на долгое время. Временно устраненный от министерской должности (16 мая 1852 г.), он вскоре вернулся туда в качестве президента совета. С этого момента он является как бы живым воплощением итальянского дела.

Отличаясь внешним добродушием, веселым и простым нравом, давно уже доставившим ему значительную популярность, Кавур был несравненным дипломатом, умеющим с одинаковым искусством форсировать события и выжидать их или подготовлять, наступать или уступать. Присутствие духа никогда не покидало его; никто не умел с такой быстротой, как Кавур, извлекать выгоду из встречавшихся ему препятствий и заставлять их служить своим целям. Дерзкий и в то же время уклончивый и осторожный, мало останавливающийся перед соображениями щепетильности, преданный душой и телом партии объединения, Кавур, естественно, не отличался особенной разборчивостью в выборе средств. Но следует признать, что в самом начале он прибегал только к честным и законным приемам.

Сделать Пьемонт не только хорошо управляемой страной, но также богатым и хорошо вооруженным государством, способным внушить доверие своим покровителям, — такова была первоначально его главная забота. Поэтому он старался усиленно развить сельское хозяйство, промышленность и торговлю, и, не останавливаясь перед соображениями ложной экономии, он с большими издержками покрыл страну сетью железных дорог, доходы которых в течение нескольких лет возросли вдвое. Вместе с тем он приводил пьемонтские крепости в оборонительное положение, наполнил арсеналы и значительно увеличил сардинскую армию, которая под командой Ламарморы вскоре сделалась если не одной из многочисленнейших, то во всяком случае одной из сильнейших в Европе.

Привязанный к свободе не менее, чем к власти, он с еще большей твердостью, чем Азелио, отстаивал права гражданского общества против католической церкви и не побоялся закрытием нищенствующих орденов (1854) открыто задеть римскую курию. Это энергичное поведение по отношению к папе было с тем большей симпатией встречено итальянцами, что в это самое время австрийское правительство, казалось, целиком отдавало себя во власть папы и собиралось заключить конкордат 1855 года, который представлял собой полное самоотречение светской власти в пользу духовной.

С другой стороны, он благоразумно воздерживался от оказания поддержки революционной партии, которая, подстрекаемая лондонскими эмигрантами (Мадзини и другие), продолжала по временам прибегать к насильственным средствам вроде восстаний или террористических актов[1]. Он хотел убедить европейских монархов, а в особенности императора французов, в том, что его политика направлена не к ниспровержению престолов, а, напротив, к их укреплению, так как она дает ему возможность сдерживать революционное движение и руководить им.

Роль, сыгранная Пьемонтом во время крымской войны. Австрия, которая ясно видела, к чему он стремится, начала угрожать ему, но не в состоянии была его запугать. Покровительство, которое ломбардские эмигранты находили в Пьемонте, привело в 1853 году к разрыву дипломатических сношений между венским и туринским дворами. Но Кавура этот инцидент тем менее трогал, что в это самое время он замышлял обеспечить Пьемонту покровительство двух первоклассных держав на случай конфликта с Австрией. Франция и Англия собирались тогда выступить в защиту Турции и объявить России войну. Австрийский император, несмотря на громадную услугу, оказанную ему царем Николаем в 1849 году, подавал этим державам надежду на свое присоединение к ним, и Кавур хотел, чтобы Виктор-Эммануил поступил точно так же, в надежде, что Франц-Иосиф, завладев обширными и богатыми землями на востоке, согласится уступить сардинскому королю Ломбардо-венецианскую область. А если бы австрийский император не пожелал впутываться в эту войну, то предложение своих услуг Пьемонтом было бы еще лучше встречено западными державами и впоследствии было бы вознаграждено тем

[1] В 1853 году имела место попытка к восстанию, а в следующем году герцог Пармский пал жертвой тайных обществ.

щедрее, чем менее эти державы имели бы оснований быть довольными Австрией.

Известно, что Франция и Англия, открывшие (в апреле 1854 г.) военные действия против России, не были поддержаны венским двором, двуличная и коварная политика которого принудила союзные армии оставить Дунайские княжества и перейти в Крым, где они в продолжение целого года истощали свои силы над осадой Севастополя. После долгих и безнадежных переговоров союзники, видя, что Австрия их одурачила, решили воспользоваться предложением Сардинии.

В ноябре 1854 года наперсник Наполеона III Персиньи отправился в Турин и скоро пришел к соглашению с Кавуром, который только и ждал возможности заключить союз с западными державами. Министр Виктора-Эммануила понимал, что, оказывая этим державам помощь в Крыму, Сардиния получает, таким образом, право на участие в конгрессе, который будет созван по окончании войны, что на этом конгрессе она будет иметь возможность поставить перед всей Европой итальянский вопрос и что Англия и Франция окажут ей поддержку, а Россия, из желания наказать Австрию, не станет ей мешать; что же касается Пруссии, то не подлежало никакому сомнению, что от нее-то Австрии нечего ждать никакой помощи.

Одним словом, союз был заключен 26 января 1855 года. Имея в виду впоследствии потребовать возможно более высокой платы за свои услуги, Сардиния пожелала вступить в коалицию не в качестве простого помощника союзников (как предполагала Англия), а как равноправный с другими договаривающимися сторонами контрагент, на свой страх и риск. Ввиду этого она предложила выставить вспомогательный корпус силою в 15 000 человек под командой пьемонтского генерала и согласилась принять предоставленную ей Англией субсидию на содержание этой маленькой армии не иначе, как в качестве займа. Можно сказать, что из этого договора родилось объединение Италии.

Пьемонтский парламент понял все патриотическое значение этого союза и без особого сопротивления присоединился к смелой политике Кавура. Вскоре после того (в апреле 1855 г.) войска под начальством генерала Ламарморы отправились на восток. На театре военных действий они вели себя молодецки, особенно в сражении при речке Черной (16 августа), и содействовали удачному окончанию войны.

Поэтому когда Австрия, опасаясь, чтобы Наполеон III с целью ей досадить не возбудил революционного движения в Италии, своими угрозами побудила, наконец, Россию поло-

жить оружие, то она уже не могла воспротивиться участию Пьемонта на Парижском конгрессе. В июле 1855 года Наполеон III объявил о своем намерении привлечь Сардинию к участию как в риске, так и в выгодах войны: «Опасности, почести, выгоды,— сказал он,— все должно быть разделено поровну». Вскоре после того Виктору-Эммануилу и Кавуру оказан был как в Лондоне, так и в Париже благоприятный прием.

Кавур на Парижском конгрессе. На конгрессе, открывшемся в феврале 1856 года, Сардиния заняла место, которое совершенно не соответствовало ее действительному значению. Целый ряд затруднений был улажен на конгрессе Кавуром, что сильно увеличило и его собственный престиж и престиж его отечества. Все державы, за исключением Австрии, в конце-концов начали искать с ним сближения[1]. Ни для кого не составляло секрета, что тайные стремления Пьемонта поддерживаются Наполеоном III. Поэтому никто не удивился, когда после подписания Парижского трактата президент конгресса Валевский, министр Наполеона III, основываясь на поданной ему 27 марта Кавуром записке о печальном положении Италии, счел нужным обратить внимание высокого собрания на ненормальное состояние папских владений. По его словам, для папы наступила пора отказаться от присутствия в его владениях австрийских и французских войск, а для этого он должен упрочить свое правление введением либеральных учреждений. Переходя затем к рассмотрению положения остальных государств полуострова, он заявил, что в некоторых из них, а в особенности в королевстве Обеих Сицилий, крайности абсолютистской реакции и господствующий там неслыханный произвол с роковой неизбежностью подготовляют новые революционные вспышки. Собравшиеся на конгрессе державы должны были сделать предостережение таким монархам, которые, как, например, неаполитанский король, злоупотребляют репрессией по отношению к «заблудшим, но не развращенным» умам.

Эти предложения, поддержанные Кавуром, вызвали, как и следовало ожидать, резкие возражения со стороны Австрии, и конгресс не посмел принять по этому поводу никакого решения. Но Валевский, резюмируя дебаты, мог констатировать, что австрийские делегаты не возражали против необходимости вывести иностранные войска из папских владений, как только

[1] Так, например, не ссорясь с Австрией, он успел снискать расположение русского правительства, которое ему удалось сблизить с французским.

эта операция не будет угрожать никакой опасностью для папы, и что большинство уполномоченных признало важное значение мер милосердия, которые были бы кстати приняты итальянскими правительствами и в особенности правительством неаполитанским (8 апреля 1856 г.).

Вскоре после этого, когда конгресс приходил уже к концу (16 апреля), Кавур обратился к парижскому кабинету с резкой запиской, в которой он определенно ставил итальянский вопрос и доказывал, что Европа без риска для собственного спокойствия не может дольше его игнорировать. Положение дел на полуострове,— говорил он,— серьезнее, чем когда-либо, благодаря разгулу политической реакции и присутствию иностранных войск. Главная ответственность за все беды падает на Австрию; так как эта держава всячески мешает лечению болезни, то в близком будущем на полуострове несомненно предстоит новая вспышка революционного брожения. Венский двор разрушил то равновесие, которое в Италии установлено было трактатами 1815 года; он угрожает Пьемонту, принуждает его предпринимать разорительные вооружения и в каждый момент способен принудить его к «крайним мерам». Пьемонт оказался единственным государством в Италии, которое сумело сдержать революционное движение и вместе с тем сохранить национальную независимость; если бы он пал, то всемогущество Австрии на Апеннинском полуострове не встретило бы больше никаких препятствий.

Записка приглашала западные державы, сильно заинтересованные в том, чтобы не допустить такого исхода, принять надлежащие меры. И Кавур знал, что они это сделают. Поэтому туринский парламент понял его с полуслова, когда он (6 мая 1856 г.) отдал отчет в своих действиях, утверждая при этом, что если в данный момент Виктор-Эммануил и не добился своим участием в крымской войне никаких осязательных результатов, то тем не менее Пьемонт не напрасно расточал свое золото и проливал свою кровь.

Наполеон III и политика национальностей. «Будьте спокойны, — говорил Наполеон III Кавуру на прощанье, — я предчувствую, что нынешний мир долго не продолжится». И действительно, этот романтический теоретик и любитель приключений, мечтал о полном разрушении трактатов 1815 года и о переделке политической карты Европы.

Его родственники, почти все итальянцы, Канино, Пеполи, Чиприани и т. д., просили его притти на помощь их несчастному отечеству. В этом же духе действовали на него и интимно-семейные влияния; его двоюродный брат, принц Наполеон,

как по мотивам личного честолюбия[1], так и по революционному инстинкту, побуждал его выступить в защиту Италии. При этом он прекрасно понимал, что со времени римской экспедиции все его прежние итальянские друзья смотрели на него как на отступника, достойного, по мнению некоторых, даже смерти. И он мог опасаться, что если он не поспешит загладить причиненное Италии зло, то рано или поздно он падет от руки тайного убийцы[2].

С другой стороны, Наполеон III не мог не понимать, что подать сигнал к революции в Италии значило бы встревожить и разгневать папу, которому он вернул светскую власть силой оружия и которому он обещал свою защиту; он рисковал, таким образом, восстановить против себя католическое духовенство, содействие которого было ему необходимо для господства над Францией, и раздражить всеобщее избирательное право, служившее основой Второй империи. Так именно думали вместе с императрицей некоторые его министры, значительная часть Законодательного корпуса и огромное большинство сената.

Но коронованный мечтатель придумал, как ему казалось, верное средство для того, чтобы примирить свои личные симпатии со своими интересами. По его мысли, освобожденная Италия должна была составить не унитарное государство, а конфедерацию, руководимую Пьемонтом, независимую от Австрии и привязанную к Франции по чувству благодарности и по политическим соображениям. Папа, которому пришлось бы только потерять Романью, сохранил бы престол и не нуждался бы больше во французской охране. Но думать, что итальянские монархи, с одной стороны, и итальянский народ — с другой, согласятся на подобную комбинацию; что принцы, находящиеся под австрийским влиянием, позволят вовлечь себя в эту сделку, выгодную только для Пьемонта, или, скорее, для Франции; что нация, призванная устроить свою судьбу, пожелает остановиться на полдороге; что вопрос не осложнится вмешательством заинтересованных держав,— думать так, вызывать бурю и воображать, что в желательный момент удастся поставить ей пределы,— это было непростительной наивностью, за которую Наполеону III и самой Франции пришлось впоследствии жестоко поплатиться.

[1] С момента рождения императорского принца (16 марта 1856 г.) принц Наполеон перестал считаться наследником престола. Поэтому он начал мечтать о какой-нибудь другой короне и не скрывал, что ему очень хотелось бы получить, например, Тоскану.

[2] Против его жизни эмигрантами организовано было уже несколько заговоров в Лондоне и в Париже.

Первые признаки итальянской революции. Вскоре после Парижского конгресса тучи сгустились над небом Италии. Неаполитанский король, поведением которого во время крымской войны Англия и Франция не могли быть особенно довольны, получил от этих двух держав суровые представления по поводу практикуемого им правительственного режима и предложение произвести в нем некоторые перемены. Уверенный в поддержке Австрии, он ответил, что он не допустит постороннего вмешательства во внутренние дела своего государства, совершенно не будет с ними считаться и даже усилит строгость репрессий против своих недовольных подданных. Поэтому, после обмена резкими депешами между Неаполем, Парижем и Лондоном, оба правительства, французское и английское, отозвали своих посланников при неаполитанском дворе (октябрь 1856 г.).

С другой стороны, Наполеон III не мог добиться от папы согласия ни на одну из реформ, лойяльное осуществление которых дало бы, по его мнению, возможность эвакуировать папские владения. Поддерживаемый в своем сопротивлении кардиналом Антонелли и, кроме того, ободренный несомненными успехами, которые сделаны были папством за последнее время в христианском мире[1], Пий IX относился не с бо̀льшим вниманием, чем неаполитанский король, к тем советам, которые позволяли себе давать ему тюильрийский кабинет и которые далеко не поддерживались австрийским правительством. Последнему, само собой разумеется, вовсе не хотелось выводить свои войска из Папской области. Но столь же понятно, что его злая воля только усиливала ту глухую вражду, которую питал к Австрии император французов.

Венский двор ни в каком случае не хотел отказаться от своего преобладающего влияния в Италии. Поэтому он с величайшей подозрительностью следил за всеми шагами Сардинского королевства, которое, чувствуя за собой поддержку Франции, было единственным государством на полуострове, сопротивлявшимся австрийскому влиянию. Когда Кавур в заседании парламента заявил, что скоро наступит день священной войны (май 1856 г.), то австрийское правительство протестовало и объявило смелого министра подстрекателем к революции. Но Кавур, ничуть не смущенный этим обстоятельством, про-

[1] Восстановление католической иерархии в Англии и Италии (1850—1851); установление во Франции выгодной для духовенства свободы среднего и низшего образования (1850); провозглашение догмата непорочного зачатия (1854); заключение конкордата с Австрией (1855) и т. п.

должал свое дело пропагандиста. В 1856 году Манин [1] Паллавичино и Лафарина основали под его покровительством «Национальный союз», который старался объединить в своих рядах все живые силы нации для предстоящей борьбы. В это время Кавур устроил большой морской арсенал в Специи, ускорил постройку Монсениской железной дороги, укрепил Александрию, а для вооружения этой крепости пушками велел открыть публичную подписку, успех которой в Милане и Венеции не предвещал для австрийского правительства ничего хорошего.

Немудрено, что венский кабинет был крайне восстановлен против туринского. Он резко упрекал Кавура в том, что он позволяет пьемонтским газетам нападать на императора Франца-Иосифа и на его министров. Советник Виктора-Эммануила холодно ответил, что «Основной статут» не дает пьемонтскому правительству никакого права налагать узду на печать. Вскоре дипломатические сношения между обоими дворами были прерваны, и война казалась неизбежной (март 1857 г.).

Если она не вспыхнула в тот момент, то только благодаря тому, что Наполеон III не был готов и что некоторые осложнения (невшательский вопрос и вопрос о Дунайских княжествах), наступившие после Парижского конгресса, несколько отвлекли тогда его внимание от итальянских дел. Впрочем, пьемонтское правительство прекрасно использовало эту невольную отсрочку.

Положение дел на полуострове становилось все более серьезным. Раздражение против Австрии и деспотических правительств сделалось в Италии всеобщим. Революционная партия, побежденная в 1849 году и потерявшая тогда своих вождей, изгнанных из отечества, снова стала повсюду проявлять признаки жизни, а Кавур закрывал глаза на ее деятельность в Пьемонте. Его тактика заключалась в следующем: он старался напугать и увлечь Наполеона III тем соображением, что если он не поспешит подать сигнал к войне, то будет опережен народными агитаторами, действующими на полуострове, что он сам, Кавур, и пьемонтский король не в силах будут совладать и что республиканское движение, разразившись в Италии, перейдет и во Францию.

[1] Манин проживал в то время как эмигрант во Франции, но, подобно многим итальянским республиканцам, из патриотических побуждений примкнул к Савойскому дому, который в то время один только и был способен осуществить их мечту о национальной независимости и объединении Италии.

Возвратившийся несколько лет тому назад из Америки Гарибальди [1] открыто сделался одним из вождей «Национального союза», в который он старался внести живую струю. Вечный конспиратор Мадзини находился в Генуе, где ему с трудом удавалось скрыть свое местопребывание. В июне 1857 года по его инициативе в этом городе сделана была попытка к восстанию. По его приказу из этого порта предпринято было несколько экспедиций, причем революционеры высадились в Ливорно, Террачино и на неаполитанском побережье. Правда, все эти экспедиции закончились неудачей, но эти попытки возбудили новое брожение во всей Италии. Кавур пользовался революционным движением, чтобы поддерживать это брожение. Когда сардинское судно, на котором товарищи Мадзини отправились в королевство Обеих Сицилий, было захвачено неаполитанскими властями, то он имел смелость потребовать его возвращения, а после отказа Франциска II занял по отношению к этому государю такое угрожающее положение, как будто хотел вызвать военный конфликт (конец 1857 г.).

Тайный договор в Пломбьере. В таком положении находились дела Италии, когда покушение Орсини (14 января 1858 г.), которому предшествовал целый ряд других заговоров итальянских революционеров против Наполеона III [2], побудил этого государя не откладывать долее решения этого вопроса. В главе V этого тома рассказывается, какое впечатление это событие произвело на Наполеона III; письмо, в котором Орсини перед смертью умолял его вернуть Италии свободу, получило благодаря императору самую широкую огласку [3],

[1] Джузеппе Гарибальди родился в Ницце 4 июля 1807 года; служил сначала в сардинском флоте. Замешанный в патриотическом заговоре (1834), уехал во Францию, находился некоторое время на службе у тунисского бея, затем уехал в Америку (1836), долго сражался за республику Рио-Гранде, а в 1843 году поступил на службу Урагвайской республики, вместе с которой он сражался на суше и на море с Розасом. Страстно преданный идее национальной независимости и объединения Италии, он в апреле 1848 года предложил свои услуги миланскому комитету обороны и во главе легиона волонтеров принял участие в первой кампании Карла-Альберта против Австрии. Генерал римской армии в 1849 году, он принужден был после понесенного его партией поражения снова покинуть Италию, отправился в Соединенные штаты, где он предался промышленным занятиям, затем в Китай (1852), затем в Перу, вернулся в 1854 году в Геную и после того некоторое время командовал торговым судном.

[2] Например, заговор Тибальди в 1857 году.

[3] Он не только разрешил защитнику Орсини, Жюлю Фавру, привести это письмо в своей защитительной речи, но и приказал напечатать его в *Moniteur*'е и, что еще знаменательнее, в правительственной газете Сардинского королевства.

а Кавур, через тайных агентов императора получил приглашение явиться к нему для совещания о будущности Италии.

Тайное соглашение, которое должно было привести к великой войне 1859 года, состоялось между министром Виктора-Эммануила и французским императором в Пломбьере (20—21 июля 1858 г.). Наполеон III и Кавур решили, что Франция и Пьемонт изгонят австрийцев из Италии совместными силами; война должна была начаться весной следующего года; Пьемонт получит Ломбардию, Венецию и, быть может, также герцогства Пармское и Моденское и Романью и таким образом составит государство, насчитывающее от 10 до 12 миллионов жителей; Франция получит Ниццу и Савойю; к Тоскане будут, быть может, присоединены некоторые провинции Папской области; Италия, состоящая, таким образом, всего из четырех государств, составит союзное государство под действительной гегемонией сардинского короля и под почетным председательством папы, как римского государя. Принц Наполеон (которому император подумывал отдать тосканский престол) должен был сочетаться браком со старшей дочерью Виктора-Эммануила. Наконец, сигнал к войне должна была подать только Франция.

Кавур не возражал на эту оригинальную комбинацию. Он надеялся на то, что раз революция начнется, то не в силах Наполеона III будет остановить ее. При этом он прекрасно знал, какими средствами можно возбудить революционное движение, расширить его и придать ему необходимую силу, тем более что в руках его находилось такое могучее оружие, как «Национальный союз». Таким образом, министр Виктора-Эммануила ясно видел, куда он идет, и можно только удивляться, что его царственный соумышленник этого не замечал и давал себя увлечь на это дело.

Прелюдия к великой войне. Из Пломбьера Кавур отправился в Германию; там он мог убедиться, что Пруссия ни в коем случае не станет рисковать войной из-за Австрии, и полный надежд возвратился в Турин, где он открыто, с конца 1858 года, начал готовиться к войне и продолжать вести тайные переговоры с Францией. Что же касается Наполеона III, то его потворство газетам, требовавшим войны с Австрией и освобождения Италии, скоро заставило публику заподозрить истинные его намерения. А вскоре он взял на себя труд самому раскрыть их перед всем миром.

1 января 1859 года на новогоднем приеме дипломатического корпуса в Тюильрийском дворце он обратился к австрийскому посланнику со следующими словами: «Сожалею, что

наши отношения с вашим правительством стали менее дружественными, чем прежде...». Эти слова возбудили в Вене крайнее волнение. Несколько австрийских армейских корпусов было отправлено в Ломбардо-Венецианское королевство, а через несколько дней Виктор-Эммануил говорил в пьемонтском парламенте о тучах, заволакивающих горизонт, о патриотическом долге Сардинии и заявил, что он не может хладнокровно относиться к доносящимся со всех сторон *стонам* угнетенной Италии.

30 января в Турине состоялось бракосочетание принца Наполеона с принцессой Клотильдой. Около того же времени под заглавием «Наполеон III и Италия» вышла брошюра, внушенная императором французов и составлявшая не что иное, как парафраз тайного соглашения в Пломбьере. Наконец, неизбежность войны стала ясна для всех, когда по требованию Кавура сардинский парламент вотировал заем в 50 миллионов, предназначенный для приведения Пьемонта в оборонительное состояние (9 февраля). Войска поспешно стягивались в Италию, и скоро на берегах Тичино собралось около 200 000 австрийцев.

Англия старалась помешать открытию военных действий, так как она опасалась, что война приведет к чрезмерному усилению Франции. Но ее предложение о посредничестве разбилось о сопротивление Наполеона III и русского императора (который в то время горячо желал унижения Австрии). Французский и русский государи в середине марта предложили отдать итальянский вопрос на рассмотрение специального конгресса, что в сущности равносильно было желанию запутать этот вопрос. И действительно, венский двор, уверенный в своей победе [1], потребовал, чтобы Сардиния не была допущена на этот конгресс (в то время как остальные итальянские государства туда допускались) и чтобы она безотлагательно приступила к разоружению.

Туринское правительство всячески старалось довести Австрию до такого раздраженного состояния, при котором голос рассудка умолкает и люди очертя голову кидаются в пропасть. Кавур обратился к итальянским патриотам с громким воззванием, подстрекал пьемонтскую прессу к самым резким выходкам и официально поручил Гарибальди сформировать

[1] Австрия рассчитывала на помощь со стороны Германского союза, а также на благожелательный нейтралитет, а быть может, и на союз с Англией. Кроме того, она считала себя подготовленной к переходу в нападение, и благодаря слухам, распускаемым ее противниками, была убеждена, что они к этому не подготовлены.

корпус волонтеров. Словом, в начале апреля венский двор твердо решил перейти в нападение, и все усилия Англии могли отсрочить приведение этого решения в исполнение только на несколько дней. Кавур, убедившись в том, что Австрия готова совершить эту непоправимую ошибку, счел возможным без всякого риска занять примирительную позицию: 21 апреля он заявил, что примыкает к выставленному лондонским кабинетом принципу *всеобщего разоружения* [1].

В этот момент ему было уже известно, что австрийское правительство решило послать Сардинии ультиматум с требованием безотлагательно приступить *одной* к разоружению под угрозой немедленного открытия военных действий. И действительно, это требование было передано сардинскому правительству 23 апреля; туринскому кабинету давался трехдневный срок, по истечении которого он ответил решительным отказом. Теперь война сделалась неизбежной. Французское правительство поспешило заявить, что оно не оставит союзника на произвол судьбы. Сделанная Англией последняя попытка предложить свое посредничество не увенчалась успехом, и 29 апреля 1859 года австрийские войска под командой Гиулая перешли Тичино; в этот самый момент первые колонны французской армии переходили через Альпы. Австрия начала скверную игру, которую она неизбежно должна была проиграть.

II. ОБРАЗОВАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Наполеон III в Милане. В продолжение 15 дней Гиулай нащупывал почву и не решался двинуться дальше Новары. А когда он захотел, наконец, пойти вперед, то оказалось, что 4 французских корпуса численностью в 100 000 человек и 50 000 солдат Виктора-Эммануила прикрывают столицу Пьемонта. Пятый французский корпус, под командой принца Наполеона, шел на Тоскану, откуда он должен был двинуться на берега По. Наконец, император в своей прокламации от 3 мая гордо заявил о своем намерении освободить Италию *до берегов Адриатического моря*, а затем выехал из Парижа для того, чтобы стать во главе своей армии (10 мая).

Как только он прибыл в Италию, союзники перешли в нападение. На севере Гарибальди со своими *альпийскими охот-*

[1] Пьемонт хотел играть роль защищающейся стороны, так как если бы он первый напал на Австрию, то она получила бы право требовать помощи от Германского союза.

никами обошел австрийцев с правого фланга, овладел Варезе и в несколько недель победоносно дошел до самого Комо. Но решительные удары были нанесены австрийцам не с этой стороны. Когда французская армия сделала вид, что она намерена сконцентрироваться к югу от По и угрожать Пиаченце, то Гиулай с главными своими силами двинулся к этой крепости и столкнулся с неприятелем у Монтебелло, где австрийцы потерпели первую неудачу (20 мая). Этим ложным маневром он открыл миланскую дорогу. Франко-сардинская армия, быстро повернув налево, бросилась к реке Сесии, которую они перешли у Палестро (31 мая), а через 2 дня им удалось переправиться через Тичино у Турбиго и Буффалоры.

Австрийский генерал, который сам отвел свои войска на север, пытался остановить союзников при Мадженте, где в продолжение нескольких часов (4 июня) он успешно боролся с Наполеоном III, который имел при себе только французскую гвардию и одно время подвергался величайшей опасности. Но своевременное прибытие на поле сражения генерала Мак-Магона, который к вечеру атаковал правое крыло неприятеля, превратило поражение императора в блестящую победу.

Через 4 дня, в то время как Бараге-д'Ильер добивал при Меленьяно остатки побежденной армии и отбрасывал их за Минчио, Наполеон III и Эммануил въехали в Милан, и французский император, опьяненный успехом, имел неосторожность обратиться к итальянской нации с воззванием, которому она с величайшей охотой готова была последовать. «Объединитесь, — говорил он жителям полуострова, — с единой целью освобождения вашего отечества. Организуйтесь по-военному, спешите под знамена короля Виктора-Эммануила... и, одушевленные священным огнем патриотизма, будьте теперь прежде всего солдатами; а завтра вы станете свободными гражданами великой страны».

Восстание центральной Италии. В это же время Наполеону III удалось низвергнуть в Англии министерство Дерби (11 июня 1859 г.), которое было заменено министерством Пальмерстона, относившимся с гораздо большей симпатией к делу итальянского освобождения. Французский император вошел в сношения с Кошутом с целью вызвать восстание в Венгрии; одним словом, ему везло, повидимому, во всех отношениях. Но скоро он заметил, что одерживаемые им победы могут причинить ему больше вреда, чем понесенные им поражения. Поддерживая в Италии революционное движение в своих интересах он теперь с изумлением мог констатировать, что оно охватывает центральную часть полуострова и перестает

ему повиноваться; ему пришлось убедиться, что он не в силах удержать его размах и что Кавур, подобно всем итальянским патриотам, стремится вовсе не к созданию итальянского *союза*, а к образованию *унитарного* Итальянского государства.

В конце апреля Тоскана возмутилась и изгнала великого герцога Леопольда, причем она ясно показала, что ничуть не расположена признать принца Наполеона своим государем. В Парме и Модене народ также принудил своих государей бежать (май — июнь 1859 г.). Папские владения, эвакуированные австрийцами после сражений при Мадженте и Меленьяно, заволновались и в несколько дней стряхнули с себя иго папской власти. Папа и молодой неаполитанский король Франциск II, 22 мая наследовавший своему отцу Фердинанду II, должны были вести себя смирно ввиду присутствия в Риме французского гарнизона.

Наполеон III не имел права препятствовать восстаниям, которые прежде всего приводили к усилению франко-пьемонтской армии, но он не мог вместе с тем скрывать от себя, что результатом их будет присоединение восставших областей к Сардинии. В Парме, Модене, Болонье власть находилась уже в руках агентов Кавура[1]. Император французов был смущен и почти совершенно растерялся. От императрицы и министра Валевского он получал самые тревожные доклады о внутреннем состоянии империи, где богатые слои и сельское население под влиянием духовенства начали выказывать крайнее недовольство политикой, противной интересам папы, и о настроении Европы, где грозят якобы возникнуть серьезные осложнения, так как поведение Германии начинает внушать Франции самые тревожные опасения.

Сольферино и Виллафранка. Тем временем австрийская армия получила подкрепление, и во главе ее стал лично Франц-Иосиф[2]; австрийцы двинулись в Минчио и расположились на высотах, тянущихся от Кастильоне до Сан-Мартино. Здесь-то союзники почти неожиданно и столкнулись с австрийской армией. 24 июня завязалось сражение при Сольферино, в котором приняли участие 350 000 человек, растянувшихся по фронту на 5 миль. После 15-часового сопротивления австрийцы, атакованные в центре и с левого фланга французами, а справа пьемонтцами, были снова разбиты и отступили с большими потерями.

[1] Буонкомпаньи во Флоренции, Фарини в Модене, Азелио в Болонье.

[2] По крайней мере, номинально; действительным главнокомандующим австрийской армии был фельдмаршал Гесс.

Союзники одержали, без сомнения, славную победу. Но Наполеон III воспользовался ею только для того, чтобы поспешно предложить Франц-Иосифу мирные условия, своей скромностью изумившие всю Европу. Опечаленный ужасным кровопролитием [1], смущенный перспективой дальнейшей борьбы за линию Минчио и за обладание грозным четырехугольником крепостей [2], где Австрия могла еще долго сопротивляться его усилиям, встревоженный поведением царя, который опасался венгерской революции, и Германского союза, который начал уже мобилизовать свои войска, напуганный раздражением ультрамонтанской партии во Франции, Наполеон III не поколебался взять на себя инициативу переговоров с австрийским императором, который, являясь побежденной стороной и не желая отдавать себя во власть такой сомнительной и требовательной союзницы, как Пруссия, не счел возможным отвергнуть сделанных ему предложений.

8 июля заключено было перемирие, а через 3 дня во время личного свидания обоих императоров в Виллафранке установлены были предварительные условия мирного договора: Ломбардия уступалась Франции, которая в свою очередь переуступала ее Сардинии; Австрия сохранила Венецию; эта провинция должна была войти в итальянскую конфедерацию, которую предполагалось поставить под почетное председательство папы; великий герцог Тосканский и герцог Моденский должны были возвратиться в свои государства; папе предложено будет ввести в своих владениях *необходимые реформы*; и, наконец, лицам, замешанным в последних событиях, даровалась общая амнистия.

Бессилие Наполеона III перед итальянской революцией. Это соглашение явилось полной неожиданностью для Европы, а в особенности для итальянской нации. По общему мнению, Австрия вышла из войны с небольшими потерями, а влияние ее на Апеннинском полуострове осталось попрежнему угрожающим, так как она сохранила в своих руках венецианский четырехугольник и вступила в итальянскую конфедерацию, где к ее услугам были прежние ее вассалы, мелкие государи. Она поддерживала великого герцога Тосканского и герцога Моденского и оказывала им материальную помощь.

Итальянский народ считал Наполеона III изменником и со всех сторон требовал присоединения к Пьемонту. Полу-

[1] Битва при Сольферино стоила одной только французской армии 10 000 человек.

[2] Т. е. четырех крепостей: Верона и Леньяно на Эче и Пескиеры и Мантуи на Минчио.

чив известие о мирном договоре, Кавур впал в величайшее раздражение; 13 июля он с треском подал в отставку и был заменен в министерстве Ротацци. Но в глубине души он сохранил все свое хладнокровие; в качестве частного лица он снова получил полную свободу действий и широко ею воспользовался. Под его влиянием до конца июля во Флоренции, Модене и Болонье учреждены были временные правительства, формально независимые, но в действительности руководимые туринским двором; ободряемые английским правительством, которое теперь относилось к итальянскому делу с большей симпатией, чем Наполеон III[1], они не остановились перед организацией плебисцита (16—20 августа), высказавшегося в пользу присоединения к Сардинскому королевству.

Наполеон III, друг итальянской нации и теоретик всеобщего избирательного права, не решаясь ни одобрить действия революционеров полуострова, ни открыто выступить против них, умолял Пия IX вступить в конфедерацию, произвести реформы и предоставить своим владениям автономию. В то же время он послал в Тоскану и Эмилию дипломатических агентов с тем, чтобы убедить временные правительства добровольно подчиниться условиям Виллафранкского договора; в этом духе он печатал заметки в *Moniteur*'е и писал Виктору-Эммануилу (20 октября).

Но напрасны были все его усилия. Римская курия отказывалась произвести какие бы то ни было реформы до тех пор, пока население Романьи не изъявит полной покорности. Жители восставших областей отвечали, что Наполеон III не спрашивал у них совета при заключении Виллафранкского договора, а, следовательно, постановления его для них не обязательны. Сардинский король, с своей стороны, указывал на то, что если он станет противодействовать желаниям патриотов, то он сам будет низвергнут революцией; что Гарибальди и его товарищи в таком случае провозгласят в Италии республику, а такой пример может оказаться заразительным[2]. Если он и не разрешил своему родственнику, принцу Кариньь-

[1] Английский министр иностранных дел Джон Россель в циркуляре от 27 июля высказался за очищение французами Папской области и за признание за населением центральной Италии права свободно располагать своей судьбой. Англии выгодно было эксплоатировать недовольство итальянцев против Наполеона III и содействовать образованию не какой-нибудь конфедерации, стоящей в вассальных отношениях к Франции, а сильного государства, независимого и от Австрии и от Франции и способного при случае послужить для этой последней державы источником затруднений или беспокойств.

[2] В сентябре правительства Флоренции, Болоньи и Модены составили лигу и выставили армию, которая находилась под революционной командой Гари-

янскому, отправиться в Модену, куда его приглашала для занятия должности регента Центрально-итальянская лига, то вместо него он позволил поехать туда Буонкомпанье, который, как всем это стало прекрасно известно, был не чем иным, как агентом пьемонтского правительства.

Одним словом, присоединение центральной Италии к Пьемонту было фактически осуществлено. И в это самое время уполномоченные Франции, Сардинии и Австрии, собравшиеся в Цюрихе, философски заключали три договора, имевших целью обеспечить исполнение виллафранкских предварительных условий (10 ноября). Правда, эти новые конвенции формально не постановляли, как это было сделано в предварительном договоре, чтобы лишенным престола итальянским принцам возвращены были их прежние владения, но они определенно оговаривали их права. Окончательное решение по этому вопросу должен был постановить специальный конгресс, созванный императором французов. Но будет ли когда-нибудь созван такой конгресс, это подлежало большому сомнению, так как Англия хотела, чтобы итальянцам предоставлена была полная свобода решать вопрос о возвращении принцев; итальянцы и слышать не хотели об этих принцах, а Австрия ставила свое участие на конгрессе в зависимость от предварительного их восстановления в своих правах.

Наполеон III, Кавур и Туринский договор. Наполеон III сам сделал невозможным созыв этого конгресса, совершив неожиданно новый поворот, чтобы выйти из того смешного положения, в которое он себя поставил. Убедившись в неизбежности присоединения итальянских областей к Пьемонту, он решил приспособиться к обстоятельствам и попытаться по крайней мере извлечь из них какую-нибудь выгоду. Он начал с распространения (в декабре 1859 г.) анонимной брошюры («Папа и конгресс»), в которой папе предлагалось отказаться от значительнейшей части своей светской власти; затем он обратился к Пию IX с письмом, в котором он советовал ему уступить хотя бы Романью (31 декабря). Папа ответил резкой энцикликой, в которой противники его светской власти объявлялись достойными такой же анафемы, как и противники его духовной власти (18 января 1860 г.).

Но Наполеон III, мало этим смущенный, вошел в соглашение с английским правительством, причем оба они признали

бальди и росла со дня на день. В октябре Гарибальди обратился с воззванием ко всей Италии, открыв подписку на покупку миллиона ружей, и объявил о своем намерении двинуться на Мархию и на Королевство Обеих Сицилий.

принцип невмешательства в итальянские дела и законность присоединений итальянских государств к Пьемонту, если этого присоединения потребуют правильно избранные собрания. С другой стороны, он подготовлял возвращение к власти Кавура и присоединение к Франции Савойи и Ниццы, которых он не решался требовать в 1859 году и которые должны были послужить платой за новые его уступки сардинской политике. 20 января 1860 года Кавур снова сделался президентом совета министров; 27 января он объявил о своем намерении созвать парламент, в котором провинции центральной Италии будут представлены наравне со старыми пьемонтскими провинциями, а 3 февраля император публично высказал ту мысль, что если центральная Италия будет присоединена к Пьемонту, то и Франция имеет право на округление своих границ со стороны Альп.

Сначала это развитие произвело в Англии несколько дурное впечатление, но скоро англичане успокоились при мысли о том, что проявленная Францией по отношению к Италии требовательность несомненно поведет к охлаждению существовавшего между обеими странами согласия. Исходя из таких же соображений, Австрия также решила не препятствовать присоединению Савойи и Ниццы к Франции. Таким образом, для осуществления своего плана Наполеону III приходилось только принять некоторые предосторожности, обусловливаемые тем деликатным положением, в которое Кавур, соглашаясь на уступку обеих провинций, ставил себя перед итальянской нацией вообще и пьемонтским народом в частности.

Кавур, чтобы не лишиться своей популярности в стране, хотел выступить в роли человека, действующего по принуждению. Император французов согласился исполнить его желание и для соблюдения формы обратился к сардинскому королю с предложением отказаться от Тосканы и удовольствоваться званием наместника папы в церковных владениях. В ответ на это предложение туринский кабинет сослался на принцип народного верховенства и на плебисцит: население Тосканы, Эмилии и Папской области, приглашенное этим кабинетом высказать свое мнение, почти единогласно вотировало (15—20 марта) присоединение вышеупомянутых областей к Сардинскому королевству.

Виктор-Эммануил выразил свое согласие с этим решением, а 2 апреля созван был новый парламент. А в таком случае Кавуру приходилось поступиться Ниццей и Савойей. Так как он продолжал разыгрывать роль человека, никак не могу-

щего притти к определенному решению, то Наполеон III послал к нему специального агента, Бенедетти, которому поручено было говорить решительным языком. Виктор-Эммануил и Кавур приняли вид людей, уступающих своего рода ультиматуму, и заключили, наконец, в Турине (24 марта 1860 г.) договор, которым эти две провинции предоставлялись Франции с тем условием, что население их будет опрошено. Этот плебисцит состоялся 15 и 22 апреля и высказался за присоединение к Франции.

Новая армия папы; Ламорисьер. «Теперь вы сделались нашими соумышленниками», — весело сказал хитрый министр французскому уполномоченному при подписании трактата 24 марта. Это глубокое замечание оправдано было дальнейшим ходом событий. После всего, что за последнее время произошло в Италии, все прекрасно понимали, что римское и неаполитанское правительства не могут быть уверены в завтрашнем дне. Наполеону III очень хотелось бы спасти их от гибели, но он хотел также, чтобы они, с своей стороны, сделали для своего спасения все необходимое, а между тем эти правительства, совершенно ослепленные, казалось, употребляли все усилия для ускорения роковой развязки.

Папа отлучил от церкви Виктора-Эммануила и его министров — мера, которая рикошетом задела несколько и Наполеона III (26 марта). Пий IX старался возбудить против императора французских епископов; чтобы не нуждаться в императорских войсках (которые император и сам рад был бы отозвать), он с большим треском организовал состоявшую из хвастунов и скандалистов армию, которая пополнялась французскими легитимистами и публично *манифестировала* в честь *Генриха V*. Начальство над этой армией он поручил декабрьскому изгнаннику, заклятому врагу императора, генералу Ламорисьеру; он высокомерно отклонил предложенную ему французским правительством субсидию и гарантию территориальной неприкосновенности, равно как новую просьбу произвести необходимые реформы (апрель 1860 г.). Раздосадованный император готов был, повидимому, отозвать свои войска, но он опасался, чтобы Кавур не воспользовался удалением французского гарнизона из Рима и под предлогом каких-нибудь новых «стонов» не приступил к новым освобождениям и территориальным захватам.

Гарибальди в Сицилии. Неаполитанское правительство держалось еще более неблагоразумной и непримиримой политики, чем римская курия. Преемник «короля-бомбы», невежественный и ограниченный юноша, находившийся в полной

власти жестокой и подлой камарильи, искал спасения исключительно в деспотизме, шпионаже и терроре. В продолжение целого года он не обращал никакого внимания на советы Наполеона III, который рекомендовал ему дать своим подданным конституцию и сблизиться с Сардинией. А между тем во всей стране господствовало величайшее брожение, и скоро в Сицилии вспыхнуло восстание (5 апреля 1860 г.). Это движение послужило сигналом к решительной кампании в пользу итальянского единства, предпринятой вскоре после того революционной партией.

В Генуе, куда со всех сторон стекались волонтеры на призыв Гарибальди, последний открыто сформировал экспедиционный корпус, во главе которого он намерен был отправиться на возмутившийся остров. Кавур и Виктор-Эммануил, которые при желании могли бы помешать ему выполнить свое намерение, закрывали глаза на его действия, оставляя за собой право в случае удачи устранить его и самим воспользоваться плодами его победы под предлогом спасения Италии и Европы от гидры анархии. Таким образом, отважный Гарибальди в ночь с 5 на 6 мая мог посадить свой небольшой отряд (менее 2 000 человек) на два корабля, услужливо пропущенные пьемонтской эскадрой адмирала Персано, а 11 мая он высадился со своими волонтерами в Сицилии. Здесь Гарибальди в несколько дней собрал вокруг себя целую армию; население целиком перешло на его сторону, и вся экспедиция была для него сплошным рядом успехов. В начале июня он после отчаянной борьбы овладел Палермо, а в конце того же месяца весь остров, за исключением Мессины и некоторых второстепенных пунктов, очутился в его власти.

Революция в Неаполе. По получении известий об этой экспедиции некоторые державы, в том числе и Франция, заволновались и начали упрекать Кавура в соучастии с Гарибальди. Он отрицал справедливость последнего обвинения, но при этом заметил, что если Австрия и Франция не запрещают своим подданным поступать на службу к неаполитанскому королю или к папе, то совершенно естественно, что Сардиния не относится с большей строгостью к тем из своих подданных, которые выступают в защиту угнетенного народа. Когда неаполитанский король, незадолго до того обращавшийся за помощью к Наполеону III, решил по совету последнего предложить союз Сардинии, то Кавур поставил вопрос, имеет ли для Виктора-Эммануила смысл компрометировать свою популярность в Италии для того лишь, чтобы укрепить шатающийся трон одного из своих злейших врагов.

Во всяком случае он формально не отверг предложения неаполитанского короля, но он хотел заключить с ним союз лишь при том условии, что Франциск II даст своим подданным конституцию и немедленно введет ее в действие. Неаполитанский король обнародовал эту конституцию 30 июня, но никто не относился к ней серьезно. Придворная камарилья советовала юному королю нарушить данное слово и устраивала абсолютистские манифестации, которые вызвали повсюду беспорядки, не сулившие династии ничего хорошего. В конце июля король объявил, что обещанные им выборы в парламент откладываются на неопределенный срок. С его стороны это было в полном смысле слова актом самоубийства; его собственные генералы, советники и родственники начали его оставлять и ему изменять, а подавляющее большинство его подданных с нетерпением обращало свои взоры к Мессинскому проливу.

Гарибальди, получивший от Виктора-Эммануила официальное приглашение остановиться, ответил, что, к величайшему сожалению, он вынужден ему не повиноваться (27 июля). После такого категорического отказа король счел благоразумным больше не настаивать. Французское правительство охотно отправило бы к Мессинскому маяку эскадру, но Англия, получив от туринского кабинета уверение, что никаких новых территориальных уступок Франции сделано не будет, не усматривала никакого неудобства в дальнейшем расширении Пьемонта. Она напомнила Наполеону III, что он в свое время признал принцип невмешательства в итальянские дела, и император французов, который в этот момент особенно нуждался в дружественных отношениях с лондонским кабинетом [1], в конце-концов отказался от мысли помешать походу Гарибальди.

Таким образом, последний мог 8 августа 1860 года переправиться через Мессинский пролив. Тюильрийский кабинет удовольствовался рассылкой дипломатической ноты, в которой он возлагал на Англию ответственность за серьезные события, могущие произойти в Италии. Лондонский двор, который не желал ссориться ни с Францией, ни с Австрией, поспешил заявить, что он будет считать незаконным всякое нападение Гарибальди на Рим или на Венецию. Но разве мог кто-нибудь поручиться, что такого нападения не произойдет?

Гарибальди быстро приближался к Неаполю. Всеми оставленный Франциск II отступил к Гаете. На следующий день

[1] По случаю китайских и сирийских дел.

Гарибальди торжественно без всякого эскорта вступил в город Неаполь, окруженный ликующей толпой, учредил там временное правительство и объявил о своем намерении двинуться дальше на север. Он говорил, что хочет провозгласить Виктора-Эммануила королем Италии с высоты Квиринала. В то время, как казалось, Гарибальди находился всецело под влиянием демократической партии, Мадзини приехал в Неаполь; друзья его собрались вокруг диктатора, и итальянская революция, начавшаяся во имя монархии, грозила закончиться торжеством республики.

Кавур и его «соучастник»; сражение при Кастельфидардо и его последствия. Кавур, сильно желавший остановить Гарибальди, из опасения, что он своими крайностями способен погубить итальянское дело, отправил к Неаполю, даже до удаления оттуда Франциска II, несколько кораблей и 2—3 тысячи «берсальери», которые высадились на берег по отъезде короля, но не могли и думать о том, чтобы преградить дорогу революционной армии и ее вождю. Кавур сумел извлечь величайшую выгоду из осложнения, предупредить которое он был не в состоянии. В конце августа он отправил к Наполеону III, путешествовавшему тогда по Савойе, своего коллегу министра Фарини и генерала Чиальдини, которым поручено было объяснить императору необходимость остановить Гарибальди, готового двинуться на Рим; они должны были также убедить его в том, что Франция, не имея возможности повернуть свои пушки против итальянской революции или позволить Австрии произвести контрреволюцию, а с другой стороны, не желая впутываться в новую войну с этой державой, должна предоставить Сардинии спасти монархический порядок.

Пьемонтская армия должна была двинуться к неаполитанской границе, а для этого ей приходилось перерезать Мархию и пройти по местности, охраняемой Ламорисьером. Возникал вопрос, считать ли это нарушением международного права? Разве папская армия не угрожала открыто бывшим папским владениям и Тоскане? Разве население Мархии не зовет к себе Виктора-Эммануила? Наполеон III помнил компрометирующие обязательства, которыми он связал себя перед Кавуром и доказательства которых последний имел в своих руках; а папой он был доволен менее чем когда-либо. Поэтому он дал понять, что, будучи принужден на словах выражать неодобрение новой пьемонтской политике, он на деле мешать ей не станет. «*Fate presto*, действуйте быстро!» сказал он посланцам Кавура и, как бы желая избежать зрелища готовящихся событий, поспешил уехать в Алжир.

Действовать быстро! Да, именно таково и было намерение Кавура. 7 сентября он потребовал от папского правительства роспуска армии Ламорисьера, и раньше даже, чем отказ его мог прибыть в Турин, Чиальдини перешел границу Умбрии. Через несколько дней папские войска были разбиты при Кастельфидардо (18 сентября), а затем их предводитель, осажденный в Анконе, принужден был сдаться на капитуляцию (29 сентября). Так как французы занимали Рим и небольшую территорию, известную под названием «Наследие св. Петра», то пьемонтцы их не тронули; но они заняли Умбрию, Мархию и к началу октября достигли границы королевства Обеих Сицилий.

Хотя Пьемонт и не был в войне с неаполитанским королем, сардинские войска перешли все-таки эту границу. Действия Гарибальди возбуждали в сардинском правительстве все более сильное беспокойство; диктатор, казалось, намеревался отложить плебисцит в Неаполитанском королевстве в пользу Пьемонта вплоть до завоевания Рима. Он управлял, как ему хотелось, следуя указаниям окружавшей его революционной партии, которая не питала особенной симпатии к Кавуру и даже к сардинскому королю. А сам Гарибальди требовал удаления великого пьемонтского министра в отставку. Чтобы положить конец действиям Гарибальди, Кавур созвал в Турине парламент, который первым делом должен был уполномочить короля присоединить к своим владениям недавно занятые папские провинции и королевство Обеих Сицилий.

Притом войска Франциска II перешли в нападение и на берегу Волтурно причинили Гарибальди тяжелые потери; своей нерешительной победой при Капуе (1 октября) он обязан был исключительно помощи прибывших из Неаполя «берсальери». Таким образом, с точки зрения Кавура, движение генерала Чиальдини к Неаполю вызывалось двойной необходимостью. В циркуляре, обращенном к европейским дворам, сардинский министр оправдывался тем соображением, что, покинув свою столицу, Франциск II фактически отрекся от престола, а следовательно, никто ничего у него не отнимает; да притом должно же спасти Италию от грозящей ей анархии. С итальянской нацией он говорил другим языком: по его словам, Виктор-Эммануил должен был считаться с голосом народа, который призывал его со всех сторон.

В это время пьемонтский король уже направлялся в Неаполь. 21 октября королевство Обеих Сицилий торжественным плебисцитом признало его своим королем, и то же самое сделала Мархия. А через несколько дней он встретился с Гари-

бальди, который без особенной охоты, но все же лойяльно уступил ему свое место. Тем временем Франциск II, выбитый из своих позиций на берегу Вольтурно пьемонтскими войсками, заперся в единственной оставшейся в его руках крепости Гаете и собирался оказать там решительное сопротивление, пытаясь вместе с тем резкими, но бесплодными протестами заинтересовать в своей судьбе Европу.

Европа и Итальянское королевство. Французское правительство для соблюдения приличий сочло нужным выразить свое неудовольствие и отозвало из Турина своего посланника; но оно оставило там поверенного в делах, показывая этим, что разрыв не носит серьезного характера. Берлинский кабинет ограничился чисто-платоническим протестом по поводу последних действий Кавура и нисколько не обиделся, когда Сардинский министр ответил ему: «Я подал пример и уверен, что Пруссия в скором времени с удовольствием ему последует».

Но австрийское правительство сделало вид, будто намерено воспользоваться этим случаем для объявления Пьемонту войны, и оно наверно напало бы на Виктора-Эммануила, если бы могло с уверенностью рассчитывать на согласие России. Но хотя царь и не одобрял ограбления неаполитанского короля, он мог обещать Австрии благожелательный нейтралитет лишь в том случае, если бы Виктор-Эммануил взял на себя инициативу нападения, да и то *в согласии с императором французов.* А так как Наполеон III заявил ему, что он ни в коем случае не поможет Сардинии напасть на Австрию и намерен только гарантировать Пьемонту — при всех обстоятельствах — выгоды, обеспечиваемые ему Виллафранкским договором, то Александр II при личном свидании в Варшаве убедил Франца-Иосифа не начинать войны (22—26 октября), и австрийский император, во владениях которого замечалось общее брожение, не счел нужным настаивать на своих воинственных проектах.

Около того же времени (27 октября) английское правительство, в лице Джона Росселя, высказалось в пользу народов, признавших Виктора-Эммануила своим королем, и начало поддерживать положение, гласящее, что нации имеют право во всякое время переменить свое правительство. Выставляя такой принцип, Россель имел, главным образом, в виду Наполеона III, признанного апостола народного суверенитета и всеобщего избирательного права; английский министр хотел доставить себе коварное удовольствие побить Наполеона III собственным его оружием.

Император французов проявлял еще некоторую заботливость по отношению к неаполитанскому королю из желания угодить папе, который открыто принял сторону Франциска II; вместе с тем, обеспечивая этому принцу личную свободу, Наполеон III оставлял себе возможность несколько смутить спокойствие Виктора-Эммануила. Перед Гаэтой крейсировала французская эскадра, не позволявшая сардинскому флоту блокировать эту крепость с моря. Но Англия во имя принципа невмешательства не замедлила потребовать удаления этой эскадры, и Наполеон III, который из-за китайских и сирийских дел снискал расположение Великобритании, поспешил дать ей удовлетворение в этом вопросе (19 января 1861 г.). С этого момента крепость Гаэта обречена была на гибель; 13 февраля она принуждена была капитулировать, а Франциск II уехал в Рим к Пию IX, который считал за честь оказать гостеприимство сыну Фердинанда II, доставившего ему самому убежище в Гаэте в 1848 году.

Блестящая судьба савойского дома составляла резкий контраст с плачевной участью этого жалкого принца. Все присоединившиеся к Пьемонту области приглашены были выбрать своих депутатов; первый итальянский парламент собрался в Турине (18 февраля 1861 г.) и провозгласил Виктора-Эммануила королем Италии. Политика Кавура принесла свои плоды, и политическое объединение полуострова стало совершившимся фактом. Правда, восстановленному итальянскому отечеству недоставало еще Рима и Венеции, но великий министр был полон веры в будущее. Поэтому он не поколебался 27 марта побудить палату депутатов в принципе объявить Рим столицей Италии.

III. ВЕНЕЦИЯ И РИМ

Пий IX и политика «non possumus». Сторонник «свободной церкви в свободном государстве», Кавур не отчаивался убедить папу в необходимости добровольного отказа от последних остатков светской власти. Через посредство аббата Стеллярди, доктора Панталеони и о. Пассалия, он старался доказать Пию IX, что за отказ от незначительной и обременительной светской власти он будет щедро вознагражден теми гарантиями, которыми Италия обставит его духовную власть. Для Ватикана эти аргументы не представляли никакого значения, но они имели некоторый успех в Тюильри, так как Наполеону III сильно хотелось раз навсегда покончить с вопросом

об оккупации Рима. При этом он тщательно избегал ссоры с католической церковью.

Смерть Кавура, скончавшегося почти скоропостижно 6 июня 1861 года, поразила Европу и глубоко опечалила Италию. Император французов, не желая усиливать того затруднительного положения, в которое эта потеря способна была поставить Виктора-Эммануила, поспешил признать новое королевство. Затем организацией строгого надзора в папских владениях он помог ему уничтожить в неаполитанских провинциях шайки бандитов, действовавших во имя Бурбонов и получавших помощь из Рима благодаря Франциску II и папе; только с величайшим трудом генералу Чиальдини удалось справиться с этими разбойничьими шайками (июль—сентябрь 1861 г.).

Заменивший в министерстве Кавура Рикасоли нашел самую энергичную поддержку при римской курии в лице французского посланника при Ватикане, Лавалетта. 11 января 1862 года французское правительство поручило своему послу запросить курию, не согласится ли она, не отказываясь формально от своих прав, «на фактическую сделку, которая вернет внутренний мир католической церкви и привлечет папу к участию в торжестве итальянского патриотизма». Но статс-секретарь папы ответил, что в этом отношении «ни Пий IX, ни кто-либо из его преемников не согласится во веки-веков ни на какие уступки».

Раттацци и Гарибальди в 1862 году. Этот категорический отказ «non possumus» вызвал, естественно, во всей Италии величайшее волнение. Революционная партия снова вышла на улицу и начала подготовлять новую вооруженную экспедицию. Национальный комитет Provedimento начал подготовлять угрожающие манифестации за Венецию и Рим, а Гарибальди собирался снова двинуться в поход. Рикасоли старался ничего не замечать; поэтому французское правительство лишило его своей поддержки и радостно приветствовало переход власти в руки Раттацци, который занял пост первого министра в марте 1862 года.

Раттацци, которым сильно дорожили и Наполеон III и Виктор-Эммануил, принял решительные меры для подавления революционной агитации. Тюильрийский кабинет счел поэтому своим долгом притти к нему на помощь и поручил Лавалетту формально предложить римской курии следующий компромисс: в территориальном отношении в Италии сохраняется status quo; папа, не отказываясь от своих прав, отныне будет пользоваться властью только в пределах «Наследия

св. Петра»; между Римом и Турином возобновляются дипломатические сношения; католические державы совместными силами обеспечивают папе приличный цивильный лист; наконец, они гарантируют ему обладание Римом и оставшейся в его руках территорией, если он согласится предоставить своим подданным реформы, соответствующие духу времени (30 мая 1862 г.).

И на эту программу Антонелли ответил категорическим отказом. И в то же самое время Пий IX в речи, обращенной к 250 епископам, уже предвосхищал ту анафему, которую он через 2 года произнес против всех без исключения принципов Революции (10 июня).

Эти выходки раздражали Наполеона III, который начал относиться к туринскому кабинету с удвоенной любезностью. Благодаря ему, Итальянское королевство было в июне 1862 года признано Россией, а вскоре после того и Пруссией, так что уже в то время можно было предвидеть те дружественные отношения, которые впоследствии должны были установиться между берлинским двором и итальянским правительством.

Положение, занятое министерством Раттацци, было сразу разрушено Гарибальди, который твердо решился итти на Рим и на которого никакие уговоры не действовали. 19 июля смелый партизан высадился в Сицилии с 1 500 волонтеров, а вскоре после того он переправился через Мессинский пролив и объявил о своем намерении вторгнуться в папские владения. Итальянское правительство поспешило преградить ему дорогу, но могло остановить его только ружейными выстрелами; Гарибальди был ранен и взят в плен при Аспромонте (27 августа), а небольшой его отряд рассеялся. Герой был увезен в Специю, где оказалось, что, благодаря нанесенной ему ране, он утратил способность свободно двигаться; спустя некоторое время он был амнистирован.

Наполеон III и реакционная политика. Вскоре после того кабинет Раттацци воспользовался той корректностью, с которой он вел себя в этом случае, для того чтобы объявить Европе (циркуляром от 10 сентября 1862 г.), что «вся нация требует своей столицы и что современное положение дел, сделавшееся совершенно невыносимым, повлечет для королевского правительства самые нежелательные последствия, способные самым серьезным образом нарушить спокойствие Европы и религиозные интересы католицизма».

Это заявление, холодно встреченное Россией и Пруссией и враждебно — Австрией, вызвало рукоплескания британского кабинета, который был весьма доволен затрудни-

тельным положением Франции. Что же касается Наполеона III, то он в глубине души рад был бы уступить желанию итальянского народа. Принц Наполеон и сторонники последнего старались повлиять на него в этом именно смысле; но императрица, Валевский и вожди консервативной партии всеми силами старались удержать его от такого шага. Они указывали императору на то, что клерикальная оппозиция, составившаяся против него во Франции с 1859 года, может оторвать от него значительную часть страны на выборах 1863 года. Поэтому император круто повернул назад, отозвав Бенедетти из Турина, а Левалетта из Рима, передал портфель иностранных дел Друэн де Люису, который пользовался симпатией римской курии (15 октября), и сообщил туринскому кабинету, что в настоящий момент не находит возможным удовлетворить те предложения, которые содержатся в циркуляре от 10 сентября.

Результатом этого заявления было падение министерства Раттацци (5 декабря). Виктор-Эммануил должен был составить деловой кабинет и занять выжидательное положение. Франко-итальянская дружба казалась фактически разрушенной.

Новый поворот; конвенция 15 сентября 1864 года. В течение всего 1863 года и части 1864 года итальянское правительство (при министерствах Фарини и Мингетти) занято было, повидимому, исключительно внутренними затруднениями (приведением в порядок финансов, закрытием монашеских орденов и т. п.). В тот же самый период внимание великих держав поглощено было польским и датским вопросами. Известно, что связанные с ними события сильно уронили и дискредитировали французское правительство. Наполеон III вел себя настолько бестактно, что успел восстановить против себя одновременно и Россию, и Пруссию, и Австрию; одно время он мог даже опасаться, что эти державы соединятся против него и восстановят священный союз. А так как в тот момент он по целому ряду причин не мог ждать никакой помощи от Англии, то у него оставался тогда единственный возможный союзник: это — Италия.

Поэтому он снова повернул фронт и в июне 1864 года возобновил дипломатические сношения с Турином, прерванные в 1862 году. На этот раз дипломатические агенты Виктора-Эммануила, поддерживаемые принцем Наполеоном, Бенедетти и Лавалеттом, остерегались требовать Рима, но они напоминали Наполеону III про его обещание *освободить Италию от Адриатического моря.* На это император возра-

зил, что он может отдать итальянцам Венецию не иначе, как после войны с тремя северными державами. Пеполи и Нигра не стали настаивать, но они позволили себе заметить, что если Италия сама не начнет войны, то она раньше или позже подвергнется нападению со стороны Австрии, и в таком случае ей безусловно необходима в полном смысле слова *стратегическая* столица, находящаяся в безопасном месте, и Флоренция, прикрываемая рекой По и Апеннинами, представляет гораздо больше безопасности, чем Турин.

Французское правительство не стало противоречить. Тогда итальянские дипломаты начали доказывать, что перемещение правительства в Тоскану произведет на всем полуострове самое дурное впечатление и что если итальянцам, страстно желающим иметь Рим своей столицей, суждено еще пережить такое глубокое разочарование, то было бы справедливо доставить им хоть некоторое утешение в виде прекращения оккупации Папской области чужеземными войсками. При этом, как объясняли дипломаты, светская власть папы не подвергается ровно никакой опасности; Виктор-Эммануил не коснется папских владений, а в случае нужды станет даже защищать ее от всяких посягательств.

Наполеон III только и ждал убедительных аргументов. Таким-то путем и заключена была конвенция 15 сентября 1864 года, по которой Италия обязалась не нападать на владения папы и даже защищать их от всяких покушений, а Франция обещала отозвать свои войска, когда будет организована собственная армия папы, но во всяком случае не позже двухлетнего срока. Папа мог сформировать эту армию в той форме, в какой ему заблагорассудится, но с тем непременным условием, что она ни в каком случае не могла быть превращена в орудие нападения на Италию. Наконец, Италия должна была принять на себя известную долю долга бывших церковных владений.

Этот договор был, очевидно, преисполнен недомолвок и задних мыслей. Если бы в Риме вспыхнула революция, которую итальянскому правительству нетрудно было вызвать, то оно поспешило бы, конечно, занять город под предлогом *восстановления порядка*. Но в предвидении этой возможности французское правительство, с своей стороны, оставило за собой полную свободу вмешательства. Одно время казалось, что сентябрьская конвенция послужит залогом примирения между Италией и Наполеоном III, но впоследствии оказалось, что она-то окончательно поссорила их друг с другом.

Пий IX и Силлабус. Этот договор, который император заключил, не посоветовавшись предварительно с римской курией, должен был, естественно, привести папу в крайнее негодование. Пий IX дал на этот акт такой ответ, который должен был значительно усилить затруднительное положение французского императора. 8 декабря 1864 года он обнародовал энциклику «Quantacura», к которой приложен был «Силлабус», заключавший ряд положений, которые папа от имени католической церкви предавал анафеме как нечестивые и еретические. Это двойное profession de foi, проникнутое средневековым духом, было коренным отрицанием всех современных вольностей; оно осуждало с грубой и наивной откровенностью элементарные принципы публичного права, провозглашенные Францией в 1789 году и в конце-концов признанные вслед за ней почти всеми европейскими государствами (в частности — Италией).

Прусско-итальянский союз. Опубликование папского манифеста, который Виктор-Эммануил обошел презрительным молчанием, но которым Наполеон III был крайне раздражен (так как он усилил наглость французского духовенства), снова сблизило Францию и Италию. Чтобы ослабить нетерпение итальянцев, для которых обладание Римом попрежнему составляло предмет самых пылких желаний, Наполеон III выразил готовность облегчить им приобретение Венеции; для достижения этой цели он не объявил войны Австрии, а просто помог Италии сблизиться с Пруссией, которая, по окончании войны за герцогства, искала ссоры с Австрией.

Незадолго до того Виктор-Эммануил поставил во главе министерства генерала Ламармору, известного «пруссомана», а испытанный друг Италии, Бенедетти, отправлен был в Берлин в качестве французского посланника (октябрь 1864 г.). Между Бисмарком и Наполеоном III уже происходили совещания относительно основательной перетасовки границ европейских государств.

Около средины 1865 года прусский канцлер, уверенный, что ему удастся убедить своего государя решиться на войну с Австрией, обратился к Ламарморе с формальным предложением союза, условия которого были быстро выработаны между берлинским и флорентинским дворами. Но в решительный момент король Вильгельм, мучимый угрызениями легитимистской и консервативной совести, предпочел вступить в переговоры с Австрией, которая, испугавшись прусско-итальянского сближения, согласилась на Гаштейнскую конвенцию (14 августа 1865 г.).

Италия, напрасно скомпрометировавшая себя и так благородно оставленная на произвол судьбы, сначала выказала крайнее недовольство, которое разделялось и Наполеоном III. Последний начал тайные переговоры с Австрией и силился ее убедить, что в ее интересах лежит добровольная уступка Венеции Виктору-Эммануилу, так как ей в таком случае не придется воевать одновременно на два фронта, с Пруссией и с Италией (сентябрь 1865 г.). Но Франц-Иосиф отклонил предложение как оскорбительное для своей чести. Напротив Бисмарк вскоре после того снова приехал в Биарриц для того, чтобы постараться обойти императора французов. Наполеон III, с одной стороны, увлеченный этим великим соблазнителем, а с другой — воображая, что он, когда захочет, сумеет одурачить Бисмарка и в удобный момент выступить в качестве верховного посредника между Австрией и Пруссией, снова согласился на союз Виктора-Эммануила с Вильгельмом для завоевания Венеции.

Во второй раз австро-прусская война, казалось, должна была разразиться с минуты на минуту, когда сделалось известным, что в Берлин прибыл генерал Говоне, которого Ламармора командировал в прусскую столицу под предлогом ознакомления с прусской фортификационной системой, а на самом деле для заключения союза с прусским правительством (9 марта 1866 г.). Но на этот раз Италия решила принять все меры предосторожности. По договору, заключенному 8 апреля 1866 года, Италия обязалась со всеми своими силами атаковать Австрию, но только после того, как Пруссия нападет на нее первой. Последней предоставлено было выбрать удобный момент для объявления войны; но если бы война не началась в трехмесячный срок, то итальянское правительство имело право считать договор недействительным. Союзники обязались не заключать мира один без другого и не слагать оружия до тех пор, пока Италия не получит Венецию, а Пруссия не добьется такого же территориального расширения в Германии. Наконец, прусский король должен был дать Виктору-Эммануилу субсидию в 120 миллионов.

Кампания 1866 года и присоединение Венеции. Разрыв снова был замедлен дипломатическими осложнениями. Политика Наполеона III принимала все более запутанный и противоречивый характер. Он снова начал таинственные переговоры с Австрией и 12 июня заключил с ней тайный договор, благодаря которому он надеялся склонить Италию к отдельному соглашению с Австрией, за что последняя уступила бы ей Венецию. Бисмарк, опасаясь отпадения Италии от Пруссии,

решил ускорить открытие военных действий, которые и начались в Германии 16 июня.

Тогда итальянская армия немедленно была мобилизована, и в то время как Гарибальди во главе корпуса волонтеров собирался вторгнуться в Тироль, два значительных корпуса регулярных войск двинулись на Венецианскую область, один через Минчио, а другой — через нижнее течение По (20 июня). Но первая (и более сильная) итальянская армия, наступавшая в крайнем беспорядке под начальством Ламарморы, наткнулась на известных уже высотах при Кустоцце па эрцгерцога Альбрехта и была разбита наголову (24 июня). Эта неудача, постигшая итальянцев при самом начале военных действий, не предвещала для них ничего хорошего. Но через несколько дней пруссаки одержали громкую победу при Садовой (3 июля), и итальянцы подняли голову.

На другой же день после сражения при Садовой растерявшаяся Австрия поспешила обратиться к посредничеству Наполеона III и предложила уступить ему Венецию, которую он, со своей стороны, должен был переуступить Италии. Императору французов очень хотелось склонить Италию к прекращению военных действий и таким образом принудить Пруссию к заключению мира; но для этого ему пришлось бы произвести вооруженную демонстрацию, которую он не мог или не смел сделать. Италия воспользовалась его бездействием (или бессилием) и осталась верна Пруссии; несмотря на испытанные ею неудачи, она вовсе не хотела слагать оружия. Если бы Пруссия была побеждена, то она, конечно, вела бы себя совершенно иначе и поспешила бы принять предлагаемую ей Наполеоном III Венецию. Но после Садовой она считала своим долгом не проявлять уступчивости; мысль о поражении при Кустоцце мучила итальянцев, и они страстно желали восстановить честь своего знамени и овладеть Венецией силой оружия.

Кроме того, итальянцы не довольствовались одной Венецианской областью; им хотелось овладеть Триентом и даже Триестом. Они протестовали против стремления Франции унизить их и держать их под своей опекой; поэтому они отвергли всякие предложения о перемирии и 8 июля снова попытались вторгнуться на венецианскую территорию (где, впрочем, они неприятеля не нашли). Но если они не встретили сопротивления па суше, то они были не так счастливы на море, где флот их, которым они рассчитывали воспользоваться для высадки на Иллирийском берегу, был совершенно разбит при Лиссе

австрийским адмиралом Тегетгофом (20 июля) [1]. В довершение разочарований через несколько дней после этой битвы, а именно 26 июля, Пруссия, которая, благодаря неожиданной поддержке Наполеона III, получила полное удовлетворение в вопросе о территориальном расширении, без совета с Италией заключила с Австрией перемирие в Никольсбурге, за которым скоро последовал Пражский мир (24 августа).

Италия была глубоко возмущена этим новым предательством; она протестовала, но тщетно. Бисмарк ответил, что ей обещана была помощь в деле завоевания Венеции — и больше ничего; но ведь обладание этой областью ей обеспечено. Наполеон III отправил в Венецию генерала Лебёфа для того, чтобы передать эту область после плебисцита итальянцам; таким образом, Виктор-Эммануил принужден был подписать 10 августа предварительные условия мира, а через некоторое время (3 октября 1866 г.) — подтверждавший их окончательный договор. Итальянский народ не скрывал своего неудовольствия, и — что всего удивительнее — главное его раздражение обратилось против Франции; а между тем последняя подарила Италии область, которую она сама не в силах была завоевать.

Римский вопрос в 1867 году. Испытанное Италией унижение лишь разжигало в ней желание загладить неприятное воспоминание захватом Рима, от которого она никогда не отказывалась. Теперь для полноты территориального объединения ей недоставало только столицы; она громко требовала присоединения Рима. В начале 1867 года она с тем большей решительностью и смелостью начала выставлять свои требования, что к этому времени с достаточной определенностью выяснилось политическое банкротство Наполеона III, губившего в бесплодных переговорах с Пруссией и тот последний престиж, который еще оставался у него после сражения при Садовой.

В разгар Люксембургского кризиса [2] Раттацци снова сделался президентом флорентинского кабинета (10 апреля 1867 г.). Этот министр, нравившийся императору, не переставал расточать ему уверения в своей преданности; но когда Наполеон III предложил ему союз, то он постарался отделаться пустыми фразами и заявил, что в конфликте между двумя своими

[1] Командовавший итальянским флотом адмирал Персано впоследствии был обвинен в том, что не исполнил во время этого сражения своего долга, и был предан военному суду, который приговорил его к лишению чинов.

[2] Как известно, в начале апреля 1867 года вопрос о Люксембурге чуть было не привел к столкновению между Францией и Пруссией.

ГАРИБАЛЬДИ ДЖУЗЕППЕ
1807—1882

благодетельницами, Францией и Пруссией, Италия никак не может принять чью-либо сторону. На самом деле Раттацци не хотел действовать ни в пользу одной, ни в пользу другой; все его помыслы сосредоточились на овладении Римом. Гарибальди открыто стремился возбудить волнения в папских владениях и организовал новые отряды; министр не мешал ему, уверенный в том, что франко-прусский конфликт даст ему несомненно возможность безнаказанно водрузить знамя итальянского единства на берегах Тибра.

Правда, этот конфликт был задержан лондонской конференцией (май 1867 г.), и савойскому дому пришлось отложить осуществление своих проектов, но он не отказался от своих надежд. Но гарибальдийская агитация не прекращалась; прусское правительство поддерживало ее, так как в его интересах было сеять недоразумение между флорентинским кабинетом и Наполеоном III. Раттацци, с своей стороны, не ставил помех Гарибальди и, продолжая во всеуслышание заявлять о точном соблюдении сентябрьской конвенции, с другой стороны, объяснял императору французов, что он не может, не рискуя вызвать революции, принять резких мер, так как итальянская нация упорно желает иметь Рим своей столицей.

Наполеону III очень хотелось раз навсегда покончить с римским вопросом, мучившим его как неотступный кошмар, но он ни с чьей стороны не встречал помощи. В конце 1866 года он предложил великим державам созвать специальный конгресс для решения этого вопроса, но это предложение осталось безрезультатным. Римская курия упорно продолжала отказывать своим подданным в каких бы то ни было либеральных реформах. В июне 1867 года Пий IX добился от 450 епископов полного признания доктрин, выраженных им в Силлабусе, и поговаривал о созыве вселенского собора, который должен был провозгласить догматом католической церкви не только это изумительное учение, но и принцип непогрешимости папы.

Но все эти провокации не могли, казалось, поколебать благожелательного настроения французского правительства, которое, желая угодить папе, позволяло себе в то время такое вольное толкование сентябрьской конвенции, что флорентинский кабинет должен был сделать ему самые серьезные представления. Дело в том, что на папской службе находились тогда несколько тысяч французов, называвших себя добровольцами, но на самом деле большей частью выходивших из рядов французской армии, причем некоторые из них состояли даже на действительной службе; среди их начальников многие были офицерами, причисленными к французским войскам и

получившими от своего правительства разрешение поступить на папскую службу с сохранением всех своих прав. Это был так называемый «Антибский легион», так как он открыто сформировался в городе Антибе, имел там свое депо и продолжал вербовать новых рекрутов. В июне — июле 1867 года состоявший на действительной службе французский генерал [1] открыто устраивал этому легиону смотры в Риме, переформировал его и обращался к нему с речами, не оставлявшими никакого сомнения относительно соучастия Тюильри с Ватиканом [2].

Раттацци протестовал против этого мошенничества. Наполеон III обещал отказаться от всякой солидарности с Антибским легионом, но с своей стороны жаловался на гарибальдийских волонтеров, которые с каждым днем все более приближались к римской территории. Флорентинский кабинет отделывался общими словами, но не предпринимал никаких мер против движения Гарибальди. К этому моменту отношения между Францией и Пруссией снова сильно обострились; недоставало только толчка, и Гарибальди взял на себя задачу подать сигнал.

Гарибальди при Ментане. В начале сентября старый партизан отправился в Женеву, где под его председательством должен был состояться «Конгресс мира», на который съехались представители самых передовых революционных идей в Европе. На всем пути народ толпами стекался при его проезде. «Будьте готовы, — говорил он им, — избавиться от *vomito negro*; смерть черной породе! Пойдем в Рим разрушить это змеиное гнездо; необходима решительная чистка». Не менее резким языком он говорил и в Швейцарии: «Вы нанесли первый удар чудовищу, — сказал он женевцам, — Италия в сравнении с вами отстала... *Наш долг пойти в Рим, и мы скоро туда пойдем*».

Тюильрийский двор, в котором усиление революционной партии начинало возбуждать живейшее беспокойство, хотел положить конец этим зажигательным воззваниям. Поэтому, когда возвратившийся в Италию Гарибальди приблизился к пределам папских владений, то французское правительство потребовало, чтобы он был лишен возможности двигаться дальше. Раттацци повиновался и приказал отправить Гарибальди на Капреру, где за ним, по словам министра, учрежден был строжайший надзор. Но Наполеон III торжествовал недолго. Через несколько дней после описанного происшествия

[1] Генерал Дюмон.

[2] *A. Débidour*, Histoire diplomatique de l'Europe, т. II, гл. IX.

(28 сентября) гарибальдийские отряды вторгнулись на папскую территорию и в несколько недель достигли почти самого Рима.

Раттацци поспешил, конечно, заявить, что он не при чем во всей этой истории, и предложил занять папские владения одновременно итальянскими и французскими войсками (13 октября), на что Наполеон III, находившийся тогда всецело под влиянием ультрамонтанской партии, ответил просто требованием, чтобы Раттацци принял меры к соблюдению неприкосновенности римской границы. Итальянский министр немедленно подал в отставку (21 октября), и раньше, чем Чиальдини успел составить по поручению короля новый кабинет, Гарибальди бежал с острова Капреры; снова появился в Тоскане, затем во Флоренции, где он издал прокламацию к итальянцам (22 октября), открыто выехал в специальном поезде к своим войскам, вступил в пределы папских владений и дошел до стен Рима.

На этот раз Наполеон III больше не колебался. Войска, собранные за несколько недель до того в Тулоне, получили приказ немедленно сесть на корабли; а 30 октября французский авангард уже вступал в Рим. Во всей Италии господствовало сильнейшее возбуждение. После Чиальдини, не успевшего выполнить возложенное на него поручение, генерал Менабреа наскоро составил новое министерство и для удовлетворения общественного мнения с своей стороны послал в папские владения несколько итальянских полков. 3 ноября папские войска наткнулись при Ментане на гарибальдийцев; они были почти разбиты, но спасены французами, которые нанесли вождю «красных рубашек» решительное поражение. «Шасспо совершили чудеса», — телеграфировал французский генерал Файи.

Кардинал Антонелли потребовал, чтобы теперь французские войска обратились против солдат Виктора-Эммануила, но французский генерал не послушался его советов, притом Менабреа поспешил отдать приказ об эвакуации занятых итальянцами пунктов церковной территории. В то же самое время он приказал (на этот раз серьезно) арестовать Гарибальди, сторонники которого немедленно рассеялись. Но желая доказать, что в патриотизме он не уступит Гарибальди, он 9 ноября разослал циркуляр, в котором во всеуслышание провозглашал неотъемлемое право Италии на обладание Римом,

Новые колебания Наполеона III. Наполеон III очутился в более затруднительном положении, чем когда-либо. Что было ему делать? Продолжать оккупацию папских владений?

Италия этого бы ему не простила. Снова эвакуировать их? Но в таком случае клерикальная партия объявила бы ему войну не на живот, а на смерть. Он снова заговорил тогда о европейском конгрессе, но слишком многие державы (а в особенности Пруссия и Венгрия) были заинтересованы в затруднительном положении Наполеона III, и эта идея не имела никаких шансов на успех. Кроме того, французский министр Руэр, для того чтобы угодить клерикальному большинству Законодательного корпуса, имел неосторожность взять на себя обязательство никогда не допускать итальянцев в Рим; таким образом, вопрос был предрешен, и конгресс сделался совершенно бесполезен. «От имени французского правительства, — воскликнул оратор, — мы заявляем, что Италия не овладеет Римом. Никогда Франция не допустит этого посягательства на свою честь и на католический мир» (5 декабря).

С этого момента для дружественных отношений между парижским и флорентинским кабинетами не могло быть места, точно так же не могло быть больше речи о европейском решении этого вопроса, и о нем перестали говорить. Сентябрьская конвенция 1864 года осталась простым воспоминанием; французские войска продолжали охранять папу, а Италия прониклась враждебным чувством к французскому народу, купившему ее свободу своей собственной кровью, и стала дожидаться его несчастья, которое должно было позволить ей без риска вступить во владение Римом.

Италия и австро-венгерская политика в 1868 и 1869 годах. Однако некоторые политические деятели не отказались от надежды не только сблизить, но и связать узами тесной дружбы парижский и флорентинский кабинеты. В течение двух лет, предшествовавших франко-немецкому конфликту 1870 года, в этом направлении неоднократно делались серьезные усилия. Первая попытка в этом смысле сделана была австрийским правительством, которое в управлении Бейста, ярого противника Бисмарка, мечтало о реванше за Садовую, а для подготовления этого реванша считало сближение с Францией наиболее верным средством. Наполеон III, который со времени своих неудач 1866 и 1867 годов так же помышлял о решительной войне против Пруссии, охотно готов был соединиться с Францем-Иосифом и предложил ему свой союз.

В 1868 году переговоры приняли более определенную форму. Бейст уже и тогда не скрывал, что союз Франции с Австрией невозможен без участия Италии; в союзе с одной Францией Австрия не решалась начинать войну с Пруссией: она опасалась нападения Италии с фланга, так как она пом-

нила, что в 1866 году Италия намеревалась отнять у нее Триент, Триест и Истрию и знала, что она попрежнему готова была требовать предоставления ей этих территорий. Между тем, если бы Австрии удалось помирить Виктора-Эммануила с Наполеоном III и если бы Франция и Италия составили с Австрией тройственный союз, то война с Пруссией не представляла бы никакой опасности. А для того чтобы привлечь на свою сторону Италию, необходимо было дать ей возможность овладеть Римом; Бейст, с своей стороны, ничего не имел против такого исхода, так как в рассматриваемый момент он был недоволен римской курией и ничуть не был заинтересован в защите светской власти папы.

Присоединение Наполеона III к подобной программе было бы тем естественнее, что в это время он имел больше чем когда-либо оснований быть недовольным папской политикой. 26 июня 1868 года Пий IX созвал, наконец, на 8 декабря следующего года вселенский собор, с помощью которого он намеревался провозгласить догмат папской непогрешимости и санкционировать доктрины Силлабуса. Порывая с исторической традицией церкви, он не пригласил на собор посланников католических правительств, среди которых посланник Франции должен был бы занять первое место. А через несколько месяцев (в феврале 1869 г.) *Civiltà cattolica*, официальный орган Ватикана, изложил в совершенно определенных выражениях программу предстоящего собора. «Эта программа, — как заметил один современный историк, — сводилась к признанию безусловной власти католической церкви над обществом, к полному подчинению всех политических и гражданских прав и всех светских властей власти непогрешимого папы. Это равносильно было полному отрицанию духа и текста положительных законов, давно уже действующих во всех цивилизованных государствах» [1].

Французская демократия не могла понять, как мог Наполеон III, заявлявший себя «сыном Революции», охранять своими солдатами авторов подобных теорий. Но этот государь, колебавшийся, как всегда, между двумя политическими принципами, хотя и делал значительные уступки либеральной партии (особенно после общих выборов 1869 года), не решался открыто порвать с ультрамонтанами, пленником которых он сделался уже давно. В середине 1869 года тайные переговоры, клонившиеся к созданию тройственного союза, готовы были, повидимому, привести к положительному результату. Камнем

[1] Юлиус Целлер в сочинении «Пий IX и Виктор-Эммануил».

преткновения, о который разбилась эта комбинация, явился римский вопрос. Наполеон III не соглашался удовлетворить требование итальянцев; поэтому переговоры между тремя державами были прерваны, причем они (в августе) ограничились неясным обещанием придерживаться общей политики, а Италия и Австрия оставили за собой право объявить нейтралитет в том случае, если Франция несвоевременно возьмет на себя инициативу войны.

Через несколько месяцев Бейст, убежденный в неизбежности франко-прусской войны и не желая быть против своей воли вовлеченным в этот конфликт Наполеоном III, задумал заключить с флорентинским кабинетом договор, по которому Италия и Австрия должны были выжидать событий, а в удобный момент выступить в роли вооруженного посредника между воюющими сторонами. Наполеон III не только прекрасно знал об этих переговорах, но даже выказал готовность содействовать их благополучному концу. Эрцгерцог Альбрехт в начале 1870 года прибыл в Париж для ознакомления с военной организацией Франции. «Любопытно, что он оставался вполне ею доволен, что без всякого сомнения немало способствовало ослеплению Наполеона III, которое французский император вскоре обнаружил, вызвавши войну с Пруссией. Но политика Бейста наталкивалась на упорное сопротивление Наполеона III желанию итальянцев овладеть Римом. И таким-то образом она парализовалась вплоть до наступления катастрофы, положившей конец Второй империи [1].

Наполеон III и Ватиканский собор. Заседания собора открылись в декабре 1869 года. Папа собственной властью и деспотически установил порядок его занятий, оставив ему только то, что католическая церковь называет «свободой добра». Он намеревался провести на этом соборе не только догмат папской непогрешимости, но и канон (схема *De Ecclesia*), который, медиатизируя всех епископов в пользу верховного первосвященника и санкционируя принципы Силлабуса, являлся немаловажным посягательством на власть светского государства. Тюильрийский кабинет, который имел больше всех остальных правительств оснований опасаться подобных притязаний, одно время под влиянием министра иностранных дел, графа Дарю, хотел было потребовать допущения на собор французского посланника и счел нужным пригласить христианские державы к совместному противодействию папской политике. Но последние, вследствие ли индиферентизма или по зложелательству, не откликнулись на его призыв.

[1] *A. Débidour*, Histoire diplomatique de l'Europe, т. II, гл X.

Римская курия не обращала на него никакого внимания; он не мог даже добиться от нее права представить собору меморандум от имени французского правительства. Тогда он попытался расшевелить и увлечь за собой хотя бы Австрию и Италию, но первая из этих держав не хотела ничего предпринимать без второй, а последняя упорно домогалась Рима. В Тюильри возникла было мысль отказаться от всякой солидарности с Ватиканом, но на такую крайнюю меру французское правительство не решилось. Дарю вышел в отставку (апрель 1870 г.). С этого момента императорское правительство сочло благоразумным держаться пассивной политики, заявив, что оно оставляет за собой «свободу оценки дальнейших действий» (июнь). Через 6 недель (в июле) собор вотировал *De Ecclesia* и догмат папской непогрешимости. Теперь папа, сделавшийся неограниченным владыкой католической церкви, мог лишиться остававшегося еще в его руках клочка земли: ему принадлежало полмира; не было ни одного католического государства, в котором он с помощью послушного и дисциплинированного духовенства не мог бы по желанию вызвать смуты и которое не принуждено было бы считаться с ним более чем когда-либо.

Итальянская политика в июле и августе 1870 года. В этот именно момент осужденный роком Наполеон III объявил войну Пруссии, пустившись в эту авантюру без всяких союзников. 11 июля Австро-Венгрия объявила ему, что она не даст себя увлечь в войну и что возлагает на него самого всю ответственность за серьезное решение, которое он собирался принять. Что же касается флорентинского двора, которому французское правительство снова сделало предложение (16 июля), то он отказался вступить с ним в союз за то, что оно не соглашалось отдать Италии Рим. Италия могла добиться от императора только согласия на отозвание французских войск из папских владений и на восстановление сентябрьской конвенции (20 июля). Но она надеялась через посредство австровенгерского правительства вырвать у него согласие на жертву, которую до сих пор Франция не хотела принести.

В это время Бейст употребляет величайшие усилия для того, чтобы осуществить, наконец, тот австро-итальянский союз, мечту о котором он давно уже лелеял, и в конце июля не мог считать себя близким к достижению цели. Было условлено, что оба государства соединят свои силы для вооруженного посредничества и что Австрия пошлет свои войска не только в Силезию, но и в Баварию, куда, с своей стороны, двинутся итальянские войска. Но Франц-Иосиф и Виктор-Эммануил

просили дать им 6 недель на мобилизацию своих армий и хотели перейти к активным действиям не раньше, чем французы вторгнутся в южную Германию. Наконец, Наполеон III должен был допустить вступление итальянцев в Рим.

Последнее условие погубило весь план. Сторонники светской власти папы старались объяснить императору, что если он выйдет из войны победителем, то Италия вступит с ним в союз и без Рима, а в противном случае он не добьется итальянского союза ни за какую цену. В тот момент, когда Наполеон III выезжал из Парижа к своей армии (28 июля), ничего еще не было решено. Итальянский агент Вимеркати отправился в Мец для личного свидания с императором; принц Наполеон, с своей стороны, присоединил свои усилия к усилиям дипломатии. Но все это было бесполезно; еще 5 августа император не мог притти ни к какому определенному решению. На следующий день французская армия потерпела полное поражение при Рейхсгофене, а через 8 дней пруссаки проникли уже в сердце Франции.

«Виктор-Эммануил находился в театре, когда ему сообщили про постигшую французов катастрофу. «Бедный император! — воскликнул король *galantuomo*, — бедный император! Но я-то, чорт побери, ловко вывернулся!» Понятно, что с этого момента о союзе не могло уже быть и речи. «С побежденными не заключают союза», — сказал Наполеону III один из его министров. Тщетно император 8 августа обратился за помощью к тем государям, для которых он был в течение многих лет защитником и другом. Виктор-Эммануил выражал полное сочувствие несчастью Франции, но прятался за свои обязанности конституционного короля. А его министерство не желало притти на помощь Наполеону III. Виктор-Эммануил вооружался, но лишь для того, чтобы захватить Рим, которым он давно уже надеялся овладеть без всякого риска» [1].

Чтобы раз навсегда положить конец французским ходатайствам, Виктор-Эммануил внушил лондонскому кабинету (10 августа) первую идею нейтральной лиги, которая быстро составилась и к которой Италия официально примкнула 19 августа. Но Наполеон III, который чувствовал, что империя рушится благодаря иностранному нашествию, с одной стороны, и под влиянием революционного движения, с другой, не хотел все-таки терять надежду. Он все еще верил в помощь Италии, которую он так любил и которая могла его спасти. Он послал во Флоренцию (19 августа) принца Наполеона,

[1] *A. Débidour*, Histoire diplomatique, т. II, гл. X.

чтобы в последний раз попытаться подействовать на Виктора-Эммануила, но и эта попытка, подобно предыдущей, закончилась неудачей. Но даже в эту критическую минуту император не решался выразить свое согласие на занятие Рима итальянцами. А между тем они с большей энергией, чем когда бы то ни было, пером Висконти-Веноста (29 августа) заявили, что они считают себя вправе занять *свою столицу*.

Занятие Рима. Поражение Наполеона III под Седаном и революция 4 сентября позволили, наконец, итальянцам овладеть Римом без всякого риска. Французские войска еще раньше оставили папские владения. 6 сентября флорентинский кабинет сообщил правительству национальной обороны, что отныне он не считает себя связанным сентябрьской конвенцией, а французское правительство, не входя в обсуждение вопроса с юридической стороны, предоставило Италии полную свободу действий. 8 сентября Виктор-Эммануил послал Пию IX ультиматум; папа, как и следовало ожидать, решительно отказался вступать с флорентинским правительством в какие бы то ни было переговоры.

Старый папа прекрасно понимал, что он не в силах помешать итальянцам занять Рим. Но он считал вопросом чести не отрекаться от своих прав добровольно и уступить только насилию. При известии о приближении генерала Кадорна, на которого возложена была угрожавшая папе военная экзекуция, он приказал запереть и забаррикадировать городские ворота. Но когда итальянцы пушечными ядрами пробили брешь в воротах *Pia*, папа не пожелал подвергать бесполезному риску своих последних защитников и приказал вывесить белый флаг на замке святого ангела. Таким образом, Кадорна спокойно овладел (20 сентября) Римом, а Пий IX в качестве добровольного пленника заперся навсегда в Ватикане. Через несколько дней (2 октября) население небольшого папского государства почти единогласно вотировало присоединение этой территории к Итальянскому королевству.

ГЛАВА VIII

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

1852—1870

Германия от 1852 до 1855 года. Революционное движение 1848 года в Германии выдвинуло лозунги объединения и свободы, и эта сложность программы явилась, быть может, одной из причин поражения революции. Сторонники германского единства, не столько обескураженные своим конечным поражением, сколько возбужденные своей временной победой, внимательно вдумались в свое положение, признали свою относительную слабость и ограничили свои пожелания.

Их гнев был бы бессилен, если бы победители намерены были просто вернуться к прежнему положению вещей; но второстепенные немецкие государи, не успевшие еще вполне оправиться от пережитых ими треволнений, вывели из постигших их испытаний то заключение, что необходимо дать некоторое удовлетворение народным требованиям. Они начали требовать от сейма активных действий, к которым он не был способен ни по своему происхождению, ни по своему характеру; этим путем они поддерживали агитацию, которая в конечном счете обратилась против них самих, так как они возбуждали надежды, удовлетворить которые они были бессильны. Австрия после событий последнего времени относилась к Пруссии с величайшим недоверием, в такой же степени преувеличивая свои силы; она уже не довольствовалась моральным авторитетом и косвенным воздействием, которое она оказывала во времена Меттерниха, и хотела превратить франкфуртский сейм в орудие своего господства; при всей доброй воле Фридриха-Вильгельма IV Пруссия не могла позволить себя «майоризировать» и согласиться на отводимое ей подчиненное положение. Сер-

дечная дружба обоих крупных немецких государств, продолжавшаяся от 1815 до 1848 года и составлявшая основное условие существования Германского союза, уступила место нескончаемому соперничеству, которое с неизбежной необходимостью вело к конфликту между ними. В этой борьбе Пруссия имела на своей стороне сочувствие образованных слоев, а ее честолюбивые стремления нашли для себя благоприятную почву в развитии демократических идей в Европе и в принципе национальностей. Дипломатический гений Бисмарка сумел использовать эти благоприятные условия в интересах величия своего отечества, а Роон и Мольтке доставили своему государю военные средства, необходимые для преодоления тех препятствий, которые ставились его честолюбивым планам традициями и враждебными интересами.

Чтобы оправиться от оцепенения, либералам понадобилось несколько лет; в период 1851—1859 годов реакция торжествовала победу без стыда и ограничения, а монархи, соединившиеся с дворянством и духовенством для борьбы с революционными идеями, решили обезопасить себя от новых сюрпризов путем копирования правительственных приемов Второй империи. Все граждане, так или иначе замешанные в последних событиях, были взяты под надзор и подверглись самым оскорбительным преследованиям; тысячи либералов принуждены были покинуть страну, а другие, придя в отчаяние и павши духом, устранились от всяких общественных дел.

Чиновники, подчиненные режиму шпионажа, заботились только о том, чтобы угодить своему начальству, хотя бы путем самого низкого холопства. Уровень общественной нравственности понизился, а общественное самосознание притупилось; целый ряд скандальных процессов, из которых наибольшую известность получил процесс Вальдека в Берлине, доказал глубокое нравственное падение администрации.

Еще живее ощущалась в Германии религиозная реакция. Обратившийся в христианство еврей Шталь, который до самой своей смерти оставался теоретиком «партии Крестовой газеты», провозгласив, что наука «должна сделать налево кругом», осуждал терпимость, «дочь нечестия», и утверждал, что свобода совести «отчасти виновна в том процессе разрушения и разложения, который характеризует современное состояние умов и грозит спокойствию Европы». Суровая ортодоксия пыталась подавить дух анализа и свободного исследования; в литературе повеяло ветром пиетизма и реакции: Оскар фон-Редвиц воспевал в слащавых и напыщенных поэмах

какой-то ханжеский мистицизм; Виктор Штраусс в своих «Письмах о политике» (1853) выставлял в качестве идеала человечества Мекленбург, где феодальные учреждения сохранились во всей своей чистоте; Риль под предлогом организации народа проповедывал возвращение к корпорациям и кастам.

В Пруссии реакция отличалась такой же жестокостью и нелепостью, как и в остальных государствах. Фридрих-Вильгельм IV, отчасти по соображениям порядочности, отчасти из опасения окончательно восстановить против себя германских либералов, наконец, и по желанию консерваторов, которые видели в конституции гарантию против возможных превратностей судьбы и капризов монарха, не отменил хартии; но он так ловко ее переделал, что она оставляла ему полную «свободу осуществления своей власти».

Палата депутатов, не имевшая даже права вотировать налоги, являлась просто совещательным собранием, состоявшим из людей, которых ландраты рекомендовали в качестве кандидатов запуганным избирателям; в палате 1855 года насчитывалось 72 ландрата. Власть принадлежала «юнкерам» и клике «Крестовой газеты»; Герлах, советник Нибур, Зенфт фон Пильзах, Клейст-Ретцов, Редерн, Массов, Лео, генерал фон Гребен, Штольберг, пользуясь громадным влиянием на короля и уверенные в палате господ, сумели вернуть дворянству все привилегии, поколебленные было конституцией; они настолько злоупотребляли своей властью, что в конце-концов восстановили против себя часть чиновников и ожесточили средние классы; борьба партий с особенной резкостью проявилась во время крымской войны, когда либералы старались склонить правительство к заключению союза с западными державами, тогда как феодалы не хотели отделяться от России.

Крымская война. Президент совета старался лавировать между враждующими сторонами; это был как бы робкий опыт той политики, которую впоследствии с таким блеском практиковал Бисмарк. Стараясь одинаково угодить и восточным и западным соседям, Мантейфель маневрировал так, чтобы заслужить признательность России, которая представлялась ему не столь грозной и более надежной, и в то же время не отнимать окончательно надежды у Франции и Англии. Король хотя в общем и разделял взгляды своего министра, тем не менее по временам ставил его в затруднительное положение; он не отличался достаточным хладнокровием и неоднократно готов был нарушить тактику нейтралитета.

Зато министр нашел драгоценного союзника в лице Бисмарка, который, будучи назначен посланником Пруссии при франкфуртском сейме, скоро отказался от своих иллюзий относительно Австрии и, убедившись, что рано или поздно придется силой оружия оспаривать у нее господствующую роль в Германии, намерен был сохранить все силы Прусского королевства для этой решительной борьбы. Он сгруппировал вокруг себя представителей всех мелких дворов, которые ни в коем случае не желали порывать с царем, и пользовался ими «как тормозом для противодействия воинственным стремлениям Австрии».

«Германия слишком тесна для Австрии и Пруссии, — писал Бисмарк в своем известном «Мемуаре» 26 апреля 1856 года. — Поэтому в близком будущем нам придется отстаивать против Австрии наше право на существование, и не от нас зависит избежать конфликта; течение событий в Германии не допускает другого исхода». Уже тогда он предвидел, что политическая группировка, обусловленная восточным вопросом, имеет чисто временный характер; против Австрии и Англии, представлявших status quo, стояли Франция и Россия, желавшие переделать карту Европы; Бисмарк предвидел, что они постараются сблизиться, и советовал «броситься в их союз очертя голову».

Фридрих-Вильгельм IV относился к Наполеону со смешанным чувством; его недоверчивое отношение к Франции не исчезло, но он отдавал должное императору за то, что он подавил революцию, и его привлекала к Наполеону известная общность взглядов и темперамента. Благодаря императору французов он попал на Парижский конгресс; а его поведение в Невшательском вопросе еще больше тронуло прусского короля.

Невшательское княжество с 1814 года входило в Швейцарский союз, продолжая в то же время принадлежать прусскому королю; в 1848 году радикалы провозгласили там республику, а все протесты короля против этого переворота ни к чему не приводили. В 1856 году некоторые роялисты попытались произвести контрреволюцию; но они были без труда рассеяны, и против них возбужден был швейцарским правительством скандальный процесс. Король в отчаянии потребовал их освобождения, а после отказа Швейцарии пришел в ярость и начал говорить о войне; одним словом, попал в крайне неудобное положение. В то время как Австрия по своей бестактности ставила ему одно препятствие за другим, Наполеон вмешался в эту историю и добился от Швейцарии

таких уступок, которые дали Фридриху-Вильгельму возможность совершить почетное отступление (май 1857 г.).

Несмотря ни на что, Фридрих-Вильгельм, чрезвычайно недовольный той поддержкой, которую встречали у Австрии проекты союзной реформы, выдвигавшиеся второстепенными немецкими дворами и явно направленные против Пруссии, относился все-таки к Габсбургам с умилением и глубоким уважением, пережившим все испытания. Теперь, как и в 1850 году, его невозможно было склонить к энергичной политике, вдобавок не допускавшейся внутренним положением Пруссии. В администрации господствовало глубокое разделение, а немецкие либералы с негодованием отворачивались от страны, отданной в руки господ Нибуров и Герлахов.

После потрясений, пережитых королем в 1848 году, здоровье его значительно ухудшилось; нервное раздражение, выражавшееся в смене крайнего возбуждения меланхолической прострацией, закончилось осенью 1857 года рядом припадков, окончательно разрушивших его разум и волю. В продолжение целого года королева Елисавета и феодалы судорожно цеплялись за власть и убедили благочестивого брата короля, Вильгельма, прикрывать их правление своим именем. Это междуцарствие еще ухудшило положение дел. Реакционеры, чувствуя, что власть ускользает из их рук, удвоили свои требования и провокации; либералы, которые думали, что наступил желанный миг свободы, не скрывали своего нетерпения. Вильгельм понял, что необходимо выйти из этого неопределенного положения; он потребовал, чтобы ему предоставлено было действительное руководство политическими делами, и взял в свои руки управление страной с титулом регента (7 октября 1858 г.).

Регентство принца Вильгельма. Итальянская война. Принц Вильгельм родился в 1797 году. Он не был выдающейся личностью, и самые убежденные его панегиристы могли приписывать ему титул «Победоносный», но не «Великий»; он не обладал ни пылкой фантазией, ни обольстительным обращением своего брата; зато он отличался способностью к усидчивому труду, упорством в преследовании своих проектов, твердой волей, умением угадывать людей и пользоваться их талантами для осуществления своих целей. Ему недоставало инициативы, и он был решительно неспособен придумать тот поражающий своей простотой план, который ему рекомендовал Бисмарк, и те тонкие приемы, с помощью которых ему удалось его осуществить; но раз приняв этот план, что иногда удавалось не без упорной борьбы, он держался его

с непоколебимой твердостью и самоотвержением и шел к его осуществлению с редким постоянством.

Легенда, представляющая Бисмарка новым Ришелье, грешит преувеличением, почти искажающим действительность. Без сомнения, в общем деле объединения Германии прусский министр сыграл преобладающую роль; но еще требуется доказать, что его усилия могли бы увенчаться такой решительной победой без личного вмешательства монарха, который поддерживал и развивал дальше его начинания. Вильгельм обладал чрезвычайно развитым чутьем действительности, уважением к прошлому и культом своей династии; подобно всем людям своего поколения, он верил, что Германии суждено играть в мире выдающуюся роль, если только она останется под гегемонией Пруссии и признает верховенство Гогенцоллернов, которым сам бог предназначил эту высокую миссию.

Ему было уже 60 лет, когда он взял в свои руки бразды правления; к этому моменту он испытывал некоторую усталость и упадок духа. Во время крымской войны ему очень хотелось наказать Россию за ту помощь, которую она некогда оказала Шварценбергу; но ему не пришла на ум более утонченная месть Бисмарка, который предназначил для Александра II и Горчакова роль восприемников новой Германской империи. Его политика навлекла на него яростные нападения «партии Крестовой газеты»; и это привело к недоразумению, имевшему самые серьезные последствия.

Либералы восторженно приветствовали его приход к власти, который, по их мнению, должен был привести к господству конституционного режима. Некогда Вильгельм боролся с реформаторскими стремлениями своего брата; но когда реформы все-таки были проведены, то Вильгельм, не любивший отстаивать потерянные позиции, примирился с совершившимся фактом, по он решил так же «точно исполнять данные обещания, как и отвергать все то, что не обещано». Он отрицательно относился к тому употреблению, которое Фридрих-Вильгельм сделал из своей власти из нежелания ослабить силу монархии; он полагал, что король должен стоять выше партий, и сожалел, что брат его сделался орудием в руках феодальной котерии; с своей стороны, он отнюдь не намерен был править от имени буржуазии, а тем менее стать в зависимое от нее положение. На парламент он смотрел, как на совещательное собрание, и полагал, что во всех важных вопросах последнее слово должно принадлежать монарху. Между ним и либералами существовало принципиальное

разногласие, и конфликт рано или поздно должен был разразиться.

Сначала либералы старались не задевать его заветных чувств. На выборах 1858 года они поставили за правило устранять таких кандидатов, с именами которых связаны были неприятные воспоминания. Но напрасны были все их старания; консервативная партия была совершенно разгромлена; это поражение консерваторов произвело сильнейшее впечатление на регента, который опасался очутиться в полной власти у левой. Уже появились первые признаки разногласий в вопросах внешней политики: не успел он притти в себя, как разразилась итальянская война. Либералы сочувствовали Пьемонту, в котором они предчувствовали будущего союзника Пруссии; Вильгельм же боялся повторить ошибку Фридриха-Вильгельма, воздержание которого в 1795 году позволило Франции раздавить поодиночке и Австрию и Пруссию.

Он решил предложить Францу-Иосифу свою поддержку, но так, чтобы заставить себя просить; он хотел, чтобы французская армия не была сразу двинута к берегам Рейна и чтобы, с другой стороны, Австрия заплатила ему за его услугу. В 1849 году он рекомендовал силой овладеть Германией; но затем он пришел к мысли о необходимости соглашения с Австрией, которая должна была добровольно уступить ему начальство военными силами Германского союза. Этот план был чистой химерой: Франц-Иосиф предпочел бы скорее отказаться от Ломбардии, чем отдать в руки Пруссии союзную армию. Первая дипломатическая кампания Вильгельма закончилась полной неудачей; он восстановил против себя решительно всех: Францию, которой он помешал добиться полной победы, Австрию, которая возмущена была его воздержанием, южную Германию, которая упрекала его в оставлении ее на произвол судьбы, и, наконец, своих собственных подданных, которые были крайне недовольны его колеблющимися и нерешительными действиями.

Сам Вильгельм приписывал свои неудачи недостаткам военной организации Германии и предложил сейму произвести военную реформу, но принцы отвергли его проекты без прений. Однако они сами понимали, что необходимо дать общественному мнению некоторое удовлетворение: Дальвик, министр Гессен-Дармштадта, Пфордтен в Баварии, а в особенности Бейст в Саксонии сильно волновались, созывали конференции, вырабатывали один проект за другим. Политика второстепенных немецких дворов страдала внутренним проти-

воречием: их слабость требовала присутствия в союзе обоих крупных государств, соперничество которых составляло единственную гарантию независимости мелких государств, а вместе с тем это соперничество не позволяло Германии играть вовне ту активную роль, которой они от нее требовали; они хотели расширить права сейма, но до тех пор, пока Австрия была на нем представлена, Пруссия не могла согласиться на эту реформу, так как в этом случае ей пришлось бы подчинять свою политику посторонним влияниям. До тех пор союз существовал лишь потому, что он согласился обречь себя на своего рода политическую инерцию; в случае перехода к активным действиям ему грозил распад. С другой стороны, ввиду возбуждения, вызванного этими проектами, Пруссия, сохраняя полный индиферентизм, рисковала потерять всякое влияние на умы; ей приходилось делать еще более крайние предложения, чем другим дворам. Политика короля, до тех пор сводившаяся к выжиданию и невмешательству, теперь уже не могла удовлетворить новым потребностям; при этом внутренние неурядицы, вызываемые вопросом о военной реформе, побуждали Вильгельма стремиться к поднятию престижа прусской монархии путем более энергичной и определенной политики.

Национальный союз и Союз реформы. Молчание, царившее в Германии с 1851 года, уступило место шумному брожению. Период от 1859 до 1866 года был одним из самых бурных и смутных. Вступление на прусский престол государя, не желавшего быть послушным слугой феодалов, с другой стороны, итальянская война заставили бо̀льшую часть остальных немецких государей отказаться от своей репрессивной политики. Деятельность ландтагов всюду оживилась; внимание общества обратилось главным образом к вопросам союзной реформы; публицисты в общем высказывались за более тесное сближение с Пруссией; либералы различных немецких государств: Браун и Ланг — из Нассау, Беннигсен и Микель — из Ганновера, Шульце-Делич и фон Унру — из Пруссии, баварец Братер, гессенец Эктер и т. д., сочли момент удобным для возобновления унитарной и либеральной пропаганды.

Во Франкфурте состоялся (15 и 16 ноября 1859 г.) большой съезд, основавший Национальный съезд, который признал своей программой «объединение и развитие общего отечества». Он старался не оттолкнуть от себя «великогерманцев», которые не соглашались оставить на произвол судьбы 11 миллионов австрийских немцев и, исключив их из Германского союза, отдать их таким образом во власть мадьяр и славян. «Наци-

ональный союз, — говорилось в манифесте 4 сентября 1860 года, — признает немецкие провинции Австрии интегральной частью отечества. В случае же, если непредвиденные обстоятельства и непобедимые препятствия помешают непосредственно включить эти области в состав Германского союзного государства, то он не перестанет тем не менее упорно стремиться к воссоединению этой части немецкого отечества».

Монархи заволновались; центральный комитет Национального союза был изгнан из Франкфурта, а в Саксонии, Мекленбурге, Ганновере и обоих Гессенах общество это было запрещено. Однако Бейсту не удалось склонить сейм к принятию общих репрессивных мер. «Современное положение не имеет себе подобного, — писал он. — Обыкновенно, когда приходится иметь дело с движением, стремящимся к ниспровержению конституции, то или отменяют эту конституцию или борются с этим движением; здесь не делают ни того, ни другого; результат может быть только один: внезапная революция». Другие министры считали его опасения преувеличенными и предпочитали паллиативные меры репрессивным законам; они содействовали образованию Союза реформы, в котором главная роль принадлежала партикуляристам и ультрамонтанам.

Национальный союз насчитывал на юге очень мало сторонников, и ему пришлось скоро убедиться, что он не в состоянии будет собственными силами сломить сопротивление правительств и вековых традиций. Тем не менее ошибочно было бы думать, что его деятельность не имела никакого значения. После двухлетней пропаганды он насчитывал всего 15 000 членов, из них 8 000 в Пруссии, но все они принадлежали к правящим классам и пользовались громадным влиянием. На организуемые ими празднества со всех сторон собирались тысячные толпы, бурно приветствовавшие идею германского единства. Прусская армия низвергла несколько немецких династий, но к этому нападению ее подстрекнули либералы; когда партикуляристические монархии рушились под ее ударами, то все заметили, что в сущности корни их были подорваны гораздо раньше.

Военная реформа в Пруссии. В рассматриваемый момент всякое соглашение между прусским правительством и либералами других немецких государств казалось решительно невозможным ввиду того внутреннего конституционного конфликта, который вызван был прусской военной реформой.

Закон 1814 года, дополненный и измененный указом 1820 года, установил всеобщую воинскую повинность: после

трех лет действительной службы солдаты на два года зачислялись в запас, после чего они переходили в ландвер, который делился на два срока и в котором они состояли вплоть до достижения сорокалетнего возраста. Однако, хотя с 1814 года население Пруссии возросло с 11 до 18 миллионов душ, ежегодно призывалось попрежнему только 40 000 новобранцев, так что 25 000 молодых людей ускользали ежегодно от рекрутского набора. Поэтому контингент прусской армии был настолько незначителен, что когда обстоятельства требовали приведения армии на военное положение, то приходилось создавать ландвер и призывать под знамена людей, достигших довольно солидного возраста, успевших в большинстве случаев обзавестись семьей и отрывавшихся от своих обычных занятий к величайшему вреду для экономической жизни страны. А так как, вдобавок ко всему, ландвер и действующая армия были тесно связаны между собой (каждая бригада состояла из одного линейного полка и одного полка ландвера), то все недостатки организаций ландвера отражались на всей армии. Очень часто офицерские чины в ландвере доставались бывшим вольноопределяющимся, служившим один год, мало обученным и не пользовавшимся в глазах своих людей особым авторитетом.

Необходимость радикальной реформы сознавалась так сильно, что трудно решить, кому собственно принадлежала первая идея произведенных преобразований. В основных чертах проект составлен был, кажется, подполковником Клаузевицем и генералом Фойгтс-Ретцем; им помогали своими указаниями военные советники регента, Альвенслебен и в особенности Эдвин Мантейфель, которые пользовались огромным на него влиянием. Принц-регент, который с молодых лет предался изучению военного дела, ободрял их работу, проникся их идеями и сделал осуществление их проектов вопросом собственной чести.

По новому порядку на службу призывались все рекруты, так что всеобщая воинская повинность была восстановлена на деле; время пребывания в запасе было увеличено с двух до четырех лет. Таким образом численность действующей армии доводилась до 400 000 солдат, что давало возможность не прибегать сразу к призыву ландвера; последний был сохранен в качестве армии второй линии, но в ландвер запасные теперь зачислялись только до 32 лет. После мобилизации 1859 года, снова раскрывшей недостатки прежней силы, регент приступил к выполнению своего плана; он сохранил кадры ландвера, причислил туда новых рекрутов и потребовал

от палат, чтобы они отпустили ему 9$^1/_2$ миллионов талеров на нужды этого преобразования.

Сумма эта показалась парламенту чрезмерной, и возник вопрос, нельзя ли уменьшить расход путем сокращения срока действительной службы с трех лет до двух. Кроме того, парламенту не нравилось исключение ландвера, как бы выброшенного из действующих войск. Хотя регент и позаботился указать в объяснительной записке, что «он не намеревается порвать с наследием великой эпохи и что прусская армия как до тех пор, так и впредь останется не чем иным, как вооруженным прусским народом», в обществе обнаружились два противоположных течения. Бойен, Шарнгорст и преобразователи Пруссии в начале XIX столетия были идеалистами, воспитавшимися в школе Канта и под влиянием французской революции; они полагали, что достаточно вооружить нацию, для того чтобы обеспечить страну от всяких покушений на ее независимость. Клаузевиц, Фойгтс-Ретц, Роон и инициаторы реформы 1859 года были реалистами и солдатами по профессии; они хотели «не национальной армии, а военной нации» (Шербюлье); они создали военное сословие: в других странах, как кто-то заметил, есть армии, а в Пруссии есть армия, которая владеет страной.

Опасения парламента в этом пункте были тем сильнее, что бо̀льшую часть вновь созданных офицерских чинов предполагалось предоставить дворянам, а буржуазия не имела никакой охоты взваливать на свои плечи новое бремя только для того, чтобы увеличить влияние ненавистной касты. Наконец, парламентское большинство было недовольно министерством, не желавшим дать ему удовлетворение по двум наиболее дорогим для него вопросам: радикальному преобразованию палаты господ, в которой засели юнкера, отвергавшие все принимаемые палатой проекты, и очистке администрации. Совершенно естественно, что конфликт, который должен был разразиться рано или поздно, возгорелся по вопросу о военной реформе, так как на этой почве сталкивались самые пылкие страсти и самые сложные интересы, хотя следует признаться, что либералы сделали некоторый промах, перенося борьбу на такую почву, на которой они рисковали задеть интимные чувства монарха.

Палата отпустила «временные» кредиты на вновь сформированные полки (1860). Это было бестактностью, так как следовало понять, что правительство не откажется от раз начатого дела. Временно сформированные полки были зачислены в действующую армию и получили свои знамена,

Когда палата потребовала их роспуска, то принц был возмущен этим требованием, на которое он смотрел как на узурпацию. В 1861 году кредиты были вотированы только после бурных прений; оппозиция усиливалась, а дебаты принимали более резкий характер. Супруга регента, Августа, его сын, его невестка, дочь английской королевы, умоляли его не ссориться с большинством; их советы не могли его поколебать, а могли лишь опечалить; в душе его происходила глубокая внутренняя борьба.

Военный министр Роон, желая его успокоить, старался доказать ему законность его поведения, мало-помалу расширял вопрос и изменял его постановку. Роон был выдающимся офицером и перворазрядным администратором. С помощью своего адъютанта Гартрота, Эдвина Мантейфеля, генерал-инспектора Пейкера он лихорадочно трудился над организацией новой армии; игольчатое ружье Дрейзе уже давало ей серьезное преимущество; Роон подготовил сплоченный офицерский корпус, проникнутый сильным кастовым духом. Во главе главного штаба поставлен был с 1858 года Мольтке, который вырабатывал планы мобилизации, изучал военное применение железных дорог и создал современный научный способ ведения войны.

Вильгельм следил за постепенным развитием дорогого ему дела; он видел, как на его глазах растет орудие прусского могущества, и все с бо̀льшим и бо̀льшим нетерпением выслушивал критические замечания дилетантов и профанов; теперь он не хотел уже и слышать ни о каком компромиссе. Роон, который не отличался, быть может, таким деспотическим характером, как его повелитель, вносил в дебаты резкость и жестокость, ожесточавшие палату; вся его фигура дышала «суровостью и грустью»; его вызывающий взгляд, ясная и резкая речь, его затянутый и подобранный вид делали его типичным прусским офицером и заранее предназначали его для роли боевого министра.

Фридрих-Вильгельм IV скончался в начале 1861 года; брат его, беря корону «с престола господа», проникся как бы мистическим духом, который владел его предшественником. Прусская конституция отличалась еще незаконченностью и неясностью; либералы стремились расширить ее; они хотели добиться права вотировать налоги и ежегодный контингент и таким образом превратить конституционную монархию в парламентарный режим. В Пруссии, отвечал им Роон, монархия не есть фикция, как в Бельгии или в Англии; мы хотим «разорвать сковывающие орла цепи и сделать короля божьей ми-

лостью действительным главой своего народа, центром государственной жизни, владыкой страны». Большинство громко заявляло о своих лойяльных чувствах и не отдавало себе ясного отчета в истинном значении своих требований; сознавало ли оно или нет, но в данном случае дело шло, конечно, не о форме, а о самом характере политического устройства. Этим и объясняется упорство, страстность и серьезность борьбы; в это именно время окончательно сложилась прусская монархия в той форме, в какой она сохранилась до наших дней и при которой верховная власть монарха только прикрывается — а не ограничивается — контролем совещательного собрания.

В 1861 году Вильгельм уже целиком примкнул ко взглядам Роона. «Я — первый король, вступающий на трон, окруженный новейшими учреждениями, — сказал он во время своей коронации (октябрь), — но я не забываю, что корона дается только богом». Убежденный в том, что «военная сила обеспечивает власть государей» и что те монархи, которые недостаточно о ней заботятся, становятся жертвой революции, он всегда находился под впечатлением участи Карла I; тем не менее он с большой робостью вступал на путь борьбы с парламентом, и его колебания могли повлечь за собой самые серьезные последствия, так как ему приходилось иметь дело с противниками, раздражение и требовательность которых возрастали по мере того, как борьба затягивалась.

Прогрессистская партия, составленная Шульце-Деличем, Иоанном Якоби, Форкенбеком, Вирховым, Моммзеном, выставила программу реформ, которые в своей совокупности должны были обеспечить торжество буржуазии и парламентского режима. Выборы 1861 года доказали упадок консервативной партии; феодалы потерпели полное поражение; Шталя уже не было в живых; Герлах, Вагнер и Бланкенбург провалились. Большинство выказало полную несговорчивость в военном вопросе, и палата была распущена. Но страна поддержала своих депутатов, а трехклассная система обратилась против своих авторов. Министерское давление только подлило масла в огонь, и выборы 1862 года носили еще более радикальный характер, чем выборы 1861 года: теперь против 253 либералов стояло всего 16 консерваторов. После семидневных прений большинство отвергло поправку Зибеля и Твестена, старавшихся уладить конфликт путем компромисса, и вычеркнуло из военного бюджета добавочные кредиты, даже те, которые были уже израсходованы. Тогда король пригласил в министерство Бисмарка.

Бисмарк. Оттон Эдуард Леопольд фон Бисмарк Шенгаузен родился в Шенгаузене, в старой Бранденбургской марке, в 1815 году. После бурно проведенной молодости он проживал в своих поместьях, когда в 1847 году был избран депутатом в соединенный ландтаг,созванный Фридрихом-Вильгельмом IV. Саркастическая наглость, с которой он выступал против новых стремлений, его пренебрежительное отношение к общественному мнению, показное презрение к популярным фразам и к выдающимся деятелям эпохи произвели скандал; но даже его противники признавали его смелость и талант; он не владел даром речи и запинался, но умел в надлежащий момент найти ловкое словцо и образ, врезывающийся в память Он отличался всеми типическими чертами юнкерской касты, простой и живой набожностью, ненавистью к демократии и к городам, невозмутимым хладнокровием и мужеством, ясными и определенными мыслями и абсолютной верой в собственное суждение. Во время революции 1848 года он примыкал к камарилье, которая, приютившись вокруг Фридриха-Вильгельма IV, боролась против политики Кампгаузена, Бунзена и Радовица.

Впоследствии неоднократно указывали, что между его поведением в 1848 году и его политикой в последующие годы замечаются противоречия, но эти противоречия скорее формального свойства, чем реального. Он в то время отвергал не идею германского единства, а те условия, которые франкфуртский парламент хотел навязать Пруссии, а если он высказывался против войны за герцогства, то лишь потому, что в то время она могла только привести к замене власти датского короля господством какого-нибудь мелкого князька, соседство которого было бы связано для Пруссии с большими неудобствами. Он верил еще в возможность тесного сближения с Австрией, но его иллюзии скоро были разбиты опытом. Будучи представителем Пруссии при союзном сейме, он вступил в открытую борьбу с австрийскими делегатами Туном, Прокеш-Остеном и Рейхбергом (1851—1859). Впечатления, вынесенные им из этой борьбы, он выразил в знаменитом отчете: «В наших союзных отношениях я усматриваю ненормальность, которую раньше или позже придется лечить мечом и огнем».

Из этого исходного пункта, т. е. из мысли о неизбежности разрыва с Австрией, вытекала вся его политика. Не было человека, больше проникнутого реализмом и менее подчиненного предрассудкам и сентиментальности, чем Бисмарк; воспоминание о 1806 годе так же мало мешало ему снискать благоволение Наполеона III, как воспоминание об ольмюцком

унижении — гнаться за благоприятным отношением Горчакова. Долги, в которые он входил, нисколько его не мучили, так как он был уверен, что с помощью ловких приемов он так или иначе выпутается из своих обязательств; если бы его кредиторы вздумали проявить излишнюю требовательность, то, будучи «больше пруссаком, чем немцем», он не стал бы оспаривать их векселей, лишь бы собственный его барыш показался ему достаточным. Ставка была огромная, и он внимательно следил за игрой и старался играть наверняка; а во всем остальном он полагался на счастье и, как завзятый игрок, любил риск и сильные ощущения. Сильно развитое воображение и смелая предприимчивость, характерные для выдающихся политических деятелей, компенсировались в Бисмарке величайшей хитростью, осторожностью и здравым смыслом. Он не знал ни щепетильности, ни злопамятства; на договоры он смотрел, как на временные комбинации, и считал их истекшими, как только извлекал из них всю возможную выгоду.

Очутившись у власти, он открыто заявил австрийскому посланнику: «Отношения между Пруссией и Австрией должны измениться к лучшему или к худшему; мы желаем первого решения вопроса, но должны готовиться и ко второму». А когда граф Кароли стал приводить смягчающие обстоятельства и доказывать, что затруднения, вызывавшие недовольство Бисмарка, коренятся в истории и в той роли, которую Австрия в течение ряда столетий играла в Германии, его собеседник возразил: «Так перенесите свой центр в Пешт». Австрийский министр Рейхберг с неудовольствием отнесся к этому приглашению. Его неудовольствие не удивило Бисмарка, который не был настолько наивен, чтобы надеяться на достижение своих целей путем убеждения противника. С этого момента он начал подготовлять в Европе благоприятную для Пруссии политическую атмосферу.

Противники Бисмарка обвиняли его в том, что его внешняя политика являлась диверсией против внутренних замешательств; они преувеличивали. Он не чувствовал никакой симпатии к либералам, не столько потому, что он их боялся, сколько потому, что ему противна была их простоватость, их манера принимать абстрактные формулы за нечто реальное. Однако он признавал, что их жалобы имеют под собой некоторое законное основание; если они упорно отказывали правительству в отпуске военных кредитов, то потому, что они не верили в его энергию, и лучшим средством к тому, чтобы обезоружить их позицию, являлось, по его мнению, удовлетворение национальной гордости; он не забыл революции

1848 года и хорошо помнил, как франкфуртские доктринеры отреклись от своей программы и примкнули к Фридриху-Вильгельму IV; и он рассчитывал ценой славы купить отречение либералов.

Король был крайне взволнован и готов был отречься от престола; но Бисмарк объявил ему, что готов править без большинства и без бюджета; депутатам, упрекавшим его в нарушении конституции, он отвечал, что конституция не предусматривает того случая, когда палата отказывает монарху в необходимых средствах, что вся жизнь соткана из компромиссов и что если одна из сторон отказывается от сделки, то конфликт неизбежен, а тогда побеждает сильнейший. Граф Шверин придал этой мысли резкую формулировку в известной фразе: сила господствует над правом.

Палата вотировала министерству недоверие (1863) и была снова распущена. Правительство издало указ, дававший администрации право приостанавливать газеты после двух предостережений. В стране началось сильнейшее волнение; некоторые муниципальные советы умоляли короля восстановить согласие между династией и народом, но их адреса встретили самый недоброжелательный прием; тогда они перестали участвовать в официальных торжествах и отказались праздновать день рождения короля. Наследный принц, всегда враждебно относившийся к Бисмарку, публично протестовал против его политики. Все ухищрения министра внутренних дел Эйленбурга не помешали избирателям снова послать в палату оппозиционных депутатов, и сессии 1863 и 1864 годов отличались особенно бурным характером.

Франкфуртский конгресс и польские дела. Этот конституционный конфликт приводил в смущение германских партизанов Пруссии, а противники ее пытались воспользоваться их затруднительным положением. Австрийский министр Рехберг, который некогда во Франции имел столкновения с Бисмарком и даже вызвал его на дуэль, был человеком сангвинического темперамента, но обладал здравым умом; он видел слабые стороны Австрии и ее изолированное положение в Европе; благоразумие требовало от австрийского правительства избегать широких проектов и честолюбивых замыслов, но, к несчастью, не все товарищи Рехберга отличались такой же осторожностью.

Шмерлинг, который в 1848 году был министром имперского наместника, соединял с крайней уверенностью в своем гении величайшую развязность и смелость; для того чтобы обеспечить господство немецкого элемента в Австрии, он хотел

твердо упрочить авторитет Франца-Иосифа в Германии, не замечая, что он попадет таким образом в заколдованный круг. На его стороне стояли сами заведующие министерством иностранных дел, Мейсенбург и в особенности Бигелебен, человек образованный и просвещенный, но полный предвзятых идей и фанатических предрассудков. Под Рехберга глухо подкапывался адъютант императора Мориц Эстергази, остроумный и весьма привлекательный, но неуравновешенный и нерешительный человек, с ужасом отступавший перед «микробами, заключающимися в капле воды, которых он изучал под микроскопом», и ревниво относившийся ко всякому сопернику. Клерикальная партия во всей Европе была крайне раздражена итальянскими событиями и замышляла крестовый поход, во главе которого должна была стоять Австрия.

Франц-Иосиф, лично руководивший иностранной политикой, не всегда мог быть уверен, что его природный здравый смысл убережет его от неблагоразумных шагов; несмотря на свое добросовестное отношение к делу и замечательную память, он терялся все-таки в деталях. Наполеон III упрекал его в недостатке энергии; вернее было бы сказать, что ему нехватало постоянства. Он оставлял за собой право высказывать окончательное решение в важных делах, а это значило, что среди своих приближенных он выбирал одного, пользовавшегося его особенным доверием, и следовал его советам; но он не прощал ему этого посягательства на свою личность и тайком устранял его как раз в тот момент, когда давал советнику решительные доказательства своего благоволения; это придавало его политике известную непоследовательность, отчасти объясняющуюся также тем упадком духа и тем унынием, которые оставили в душе императора пережитые им испытания.

Шмерлинг убедил его взять на себя инициативу федеральной реформы, которая поставила бы Пруссию в подчиненное положение в Германском союзе, а так как недавний пример доказал, что от союзного сейма нельзя будет добиться согласия на такую реформу, то Шмерлинг посоветовал Францу-Иосифу непосредственно обратиться к германским государям. Австрийский император созвал их на конгресс во Франкфурте (17 августа 1863 г.). Собрание было блестящим: Франц -Иосиф неожиданно обнаружил настоящий председательский талант; ему удачно помогал саксонский король, руководивший большинством. Прусский король, по совету Бисмарка, не поехал на конгресс, а его отсутствие заранее лишало резолюции франкфуртского съезда всякого значения. Когда Рехберг,

который согласился, впрочем, на проект Шмерлинга только после упорного сопротивления, предложил съехавшимся монархам не обращать на это отсутствие никакого внимания, то они уклонились от решительных заявлений. И Австрия лишний раз могла на опыте убедиться в действительной ценности своих союзников.

Бисмарк отнесся ко всей этой затее с величайшим хладнокровием, а пока его противники гнались за призраками, таявшими у них в руках, он старался обеспечить себе поддержку России. В начале 1863 года в Польше вспыхнуло восстание. Для осуществления своих проектов прусский министр нуждался в попустительстве парижского и петербургского кабинетов. Но дипломатическое сближение обоих этих дворов способно было парализовать его проекты; объединенные Франция и Россия нисколько не нуждались бы в Пруссии и не имели бы никаких оснований допустить замышляемую Бисмарком сумятицу. В то время как Наполеон III дал себя увлечь в такие переговоры с Австрией и Англией, которые глубоко возмутили русское правительство, Бисмарк пошел навстречу желаниям русского царя и предложил ему свою помощь, чем Александр II был сильно тронут. С своей стороны, Наполеон III, убедившись в тщете предложенной ему Австрией поддержки, был гораздо больше возмущен слабостью Австрии (слабостью, которая пахла коварством), чем лойяльным и открытым воздержанием Пруссии.

Таким образом, к концу 1863 года общее политическое положение в Европе вполне благоприятствовало смелой инициативе Бисмарка. Австрия, обескураженная неудачей франкфуртского конгресса, была сильно напугана принципиальными декларациями парижского кабинета; Франция восстановила против себя Россию и сама была восстановлена против Англии за ее нелойяльное поведение, зато Пруссия завоевала симпатии Горчакова, тогда как в лагере ее противников замечались разброд и несогласия. Смерть датского короля Фридриха VII (15 ноября 1863 г.) доставила прусскому министерству удобный предлог для начала действий.

Датская война. Ни в чем не выразились с такой замечательной ясностью гибкость и сила ума Бисмарка, а также его полное презрение к писаному праву и традиционной морали, как в его политике по отношению к герцогствам. Лондонский протокол (8 мая 1852 г.) имел чисто временный характер; Пруссия и Австрия, признавая целость датской короны и наследие Христиана Глюксбургского, добились «разъяснений», дававших им возможность возобновить спор при первом удоб-

ном случае. В действительности здесь столкнулись два принципа: национальное чувство, требовавшее возвращения территории, большей частью населенной немцами, решительно отрицало всякое значение за трактатами, которыми признавались права Дании. Горькие жалобы союзного сейма делали этот вопрос злободневным, и проницательный Бисмарк мог только потирать руки от удовольствия. «Здесь, — писал он, — мы имеем дело с таким вопросом, по поводу которого можно во всякое время начать войну, как только это дозволит политическое положение Европы».

После смерти Фридриха VII герцог Фридрих Августенбургский, несмотря на отречение своего отца, заявил притязание на герцогства; общественное мнение в Германии решительно высказалось в его пользу, и его же примеру последовал союзный сейм, хотя большинство немецкого правительства и примкнуло к лондонскому протоколу. Шлезвиг, выходящий к Балтийскому и Северному морям с своей чудной гаванью Килем, являлся для Пруссии весьма соблазнительной приманкой. «Я всегда думал, — говорил впоследствии Бисмарк,— что присоединение Шлезвига к Пруссии составляет лучшее из всех решений вопроса».

Чтобы не испугать Европу, он притворно выразил порицание невоздержанности сейма, не признал прав герцога Августенбургского, жаловался только на то, что Дания нарушила постановления Лондонского договора, и предложил ей предоставить герцогствам требуемые ими гарантии и автономию. Прусская палата возмущена была проявленной им слабостью и обвиняла его в том, что он предает иностранцам Северную марку. Европейские державы, с своей стороны, введенные им в заблуждение или желавшие ему потворствовать, предоставили ему полную свободу действий, а Австрия, в которой Рехберг, вследствие испытанных им в последнее время неудач, желал сближения с Пруссией, но которая с ужасом отступила бы перед революционным решением вопроса, последовала за ним. «В 1849 году мы убедились, — говорил Бисмарк, — что нехорошо выступать одному против четырех; два против трех — это более благоприятная пропорция». Рехбергу со всех сторон делались предупреждения в том смысле, что выгнать из герцогств датчан будет не трудно, но затем выгнать оттуда пруссаков будет не так-то легко; он не отрицал опасности, но считал более благоразумным не дать Бисмарку действовать одному.

В январе 1864 года Пруссия и Австрия, оттеснив на задний план союзный сейм, вопреки его протестам, напали на

Данию; затем, после того как датчане принуждены были очистить Даневерк, прикрывавший вход в Шлезвиг, Бисмарк убедил Австрию вторгнуться в Ютландию; дюппельские укрепления были взяты после шестимесячной осады (18 апреля), а Ютландия почти вся занята австро-прусскими войсками. Прусский король готов был в то время признать права Фридриха Августенбургского; Бисмарк с неудовольствием соглашался на такое решение вопроса, но чтобы обеспечить себя от возможной с его стороны неблагодарности, он поставил ему такие условия, которые должны были всецело подчинить его Пруссии. Фридрих попытался было спорить, ведь, в сущности говоря, герцогства принадлежали, мол, тем, кто их завоевал. Рехберг, хотя и считал эту теорию несколько опасной, не посмел протестовать, так как великие европейские державы, среди которых в то время царило полное несогласие, не оказали бы ему никакой поддержки; его политика, в общем рассудительная и обдуманная, отличалась робостью и нерешительностью; он не любил смотреть опасности прямо в глаза и предпочитал тактику выжидания. По Венскому договору (30 октября 1864 г.) права Дании на Лауэнбург, Голштинию и Шлезвиг уступлены были Пруссии и Австрии.

Гаштейнская конвенция. Австрия была в высшей степени смущена сделанным ею приобретением. Чтобы выпутаться из затруднительного положения, Рехберг охотно готов был бы уступить свои права за самое незначительное территориальное вознаграждение, например, за графство Глац; но в силу принципа Гогенцоллернов, территории, раз имевшие честь побывать под их управлением, не могут быть уступлены никакому другому господину. Даже на более скромные требования Австрия получила отказ, и Шмерлинг, довольный тем, что может отомстить своему сопернику, добился замены Рехберга Менсдорфом-Пульи.

Граф Менсдорф был генералом-от-кавалерии, не обладавшим особенно широким дипломатическим опытом; пост министра иностранных дел он согласился занять только по чувству подчинения, а так как он сам себе не доверял, то он не всегда решался поддерживать свои мнения с достаточной твердостью. Он держался благоразумных взглядов и полагал, что при данных обстоятельствах Австрия должна была прежде всего позаботиться о том, чтобы во что бы то ни стало выбраться из того тупого переулка, в который она зашла, избегая при этом разрыва с Пруссией; но ни Шмерлинг, ни Эстергази, ни двор не разделяли его точки зрения.

Отношения между Берлином и Веной после заключения

Венского договора далеко нельзя было назвать хорошими. Бисмарк, который ни за что не хотел отказаться от герцогств, ожидал сопротивления со стороны Австрии и, не отвергая безусловно всякой мысли о соглашении, в глубине души не делал примирения. «Война 1866 года, — писал впоследствии Мольтке, — не была вызвана необходимостью защищать наше угрожаемое существование: это был конфликт, признанный необходимым в кабинете, задолго задуманный и постепенно подготовлявшийся».

Король следовал за своими советниками не без некоторого отвращения; Бисмарк сближался с Францией, предупреждал Италию, — все эти союзы казались прусскому государю подозрительными и не нравились ему. Ставка была слишком серьезная, результат игры казался сомнительным, а шлезвигская кампания не позволяла предвидеть поразительных успехов 1866 года: во время датской войны австрийские войска вели себя очень недурно, а прусские генералы совершили ряд ошибок, чуть было не скомпрометировавших успеха выработанных Мольтке планов. С своей стороны, Бисмарк далеко не был уверен в Наполеоне III.

Поэтому когда Австрия, внимание которой было тогда целиком поглощено внутренними преобразованиями и которая прежде, чем разрешить свой давнишний спор с Пруссией, хотела примириться с венгерцами, предложила Пруссии компромиссное соглашение, то она охотно приняла это предложение. Гаштейнская конвенция (14 августа 1865 г.), по словам прусского короля, была «победой, не стоившей ни одной капли крови». По этому договору Пруссия и Австрия, сохраняя право общего владения, поделили между собой управление герцогствами; Лауэнбург предоставлен был Пруссии в полное владение под условием уплаты $2^1/_2$ миллионов датских талеров. Этот прецедент имел самое серьезное значение, особенно для Австрии, которая снова скомпрометировала себя этим двусмысленным торгом, возбудила неудовольствие остальных немецких государей и, по крайней мере формально, оставила герцога Августенбургского на произвол судьбы.

Война 1866 года: Франц-Иосиф дорого заплатил за политику проволочек, которую он считал необходимой. Гаштейнская конвенция ничуть не уладила прежних недоразумений; Бисмарк горько жаловался на поведение Габленца, австрийского представителя в Голштинии, который, по его словам, «угрожал монархическим принципам, общественному порядку и дружбе обоих государств». Бисмарк отправился в Биарриц, чтобы окончательно выяснить себе намерения Наполеона III;

император отказался взять на себя какие-либо определенные обязательства, он хотел оставить за собой свободу действий для того, чтобы извлечь из положения максимум взаимных выгод, но очень желал конфликта между Пруссией и Австрией; он не обескураживал пруссаков и тайно подстрекал итальянский кабинет. Австрия, которой опасность грозила с двух сторон, встревожилась и собрала несколько полков; тогда Пруссия подняла громкий крик, быстро закончила свои военные приготовления и подписала с посланцем Ламарморы, генералом Говоне, договор 8 апреля 1866 года, по которому Италия обязалась напасть на Австрию, если в трехмесячный срок Пруссия начнет военные действия.

Возникал вопрос: что сделает сейм? Несмотря на свое недавнее недовольство Веной, немецкие государи склонились на сторону Австрии. Бисмарк бросил им под ноги проект радикальной реформы союзной конституции и потребовал созыва выбранного всеобщей подачей голосов парламента, в котором представители народа должны были обсудить вместе с представителями государей основы нового устройства Германии. Этот либерализм показался чрезвычайно подозрительным; тем не менее, ослепленные открывавшейся перед ними блестящей перспективой, либералы смешались, а противниками Пруссии овладело смущение. Предложения Бисмарка не помешали немецким кабинетам присоединиться к Австрии, да он на это и не рассчитывал; но они замедлили их действия и послужили удобным предлогом сначала для их колебаний, а затем и для решительного отпадения от Австрии. Кроме того, они поставили вопрос в определенной форме. «Теперь дело шло уже не о завоевании новой территории, — писал впоследствии Мольтке, — а о господстве над Германией». На самом деле одно не исключало другого; но зато война получила менее эгоистический характер, дававший притом успокоение тем слабым душам, которые рады были переменить фронт, но как-то на это не решались.

События доказали огромное превосходство Пруссии над ее противниками, а вера прусских генералов в победу не имела границ. Но любопытно, что в момент открытия военных действий сам король испытывал некоторое беспокойство. Бавария, Саксония, Ганновер, Вюртемберг и даже Баден присоединились к Австрии, и хотя армии этих государств не представляли серьезного значения, но для борьбы с ними Пруссии приходилось отделить часть своих сил; подданные сплотились вокруг своих монархов, а манифест центрального комитета

национального союза протестовал против войны, «которой причины и цель были неясны».

В самой Пруссии общественное мнение было крайне раздражено против министра, и 7 мая студент Юлиус Коген произвел в него 5 выстрелов из револьвера. Со всех сторон получались адреса в пользу мира; в Силезии священники с церковной кафедры проповедывали против политики кабинета; в рейнских провинциях пришлось прибегнуть к силе для того, чтобы заставить запасных войти в вагоны, а майнцкий архиепископ в письме почти угрожающего характера оправдывал поведение солдат, которые повиновались приказаниям начальства «с неудовольствием и отвращением, единственно по чувству дисциплины, но без всяких признаков энтузиазма». При таких условиях поражение могло повлечь за собой самые серьезные последствия для династии. В то же время из-за границы получались известия столь же неутешительного свойства.

Во Франции общественное мнение протестовало против нарушения традиционных принципов французской дипломатии, и император по временам начинал задумываться над той ответственностью, которую он брал на себя. Его симпатии к Пруссии не исключали возможности поворота во французской политике. Когда Австрия выказала намерение сблизиться с Францией и уступить Венецию Италии, то Наполеон III не отверг австрийских предложений и с целью выгадать время предложил созыв европейского конгресса. Венский кабинет должен был, очевидно, согласиться на это в своих прямых интересах; но Италия не выказала никакого энтузиазма по поводу предлагаемого ей дара, ссылаясь на то, что она связана договором 8 апреля; 8 июля ее щепетильность потеряла бы всякий смысл.

По непонятному ослеплению венский кабинет отклонил идею европейского конгресса. Фактическое управление министерством иностранных дел в это время уже ускользнуло из рук Менсдорфа-Пульи, который печально отдался на волю течения. Ответственность за это решение, в результате которого Австрия осталась изолированной под совместными ударами Пруссии и Италии, возлагают на генерала Морица Эстергази, действовавшего, по всей вероятности, под влиянием клерикальных элементов. Это вытекает, повидимому, из договора, подписанного Австрией и Францией (12 июня); по этому договору Австрия обязалась уступить Венецию во всяком случае и не вносить никаких изменений в политическое и территориальное положение Германии без согласия Франции;

зато она добилась обещания, что владения папы не подвергнутся никакой опасности. Конечно, кроме клерикальных явлений странное решение венского двора объясняется еще его тогдашней растерянностью, крайним раздражением и отчаянием, в которое его повергли махинации противника.

11 июня пруссаки заняли Голштинию; Австрия потребовала от франкфуртского сейма мобилизации союзной армии, которая и была вотирована представителями четырех королевств, обоих Гессенов и Нассау. Пруссии приходилось иметь дело с тремя группами противников: Кассель и Ганновер на западе, южногерманские государства за Майном и, наконец, Австрия, авангардом которой была Саксония. Она имела перед своими противниками преимущества в положении, организации и вооружении. Мольтке, не будучи стратегическим гением, сумел понять значение новейших научных открытий и создал научный способ ведения войны, а Роон подготовил, с своей стороны, офицерский корпус, полный усердия, доверия и энтузиазма, решивший успех своей смелостью и духом инициативы.

Несколько быстрых переходов решили участь гессенского курфюрста и ганноверского короля. Ганноверская армия, пытавшаяся отступить для соединения с войсками южногерманских государств, подвигалась очень медленно и после сражения при Лангензальце принуждена была капитулировать (29 июня). Пруссаки заняли Франкфурт, наложили на него контрибуцию в 25 миллионов флоринов и так жестоко обращались с жителями, что один из бургомистров, доведенный до отчаяния, покончил самоубийством. «Все земли к северу от Майна — у ног вашего величества», — писал своему повелителю генерал Фогель фон Фалькенштейн. Заменивший его Мантейфель быстро гнал перед собой баденские и гессенские войска; Нюренберг открыл перед победителями свои ворота, и пруссаки собирались вторгнуться в Старую Баварию когда, прибыло известие о заключении перемирия.

В Богемии Бенедек мог выставить 250 000 человек против 300 000 солдат, которыми командовал прусский наследный принц и принц Фридрих-Карл. Австрийцы располагали лучшей артиллерией, чем пруссаки, и превосходной кавалерией. Но зато ружье Дрейзе давало прусской пехоте огромное преимущество; во всех столкновениях австрийские потери были втрое выше, чем потери их противников. После итальянской кампании австрийский главный штаб усвоил тактику нападения и атаки сомкнутыми рядами; пруссаки, сражавшиеся стрелковыми цепями, пользуясь всеми удобствами

почвы, приученные к обходным движениям и фланговым атакам, останавливали неприятельские колонны своим метким огнем, а когда заколебавшийся неприятель начинал отступать, вносили в его ряды страшное опустошение.

Бенедек, который прославился своими успехами в Италии и назначение которого на пост главнокомандующего состоялось благодаря давлению общественного мнения, был прекрасным дивизионным генералом, но совершенно не обладал качествами командира целой армии; он согласился занять этот ответственный пост только вследствие настойчивых просьб императора и эрцгерцога Альбрехта и обнаружил несколько излишнюю скромность, беспрекословно исполняя все планы Геникштейна и Крисманика. Последний был скорее педантическим, чем сообразительным теоретиком, находившимся всецело под влиянием традиций XVIII столетия; быстрое наступление пруссаков сразу расстроило его проекты, вырабатываемые с медленностью и осторожностью. В то время как Мольтке, выяснив свои планы генералам, оставлял им самую широкую инициативу в деле практического осуществления этих проектов, австрийская главная квартира хотела всем руководить, а корпусные командиры скверно исполняли приказания, которых им не объясняли; при этом не все австрийские генералы одинаково удовлетворяли своим задачам, так как многие из них обязаны были своим положением не столько своим талантам, сколько своему происхождению. Не следует, впрочем, преувеличивать значение этих личных достоинств или недостатков, так как весьма сомнительно, чтобы гений какого-нибудь генерала способен был надолго перевесить те преимущества, которые пруссакам давали их организация и вооружение.

Медлительность Бенедека дала возможность пруссакам занять всю Саксонию без одного выстрела, но они боялись вторгнуться в Силезию и сконцентрировали там колоссальную армию под командой наследного принца. Затем, стараясь отыскать австрийцев в Богемии, они двинулись туда тремя сильно удаленными друг от друга корпусами. Между Фридрихом-Карлом, который подвигался долиной между Эльбой и Рейхенбергом, и наследным принцем, который должен был выйти из ущелий Исполиновых гор, Бенедек занимал очень выгодную позицию, которой он не сумел как следует воспользоваться. Фридрих-Карл, которому пришлось иметь дело с слабейшими силами противника, переправился через Изер, плохо защищаемый Клам-Галласом, и после сражений при Гюнервассере, Либенау, Подоле, Мюнхенгреце и Ичине

(26—29 июня) отбросил расстроенное левое крыло австрийской армии к Садовой и Кениггрецу. Крисманик хотел разбить его до прибытия наследного принца, но потерял 48 часов, а тем временем подошла силезская армия. Один из корпусов этой армии сначала был остановлен Габленцом при Траутенау (27 июня), но Габленц, подвергшийся нападению прусской гвардии с фланга, был разбит при Буркерсдорфе (Траутенау-Зоор) и отступил в беспорядке; Штейнмец одержал победу при Находе (27 июня), при Скалице (28 июня) и при Швейншеделе (29 июня). Обе прусские армии пришли в соприкосновение, и король прибыл в главную квартиру вместе с Мольтке, Рооном и Бисмарком.

Последние сражения стоили австрийцам 40 000 человек; почти все австрийские дивизии принимали в них участие и были более или менее деморализованы. «Я настоятельно прошу ваше величество, — телеграфировал Бенедек (1 июля), — заключить мир во что бы то ни стало; армии грозит неизбежная катастрофа». Благоразумие требовало всячески уклоняться от решительной битвы, сберечь силы монархии и дать иностранным державам время для вмешательства. Но Франц-Иосиф хотел спасти честь Австрии крупным сражением.

Австрийская армия занимала несколько к северу от Кениггреца, на правом берегу Эльбы, сильную позицию, хорошо защищенную окопами на высотах Липы и Чистовца, прикрывающих Быстрицу и Тротину. 3 июля Фридрих-Карл без особого труда переправился через Быстрицу, но когда он хотел выйти из Садовой, то был остановлен убийственным огнем австрийской артиллерии, расположенной в несколько рядов на высотах; если бы в этот момент Бенедек двинул свои резервы на поколебавшиеся прусские дивизии, то ему, быть может, удалось бы нанести им поражение. Но он опасался нападения со стороны наследного принца, который перешел в атаку около полудня. На правом фланге австрийцев Фестетиц, Тун и Моллинари, увлеченные разгоревшимся боем, без всякого приказа атаковали Свин-Вальд, героически защищаемый прусским генералом Франсецким; австрийские солдаты были уже истощены продолжительным боем, когда неожиданно на них напали новые неприятельские войска. Наследный принц быстро дошел до Хлума, этого ключа австрийских позиций. Австрийская колонна, состоявшая из 18 000 человек, произвела яростную атаку, для того чтобы взять обратно Хлум, но потеряла при этом треть своего состава. Войска заколебались, и Бенедек отдал приказ об отступлении. Отступление прикрывалось артиллерией, которая вела себя при этом

с замечательным самопожертвованием. Утомленные победители, не успевшие сразу отдать себе точный отчет во всей важности одержанной ими победы, в продолжение двух дней не преследовали австрийцев, которых эта задержка спасла от полного разгрома: они потеряли 13 000 человек убитыми, 18 000 ранеными и 13 000 пленными; у пруссаков выбыло из строя 9 000 человек.

Никольсбургское перемирие и Пражский мир. Бенедек отступил к Ольмюцу, преследуемый армией наследного принца, тогда как Фридрих-Карл шел на Вену; теперь Францу-Иосифу оставалось только надеяться на вмешательство Европы. Эрцгерцог Альбрехт 24 июня разбил итальянцев при Кустоцце; следовательно, с этой стороны военная честь была спасена: император официально уступил Венецию Наполеону III и просил его посредничества. Французская дипломатия, все расчеты которой были построены на поражении Пруссии или, по крайней мере, на продолжительной и изнурительной войне, способной истощить силы враждующих сторон, совершенно растерялась. Самым разумным выходом было бы обратиться к Европе и согласиться на предложенный Горчаковым конгресс; вместо того австрийское правительство отклонило предложение России и завело длиннейшие и бесплодные переговоры, а Пруссия ловко воспользовалась этой ошибкой и продолжала свое наступление.

14 июля занята была вся Моравия, кроме Ольмюца, а прусские аванпосты достигли Знаима, расположенного в 10 милях от Вены; после сражения при Тобичау (15 июля), доказавшего полную дезорганизацию австрийской армии, Бенедек был отрезан от Дуная, до которого он мог теперь добраться только длинным обходным путем к востоку, а прусская главная квартира перенесена была в Никольсбург, в 12 милях от австрийской столицы. В австрийской монархии, которая всегда была не чем иным, как бессвязным агрегатом различных народностей, поражение правительства вызвало новый взрыв партикуляристических стремлений. Венгрия отказывалась от какой бы то ни было помощи правительству до тех пор, пока ей не возвращены будут ее права; Австрия падала не столько под ударами врага, сколько под тяжестью вековых грехов своей династии и своих внутренних недостатков.

Надежды, которые Франц-Иосиф возлагал на Францию, быстро рассеялись; Друэн де Люис советовал ему принять условия Бисмарка, потому что «продолжение борьбы при данных условиях привело бы к гибели монархии, а Наполеон твердо решил не втягивать Францию в войну». Успокоившись

с этой стороны, Пруссия не знала удержу; король выказал чрезмерную требовательность; при своем ограниченном уме он стремился не столько к расширению своего влияния, сколько к увеличению своей территории. И Бисмарку с величайшим трудом удалось его убедить, что, выставляя преувеличенные требования, он рискует скомпрометировать все дело. Франц-Иосиф отправил Бейста в Париж с тем, чтобы сделать последнюю попытку; но император французов был болен, безволен и лепетал, как дитя: я не подготовлен. «Когда целомудренная Австрия решилась отдать Наполеону свои последние ласки, то перед ней оказался... просто Абеляр с меткой»,— сказала одна дама.

Основные условия мирного договора были выработаны в Париже прусским посланником Гольцем и Наполеоном: Австрия выступила из Германского союза; Северогерманский союз в военном отношении подчинялся руководству Пруссии, которая получала герцогства Шлезвиг и Голштинию; южногерманские государства должны были составить отдельный союз. Прусский король был страшно возмущен, так как он требовал уступки ему части Силезии, Саксонии, Ансбаха и Байрейта. Гольц добился все-таки от Франции обещания, что она не станет противиться присоединению к Пруссии 3 или 4 миллионов населения.

Переговоры, начавшиеся 22 июля в Никольсбурге, чуть было не расстроились из-за вопроса о Саксонии; Бисмарк требовал, чтобы король Иоанн вступил в Северогерманский союз. В это время австрийское правительство еще не вполне оставило мысль о возобновлении военных действий, и оно несомненно решилось бы на продолжение войны, если бы оно могло с уверенностью рассчитывать на энергичную поддержку Франции. Мольтке упорно утверждал, что Пруссия, имевшая в тот момент 600 000 солдат под ружьем, готова ко всяким случайностям; но Бисмарк вовсе не был так уверен в прусских силах. Эрцгерцог Альбрехт защищал Дунай с 250 000 человек; в южной Германии насчитывалось 100 000 баварских, вюртембергских и баденских солдат, которые с присоединением французского корпуса могли бы составить грозную силу; вдобавок в прусской армии свирепствовала холера. Кроме того, Бисмарк вовсе не был уверен в том, что Россия останется бесстрастной зрительницей войны или не захочет по крайней мере дорого продать свой нейтралитет. Несомненно, Бисмарк руководился весьма здравыми соображениями, когда старался не доводить дела до крайности и склонил короля на уступки, которые нисколько не ослабляли его торжества, но дали Австрии

возможность легче примириться со своим печальным положением. 26 июля были подписаны в Никольсбурге предварительные условия мира, а 23 августа был заключен в Праге окончательный договор.

Хотя в последний момент и возник целый ряд недоразумений, но было слишком очевидно, что Австрия решится снова попытать счастья лишь после реорганизации своей армии. Франция, задетая в своем престиже, скомпрометированная нерешительностью своей политики, очутилась в изолированном положении; когда Бенедетти попросил Бисмарка дать Франции какое-нибудь вознаграждение, то последний отнесся к этому предложению с крайним высокомерием и отказался даже от какого бы то ни было исправления границ. Он восстановил прежние сердечные отношения с Россией, и теперь приходилось оставить всякую надежду на возможность вовлечения его в невыгодную сделку. «Теперь царствует игольчатое ружье», — писал *Times*.

Французское правительство, которое могло обвинять только самого себя в постигших его неудачах, сохранило зуб против Пруссии за свою собственную бестактность. С другой стороны, прусский король не мог простить Наполеону того, что он остановил его победоносные войска у ворот Вены. Немецкое национальное чувство, отличающееся легкой возбудимостью, возмущалось притязаниями французского кабинета, а Бисмарк с величайшей ловкостью старался обратить против французов раздражение, вызванное в Германии прусским честолюбием; сначала он напугал побежденных монархов своими чрезмерными притязаниями, а когда они поняли, чем можно угодить ему, то с тем большей поспешностью они постарались сгруппироваться вокруг него.

Новая Пруссия и Северогерманский союз. Трехнедельной кампании достаточно было для того, чтобы изменить все политическое положение Европы и на месте французской гегемонии поставить гегемонию немецкую. Было вычислено, что денежная контрибуция, наложенная на побежденных, составляла около 300 миллионов франков, «что доказывает, — как заметил полковник Борбштедт, — что хорошая армия не всегда отличается непроизводительностью, как утверждают профессора политической экономии». Но что еще важнее, благодаря новым договорам территория Пруссии увеличилась на 1 300 квадратных миль, а население ее возросло на 4 300 000 жителей.

Бавария уступила ей две небольшие территории подле Орба в Спессарте и Каульсдорфский клин; Гессен-Дармштадт

отдал ей Гессен-Гомбург, некоторые части Верхнего Гессена, а также предоставил ей исключительное право держать гарнизон в Майнце; закон 20 сентября 1866 года санкционировал присоединение к Пруссии Ганноверского королевства, курфюршества Гессен-Касселя, великого герцогства Нассауского и города Франкфурта, а 24 декабря, после того как герцог Ольденбургский согласился отказаться от своих прав за значительное денежное вознаграждение, парламент вотировал присоединение датских герцогств. В этот момент в Пруссии насчитывалось 24 миллиона жителей.

Перед прусским правительством, желавшим достигнуть объединения Германии, стояла в то время троякая задача: необходимо было растворить в монархии новых подданных, твердо установить свою власть над северогерманскими государствами, не подвергшимися завоеванию, и подготовить южногерманские государства, независимость которых была обеспечена договорами, к признанию прусского сюзеренитета. При осуществлении этой программы Бисмарк обнаружил поразительное искусство, которое несколько затемнено было его дипломатическими успехами, но которое навсегда останется одним из неоспоримейших его прав на славу. Верно и то, что задача его была значительно облегчена победами прусской армии в Богемии.

При всей законности своих жалоб и при всем упорстве своего негодования оппозиционные депутаты чувствовали, что с 1864 года страна поддерживает их все слабее. 3 июля, т. е. как раз в день битвы при Садовой, произошли новые выборы; ничего удивительного не было в том, что прогрессисты, против которых правительство боролось самым энергичным образом, вернулись в палату в меньшем числе; среди либералов многие отказывали министерству в требуемых им средствах только потому, что они не верили в его энергию и искусство; другие боялись довести до крайности короля, который, будучи опьянен победой, мог склониться на увещания абсолютистов и уничтожить конституцию.

24 октября некоторые из наиболее выдающихся ораторов и наиболее уважаемых лидеров бывшей прогрессистской партии, Твестен, Форкенбек, Ласкер, фон Унру, решили поддерживать внешнюю политику правительства, а в вопросах внутренней политики оставаться на почве бдительной, но лойяльной оппозиции. Они составили *национал-либеральную* группу, к которой примкнул бывший левый центр и которая усилилась либеральными депутатами присоединенных провинций, не переживших прежних конфликтов, как например,

Гумбрехт из Франкфурта, Эткер из Касселя, президент Нассауского ландтага Браун, а в особенности два ганноверца, Беннигсен и Микель, которые с этого времени начали играть выдающуюся роль в прусской палате.

Аналогичная эволюция происходила среди консерваторов; свободные консерваторы, рекрутировавшиеся главным образом среди крупных силезских помещиков, отделились от непримиримых реакционеров партии «Крестовой газеты». Таким образом сложились элементы для правительственного большинства, которыми искусившееся за последнее время министерство могло очень ловко пользоваться. Либералы не столько дорожили своими политическими принципами, сколько своими экономическими и национальными доктринами; рекрутируясь в общем из среды буржуазии, они главным образом упрекали правительство в том, что оно смешивает свое собственное дело с интересами дворянства. Аристократия, которая так горячо поддерживала Бисмарка, скоро убедилась в его неблагодарности.

Уже и в то время Германия была центром оживленной экономической и промышленной деятельности; для того чтобы сделать ее грозной соперницей наций, до тех пор безраздельно господствовавших на всемирном рынке, необходимо было освободить ее производительные силы от тех многочисленных пут, которые так долго задерживали ее экономический прогресс. Было бы чрезвычайно опасно толкнуть в ряды оппозиции средние классы, влияние которых возрастало вместе с ростом национального богатства; кроме того правительство рисковало надолго восстановить против себя завоеванные провинции, если бы оно вздумало подчинить их господству восточных «юнкеров». Бисмарк не поступился ни одной крупицей правительственной власти, но он старался править в либеральном духе, и после монархии наибольшую пользу из нового режима извлекли именно средние классы.

После сражения при Садовой министр предложил королю положить конец конституционному конфликту, попросив палату сложить с министерства ответственность за произведенные до тех пор неутвержденные расходы. Со стороны правительства это вовсе не было актом раскаяния, так как король определенно заявил, что если подобные условия повторятся, то он снова поступит таким же образом, как и прежде. Фактически Бисмарк никогда не признавал за парламентом права оказывать преобладающее влияние на общественные дела, безжалостно отказывался отменить пресловутую 109 статью, в силу которой раз вотированные налоги продол-

жают взиматься до бесконечности; либералы горько жаловались на наглость офицеров, на то покровительство, которое министр народного просвещения оказывает ортодоксальным пиетистам, и на преследование им либералов. Но их скорбь смягчалась громкими успехами Пруссии во внешних делах, а в Германии смеялись над печалями и недоумениями этих «людей с двумя душами», националистов и либералов, но все-таки больше националистов, чем либералов. Бисмарк, которому надоедали их жалобы и который не жалел для них шпилек, сумел избежать полного разрыва и сохранить формы конституционного режима, которые очень пригодились ему для борьбы с сопротивлением присоединенных провинций.

Население датских герцогств, где герцог Августенбургский имел многих партизанов, выражало свое недовольство избранием прогрессистских депутатов; непримиримый характер оппозиция приняла только в населенных датчанами северных округах Шлезвига, которые Пруссия удержала в своем владении вопреки статье 5-й Пражского договора. В Нассау и Гессен-Касселе прежние династии не оставили по себе хорошей памяти; не совсем так обстояло дело в Ганновере; удалившись в Гитцинг, Георг V из своего изгнания поддерживал надежды своих партизан, которых было особенно много в деревнях, где духовенство и дворянство пользовались преобладающим влиянием; из нескольких сотен оставшихся ему верными солдат он сформировал легион вельфов, а его орган «Положение» возбуждал к войне против Германии. Его примеру последовал гессен-кассельский курфюрст.

Бисмарк конфисковал громадные капиталы, предназначенные на вознаграждение государей, лишившихся своих владений, а палата предоставила этот «вельфский фонд» в его распоряжение для того, чтобы «следить за этими пресмыкающимися, злобно подстерегающими новое германское государство, вплоть до самых их нор». Бисмарк воспользовался этими суммами главным образом для обрабатывания общественного мнения, основывая или подкупая газеты. Но враждебные чувства были мало-помалу ослаблены не столько мерами строгости и развращения, сколько бережным отношением и уважением к местным традициям. Признавая, что только часть населения высказалась за необходимость присоединения к Пруссии, Бисмарк выразил надежду, что в недалеком будущем присоединенные провинции теснее сольются с новым отечеством и начнут принимать близкое участие в его жизни. В общем, эти ожидания не были обмануты. К бес-

сильным протестам 7 вельфских депутатов присоединились только датские депутаты и 13 познанских поляков.

Освободившись, таким образом, от серьезных внутренних забот, Пруссия могла отныне начать всей своей тяжестью давить на мелких немецких монархов, которых она сгруппировала вокруг себя. 4 августа 1866 года она предложила государствам Северной Германии заключить с ней союз на год, в течение которого будут выработаны основы Северогерманского союза, предусмотренного постановлениями Пражского мира. Великие герцогства ольденбургское и веймарское, оба Мекленбурга, герцогства Брауншвейг, Ангальт, Кобург-Гота и Альтенбург, княжества Вальдек, Детмольд, Шаумбург-Липпе, Рейс младшей линии, Рудольштадт и Зондерсгаузен, равно как вольные города Гамбург, Бремен и Любек — согласились на предложение Пруссии без возражений. А когда регентша княжества Рейс старшей линии, Каролина, не выказала особенного энтузиазма, то княжество было занято двумя прусскими ротами; герцог Мейнингенский, Бернард, известный своим австрофильством, должен был отречься от престола в пользу своего сына. Саксонский король Иоанн отнесся к своему несчастью с меланхолическим достоинством, и ему оказаны были некоторые невинные милости; Гессен-Дармштадт вошел в Союз своей северной частью, расположенной к северу от Майна.

Что в самом деле могли перед 24 миллионами пруссаков сделать эти 6 миллионов немцев, распределенных между 21 государством, из которых многие, не имевшие ни прошлого, ни будущего, без всякого сожаления расставались со своей независимостью? Бисмарк старался сохранить внешние приличия и уверял, что требует от государей «таких минимальных уступок, без которых существование целого решительно невозможно»; он утверждал, что намерен основать «новый союз на доверии, а не на насилии». «Посадим Германию на седло, — отвечал он централистам, удивлявшимся его сдержанности, — а поехать она сумеет сама», и он «настолько верил в гений своего народа, чтобы не сомневаться, что на этом пути он сумеет найти надлежащую дорогу, ведущую к цели».

Эта скромность Бисмарку ничего не стоила; проект, выработанный берлинской конференцией (13 декабря 1866 г. — 9 января 1867 г.), в конечном счете, утвердил гегемонию Пруссии. Во главе Союза *(Norddeutscher Bund)* стоял, в качестве президента и генералиссимуса, прусский король; союзным знаменем (бело-черно-красное) признано было прусское знамя в увеличенном размере. Компетенция Союза распространя-

лась на все военные, политические и торговые дела; союзным властям подведомственны были таможни, косвенные налоги, железные дороги, почтово-телеграфные учреждения, монетное дело, весы и меры, санитарные организации, торговое и морское законодательство, уголовное законодательство. Союзный бюджет покрывался таможенными сборами, почтовыми доходами и различными косвенными налогами, а если этих доходов нехватало для покрытия всех расходов, то дефицит пополнялся взносами отдельных государств, пропорциональными количеству их населения.

Президент представлял Союз перед иностранными государствами, обладал правом объявлять войну и заключать мир; ему принадлежало высшее начальство над всеми военными силами Союза с правом производить смотры армии, назначать всех военных начальников и принимать от солдат присягу в верности; бо̀льшая часть мелких государств заключила с Пруссией специальные военные соглашения, по которым их войска были просто-напросто зачислены в состав прусской армии; а все без исключения государства должны были преобразовать свои военные учреждения по прусскому образцу. Президенту же предоставлено было право обнародовать законы, созывать и закрывать союзные представительные собрания, назначать и увольнять должностных лиц. Представителем президента являлся союзный канцлер, облеченный самыми широкими полномочиями. Отдельные государства признаны были автономными и сохранили заведывание делами культа, народным образованием, общественными работами, судоустройством, но они были мало обеспечены против посягательств центральной власти, и вся история Союза представляет нам ряд последовательных сокращений их самостоятельности.

Бисмарк, с целью дать удовлетворение общественному мнению и обезопасить себя от возможных проявлений партикуляризма, поставил наряду с президентом Союза рейхстаг, выбираемый на основе всеобщей подачи голосов, но тем не менее он сумел целым рядом весьма остроумных комбинаций обеспечить монархической власти безусловно преобладающее влияние. Союзный парламент или *рейхстаг*, несмотря на предоставленное ему право интерпелляций и инициативы, оказывал на общественные дела самое слабое влияние; в финансовой области его контроль ограничивался только новыми налогами, которых правительство у него просило; а вотированные им законы получали силу лишь в том случае, если они были одобрены президентом Союза и *Союзным советом*.

Этот Союзный совет (*Bundesrat*) представлял довольно своеобразное учреждение, в котором соединялись воедино черты государственного совета, кабинета министров и верхней палаты. Пруссия располагала в нем 17 голосами из 43; она председательствовала в 7 постоянных комиссиях, на которые делился Совет (военная, морская, таможенно-податная, торговая, железнодорожная, почтово-телеграфная, судебная, счетная). Этот сложный механизм, несмотря на свою кажущуюся бессвязность, был построен с умным расчетом; отдельные силы в нем уравновешивались и взаимно уничтожались, так что в результате получалась одна конкретная власть, а именно, власть короля и его представителя — канцлера, для которого, казалось, и была составлена конституция, подобно тому как рейхстаг был, казалось, придуман нарочно для того, чтобы замаскировать честолюбивые стремления Пруссии.

Даже самые смирные либералы стали ворчать и жаловаться, что ответственность канцлера, облеченного очень широкими и разносторонними полномочиями, слишком фиктивна, и начали требовать установления парламентского режима. Бисмарк отказался удовлетворить это требование не столько потому, что он не желал расширять прерогатив народного представительства, сколько потому, что ему вовсе не хотелось иметь рядом с собой в министерстве коллег, с мнением которых ему пришлось бы считаться; он смотрел на власть с чисто плебисцитарной точки зрения и не предусмотрел возникновения новых, непосредственно вышедших из народа, партий, с которыми впоследствии ему не так-то легко удавалось справляться.

В вопросе о вотировании налогов оппозиция заупрямилась. Тогда министр прибегнул к крайним средствам, заговорил о своем выходе в отставку и объявил доктринеров ответственными за возможную неудачу Союза: «Какой ответ дадите вы кениггрецскому инвалиду, если он спросит вас: к чему привели его великие усилия? Вы ему, конечно, ответите: да, немецкое единство еще не доведено до конца, удобный случай для этого еще представится когда-нибудь, но зато мы спасли право прусского ландтага ежегодно снова поднимать вопрос о существовании армии; для защиты этого-то права мы и преследовали армию австрийского императора вплоть до самых стен Пресбурга! Вот какое утешение вы предложите искалеченному инвалиду и вдове, которая оплакивает своего мужа!» Железный канцлер не любил пускаться в декламацию; либералы смирились и вотировали компромиссную резолюцию, которая в темных выражениях сохраняла в полной

ЭНГЕЛЬС ФРИДРИХ
1820—1895

МАРКС КАРЛ
1818—1883

неприкосновенности военные и финансовые прерогативы монарха.

Принятая предварительным рейхстагом конституция (17 апреля 1867 г.) была предложена на обсуждение ландтагов отдельных государств. В прусской палате прогрессисты сделали последнюю попытку, но большинство и слушать их не хотело. «Мы так же тщеславны, как и французы, — писал Бисмарк до назначения своего на пост союзного канцлера, — лишь бы только о нас хорошо думали в обществе, а у себя дома мы готовы терпеть чорт знает что». Пресыщенная славой, Пруссия охотно готова была доверить свою судьбу тем людям, которые содействовали ее возвеличению. Поправки Вирхова были отвергнуты 226 голосами против 91.

1 июля 1867 года союзная конституция была, наконец, обнародована. Назначенный союзным канцлером, Бисмарк пригласил в товарищи Дельбрюка, одно имя которого было уже целой программой; он считался либералом и обладал значительными познаниями в области финансовых и торговых вопросов.

Союзный рейхстаг. Социалисты. Первый союзный рейхстаг, выбранный на основании новой конституции, открылся осенью 1867 года. Крайние партии располагали в нем ничтожным меньшинством голосов. Католики, которые должны были в лице Виндгорста встретить выдающегося парламентского вождя, еще не были организованы. Больше внимания привлекали к себе социалисты.

В 1847 году вышел составленный Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом «Коммунистический манифест», в котором излагались основные принципы партии. Коммунисты сыграли известную роль в революции 1848 года, но наступившая реакция остановила их пропаганду, газеты их были закрыты, а союзы распущены. О них не слышно было вплоть до того момента, когда к ним па помощь пришел энергичный и деятельный Фердинанд Лассаль (1825—1864), обладавший цветистым и бурным красноречием. Сын богатого бреславльского купца, еврей по происхождению, этот честолюбивый человек, отличавшийся тонким вкусом и аристократическими манерами, дал рабочей партии лозунг — железный закон заработной платы, программу — основание производительных товариществ с помощью государства и указал ей почву для деятельности — рабочие союзы. В 1863 году он основал в Лейпциге *Общегерманский рабочий союз*, имевший многочисленные разветвления, а после его смерти, наступившей в 1864 году, социалисты представляли уж довольно грозную группу.

Рабочие, увлеченные не столько его учением, сколько его личностью, довольно скоро отвергли его сравнительно умеренную теорию и примкнули к коммунистическому учению Карла Маркса, который формулировал свою систему в своем знаменитом сочинении «Капитал» и который нашел убежденных и талантливых апостолов в лице Либкнехта и в особенности Бебеля (последний был сам рабочий и вдобавок выдающийся оратор). На Нюренбергском конгрессе (1868), где представлено было 111 рабочих кружков, 74 примкнули к Интернационалу, а в следующем году в Эйзенахе 262 делегата, имевшие мандаты от 150 000 рабочих, основали социал-демократическую партию. Программа их требовала референдума, прогрессивного налога на доходы и наследства, установления нормального рабочего дня, а конечной своей целью они объявили уничтожение частной собственности на орудия производства и обмена. Социал-демократы приобрели много сторонников в Силезии, Рейнских провинциях и Саксонии; видя их успехи, правительство заволновалось; но в 1867—1871 годах они имели в парламенте какую-нибудь пару депутатов, а их политическая деятельность была совершенно ничтожной.

Прогрессистов тоже насчитывалось не более двух десятков; таким образом, национал-либералы, обыкновенно действовавшие вместе со свободными консерваторами, располагали громадным большинством, и Бисмарк охотно начал опираться именно на них. Парламентские сессии 1867—1870 годов были чрезвычайно плодотворны; усвоение всеми государствами прусских военных порядков, организация консульств, учреждение Высшего коммерческого суда, принятие Торгового устава и Уголовного уложения — все это знаменовало решительный шаг в сторону полного слияния. Европейские державы заволновались. «Соседние государства, — писала *Аугсбургская газета*, — признавали Северогерманский союз постольку, поскольку он был составлен из самостоятельных государств, а этот Союз прекратил свое существование с того момента, как входящие в его состав государства сохранили свою независимость лишь по имени. В самой Германии, как и за ее пределами, все прекрасно знают, что выеденное яйцо уже не яйцо».

Сами монархи, входившие в состав Северогерманского союза, были обеспокоены этими посягательствами Пруссии на их самостоятельность, но что значили их жалобы! С другой стороны, негодование феодалов против экономических реформ было столь же бесплодным. Пруссия бережно относилась к

крупным землевладельцам; но она позволила либералам вымести весь исторический сор, как например, всевозможные монополии, запрещения, ограничительные регламенты, цеховые организации, корпорации, стеснявшие торговлю и промышленность; парламент вотировал свободу промышленности, свободу брака, свободу передвижения, отмену максимальных процентов, свободу союзов, и таким образом вознаграждал себя за свое политическое порабощение применением своих экономических доктрин.

Эти реформы задевали разнообразные интересы и создавали много недовольных. На новый режим со всех сторон раздавались жалобы: население роптало на крайнюю обременительность воинской повинности, на тяжесть налогов, на грубость и придирчивость новых чиновников. Бисмарк предвидел неизбежность этих трений, и именно потому он так легко согласился на требование Наполеона III, желавшего ограничить прусское господство линией Майна. Но несмотря ни на что, идея единства постепенно проникала в общественное сознание, и канцлер, считая свое дело достаточно упроченным, задумал довести его до конца. Рано или поздно южногерманские государства должны были войти в Северогерманский союз, но без промахов со стороны Франции их присоединение, без всякого сомнения, наступило бы не так скоро.

Южногерманские государства. Статья 2-я Пражского договора постановила, что немецкие государства, расположенные к югу от Майна, образуют «союз, национальная связь которого с Северогерманским союзом составит предмет особого соглашения». Французское правительство придавало важное значение сохранению этого раздельного существования и полагало, что это раздробление Германии на три обломка — Северогерманский союз, Южногерманский союз, Австрия — является достаточной компенсацией за территориальное расширение Пруссии. С самого начала весь вопрос заключался в том, поймут ли 6 миллионов южных германцев выгоды рекомендуемого им объединения.

В великом герцогстве Гессенском из общего числа 800 000 жителей 150 000 вошли в состав Северогерманского союза, управление почтой было передано Пруссии, а армия, реорганизованная по прусскому образцу, была зачислена в союзную армию; население не очень-то дорожило столь ограниченной независимостью, а все упорные усилия министра Дальвигка могли только отсрочить роковую развязку. Великий герцог Баденский Фридрих вступил в брак с дочерью прусского короля, которая пользовалась огромным влиянием на мужа,

После событий 1849 года баденский народ уже не мог вполне примириться со своей династией; поставленный между ультрамонтанами и радикалами, великий герцог нуждался в покровительстве иностранного государства.

Бисмарк имел партизанов даже в Баварии и Вюртемберге. Господствовавшие в этих странах сильные партикуляристические тенденции смягчались чувством германского патриотизма, которым Пруссия сумела искусно воспользоваться. При выработке предварительных условий мира в Никольсбурге она старалась выказать великодушие и отказалась от некоторых территорий, уступки которых она раньше было потребовала. Трудно сказать с уверенностью, кто первый заговорил о союзе, Бисмарк или вюртембергский министр Варнбюлер, и какое влияние на решение южногерманских государей оказали проекты Друэн де Люиса, потребовавшего уступки Палатината французам. Не следует только преувеличивать значение этих инцидентов. Южногерманские государства были слишком слабы для того, чтобы остаться в изолированном положении; Австрия была разбита, Франция дискредитирована, и они заключили с Пруссией наступательный и оборонительный союз, по которому договаривающиеся стороны взаимно гарантировали друг другу неприкосновенность своих владений и обязались в этих видах соединять свои силы в случае войны.

Существование этих договоров стало известно Европе во время Люксембургского дела, и это разоблачение произвело повсюду сильнейшее впечатление. Хотя текст договоров и допускал различное толкование, но не подлежало сомнению, что Бавария и Вюртемберг ставили свою политику в зависимость от политики Пруссии; они преобразовали свои армии по прусскому образцу, а этим устранялось одно из самых действительных препятствий к грядущему объединению.

Но Бисмарк не только воздействовал на южную Германию в военной области, — он связал ее с Пруссией узами экономических интересов. В силу конвенции 4 июня 1867 года, преобразовавшей устройство Таможенного союза, «законы обо всех таможенных вопросах, о налогах на сахар, соль и табак, о мерах, необходимых для охраны общих таможенных границ, вырабатывались общим органом договаривающихся государств и общим народным представительством»; роль этого общего органа и общего парламента сыграли союзный совет и союзный рейхстаг, к которым для обсуждения торговых вопросов присоединились депутаты южногерманских государств. Новые договоры отметили решительный шаг по пути к экономиче-

скому объединению и свидетельствовали о новом успехе прусской политики; отныне решения принимались большинством голосов, а попытки Баварии отстоять свое право вето оказались тщетными; взаимный контроль отдельных правительств уступил место власти президента, т. е. прусского короля, которому вместе с тем предоставлено было исключительное право заключать почтовые и торговые договоры.

Дипломаты, открывшие южногерманским депутатам доступ в союзный парламент, рассчитывали, что это сближение вызовет взрыв патриотического энтузиазма, который восторжествует над последним сопротивлением государей и поможет оправдать в глазах Европы присоединение новых членов к союзу. Но их надежды были разбиты. Временно смущенные ошеломляющими успехами Пруссии, противники ее успели несколько оправиться. Бейст организовал в Вене парламентское правление, благоприятно встреченное немецкими либеральными кругами, а Франц-Иосиф начал сближаться с Наполеоном III. Мустье старался подчеркнуть чисто мирный характер зальцбургского свидания (август 1867 г.), и в этом отношении он был совершенно прав; немцы не потерпели бы прямого вмешательства Франции в их дела, но их дипломатия, уже не чувствовавшая себя изолированной перед Бисмарком, сделалась гораздо смелее.

Баварский король Людовик II, наследовавший в 1864 году Максимилиану II, всецело предавшийся своим эстетическим развлечениям и увлечению музыкой Вагнера, не проявлял в политических делах ни особенной последовательности, ни особенной энергии, но очень дорожил своими королевскими правами и с недоверием относился к Пруссии. Масса баварского населения была недовольна военными законами, налагавшими на него тяжелое бремя, а сельские жители, находившиеся под влиянием католического духовенства, враждебно относились к протестантам севера. Во время выборов в таможенный парламент патриоты (партикуляристы) одержали полную победу, а вскоре они получили большинство в баварском ландтаге. В Вюртемберге радикалы были всемогущи, а министр Варнбюлер, не отличавшийся постоянством, вовсе не намерен был пускаться в опасную борьбу с собственным парламентом из-за одного удовольствия стать в зависимость от иностранного государя. Демократическая пропаганда с некоторой силой проявилась также и в Бадене, так что в 1870 году объединение Германии казалось не более близким, чем в 1866 году. Но неосторожность французского правительства дала Бисмарку возможность осуществить свой план.

Франко-немецкая война. Новая Германская империя. Война была для Бисмарка очень полезна, и неудивительно, что его обвиняли в том, будто он вызвал ее; во всяком случае, не подлежит сомнению, что он предвидел ее неизбежность. Будучи пруссаком до мозга костей и трезвым реалистом, Бисмарк, по всей вероятности, давно уже подумывал о завоевании Эльзаса, но для него не было тайной, что французские военные и дипломатические круги желают разрыва с Пруссией, и он понимал, что император увлечет за собой Австрию и Италию; подобно Фридриху II в 1755 году, он зорко следил за «европейским заговором», которому он несомненно приписывал гораздо более реальное значение, чем существовавшее в действительности. Возникает вопрос: провоцировал ли он сознательно французское правительство и вызвал конфликт, который он считал неизбежным! Это слишком похоже на обычные приемы Бисмарка, и мы можем поэтому допустить вероятность этого предположения, которое подтверждается, повидимому, мемуарами румынского короля Карла.

Ошибкой французского правительства было превращение чисто кабинетного вопроса в вопрос национальной важности. Перевороты, подобные тем, которые произошли в 1866 году, потрясают народную душу до самой глубины ее; правительства, которые должны были бы позаботиться об успокоении народных страстей, сознательно или бессознательно оказались не на высоте своей задачи. Коллеги Граммона рассчитывали на отпадение южногерманских государств от Пруссии, но даже на юге все партикуляристические стремления были сметены взрывом патриотического энтузиазма; 19 июля 1870 года баварский король Людвиг предоставил свои войска в распоряжение Вильгельма на все время войны; часть ультрамонтанов высказалась в пользу Пруссии и обеспечила министерству большинство. Против войны высказалось только два голоса в Вюртемберге, в остальных же немецких государствах она была вотирована единогласно.

После Седанской битвы южногерманские государства начали с Пруссией переговоры о вступлении их в Северогерманский союз; эти переговоры сопряжены были с довольно значительными трениями. Бавария выставила требования, которые показались чрезмерными; вокруг прусского короля создалась атмосфера глубоких разногласий. Наследный принц, выросший под впечатлением событий 1848 года, хотел, чтобы одновременно с окончательным объединением Германии переделана была также конституция в смысле предоставления на-

роду более действительного влияния на политические дела, но Бисмарку легко удалось расстроить его проекты.

Союз был расширен, но характер его не был изменен; в силу договоров 23 и 25 ноября Бавария и Вюртемберг, которых в этом отношении предупредили Баден и Гессен, просто вступили в число вассалов Пруссии, причем Бавария выговорила себе только военную автономию в мирное время и самостоятельное управление своими почтово-телеграфными учреждениями, а вюртембергская армия попрежнему должна была составлять отдельный корпус. Бавария получила в союзном совете 6 делегатов, Вюртемберг — 4, а Баден и Гессен — по 3; южногерманские государства начали посылать в союзный рейхстаг 85 депутатов.

Во главе Союза поставлен был император. Король Вильгельм долго не решался принять этот титул, но наследный принц и Бисмарк убедили его «принести эту жертву». «Не сумею тебе описать, в каком настроении я провел эти последние дни, — писал он 18 января 1871 года своей жене, — отчасти ввиду тяжкой ответственности, которую мне приходится на себя взять, а отчасти и прежде всего ввиду того горя, которое я испытываю при мысли о том, что мой титул прусского короля отодвигается на задний план. Во время вчерашнего совещания я в конце-концов почувствовал себя так скверно, что чуть было не ушел и не предоставил всего этого дела Фрицу». Бисмарк подготовил все; он попросил Людвига II взять на себя инициативу восстановления империи и послал ему из Версаля черновой набросок письма, которое из Мюнхена было сообщено всем немецким государям. 18 января 1871 года в Версальской зеркальной галерее было торжественно провозглашено основание Германской империи.

«Пожелаем успеха этому с таким трудом возведенному хаосу!» — сказал наследный принц. И действительно, новая империя представляла довольно оригинальное творение. «Этот *Bund* (союз), получивший отныне название *Reich* (империя)», объединил в крайне своеобразный конгломерат отдельных государей, обладавших различными правами и неодинаковым влиянием; отдельные монархи сохранили свою самостоятельность, но эта последняя обеспечивалась только конституцией и могла быть изменена простым законом. В основу государственного устройства новой империи положен был принцип всеобщего избирательного права, но в действительности рейхстаг получил характер чисто совещательного учреждения, а вся власть сосредоточилась в руках императора. Это была демократия без гарантий и союз без искренности.

Германия, давно уже жаждавшая единства и величия и неспособная устроить свою судьбу собственными силами, приняла без протеста, если не без некоторой печали, условия господ, доставивших ей победу. Ко всем странностям имперской конституции Франкфуртский мир (20 мая 1871 г.) прибавил еще одну. Эльзас-Лотарингия (1 550 000 жителей), уступленная по этому договору Германии, составила имперскую провинцию (*Reichsland*), непосредственно подчиненную имперскому правительству, т. е. в действительности управлявшуюся имперским канцлером.

Таким образом, дело, начавшееся в 1864 году нападением на герцогства, было доведено до конца. Три победоносные войны — против Дании, Австрии и Франции — радикально изменили условия европейской политической жизни. Германия, которая до тех пор фактически не существовала в качестве политической силы (так как старая Римско-германская империя имела универсальный, а не национальный характер), сделалась преобладающим государством в Европе и таковым осталась до наших дней. Пруссия дала ей то, чего до сих пор ей недоставало, а именно: дух дисциплины и организации; она стремилась к достижению своей цели без соображений щепетильности и без жалости. Бисмарку и Гогенцоллернам удалось осуществить свои проекты только потому, что на их стороне были симпатии или снисходительное отношение общественного мнения. Но демократические идеи во внутренней политике, равно как и право народов располагать своей судьбой во внешних делах играли для творцов Германской империи просто роль известного лозунга, известного политического приема, нужного им для вернейшего достижения своей цели; смотря по требованиям момента они легко забывали о принципе национальностей и вместо него выдвигали авторитет более или менее основательных исторических прав, а в конце-концов они начали признавать голое право сильного.

Этим объясняется то обстоятельство, что 30 лет непрерывных успехов не могли искоренить оппозиционных стремлений; ни шлезвигские датчане, ни познанские поляки не отказались от своих исторических воспоминаний. Население Эльзас-Лотарингии сохранило непобедимую привязанность к Франции. Германия, начавшая угрожать европейскому равновесию, возбудила против себя естественное недоверие и навязала всему человечеству систему вооруженного мира, сильно препятствующую нормальному развитию всеобщего благосостояния. Такой дорогой ценой ей пришлось заплатить за прусскую опеку.

ГЛАВА IX

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

1844—1870

I. ИСПАНИЯ

Общий характер царствования Изабеллы II. В продолжение последних 20 лет царствования Изабеллы II история Испании на первый взгляд представляет собой картину смут и беспорядка. Теоретически Испания является конституционной монархией, но основная пружина такого правительства, общественное мнение, отличается здесь столь капризным и непостоянным характером, что избирательный механизм служит игрушкой в руках всех испанских партий. Кортесы представляют обыкновенно ту котерию, которая провела выборы; невежественная народная масса попрежнему находится в полной власти духовенства; время от времени ее охватывает мимолетный порыв страсти, она конвульсивно содрогается и затем снова погружается в состояние инерции. Просвещенное меньшинство, боровшееся за установление нового режима, не сумело удержать за собой завоеванных позиций.

Усиленные бывшими карлистами умеренные все больше и больше проникаются абсолютистским духом и, приняв название «неокатоликов», возвращаются к традиционной монархии «божьей милостью». Прогрессисты не осмеливаются открыто порвать с католической церковью и уверяют публику, что они такие же хорошие католики, как и их противники; их желания не заходят дальше конкордата. В продолжение долгого времени они не решаются открыто выступить против монархии и хвастают своей лойяльностью, и только в самое последнее время среди них формируется республиканская партия.

И прогрессисты и умеренные отличаются крайней резкостью, непримиримостью и презрением к законам; в той и в

другой партии главную роль играют не принципы, а личности.

Среди всеобщей моральной анархии прочно стояли три элемента: церковь, двор и армия.

Церковь сохранила власть над душами. Вплоть до 1869 года в Испании были запрещены все культы, кроме католического, а всякая попытка иноверческой пропаганды строго подавлялась. Духовенство лишилось части своих имуществ, но не потеряло своего влияния, а так как ему разрешено было приобретать новые имущества, то оно лихорадочно старалось пополнить свои потери. Его влияние давало себя чувствовать в советах, кортесах, муниципалитетах, школах и в литературе; самые могучие министры должны были с ним считаться. Епископы относились к светской власти вызывающе и с высокомерием, а часто и с открытой враждой.

Двор всецело подчинился власти церкви, которая проповедует народам покорность. Вступив в неудачный брак, королева скоро лишилась всякого уважения в глазах своих подданных и в конце-концов навлекла на себя с их стороны полное презрение. Она окружила себя священниками и монахинями; одним из наперсников был автор молитвенной книги, озаглавленной «Золотой ключ», монах Сирило де ла Аламеда, которого она сделала толедским архиепископом; таким-же безумным фанатиком был и ее духовник, отец Кларет; неразлучная подруга королевы, сестра Патрочинио, была судом уличена в мошенничестве, что не помешало ей пользоваться при дворе неограниченным доверием.

В каком-то темном углу прозябал и интриговал во дворце принц-супруг дон Франциско, душа всех клерикальных заговоров; его брат, дон Энрико, герцог Севильский, более активный и интеллигентный человек, стремился играть политическую роль, но это никак ему не удавалось, благодаря недостатку такта и последовательности. Герцог и герцогиня Монпансье жили в стороне от двора во дворце Сан-Тельмо в Севилье, но французское происхождение герцога и его скупость мешали ему приобрести популярность; жители Севильи прозвали его *naranjero* за то, что он продавал апельсины из своих садов. Экс-регентша Христина пыталась примирить королеву с ее супругом; а герцог Риансарес, муж Христины, спекулировал железнодорожными акциями и заслужил в Мадриде всеобщую ненависть.

При всем том при дворе господствовали галантность и великолепие; старый этикет мало-помалу становится менее строгим; во дворце и в летних резиденциях устраиваются балы

и концерты, королева выезжает в Оперу, на *Toros* (бой быков); она любит называть себя «испанкой, настоящей испанкой, одной из тех обитательниц квартала Ла-Палома, которые носят кинжал на подвязке». Расточительность ее превосходит всякие границы: Нарваэс получает от нее подарок ценностью в 8 миллионов реалов, она раздает золото направо и налево и пользуется поэтому любовью куртизанов, которых народ называет *Polacos* и которые толкают королеву на дорожку абсолютизма.

Армия сформировалась во время войны за независимость и завоевала власть благодаря победе, одержанной над карлистами. Как это часто бывает во время междоусобных войн, каждый генерал является вместе с тем и дипломатом и воображает себя великим государственным деятелем. Эспартеро, граф Луханский и герцог де ла Витториа, был регентом Испании и остался идолом прогрессистов; Нарваэс, подобно Эспартеро, был героем Семилетней войны, но зависть к герцогу де ла Витториа толкнула его в ряды умеренной партии; он считался самым активным и энергичным генералом в армии. О'Доннель, Прим и Серрано помогали ему низвергнуть Эспартеро, но О'Доннель всегда отличался бо́льшим либерализмом, чем Нарваэс; Прим и Серрано в конце-концов признали демократические принципы, не становясь, впрочем, республиканцами. За этими признанными вождями шла целая плеяда других известных генералов, как Павиа, братья Конча, Дульсе, Сан-Мигуэль, Эчагуэ, Забала, Рос де Олано, Алкала Галиано и множество других, которые в глазах народа служили воплощением рыцарской славы Испании.

В стране, где к избирательным урнам идут одни лишь политиканы и где династия не пользуется никаким престижем, армия становится господствующей силой, если только она этого пожелает. Преторианский режим, которому в течение столь продолжительного периода подчинена была Испания, объясняется также глубокими причинами и не причинил ей столько вреда, сколько другим нациям. Армия в Испании имела чисто национальный характер; она могла похвалиться тем, что в ней сосредоточен цвет нации, все наиболее активные, решительные и смелые ее элементы. Можно лишь пожалеть, что к несчастью для Испании армия слишком часто соединялась с реакцией и с незаслуженным презрением относилась к гражданскому элементу; лойяльный союз между военными вождями и выдающимися деятелями либеральной партии мог бы сделать военную диктатуру несколько менее суровой и придать учреждениям больше устойчивости.

Несмотря на беспрестанные смены министерств, на капризы королевы, на бунты, государственный переворот и революции, Испания в период 1848—1870 годов сделала большие успехи и начала пожинать плоды тех печальных пожертвований, которые она принесла для завоевания свободы. Она начала походить на современную нацию, и если материальный прогресс сопровождался, повидимому, заметным понижением нравственного уровня, то этот досадный симптом свойствен не одной только Испании и здесь лучше, чем где-либо, объясняется частым повторением революционных потрясений.

Нарваэс. С 3 октября 1847 года до 10 января 1851 года Нарваэс председательствовал в совете министров и правил Испанией, не встречая противодействия; он восстановил мир в королевской семье и послал генерала Павию умиротворить Каталонию. После февральской революции 1848 года он убедил кортесы вручить ему неограниченные полномочия и немедленно распустил палату (23 марта). Прогрессистская партия пыталась вызвать бунты и пронунсиаменто; Нарваэс закрыл несколько газет, выслал Олосагу в Кадикс, а некоторых лиц сослал на Филиппинские острова, приказал расстрелять нескольких взбунтовавшихся солдат, а так как английский посланник, как ему казалось, поддерживал революционеров, то он пригласил его выехать из Мадрида (17 мая). Этот решительный поступок доставил Нарваэсу большую популярность и привлек к нему симпатии иностранных правительств; Пруссия, Австрия и римская курия признали, наконец, правительство Изабеллы.

Карлисты старались воспользоваться затруднительным положением правительства и возобновить междоусобную войну; карлистские восстания в Наварре, Эстремадуре, в Андалузии и Сантандере все закончились неудачей; но Кабрере удалось собрать в Каталонии 5 000—6 000 человек, с которыми он держался до января 1849 года. В одной стычке он был ранен и должен был бежать во Францию (25 апреля). Французское правительство, желавшее победы конституционалистам, не позволило графу Монтемолину, сыну дона Карлоса, перейти границу; 9 июня Нарваэс блестяще закончил карлистскую войну, даровав общую амнистию всем замешанным в ней лицам.

Желая показать, что конституционное правительство остается преданным папе, Нарваэс послал в Италию 9 000 испанских солдат, чтобы помочь французам восстановить светскую власть папы. Испанцы заняли Террачине, затем Веллетри и во время осады Рима следили за движением гарибальдийских отрядов; а после взятия города они заняли Сполету и Нарни.

Положение Нарваэса казалось совершенно безопасным, как вдруг непонятный каприз королевы неожиданно лишил его власти; король, его духовник, монах Фульхенсио, и сестра Патрочинио добились отставки кабинета Нарваэса и замены его абсолютистским министерством, во главе которого поставлен был граф Клеонард. Но ввиду всеобщего волнения королева испугалась сделанного ею шага и снова призвала к власти Нарваэса. «Министерство-молния» просуществовало только 48 часов; о. Фульхенсио был выслан в Арчидону, сестра Патрочинио — в Талаверу, а у короля отнято было управление королевскими вотчинами и дворцом, на зато Нарваэс нажил в его лице непримиримого врага.

Вернувшись ко власти, маршал попытался привести в порядок финансы и развить в Испании крупные промышленные предприятия, но прежде всего необходимо было заняться внесением равновесия в бюджет. Гонсалес Браво предложил сократить расходы на армию, и Нарваэс уволил его в отставку. Приходилось заимствовать авансом 183 миллиона реалов из бюджета 1852 года, и Нарваэс, чтобы не переменить своего решения, подал в отставку (10 января 1851 г.).

Крайняя реакция. Трехлетие, протекшее после выхода Нарваэса в отставку, отмечено было терпеливыми попытками, направленными к восстановлению старого режима. Королева была преисполнена предрассудков, считала либерализм и парламентаризм ересью и была не прочь упразднить кортесы; духовенство толкало ее в этом направлении, уверенное, что его собственное дело будет выиграно в случае победы королевы. Кабинеты Мурильо, Ронкали, Лерсунди и Сарториуса были простыми орудиями личной политики Изабеллы.

Браво Мурильо подтвердил конкордат, заключенный с римской курией: католическая религия признана была единственно дозволенной в Испании; епископам предоставлен надзор за школами и цензура книг; отчуждение проданных церковных имуществ признано было законным, но зато церкви дано было право приобретать новые имущества. В общем новый конкордат оказался весьма выгодным для католической церкви. Рождение инфанты Изабеллы (20 декабря 1851 г.) и покушение священника Мерино на жизнь королевы вызвали взрыв верноподданнических чувств среди народа, а министры воспользовались этим обстоятельством для того, чтобы опубликовать в «Мадридской газете» важный проект конституционной реформы.

Громкий протест всей прессы припудил правительство отказаться от мысли о государственном перевороте; кабинет

Ронкали попытался провести конституционную реформу законным порядком, но потерпел неудачу ввиду сопротивления сената. Тогда королева назначила президентом совета Сарториуса, одного из самых решительных партизанов абсолютистской политики; на эту меру королевы сенат ответил заявлением, что отныне ни одна железнодорожная концессия не будет даваться без предварительного разрешения палат. Это был прямой намек по адресу герцога Риансареса, и королева немедленно отсрочила заседания кортесов (10 декабря 1853 г.).

В продолжение 7 месяцев двор, казалось, поставил себе задачей систематически провоцировать общественное мнение; бюджет был обнародован посредством декрета, и на это обстоятельство было указано нации летучим листком, подписанным редакторами 7 больших мадридских газет. Всякая попытка в пользу созыва кортесов каралась тюрьмой или изгнанием, а Мадрид был поставлен в осадное положение. 26 апреля 1854 года появился первый номер памфлета, озаглавленного «*el Murcielago*» («Нетопырь») и разоблачавшего опасность политического положения; он нападал последовательно на банкира Саламанку, на герцога Риансареса, на королеву — мать Христину, на королеву Изабеллу, на ее тогдашнего фаворита, который назван был полным именем. Вся Испания читала эти желчные обличения, часть которых принадлежала перу дона Антонио Кановаса дель Кастильо, а 28 июня О'Доннель взбунтовал стоявшие гарнизоном в Мадриде кавалерийские полки, для того чтобы низвергнуть правительство *Polacos'*ов.

Викальваро. 30 июня 1854 года пехота и артиллерия мадридского гарнизона, находившиеся под командой генерала Блазера, дали сражение кавалерии О'Доннеля при Викальваро. Сражение было нерешительным; Блазер захватил несколько пленников, но не мог преследовать О'Доннеля, который отступил к Аранхуэцу. Тем не менее положение инсургентов было довольно опасным, когда Кановасу дель Кастильо пришла в голову мысль привлечь прогрессистов к делу О'Доннеля; он доставил генералу готовую политическую декларацию, которую последний поспешил опубликовать и которая известна под названием «Мансанаресской программы»; по этой программе династия сохранялась, но созывалось учредительное собрание, восстанавливалась милиция и была обещана более широкая свобода, серьезное правосудие и муниципальная децентрализация.

Королева уволила Сарториуса и назначила на его место Кордову. 17 июля во время боя быков мадридский народ по-

требовал исполнения гимна Риего, а вечером вспыхнуло восстание при криках: «Да здравствует милиция! Смерть Христине! Смерть ворам!» Дворец королевы-матери был разграблен; Кордове удалось очистить главные улицы, но северная часть города покрылась баррикадами. Утром 18 июля королева заменила Кордову герцогом Ривасом и обещала созвать кортесы. Но Мадрид не разоружался; был момент, когда Изабелла помышляла о бегстве в Аранхуэц, но по совету французского посланника она осталась в Мадриде. Полковник Гаррига, взятый в плен при Викальваро и приговоренный к смерти, был помилован и произведен в генералы, причем королева умоляла его содействовать прекращению восстания. Банкир Севильяно собрал у себя на дому нескольких друзей, принадлежавших к прогрессистской партии; эти люди поставили во главе своей группы генерала Сан-Мигуэля и решили выступить в качестве посредников между народом и двором. Королева назначила Сан-Мигуэля генерал-капитаном Новой Кастилии и пригласила в Мадрид О'Доннеля и Эспартеро. В продолжение 8 дней Мадрид находился еще во власти анархии; наконец, утром 28 июля в Мадрид прибыл Эспартеро и в тот же день вечером туда приехал О'Доннель. А через месяц Христина покинула Испанию и уехала в Португалию.

Учредительные кортесы. В кортесах большинство принадлежало либералам и прогрессистам, которые составили *Либеральный союз*; кроме того, там насчитывалось известное число непримиримых прогрессистов, 23 демократа и один абсолютист, дон Кандидо Носедал. Президентом был назначен Эспартеро, а сохранение монархии вотировано внушительным большинством голосов.

Конституция 1855 года была возвращением к конституции 1837 года, но кортесы натолкнулись на непреодолимые финансовые затруднения; чтобы покончить с ними, кортесы распорядились продать все имущества «мертвой руки». Королева утвердила этот закон с крайней неохотой, причем понадобилось еще выслать сестру Патрочинио, толкавшую королеву к гражданской войне. Два мадридских священника начали распространять слух, будто распятие в церкви св. Франциска покрылось пòтом; прогрессистские министры изгнали их, как и сестру Патрочинио.

30 марта 1855 года скончался дон Карлос, права которого перешли к его сыну, графу Монтемолину, принявшему имя Карла VI. В Наварре, Арагонии и Каталонии вспыхнули восстания, которые были быстро подавлены, и кортесы, уверен-

ные в прочности своего положения, отсрочили свои заседания с 17 июля до 1 октября.

К открытию новой сессии многие депутаты, посетившие всемирную выставку в Париже, возвратились в более умеренном и практическом настроении; в общественном мнении произошла перемена, а памфлетисты начали уже нападать на герцога де ля Витториа, и О'Доннель, который всегда склонялся к умеренной партии, получил возможность надеяться на то, что ему удастся заменить Эспартеро. Когда в старой Кастилии произошли волнения, вызванные членами умеренной партии, то О'Доннель отказался преследовать виновных в возбуждении этих беспорядков; прогрессистские министры подали в отставку, и королева согласилась принять ее. Эспартеро понял, что его обошли, отказался от президентского места в кортесах, и О'Доннель сделался господином положения.

Вскоре все могли убедиться, что честолюбивый генерал гораздо больше дорожит властью, чем принципами; подавив несколько прогрессистских бунтов, он без всяких околичностей вернулся к конституции 1845 года, ограничившись изданием дополнительного акта, в котором он обещал кортесам четырехмесячную сессию в году и некоторые гарантии личной свободы и свободы печати. О'Доннель был уверен в своей победе, но королева перехитрила его; она потребовала, чтобы продажа церковных имуществ была приостановлена. О'Доннель сделал ей эту уступку и с этого момента потерял всякий кредит в глазах своей партии; а как только он перестал быть опасен, королева немедленно уволила его в отставку. 12 октября 1856 года Нарваэс вернулся к власти и поспешил восстановить то положение вещей, какое имело место до сражения при Вакальваро.

Экономический прогресс Испании. Нарваэс пытался утешить Испанию в потере свободы, стараясь доставить ей внутреннее благосостояние. Заем в 300 миллионов реалов внес некоторое улучшение в финансовое хозяйство; проведение воды в Мадрид из Лосойи, преобразование Пуэрта-дель-Соль, основание Академии моральных и политических наук и учреждение статистического комитета, открытие сельскохозяйственной выставки в Мадриде — все это свидетельствовало о мудрой деятельности Нарваэса. Но суровый характер его управления создал ему такую непопулярность, что 25 октября 1857 года королева уволила его в отставку.

После рождения принца Астурийского, дона Альфонса (28 ноября), королева совершила путешествие в Валенсию и Аликанте; она возвратилась в Мадрид для присутствия

на освящении Лосойского водопровода, и в этот самый блестящий час своего царствования она сумела понять, что ей не следует слишком далеко заходить по пути реакции. Она снова призвала О'Доннеля, который на этот раз вернулся к власти с однородным министерством и вполне определенной программой. Страна послала ему послушные кортесы, провинциальные депутации и муниципальные советы, и таким образом начало при самых благоприятных предзнаменованиях функционировать самое плодотворное министерство всего царствования.

О'Доннель и Либеральный союз. О'Доннель понимал, что благоволение королевы для него безусловно необходимо; он не заводил уже речи о продаже церковных имуществ, иезуиты были водворены в великолепном монастыре Сен-Маркос де-Леон, сестра Патрочинио снова появилась при дворе и начала основывать монастыри во всех королевских резиденциях; О'Доннель шел за религиозными процессиями со свечой в руке, а в 1861 году отказался признать Виктора-Эммануила королем Италии. По отношению к демократам он выказал крайнюю жестокость, осудил на смерть республиканца Сикста Камару и сослал на галеры 400 андалузских крестьян, виновных в организации коммунистического восстания, но зато он относился с величайшей угодливостью к графу Монтемолину и к его брату дону Фернандо, арестованным 2 апреля 1860 года войсками, которые генерал-капитан Ортега пытался увлечь в карлистское восстание. Ортега был расстрелян, а Монтемолин и его брат были приглашены подписать отречение от своих прав (23 апреля) и отпущены на свободу. 15 июня оба принца заявили, что они считают это отречение недействительным; но в январе 1861 года оба они умерли в Триесте от тифа, а дон Хуан Бурбонский, последний представитель этой ветви, был покинут карлистами, которые признали королем его 12-летнего сына, дона Карлоса. Таким образом, карлизм перестал быть опасным, по крайней мере, на несколько лет.

Во внутренних делах О'Доннель держался политики концентрации. Поддерживаемый в кортесах компактным большинством, получившим кличку о'доннелевской «ирландской бригады», он раздавал высшие должности своим родственникам и своим креатурам, не обращая никакого внимания на вопли оппозиции. Хотя финансовое положение далеко нельзя было назвать блестящим, а дефицит достиг 740 миллионов, общественные работы получили необыкновенное развитие: Испания покрылась железными дорогами, построенными на французские капиталы французскими инженерами. В 1867

году длина испанской железнодорожной сети достигла 6 000 километров; в главных городах построены были газовые заводы; в Мадриде, Барселоне и Валенсии основались финансовые компании, в горном деле применены были научные методы эксплоатации, порты были улучшены, вместимость судов торгового флота достигла 400 000 тонн; торговые обороты возросли с 250 миллионов франков в 1848 году до 896 миллионов в 1864 году.

Не ограничиваясь содействием экономическому развитию страны, О'Доннель хотел еще доставить ей престиж военной славы. Вместе с Францией он участвовал во взятии Сайгона и Турана; он снова присоединил республику Сан-Доминго к Испании и воспользовался нападением ангерских мавров для того, чтобы объявить войну Марокко.

Марокканская кампания. Война с Марокко была личным делом О'Доннеля, но Испания не извлекла из него ничего, кроме пустой славы, да такой исход был совершенно очевидным и до начала кампании; испугавшись угроз Англии, О'Доннель заранее обязался не делать никаких территориальных приобретений. Это донкихотство министра стоило Испании 8 000 человеческих жизней.

Война была объявлена 12 ноября 1859 года и началась блокадой Танжера, Лераша и Тетуана. Двумя наиболее уязвимыми пунктами Марокко являются Танжер и Тетуан, но испанский флот не мог доставить надлежащего количества сил ни в один, ни в другой из этих пунктов. О'Доннель удовольствовался тем, что сконцентрировал в Санрокском лагере, недалеко от Гибралтара, 44 000 человек и 3 000 лошадей и перевез их в Сеуту, откуда они по морскому берегу должны были двинуться на Тетуан. Сам он принял главную команду; Эчагуэ Забала и Рос де Олано командовали корпусами, Прим — резервом и Алкала Галиано — кавалерией.

Кампания открылась 19 ноября занятием древнего мавританского дворца, известного под названием *El Serrallo*; испанцы построили перед ним два редута: *Ysabell II* и *Principe Alfonso*. Отбив 23 и 24 ноября атаки марокканцев, испанцы 25 ноября были сами отброшены к *El Serrallo*; но 26-го прибыл О'Доннель в сопровождении Прима и Забалы, снова овладел редутами и приказал возвести третье укрепление, названное *Rey Francisco*. 9 ноября была отбита общая атака марокканцев; 12-го высадился с 3-м корпусом Рос де Олано, а в конце декабря все атаки марокканцев разбились о стойкость испанских войск.

1 января 1860 года испанская армия перешла в наступление и овладела Кастильехосской долиной, причем слишком

увлекшийся Прим был спасен подоспевшим на выручку Забалой. Марокканцы отступили на крутую возвышенность, господствующую над морем; испанцы обошли Монтенегронскую позицию, но подвигались вперед медленно и с большим трудом; будучи отрезаны от Сеуты и не получая продовольствия от флота вследствие бурного состояния моря, они в течение трех дней оставались без пищи. Отбив 10 и 12 января атаки мавров, испанская армия обогнула, наконец, мыс Негрон (14 января) и расположилась против Тетуана на берегах Гваделгелу. 31 января марокканцы, под начальством брата императора, тщетно пытались пробиться сквозь испанские линии; 4 февраля испанцы в свою очередь атаковали неприятеля и на следующий день вступили в Тетуан, где они нашли 146 орудий. 17 февраля Мулей-Аббас попросил мира; испанцы потребовали уступки всей территории между Сеутой и Тетуаном и 200 миллионов реалов.

Военные действия возобновились 23 февраля. 11 марта арабы безуспешно напали на Тетуан, а 23 марта они снова были разбиты в большом сражении при Гвадельрасе. Но О'Доннель, смущенный встреченным им сопротивлением, подписал мирный договор, по которому Испания удовольствовалась только контрибуцией в размере 100 миллионов реалов. Зато Испания пожала, по крайней мере, моральные плоды своих усилий: вся Европа удивлялась мужеству испанских солдат, а одно время речь даже шла о допущении ее в среду великих держав, но этот проект, выдвинутый Францией, разбился о противодействие Англии.

Падение О'Доннеля. Наполеон III пытался вовлечь Испанию в мексиканскую войну, но Прим подписал с Хуаресом Ла-Соледадскую конвенцию и позволил французскому генералу Лоренсезу двинуться на Пуэблу; Наполеон III был крайне возмущен этой, как он выразился, изменой. Поведение Прима вызвало в Испании оживленные комментарии; прогрессисты увидели в этом инциденте удобный случай для нападения на министерство, политика которого с каждым днем принимала все более реакционный характер. Умеренные, руководимые Гонзалесом Браво, не забыли Викальваро и не очень усердно поддерживали министра. После нескольких месяцев борьбы О'Доннель вышел в отставку (2 марта 1863 г.), а вместе с ним исчез и Либеральный союз, который, по словам Кальво Асенсио, «не имел ни традиций, ни принципов, ни истории, а годился лишь на то, чтобы питать самые наивные надежды, давать приют усталым людям и удовлетворять жадные аппетиты».

Распадение Либерального союза. Годы, протекшие за падением О'Доннеля, отмечены были все усиливающимся поворотом двора к политике абсолютизма; эта бессмысленная политика, после пятилетней внутренней борьбы и насилий, закончилась для королевы Изабеллы потерей короны.

Кабинет Мирафлореса Кончи пытался еще управлять в законных рамках, но партии, в течение долгого времени сдерживаемые твердой рукой О'Доннеля, возобновили борьбу со свежей энергией. Министерство принуждено было распустить кортесы; избиратели послали в палату министерское большинство, но вся прогрессистская партия воздержалась от участия в выборах и разоблачила перед страной недостатки избирательной системы.

С первых же дней парламентской сессии (4 ноября 1863 г.) абсолютисты резко напали на министерство; осуждение нескольких реформатских пасторов в Андалузии на галеры вызвало яростные протесты во всей Испании. 17 января 1864 года кабинет Мирафлореса уступил место министерству Арасолы, к которому благоволила королева и которое поддерживалось Примом и прогрессистами; через 6 недель министры, не добившись роспуска кортесов, подали в отставку, а Прим окончательно разошелся с королевой.

Реакция обострилась с составлением кабинета Мон-Кановаса, который восстановил действие конституции 1845 года. Король совершил поездку в Париж во время освящения Северной железнодорожной линии; там ему рекомендовали держаться несколько более умеренной политики, но он пропустил эти советы мимо ушей; камарилья снова сделалась всесильной, прогрессисты подверглись усиленным преследованиям, а 3 мая 1864 года дон Салюстиано де Олосага заявил, что «*традиционные препятствия*, стоящие на пути испанской свободы, должны быть разбиты». 6 июня и 6 августа сделаны были попытки пронунсиаменто, которые были сурово подавлены; Прим был сослан под надзор полиции в Овиедо, а Контрерас — в Коруныо. Усиление внутренней смуты настолько испугало королеву, что она призвала к власти Нарваэса.

Военная диктатура. Нарваэс сначала старался управлять страной, строго придерживаясь конституции; он провел выборы в консервативном духе и даровал амнистию своим противникам; но прогрессисты не пожелали сложить оружие. Для борьбы с финансовыми затруднениями правительство задумало продать часть владений короны, причем 75% выручки должны были пойти в казну, а королева довольствовалась 25%. Среди громкого хора льстецов, на все лады восхвалявших

благородство государыни, раздался голос Кастеляра, профессора мадридского университета; он указывал, что Изабелла сохраняет свои дворцы и лучшие земли и при этом присваивает себе четвертую часть стоимости таких имуществ, которые принадлежат только нации. Двор потребовал немедленного увольнения Кастеляра, а когда ректор университета Монтальван отказался исполнить это требование, то он был сам уволен; студенты устроили уволенному ректору приветственную серенаду (8 апреля 1865 г.); полиция разогнала манифестантов. На следующий день в Мадриде начались волнения; конная полиция атаковала толпу, причем 9 человек было убито и 100 ранено; муниципалитет принял сторону населения против правительства, и после двух месяцев борьбы Нарваэс вышел в отставку (21 июня).

Его заменил О'Доннель, который попытался вернуть королеву на путь либерализма; о. Кларет и сестра Патрочинио были удалены от двора; отчуждение церковных имуществ было ускорено; Виктор-Эммануил признан королем Италии. Но О'Доннелю не удалось привлечь на свою сторону прогрессистов; Прим ясно давал понять, что он не остановится ни перед какими препятствиями. Во многих местах вспыхнули военные бунты; политические неурядицы осложнились финансовым кризисом. 22 июня 1866 года в Мадриде взбунтовались артиллерийские полки; О'Доннель подавил восстание и приказал казнить 60 бунтовщиков, приговоренных военным судом к смертной казни; но двор нашел О'Доннеля еще слишком мягким, и 10 июля он должен был уступить место Нарваэсу.

Нарваэс хотел терроризировать оппозицию. Печать была связана по рукам и ногам; все оппозиционные союзы были распущены. Когда кортесы осмелились протестовать против роспуска, то мадридский генерал-капитан граф Често приказал занять дворец кортесов войсками; президент кортесов Риос Розас хотел представить королеве адрес, но подвергся изгнанию; президент сената Серрано последовал его примеру и также был изгнан. Герцог Севильский протестовал против «господствовавшего в Мадриде режима устрашения» и был лишен всех прав испанского принца; герцог и герцогиня Монпансье пытались дать королеве совет и были изгнаны. Никогда двор не являл такого скандального зрелища, как в эту эпоху; королева позволила себе назначить своего фаворита дона Карлоса Марфори министром колоний. Образованные элементы общества решительно отделились от династии, а революционная газета *El Relampago* («Молния») 22 июня 1867 года пустила лозунг: «Долой Бурбонов!» Генерал

Дульге и герцог Монпансье примкнули к революционной партии.

5 ноября 1867 года умер О'Доннель; королева не послала даже на его похороны придворной кареты. Напротив, к чести Нарваэса следует указать, что он шел в первом ряду за гробом и произнес на могиле своего соперника прочувствованную речь.

22 февраля 1868 года Пий IX послал испанской королеве золотую розу; этот подарок служил мистическим свидетельством папской признательности и уважения. При дворе это событие было отпраздновано веселыми демонстрациями, тогда как нация отнеслась к нему безучастно или насмешливо. Смерть Нарваэса (23 апреля 1868 г.) отняла у Изабеллы последнюю опору.

Однако королева все упорнее погружалась в абсолютистскую политику. Она выдавала свою старшую дочь, донну Изабеллу, за графа Жирженти, брата неаполитанского экс-короля, и назначила преемником Нарваэсу сторонника абсолютизма Гонзалеса Браво, который старался разыгрывать роль гражданского диктатора: заключение в тюрьму генералов, изгнание в Лиссабон герцога и герцогини Монпансье, драконовские меры против печати — ничего не было забыто для того, чтобы придать этой диктатуре самый возмутительный характер.

Но в то время как королева выехала на морские купания в Леквейсио, составился заговор, который должен был закончиться революцией. Королева догадывалась о существовании этого заговора и была очень этим довольна. «Эта мелочная полицейская война мне надоела, — говорила она. — Пусть произойдет что-нибудь серьезное, способное хорошенько встряхнуть меня... Тогда мы вытащим кинжал, схватимся с врагом лицом к лицу и насмерть!»

Сентябрьская революция 1868 года. 18 сентября 1868 года эскадра, стоявшая на якоре в Кадиксе и находившаяся под начальством адмирала Топете, взбунтовалась при криках: «Да здравствует народное верховенство!» На следующий день Топете занял Кадикс, Серрано двинулся на Севилью, а Прим с тремя фрегатами отправился поднимать порты Средиземного моря.

Одно время королева думала было отправиться в Кадикс, но гибралтарская флотилия присоединилась к инсургентам. Изабелла приняла отставку Гонзалеса Браво и облекла полномочиями дона Хозе Конча, который выехал в Мадрид и быстро организовал там сопротивление.

В конце сентября Новаличес прошел через ущелье Деспенья-Перрос с 9 000 человек, 1 300 лошадей и 32 орудиями; с своей стороны, Серрано собрал 18 батальонов, 24 орудия и 800 лошадей. Сражение произошло у Альколейского моста на расстоянии одного перехода от Кордовы. Новаличес совершил крупную ошибку: он разделил свои силы на два отряда и двинулся к Альколее по обоим берегам Гвадалквивира; обеим колоннам не удалось соединиться, сам он был тяжело ранен, а его лейтенант Паредес отступил к Эль-Карпио; 2 октября Паредес сдался на капитуляцию и со всей своей армией присоединился к Серрано.

Мадрид уже 3 дня находился во власти инсургентов. Управление городом взяла в свои руки революционная юнта, под председательством дона Паскуаля Мадоса; демократическая юнта раздала народу 40 000 ружей. Изабелла могла бы еще, быть может, вернуть себе симпатии своих подданных, но для этого необходимо было пожертвовать Марфори; на это она, однако, не могла решиться и покинула Сан-Себастиан среди угрожающего молчания, увозя с собой о. Кларета и Марфори. В Биаррице она имела свидание с Наполеоном III, который предоставил в ее распоряжение замок По, где она временно поселилась и откуда обратилась к испанскому народу с горячим манифестом, встреченным на Пиренейском полуострове с полнейшим индиферентизмом.

Конституция 1869 года. Сентябрьская революция была встречена во всей Испании с неописуемой радостью; как и в 1854 году, всем казалось, что свобода спасена от грозивших ей опасностей. Но как это, к несчастью, всегда бывало в Испании, революция была понята только кучкой избранников; масса оставалась в стороне или служила бессознательным орудием в руках наиболее смелых и энергичных людей. Деятели сентябрьского переворота далеко не были согласны между собой; одни хотели провозгласить республику, а другие хотели сохранить монархию, переменив только династию, и в продолжение двух лет Испания истощала свои силы в ожидании конституции, а затем короля.

25 октября 1868 года революционное министерство декретом ввело всеобщее избирательное право, свободу совести, печати и обучения, свободу союзов и собраний. Учредительные кортесы были созваны на 11 февраля 1869 года; избирательная кампания сопровождалась довольно серьезными беспорядками в Таррагоне, Бадахосе, Севилье, Кадиксе и Малаге. В Мадриде состоялся монархический митинг на эспланаде Королевских конюшен и республиканская манифестация в Кампо-де-ла-

Леальтад. Избиратели послали в кортесы большинство прогрессистских депутатов; было выбрано также несколько республиканцев, несколько карлистов и только два-три умеренных.

11 февраля 1869 года Серрано торжественно открыл учредительные кортесы, которые облекли его званием главы исполнительной власти. Конституционная комиссия немедленно принялась за работу. Серьезная борьба завязалась по поводу статьи о свободе совести; 9 000 петиций, покрытых 3 миллионами подписей, требовали, чтобы единственно дозволенной религией объявлен был католицизм; но несмотря на эту внушительную манифестацию прогрессисты внесли принцип свободы культов в конституцию, которая принята была 1 июня и обнародована 6-го. Члены Бурбонского дома лишены были права на престол и на занятие каких-либо общественных должностей.

Трудно было выработать конституцию, но еще предстояло добиться для нее народного утверждения; против нее были прежние умеренные, карлисты и республиканцы; в Малаге, Севилье и Аликанте вспыхнули беспорядки. Когда правительство начало применять суровый закон 17 апреля 1821 года, то республиканское меньшинство протестовало и начало волноваться; Сарагосса, Валенсия и Барселона восстали. Пи-и-Маргаль заявил даже на заседании кортесов, что «каталонские и европейские рабочие подготовляют в свою пользу социальную революцию против остальных классов». С другой стороны, правительство было раздражено поведением духовенства, которое открыто проповедовало восстание; оно хотело принудить священников принести присягу на верность конституции; значительное число духовных лиц отказалось от присяги, а в северной части Испании составилась сильная партия, высказавшаяся в пользу дона Карлоса, сына дона Хуана Бурбонского.

Кандидаты на испанский престол. В избрании короля Прим усматривал средство для прекращения терзающих страну бедствий; претендентов на престол было немало, но испанцы не хотели тех, кто готов был бы принять корону, а те, кого народ желал бы, не хотели принимать предложения.

Несмотря на отречение королевы Изабеллы от престола (в Париже 25 июня 1869 г.), сын ее дон Альфонс насчитывал в стране пока немного партизанов.

Герцог Монпансье не пользовался популярностью и обнаружил неуместную торопливость; он имел несчастье убить на дуэли своего кузена, герцога Севильского; кроме того против

него давно уже высказывалось французское правительство, и его кандидатура окончательно была снята с очереди.

Фердинанд Савойский, герцог Генуэзский, брат Виктора-Эммануила, отклонил всякую кандидатуру.

Дон Фернандо (Фердинанд Саксен-Кобургский), муж покойной португальской королевы, был кандидатом сторонников иберийского единства; Наполеон III благосклонно смотрел на эту кандидатуру, но король отказался, говоря, что для него это вопрос совести; 5 апреля 1869 года он по телеграфу отказался принять депутацию от кортесов. Прим был крайне раздосадован этим отказом и больше не настаивал. На самом деле, в данном случае король руководился не столько голосом совести, сколько соображениями выгоды; он опасался, в случае революции в Испании, потерять цивильный лист, которым он пользовался в Португалии; кроме того, он был женат на иностранке, г-же Генслер, которой прусский король даровал титул графини Эльдской, и он опасался, что испанцы окажут его жене недостаточно королевский прием.

Измученный Прим предложил корону королю португальскому дону Люжу (Людовику I), который ответил, что «он родился португальцем и желает умереть португальцем» (28 сентября 1869 г.).

В мае 1870 года испанцы вторично обратились к дону Фернандо, который снова ответил отказом (15 мая); в июле сделана была новая попытка. 15 июля испанский посланник в Лиссабоне телеграфировал Приму, что Фернандо согласился принять корону; казалось, все было улажено, и 22 июля Прим официально предложил корону дону Фернандо, который ответил новыми требованиями; переговоры тянулись до 30 июля, не приводя ни к какому результату, так как португальцы и слышать не хотели об объединении своей страны с Испанией.

Во время переговоров с доном Фернандо одному берлинскому банкиру пришла в голову оригинальная идея выдвинуть кандидатуру немецкого принца, Леопольда Гогенцоллерн-Зигмарингенского. Прим послал в Берлин Саласара-и-Масарредо, которому поручено было переговорить с отцом принца Леопольда; прусский король и Бисмарк сделали вид, что в этих переговорах они видят чисто личное дело принца Леопольда. «Если во Франции по этому поводу поднимут шум, — писал Бисмарк, — то мы просто спросим: чего вы от нас хотите? Желаете ли вы продиктовать решение испанской нации и частному лицу — немцу?»

Эта несчастная и нескромно разглашенная кандидатура послужила поводом к франко-прусской войне. В октябре

1870 года Прим поручил справиться в Берлине, согласится ли принц Леопольд принять корону в том случае, если кортесы изберут его королем. Прусский король ответил, что он в данном случае не может вмешиваться в качестве главы Германского союза и что с этим вопросом следует обратиться к принцу. Бисмарк поступил смелее; когда итальянское правительство запросило его, правда ли, что принц Леопольд уже не является кандидатом, то он отказался отвечать и даже не разрешил итальянскому представителю отправиться в немецкую главную квартиру для свидания с принцем. Майор фон Ферзен явился даже к Приму просить содействия Испании в войне против Франции, но Прим благородно отказал.

Спустя некоторое время де Кератри, делегированный правительством национальной обороны, в свою очередь пытался вовлечь Испанию в войну против Германии. Переговоры зашли, кажется, довольно далеко, но не привели ни к каким определенным результатам; во всяком случае кандидатура немецкого принца была снята. Тогда испанцы обратились к принцу Амедею Савойскому, на избрание которого державы выразили свое согласие. Кортесы выбрали его королем Испании в ноябре 1870 года 191 голосом из 311. Дон Карлос и донна Изабелла протестовали, а 30 декабря, в тот самый день, когда Амедей высаживался в Карфагене, Прим был убит в Мадриде при выходе из парламента.

Но на этом период гражданских войн в Испании не закончился.

Испанская литература и наука. Народное образование было реорганизовано в 1845 году; число университетов было доведено до десяти, находившихся в Мадриде, Барселоне, Севилье, Сантьяго, Вальядолиде, Валенсии, Гранаде, Сарагоссе, Саламанке и Овиедо; а в 1860 году в них насчитывалось около 9 000 воспитанников. Сделаны были некоторые весьма осторожные попытки, направленные к установлению свободы обучения. Профессор мадридского университета Юлиан Санц дель Рио популяризировал для своих соотечественников сочинения немца Краузе. Ученые критики Карлос Арибау, Фернандес Гверра, Августин Дуран и Гарцембуш издали сочинения *Кветедо*, *Romancero*, *Кальдерона*, *Аларкона*, *Тирсо де Молины* и *Лопе де Вега*. Но круг ученой публики был очень ограничен, и серьезные журналы не могли привиться в Испании.

Юриспруденция нашла блестящего представителя в лице Иоахима Франциска Пачесо, *Лекции по уголовному праву* которого до сих пор считаются в Южной Америке классическим

сочинением. Прекрасная книга Фермина Кабальеро, озаглавленная *Fomenta de la poblacion rural*, является одним из лучших сочинений по политической экономии, появившихся в Испании. *Географический словарь* каталонца Паскуаля Мадоса полон интересных сведений.

Естественные науки развивались еще медленнее, чем филологические; однако открытия, сделанные иностранными учеными, начали уже мало-помалу проникать в Испанию. Рамон Пельико напечатал прекрасное *Руководство к геологии*, а Кассиано де Прадо предпринял подробное научное изучение нескольких провинций полуострова.

Гораздо более серьезные успехи сделала историческая наука. Историки старались соединить точность древних национальных летописцев с методами новейших историков; вместе с тем они делали похвальные усилия достигнуть беспристрастия. Самым обширным, если не самым удачным сочинением является *Всеобщая история Испании* Модеста Лафуэнте, в которой важнейшие события национальной истории изложены в стройном порядке; недостаток этого труда заключается в отсутствии философских взглядов и художественной формы. Гораздо привлекательнее написаны *История испанской цивилизации* Евгения Тапии, *Жизнь Аргвеллеса* Эваристо Сан-Мигуэля и *История царствования Карла III* Антонио Феррер дель Рио, ученый труд, составленный в виде связного и интересного пересказа событий. Этого же нельзя сказать об *Истории гражданской войны* Антонио Пиралы, представлявшей беспорядочно нагроможденную кучу мелких фактов, в относительной важности которых автору удавалось разобраться только в самых редких случаях.

Изящная литература продолжала развиваться под влиянием французского романтизма и выдвинула множество поэтов и драматургов, которые в целом представляют плеяду привлекательных и выдающихся умов, но которые почти все отличаются скорее техническим искусством, чем творческим воображением, и характеризуются почти полным отсутствием поэтической искренности. Они писали исторические трагедии, как, например, *Rica hembra* («Знатная дама») Тамайя-и-Бауса, *Князь Вианский* донны Гертруды Авеланеда, *Филипп II* Хозе Мариа Диаса и *Два фаворита* Руби. Время от времени появляются некоторые оригинальные опыты новейшего театра, как, например, *Брачный крест* Эгвиласа, *Стеклянная крыша* и *Проценты* Александра Лопеца де Айалы. Около середины XIX столетия в публике развился вкус к комической опере (*Zarzuela*), что побудило каталонца Кампродона написать несколько

оригинальных либретто или приспособить к испанской сцене либретто иностранных авторов; публика аплодировала музыке Барбиери, Ариета, Гастамбида и Удрида, и комическая опера окончательно акклиматизировалась в Мадриде.

Среди поэтов Рамон Кампоамор своими произведениями *Doloros Poesias* и своей *Drama unirersal* составил себе в Испании одно из самых популярных имен; из других поэтов укажем Мануэля Паласио, который смелостью своей сатиры иногда напоминает Кеведо Арнао, который был певцом религии, и Антонио де Труэбо, который в своей *Libro de los cantores* дал нам, пожалуй, образец кастильской народной поэзии.

Романистов в этот период было очень много, но почти все они культивировали искусственный и несколько устарелый жанр исторического романа и романа приключений. Энрико Перец Эсрич написал 30 томов, Мануэль Фернандес-и-Гонзалес провел свои трескучие романы через все эпохи испанской истории. Тенденциозный роман также пользовался большой популярностью и нашел своего главного представителя в лице донны Цецилии Боль фон Фабер, известной в литературе под псевдонимом Фернана Кабальеро. Дочь поселившегося в Кадиксе гамбургского купца, она была в дружбе с королевой Изабеллой и употребила свой талант на службу абсолютистским и реакционным идеям своей августейшей покровительницы. Эта политическая тенденция вредит достоинству ее сочинений и придает им характер утомительного однообразия, но всякий, кто захочет хорошо ознакомиться с эпохой Изабеллы II, должен прочесть произведения Фернана Кабальеро, и наряду с ложными мыслями он найдет в них прелестные описания, порывы искреннего чувства и в особенности много андалузского остроумия и изящества.

В 1869 году появилась книга, написанная 20-летним автором, *La Fontana de Oro* Бенито Переса Гальдоса; это сочинение было первым томом целой серии национальных романов (*Episodios nacionales*), в которых автор задумал изобразить политическую и социальную эволюцию своего отечества в XIX столетии. Перес Гальдос выступил в качестве совершенно определенного прогрессиста; появившись в свет вскоре после сентябрьской революции, его книга была как бы боевым кличем и победоносным вторжением либерализма в литературу.

Наряду с романистами следует отвести важное место полиграфам, как, например, Кановас дель Кастильо, историк и полемист; Педро Антонио Аларкон, журналист, драматург

и романист; Эмилио Кастеляр, экономист, историк, эстетик, романист и лектор.

Испанский язык как бы нарочно создан для трибуны и кафедры; залы кортесов и мадридского Атенея слышали замечательных ораторов, как консерватор Донозо Кортес, абсолютист и скептик Гонзалес Браво, честный и убежденный Антонио Рос Розас и все корифеи прогрессистской партии, Олосага, Мариа Риверо, Руис Зорилья, Фигверас, Сальмерон, Пи-и-Маргаль и чудный оратор Кастеляр, живое воплощение испанского красноречия.

Пресса также служила трибуной для всех этих людей, и хотя народное образование в Испании до сих пор оставляет желать очень многого, в Мадриде в 1867 году насчитывалось 134 газеты, из них 17 политических и 32 литературных. *Heraldo* был органом умеренных, *La Epoca* — органом Либерального союза, *Clamor publico* — органом прогрессистов. Первые манифесты республиканской партии были опубликованы Кастеляром сначала в *La Discusion*, а затем в *La Democracia*. В провинции влиятельными выразителями баскских и каталонских патриотов были *Diario de Barcelona* и *Irurac bat*, выходившие в Бильбао.

Правда, во всех этих изданиях выступало больше риторов, чем действительно компетентных людей, а общественное сознание сделало хотя и действительные, но не столь быстрые успехи, как это можно было бы предположить по значительному количеству и таланту его воспитателей. Блестящему многословию литераторов, ораторов и журналистов этого периода слишком часто нехватало серьезности; прогресс испанской культуры постепенно доставит им недостающие пока качества. Пусть только Испания старается сохранить свои блестящие дарования и пусть она решительно порвет с предрассудками, привитыми ей теократическим воспитанием, — и она сделается самой оригинальной и живой из латинских наций.

II. ПОРТУГАЛИЯ

Португалия с 1847 до 1870 года. В рассматриваемый период политическая жизнь в Португалии отличалась почти такой же неустойчивостью, как и в Испании: здесь имели место свои пронунсиаменто и государственные перевороты, а во главе кабинета сменилось 12 премьеров, не считая многочисленных перетасовок в личном составе отдельных министерств.

В Португалии, как и в Испании, парламентский режим являлся заграничным продуктом и чисто искусственным учреждением, и нетрудно понять, что в стране, лишенной общественного мнения, нелегко было акклиматизироваться форме правления, основанной именно на общественном мнении. Идеи и принципы были для массы лишенными содержания формулами, которые просто служили игрушкой или оружием в руках борющихся партий; перебрасываемые как мячик справа налево, они утрачивали свою рельефную форму и теряли всякое значение; общество перестало их понимать, а политиканы ломались перед невнимательной и скучавшей нацией, искавшей только материального благополучия.

Португалия была «обширной Баратарией, управляемой королем Санчо». Всеобщий индифферентизм имел, по крайней мере, ту хорошую сторону, что он низвел политические партии до уровня простых котерий и таким образом помешал их борьбе принять особенно острые формы; страна не потрясалась ежеминутно революционными взрывами, и Португалия, под патриархальным управлением патриотических и умных монархов, сделала значительные успехи.

Сальданья и Коста Кабраль. Период, наступивший вслед за революцией 1847 года, отмечен в истории Португалии борьбой между маршалом Сальданьей и Коста Кабралем. «Для Сальданьи, лишенного определенных взглядов на вещи, партии и программы играли роль чисто случайных явлений, а так как партии и программы постоянно возникали, росли и падали, то маршал к концу своей жизни последовательно имел почти столько же мнений, сколько и лет». Суровый и властный Коста Кабраль имел на своей стороне то преимущество, что он привык к государственным делам и обладал значительным правительственным опытом. В продолжение двух лет (1847—1849) Сальданья удачно боролся с своим противником, но в 1849 году Коста Кабраль одержал над ним решительную победу.

Как мудрый политик, он пытался удержать старого солдата и привлечь его к своему делу, но голос самолюбия заглушил в Сальданье утилитарные соображения, он отказался от каких-либо компромиссов и перешел в оппозицию. Он употребил два года на подготовление к атаке, втерся в доверие к самым выдающимся деятелям страны, как Феррер, Суре, Пестана и Геркулано, и объявил себя либералом с целью вернее одурачить либералов, которые надеялись найти в нем представительного вождя и управлять от его имени, льстя его самолюбию и хорошо оплачивая его услуги. 17 апреля 1851 года он

возбудил восстание в Опорто с помощью богатого прогрессистского фабриканта Викторино Дамасио. Двор не оказал никакого сопротивления, а 15 мая Сальданья торжественно вступил в Лиссабон при бурных ликованиях толпы, приветствовавшей в его лице представителя национального возрождения.

Возрождение. Коалиция, доставившая власть Сальданье, представляла главным образом синдикат финансистов и дельцов. Сальданья служил вывеской для известной предпринимательской фирмы, но вместо морального возрождения, которого требовал простодушный Геркулано, «первосвященник» нового культа Родриго и его «диакон» Фонтес дали толчок материальному прогрессу. Португальское возрождение в общем итоге оказалось просто царством капитала. Фонтес формулировал дух новой системы, сказав, что «он отвечает за спасение страны, если бы возможно было издать закон, вменяющий всем португальцам в обязанность путешествовать три месяца в году».

Дон Педро V. Смерть королевы донны Марии (15 ноября 1853 г.) доставила корону дону Педро V, молодому 16-летнему принцу, который сначала царствовал под опекой своего отца дона Фернандо (Фернандо Саксен-Кобургского). Регент был образованным человеком с артистическими вкусами; проникнутый современным духом, он философски относился ко всем передрягам португальской политики. Он поручил воспитание своего сына историку Геркулано, а затем для пополнения образования послал его путешествовать во Францию, Англию, Швейцарию, Бельгию и Италию. Объявленный совершеннолетним в 1855 году, дон Педро обнаружил развитой ум и стремление к общественному благу, а его путешествия, раскрывшие ему недостатки португальского общества, сделали его каким-то иностранцем в собственной стране. При нем *историческая* партия сменила партию *возрождения*; при нем пал Сальданья (1856), а после него власть перешла к герцогу Луле, знатному вельможе, женатому на принцессе, революционному вождю и франкмасону, внесшему и в революционную деятельность свои аристократические приемы и спокойную невозмутимость гидальго старого времени, затем к герцогу Авиле, а от него к члену партии *возрождения*, Терсейре. Он действительно любил и уважал только маркиза Луле.

Король приобрел огромную популярность своим мужеством, выказанным во время опустошавших Лиссабон эпидемий холеры и желтой лихорадки. Его жена Стефания Гогенцоллерн-Зигмаринген, скоро сделалась столь же популярной,

как и ее муж; но преждевременная смерть молодой королевы еще усилила меланхолию короля. Его обвиняли в клерикализме за то, что он ввел в Португалии женские благотворительные монашеские ордена («сестры милосердия»); он не чувствовал в себе достаточной энергии для того, чтобы решительно взять в свои руки бразды правления, как этого требовал народ, и умер 11 ноября 1861 года.

Дон Люис I. Дону Педро наследовал его брат, дон Люис, герцог Опортский; он окружил себя новыми людьми, как Казаль, Серпа, Мартенс, Сампайо, которые придали португальской политике ярко выраженный прогрессистский характер. «Сестры милосердия», на которых косо смотрели либералы и португальское духовенство, были изгнаны из Португалии. Король женился на дочери Виктора-Эммануила.

Интересы торгово-промышленных слоев составляли предмет неусыпной заботливости короля и его министров; в том самом году, когда открыто было движение по линии Бадахос — Лиссабон, внутри страны были отменены паспорта как для португальцев, так и для иностранцев. В 1866 году открыта была в Опорто всемирная выставка; в 1867 году введена была метрическая система весов и мер; территориальное деление страны было преобразовано в таком направлении, чтобы дать удовлетворение стремлениям к децентрализации; обнародован был свод гражданских законов, а в 1868 году отменено рабство в португальских колониях.

Внимание правительства было привлечено двумя важными вопросами, испанским и финансовым. Мы уже видели, как был разрешен первый вопрос; второй не разрешен и до сих пор.

Португалия влезла в долги во время войны за независимость; гражданские войны стоили ей очень дорого, а бремя государственных долгов было еще увеличено займами, заключенными Мигуэлем на крайне невыгодных условиях. В 1852 году государственный долг Португалии достиг уже 44 470 миллионов мильрейсов; в это время он был конвертирован в 3-процентную ренту, но рост общественных работ, казнокрадство и спекуляция довели долг до 137 998 миллионов в 1863 году, и в то время как государственный долг возрос вчетверо, торговые обороты Португалии с трудом вернулись к цифре 1818 года (до потери Бразилии).

Герцог Луле пытался бороться с этим злом; король подал хороший пример, добровольно сократив цивильный лист; но когда он пожелал уменьшить число членов парламента, в стране поднялось сильное волнение; когда он издал декрет

о продаже церковных имуществ, старый маршал Сальданья, бывший тогда посланником в Риме, подал в отставку, а 19 мая 1870 года вспыхнул военный бунт, повлекший за собой падение герцога Луле, роспуск кортесов и составление кабинета Сальданьи, который, впрочем, также просуществовал недолго.

Португальская литература. После глубоких политических потрясений, которыми ознаменовалось в Португалии начало XIX столетия, восстановилось относительное спокойствие, позволившее писателям и мыслителям приступить к делу национального воспитания. Они принялись за работу с таким усердием, что литературное движение этого периода можно с достаточным основанием назвать третьим португальским ренессансом.

Родоначальником этого ренессанса явился талантливый писатель, барон И. Б. Альмейда-Гаррет, родившийся в Опорто в 1799 году. Гаррет провел 10 лет своей жизни (1823—1833) в Англии и во Франции и по возвращении в отечество издал свой «*Очерк португальской истории и поэзии*», послуживший как бы манифестом новой школы: из его многочисленных прозаических и стихотворных произведений укажем на поэмы *Донна Бранка* и *Камоэнс*, драмы, комедии и *Путешествие по родной стране*, одну из распространеннейших книг португальской литературы.

Антонио Фелисиано дель Кастильо (1800—1878), ослепший в шестилетнем возрасте, написал много художественных и прочувствованных поэм, проникнутых свойственной португальскому духу меланхолией; из них наибольшей известностью пользуются *Ревность барда*, *Ночи в замке* и *Весна*. Александр Геркулано-и-Араухо, родившийся в Лиссабоне в 1810 году, получил воспитание в Париже и подготовлялся к карьере историка путем создания поэтических произведений и исторических романов; написав *Maître Gil*, *Arrhas por foro d'Hespanha*, *Дама с козлиным копытом*, он составил обширную, но, к сожалению, незаконченную *Историю Португалии*, которая доставила ему почетное место среди историков XIX века.

Еще большей плодовитостью отличался Хозе да Сильва Мендес Леаль, который прославился как поэт, драматург, романист, историк, журналист и государственный деятель. Его драмы *Blanche etoile*, *Наследство канцлера*, *Педро* пользовались прочным успехом; его исторические этюды *Два полуострова* и *Национальные памятники* заслуживают быть поставленными рядом с произведениями Геркулано.

Ребельо да Сильва, Хозе да Андраде, Корво да Камоэнс, Камилл Кастельо-Бранко, Франциск Гомец да Аморим, Эрнест Бистер, Абранчес, Тихейра да Васконсельос также писали романы и драматические произведения. Латино Коэльо дал этюд о *Маркизе Помбале* и *Политическую и военную историю Португалии.* Оливейра Мартинс также составил *Историю Португалии* и *Современную Португалию*, написанную страстным тоном, но читающуюся с удовольствием.

Португальская пресса насчитывает в своих рядах множество талантливых писателей, а основанные королем Педро V «Высшие литературные курсы» в Лиссабоне также сыграли известную роль в литературном развитии страны.

Научная деятельность в Португалии, правда, отстала сравнительно с литературной; тем не менее географические исследования могут похвастать некоторыми успехами; университет в Коимбре обладает прекрасной библиотекой и великолепными естественно-научными коллекциями; в Лиссабоне существует обширная медицинская школа, а астрономические обсерватории в Лиссабоне, Коимбре и Опорто снабжены полным набором инструментов. Португалец может получить серьезное и всестороннее образование, не выезжая из своей страны.

ГЛАВА X

АНГЛИЯ

1846—1872

I. РОССЕЛЬ И ПАЛЬМЕРСТОН (1846—1852)

Министерство вигов и Роберт Пиль. Распадение консервативного большинства в июне 1846 года надолго нарушило правильное течение конституционной жизни. Во главе либерального министерства, опиравшегося на меньшинство, стал Джон Россель, который мог держаться только благодаря расколу в лагере своих противников, разделившихся на протекционистов и «пилитов»; во главе протекционистов сначала стоял лорд Джордж Бентинк, а затем Стенли и Дизраэли, характер и приемы которого вызывали, впрочем, среди них недоверие; «пилитами», среди которых находился Гладстон, руководил их великий вождь сэр Роберт Пиль. Пока жил Пиль, игравший в парламенте решающую роль и не выказывавший особенного желания вернуться к власти, до тех пор находившееся под его покровительством министерство могло быть спокойно. А после того, как он скончался вследствие падения с лошади (1850), либеральный кабинет, прочность которого подрывалась вдобавок независимым характером лорда Пальмерстона, почти диктаторски управлявшего министерством иностранных дел, потерпел несколько более или менее явных и наполовину замятых кризисов.

Новые успехи свободной торговли. Вопрос о хлебных пошлинах сделал Пиля сторонником «свободы торговли», и он же принудил Росселя, впрочем, убежденного фритредера, продолжать дальнейшее движение в том же направлении. В начале 1847 года в Англии хлеб продавался даже дороже, чем во всякую другую эпоху: по 102 шиллинга за квартер; через два года беспошлинный привоз хлеба к общему удовольствию вступил в полную силу надолго, если не навсегда,

так как в земледелии наступил новый период прогресса. В том же 1849 году отменен был Навигационный акт, несколько смягченный уже Каннингом, и с этого момента суда всех национальностей получили право ввозить в Англию продукты всех частей света.

Успехи свободной торговли вместе с успехами демократии проявились во время выборов 1847 года, пославших в парламент «максимальное число дельцов и представителей средних классов, какое там когда-либо видели». Джон Брайт, которому принадлежат вышеприведенные слова, принял мандат от манчестерских либералов, для того чтобы в более непосредственной форме представлять «те великие принципы, с которыми славно связано имя Манчестера». Во время избирательной кампании он произнес радикальную речь: «Я не могу похвастать ни благородной кровью, ни своими предками, которые были такими же работниками, как и вы. Естественно, что мои симпатии обеспечены моему классу, и я гораздо сильнее желаю возвысить его, чем возвыситься над ним». Принадлежа, впрочем, к буржуазии, а не к рабочему классу, он заявил, что в качестве депутата от Дургема он вотировал против 10-часового рабочего дня, «не желая отнять остальных двух часов у английских фабрикантов».

Ирландские бедствия и усилия Росселя. Несмотря на энергичные и полезные меры Пиля, кормившего на государственный счет 500 000 душ, Ирландия в 1846—1848 годах находилась в самом ужасном состоянии. Вследствие полного неурожая картофеля голод XIII века, как сказал министр, обрушился на народ XIX века; доведенные до отчаяния крестьяне обратились против землевладельцев, которые сами очутились в незавидном положении, но — следует признаться — повысили свои требования от арендаторов. К чести Росселя следует сказать, что он отнесся к этому положению с гуманностью, либерализмом и твердостью и, несмотря на некоторые ошибки и непредусмотрительность, облегчил страдания ирландцев, если не в пределах возможного, то в пределах ему доступного.

Предпринятые в широких размерах общественные работы плохо помогали глубокой нищете народа. Правительство начало относиться с большей осторожностью к убыточной организации работ, но зато усилило подачу помощи нуждающимся на дому; полагая, что все эти средства неспособны помочь горю до тех пор, пока размеры населения превышают тот максимум, который может прокормиться продуктами данной земельной площади, правительство не только не смотрело

на эмиграцию, как на нежелательное явление, но, наоборот, всячески поощряло ее и старалось ею руководить. Нищета и выселение быстро уменьшили количество проживавших в Европе ирландцев, а вместе с тем число ирландцев в Америке возросло; будучи, естественно, заклятыми врагами своих бывших угнетателей, они серьезно угрожали английскому общественному порядку.

Стараясь придать более мирный характер взаимным отношениям лэндлордов и фермеров, Россель остановился на двух средствах, способных, по его мнению, привести к этой цели, а именно, на уменьшении нужды землевладельцев в деньгах и на доставлении арендаторам большей независимости.

И действительно, в Ирландии лицом к лицу стояли два класса: с одной стороны, помещики, обремененные гипотечными долгами, которые поглощали свыше половины получаемой ими ренты; с другой, фермеры, которым во всякое время грозило «изгнание» без вознаграждения за труд, потраченный ими на улучшение своих участков. Поэтому министр предложил двойной билль, по которому имения, обремененные долгами выше известной нормы, подлежали продаже, а изгнанным арендаторам обеспечивалось вознаграждение за произведенные ими работы.

Состояние английского общественного мнения в рассматриваемую эпоху не позволяло еще осуществить вторую часть этого проекта; прошла только первая часть, получившая название «Акта о задолженных имениях» *(Encumbered Estates Act);* в своем изолированном виде этот закон, пожалуй, не заслуживал восторга, обнаруженного его автором, который предпринял даже специальное путешествие для того, чтобы обеспечить точное его применение на практике. Старинные наследственные землевладельцы, которых традиционные связи со своими — также наследственными — арендаторами вынуждали к несколько бережному отношению к своим фермерам, слишком часто уступали место пришлым со стороны спекулянтам, беспощадно эксплоатировавшим несчастных крестьян через посредство своих агентов; однако, вследствие ли издания упомянутого Акта, или благодаря строгим мерам министра внутренних дел, лорда Грея, число аграрных выступлений в течение 20-летнего периода уменьшилось в 10 раз.

Революция 1848 года и чартисты. Эти трудные годы, характеризовавшиеся столь смутными обстоятельствами как на британских островах, так и на континенте, чуть было не

были омрачены войной между Англией и Францией; настолько страсти были возбуждены вопросом об испанских браках. Пресса была полна оскорбительных статей и карикатур, направленных против Луи-Филиппа и членов его семейства; а в высших сферах Россель, раздраженный почти так же, как и Пальмерстон, вместе с Веллингтоном вырабатывал план национальной обороны.

Происшедшая в Париже февральская революция произвела на английское общество не такое дурное впечатление, какое она произвела бы при других обстоятельствах; но это быстрое ниспровержение правительства, построенного по английскому либеральному образцу, этот внезапный прыжок из слишком узкой ограды цензитарного режима в темную пропасть всеобщего избирательного права претили английскому национальному духу. Поэтому, в то время как вторая французская революция 1830 года, аналогичная английской революции 1688 года, оказала непосредственное влияние на конституционное развитие Англии, третья революция, подобно первой, обусловила скорее движение в сторону реакции: палата лордов отвергла проект о допущении евреев в парламент, и вообще всякое новшество встречалось с крайней неохотой.

Это настроение с особенной яркостью обнаружилось по поводу следующего инцидента. Вождь чартистов, депутат Фиргус О'Коннор, созвал в Кеннингтонском парке митинг-монстр для того, чтобы отнести в парламент колоссальную петицию, покрытую, по его словам, более чем пятью миллионами подписей. Правительство поспешило напомнить, что законом воспрещается подавать петиции скопом, и предложило выдать всем желающим специальную, т. е. временную, констэбльскую дубинку на 10 апреля; на это приглашение откликнулось 200 000 охотников, что придало добровольческой полиции характер настоящей национальной демонстрации против космополитического революционного движения. Чартистская демонстрация закончилась неудачей: толпа манифестантов оказалась гораздо малочисленнее полчищ добровольных констэблей.

В Ирландии движение носило не такой комический характер, но не было столь широким. Смит О'Бриен безуспешно напал на полицейский пост. В Шотландии произошло еще более серьезное восстание в Глазго, закончившееся неудачей. И в своей речи 5 сентября королева могла сказать: «Сила наших учреждений подверглась испытанию и доказала свою прочность. Я старалась сохранить для доверенного моим

заботам народа пользование той умеренной свободой, которую он так правильно умеет ценить».

Пальмерстон и двор; «Civis Romanus». Происходившие на континенте события, сначала — революционные движения, а затем восторжествовавшая с 1849 года реакция, встречали неодинаковое к себе отношение в английских высших сферах: министерство иностранных дел и двор проникнуты были различными чувствами, причем Россель терялся, поставленный между двух огней, между европейским радикализмом своего коллеги и европейским консерватизмом своей государыни. Пальмерстон ставил свой европейский радикализм выше своего английского радикализма: «Пример Франции, — писал он, — поднимет на ноги наше население, не участвующее в выборах, и вызовет вопли относительно расширения избирательного права, закрытой баллотировки и тому подобных пагубных вещей. И тем не менее в настоящий момент я кричу: да здравствует Ламартин!» Это преклонение продолжалось недолго, так как французская конституция произвела на него впечатление чего-то нежизнеспособного, но он попрежнему оставался решительно враждебен всем попыткам монархической реставрации и выражал все бо̀льшую симпатию президенту; он оказывал поддержку революционерам других стран, даже после подавления восстаний, и с удовольствием смотрел на приезд эмигрантов в Лондон.

Королева, недовольная его замашками, напоминавшими скорее диктатора, чем министра, обратилась к нему с следующим *меморандумом*, который сначала сохранялся втайне: «Королева требует, во-первых, чтобы лорд Пальмерстон определенно указывал, что именно он предлагает в каждом данном случае, дабы она знала, чему она дает свою королевскую санкцию. Во-вторых, дав свою санкцию одному мероприятию, она требует, чтобы это мероприятие произвольно не извращалось и не изменялось министром. Подобный поступок она будет рассматривать, как недостаток чистосердечия по отношению к короне, и она полагает, что будет иметь право, в силу своей конституционной власти, наказать министра за такой поступок увольнением его от должности. Она желает получать сведения обо всем, что происходит между министрами и иностранными посланниками, раньше чем будут приниматься какие-нибудь важные меры, основанные на этих отношениях, желает во̀-время получать приходящие из-за границы депеши, заблаговременно получать копии ответов, подлежащих ее утверждению, дабы она имела возможность ознакомиться с ними прежде, чем они будут отправлены». Этот документ

имеет выдающееся значение для истории царствования королевы Виктории.

В том же году Пальмерстон одержал свою величайшую победу в области шовинистической риторики. Он давно уже косо посматривал на греческое правительство, по его мнению, рабски преданное России и Франции; он поднял страшный шум по поводу гибралтарского еврея, состоявшего под английским покровительством, дона Пачифико, дом которого был разграблен в Афинах толпой; этот инцидент повел к дипломатическим осложнениям; Пальмерстон не только требовал уплаты вознаграждения потерпевшему, но занял угрожающую позицию, чуть было не закончившуюся общеевропейской войной. Действия министра вызвали дебаты в палате, во время которых он экспромптом произнес пятичасовую речь, заключение которой встречено было с энтузиазмом: «По примеру древних римлян, которые полагали, что заявление «*Civis Romanus sum*» (я — римский гражданин) обеспечивает им всеобщее уважение, англичанин, где бы он ни находился, может быть твердо уверен, что Британия неусыпно охраняет его интересы».

Трения на религиозной почве. За последние 20, а особенно за последние 10 лет англиканская церковь не пользовалась ни прежними привилегиями, ни прежним внутренним миром. Католики еще в большей степени, чем диссиденты, воспользовались падением старых барьеров; они вербовали прозелитов в высшем обществе, а известная группа англиканцев, не сливаясь окончательно с католиками, приблизилась к ним в форме религиозного движения, получившего название «пюзеизма». В 1851 году папа счел момент удобным для того, чтобы открыто назначить католических епископов; это вызвало сильную национальную реакцию в Англии.

Лорд Джон Россель и английский народ усмотрели в этом придании католической иерархии открытого характера покушение на права королевы и официальную протестантскую церковь; издан был оставшийся без применения закон, признававший недействительным всякое назначение этого рода и всякий дар, сделанный католическим епископом. Королева, недовольная поднятым шумом, писала: «Я всегда была и всегда останусь искренней протестанткой, но я сожалею о том, что такое значительное число моих подданных обнаружило на народных собраниях дух нетерпимости». Первый министр впоследствии объяснил, что он хотел только оградить национальную иерархию от всяких на нее поползновений.

Кризис и всемирная выставка (1851). Во время обсуждения этого платонического закона чуть было не произошел министерский кризис. За последнее время землевладельцы и арендаторы добивались восстановления хлебных законов. Сельские тори, попрежнему руководимые Дизраэли, потребовали, чтобы министерство приняло меры против критического положения сельского хозяйства, т. е. попросту, чтобы оно восстановило покровительственные пошлины; этой цели они не достигли, но им удалось добиться резолюции в пользу расширения избирательного права в сельских округах. Россель подал в отставку, но так как его противники не в состоянии были составить кабинета, то он снова взял бразды правления в свои руки.

Поколебленное министерство на этот раз было спасено от крушения великим предприятием принца Альберта — первой всемирной выставкой, которая должна была явиться как бы иллюстрацией свободной торговли и всеобщего мира. Но именно ввиду такого характера выставки подозрительные патриоты относились к ней с опаской; один депутат, известный своими огромными усами, полковник Зибторп, усмотрел в ней нашествие папизма и неверия и многие другие опасности: «Берегите, — говорил он, — ваших жен и детей, охраняйте ваше имущество и даже вашу жизнь». Хрустальный дворец, по мнению этих пророков, должен был погубить и обесчестить Англию; на самом же деле он доставил ей, равно как и королевской чете, самый блестящий успех.

Кошут и второе декабря; падение Пальмерстона. Два обстоятельства усилили разногласия, существовавшие между двором и министерством иностранных дел. Пальмерстон выступил в защиту венгерского экс-диктатора Кошута, выдачи которого Австрия требовала от турецкого султана; прожив два года во внутренних провинциях Турции, Кошут приехал в Лондон. Прекрасно владея английским языком, он читал лекции, пользовавшиеся колоссальным успехом в Англии; королева и принц были этим почти так же недовольны, как и австрийский посланник. Поставленный снова в неловкое положение, Россель согласился с королевой в том отношении, что Пальмерстон, незадолго до того скомпрометировавший себя радикальной речью в пользу Кошута, не может без серьезного риска дать аудиенцию венгерскому изгнаннику; и только с большим трудом Росселю удалось добиться этой уступки от своего коллеги.

Отношения оставались очень натянутыми, когда разразился государственный переворот в Париже; они еще более обостри-

лись вследствие странной перемены ролей. Теперь Пальмерстон со свойственной ему крайней несдержанностью приветствовал французский цезаризм, тот самый цезаризм, против которого неодобрительно высказались как конституционный двор, так и демократия. В сущности поведение Пальмерстона было совершенно логично; великий англичанин терпеть не мог наследников Луи-Филиппа и всех вообще Бурбонов, реставрации которых он сильно опасался; кроме того, он прекрасно знал англоманские наклонности Наполеона и считал предстоявшее вступление его на престол весьма полезным для Англии.

Поэтому в то время как английское правительство выказало холодное и почти враждебное отношение к декабрьскому перевороту, один только руководитель английской дипломатии поспешил восторженно поздравить французского посланника; на эту невыносимую выходку остальные министры ответили тем, что исключили Пальмерстона из своей среды. Когда 3 февраля 1852 года собрался парламент, то Ребук потребовал объяснений по поводу удаления министра иностранных дел; отвечая на этот запрос, Россель прочитал знаменитый «меморандум». Пальмерстон позволил устранить себя от дел без шума, обнаружив при этом величайший такт, давший ему возможность скоро вернуться к власти; но в рассматриваемый момент все полагали, что политическая его карьера кончена.

Первое министерство Дерби и «погребение протекционизма». Вскоре ему удалось отомстить Росселю. Последний представил проект закона об организации милиции, мотивируемый опасениями французского нашествия, сделавшегося якобы возможным вследствие недавнего перехода власти в руки Наполеона Бонапарта. Проект, раскритикованный Пальмерстоном, был отвергнут, а вместе с ним пало и само министерство. Сделана была попытка составить консервативный кабинет, но последний просуществовал недолго; во главе его блистали два великих оратора: Стенли, сделавшийся графом Дерби, и канцлер казначейства Дизраэли; опасный портфель министра иностранных дел предоставлен был лорду Мельмсбёри ввиду личной его близости с будущим императором Наполеоном III; остальные члены кабинета были столь посредственными личностями, что за ним осталась кличка «министерство Кто-Кто». И вот почему: находившемуся при смерти Веллингтону новый премьер сделал визит; больной спросил у него имена его коллег, и эти имена были настолько неизвестны, что старый солдат переспросил: «Кто? Кто?..»

Вдобавок, оба главы кабинета расходились по основным вопросам: лорд Дерби принял власть для того, чтобы восстановить покровительственную систему, а Дизраэли твердо решился похоронить ее к великой радости карикатуристов. Они представляли его то в виде хамелеона, то в виде прекрасной Розамунды, которой королева Кобден подносит кубок Свободной торговли, то в виде похороненного служки, напившегося на похоронах господина Протекционизма. Один из лидеров фритредерства, некий Вильерс, предложил палате резолюцию, которая равносильна была выражению порицания протекционизму и его защитникам; Дизраэли не мог бы согласиться на это унижение, но Пальмерстон позолотил для него пилюлю, придав резолюции такую безобидную форму, что она была принята всеми (ноябрь 1852 г.), кроме самых отъявленных протекционистов; в этой измененной резолюции просто констатировались благодеяния свободной торговли.

Эфемерный консервативный кабинет пал при обсуждении бюджета. Романист Дизраэли серьезно работал над этой сухой материей, так что его даже изображали в виде маленького ученика, берущего урок арифметики; но ему нехватало делового опыта, и составленная им роспись рушилась под ударами другого литератора, эллиниста и богослова Вильяма Гладстона. Так началась долгая парламентская дуэль этих двух людей, которые должны были оспаривать друг у друга власть в продолжение 30 лет.

1852 год закончился составлением коалиционного кабинета, в который вошли виги и «пилиты»; главными членами этого кабинета были: премьер лорд Абердин, министр иностранных дел лорд Россель, министр внутренних дел Пальмерстон и министр финансов Гладстон.

II. ПАЛЬМЕРСТОН (1853—1865)

Преобладание вопросов внешней политики. Наступил 12- или 13-летний период, в течение которого на первом плане стояла крупная фигура лорда Пальмерстона. Партии были дезорганизованы, а при таких условиях личности начинают играть более выдающуюся роль; изменилась ориентировка общественной мысли; вчера еще она исключительно поглощена была заботами о мире и надеждами на всеобщее спокойствие и на улучшения в политической и социальной области; а теперь, благодаря политике царя и императора французов, она прониклась воинственным духом. Ввиду этого дипломат-

патриот сделался более чем когда-либо необходимым человеком; он не долго оставался в министерстве внутренних дел, так как он должен был взять в свои руки общее направление английской политики. За Крымской войной наступило усмирение Индии, затем китайская война, далее итальянские дела, наконец, междоусобная война в Соединенных штатах; являясь ли активным участником в войне или сохраняя положение беспокойного нейтралитета, английский народ в течение рассматриваемого периода больше интересовался внешними, чем внутренними делами. Вопрос о глубоких реформах, особенно тех, которые не нравились Пальмерстону, был отложен в долгий ящик; однако эволюция английской конституционной жизни, хотя и шедшая замедленным темпом, не прекратилась совершенно, а в области нравов и в области законодательства произошли некоторые важные перемены.

Министерство Абердина (1853); Крымская война и общественное мнение. Мирное настроение, возбужденное всемирной выставкой, не проходило; все верили, что отныне не будет больше великих войн и что кровь англичан и жителей континента не будет больше проливаться на полях битвы; тон задавали Кобден, Брайт и руководимая ими Лига мира, с которыми, как это хорошо было известно, согласны были все министры. Казалось, что общая политическая конъюнктура представляет удобную почву для политики реформ; Россель подготовлял, конечно, парламентскую реформу, а Гладстон начал составлять свои образцовые бюджеты; даже мятежный Пальмерстон, засев в своем министерстве внутренних дел, провел там несколько мелких, но превосходных реформ.

Но через несколько месяцев в воздухе запахло порохом. Царь Николай, во время своей поездки в Лондон в 1844 году, а затем во время дипломатических бесед и дипломатической переписки, ложно истолковал намерения английских государственных людей и еще сильнее обманулся относительно стремлений английского народа. Польские, итальянские и венгерские политические эмигранты восстановили народные массы против самодержца; до Крымской войны, как и во время нее, демократические журналисты и карикатуристы яростно нападали на Николая. Министр-премьер, который терпеть не мог Бонапартов и не хотел войны, а также его мирно настроенные коллеги подвергались не лучшему обращению; единственным популярным министром был Пальмерстон, который хотел спасти турок и хотел так, что война не на жизнь, а на смерть становилась неизбежной.

ДИККЕНС ЧАРЛЬЗ
1812—1870

ТЕККЕРЕЙ ВИЛЬЯМ
1816—1863

Увещания Брайта были гласом вопиющего в пустыне: «Христианская нация, протестантский народ, поклоняющийся князю мира, неужели твое христианство представляет сказку, а твоя вера — сон?» Первые успехи союзников в Крыму вызывают энтузиазм английского общества, наступившая вслед затем страшная зима — негодование; корреспондент *Times* разоблачает промахи администрации, убивающие больше английских солдат, чем русские пули; влияние этой газеты достигает своего апогея, тираж ее доходит до 54 000 экземпляров в день при цене номера в 23 копейки.

Министерство Пальмерстона и результаты войны (1855—1856). Министерство Абердина не отличалось цельностью и не пользовалось популярностью; положение кабинета уже было поколеблено поведением Пальмерстона, который, будучи недоволен инертностью своих коллег и реформаторскими идеями Росселя, угрожал своим выходом в отставку; в феврале 1855 года министерство было опрокинуто вотумом порицания, и власть, естественно, перешла к единственному министерству, пользовавшемуся симпатиями публики. При всем том красноречивое воззвание Брайта произвело сильное впечатление: «Слышите ли вы полет ангела смерти и шум его крыльев? Он хватает свои жертвы повсюду: в барском замке, мещанском доме и крестьянской хижине. От имени всех классов общества я обращаюсь к вам с торжественным призывом. Благородный лорд был уже министром до моего рождения. Он достиг почти предела человеческой жизни. И я умоляю его остановить своим словом потоки человеческой крови».

Известно, что Крымская война в конце-концов увенчалась успехом союзников, но английская армия далеко не играла там первой роли, а общественное мнение находило, что Парижский мир заключен преждевременно и что наложенные на Россию обязательства не стоили ни затраченных денег, ни пролитой крови.

Первое литературное поколение эпохи Виктории. В этом месте английские историки обыкновенно останавливаются для того, чтобы сделать общий обзор писателей, давших в течение первых 20 лет этого продолжительного царствования самые замечательные произведения. Об этих писателях необходимо сказать несколько слов с политической и социальной точки зрения, причем главное внимание следует обратить на романистов и историков.

Романисты и романистки этого периода отличаются демократическими и вместе с тем нравоучительными тенденциями; за ничтожными исключениями, они не ставят своих героев

в феодальную обстановку, а заставляют их действовать в современную им эпоху или берут их из предшествовавшего поколения. Они не замыкаются в элегантно-аристократическую среду, а изображают по большей части жизнь средних классов или народных масс; если они и описывают иногда жизнь аристократии, то для того, чтобы выставить в отрицательном свете ее смешные черты и пороки. Такой характер имеют сочинения Теккерея и Диккенса. Страдания трудящихся классов, рабочего и мещанского, послужили также темой для произведений мистрисс Гаскелль и Шарлотты Бронте; аналогичная нота звучит в сочинениях Бульвера Литтона и Дизраэли, писателей из высшего общества и с честолюбивыми стремлениями.

Та же практическая и правоучительная тенденция замечается и в произведениях историков. Маколей выступает перед нами в качестве вига, но именно, вига-реформиста 1832 года, не больше и не меньше. Он надеялся довести изложение исторических событий как раз до этой великой даты; проживи он еще 20 лет — и он успел бы осуществить свой план; а теперь его рассказ останавливается на 1700 году, но в своих замечательных опытах он слегка коснулся и истории XVIII века. Маколей, внесший в свою историю приемы оратора и страстного адвоката, после своей смерти вызвал против себя законную реакцию; но критикуя его произведения, мы не должны забывать его колоссальной исторической эрудиции. Несмотря на различие мировоззрений, Карлейль походит на Маколея в гораздо большей степени, чем это можно было бы ожидать; каждый из них имеет своего исторического героя: для вига Маколея — это Вильгельм Оранский, для пуританского Карлейля — Кромвель. Грота можно было бы скорее всего назвать радикалом-утилитаристом; никто до него не сумел так хорошо проанализировать борьбу партий в Афинской республике; в нем, как и в Маколее, заметен англичанин, живший парламентской жизнью.

Такое же соединение богатой философской оригинальности с чисто национальным практическим духом наблюдается у такого, например, философа-социолога, как Стюарт Милль, и у многих других философов, критиков и поэтов. Мы уже указывали на поэтов-чартистов; Елисавета Броунинг выступила в защиту бедных детей и непризнанных женских прав; один лишь величайший поэт рассматриваемой эпохи выделяется аристократической природой своего гения и своих сюжетов. Теннисон, возведенный в пэры за свои литературные заслуги, иногда воспевает суровую жизнь трудящегося класса, но

прежде всего он является блестящим певцом рыцарства. Что же касается просто талантливых писателей этого периода, то перечисление их заняло бы у нас слишком много места.

Роспуск палаты, вызванный китайской войной, и подавление восстания в Индии. Пальмерстоновский патриотизм был направлен против вице-короля Кантона, Ие, который задержал китайское судно, незаконно поднявшее британский флаг. По этому поводу в обеих палатах произошли серьезные дебаты; старый лорд Линдгорст дал отрицательный ответ на простой вопрос Ие: «Достаточно ли китайскому судну поднять британский флаг, для того чтобы превратиться в английское судно?» Но бывшему канцлеру и лорду Дерби не удалось сгруппировать торийского большинства в верхней палате; в палате общин атакой против министерства руководили во имя своих принципов передовые либералы и сторонники мира, принадлежавшие к манчестерской школе. Консерваторы оттенка Дизраэли присоединились к ним и оставили кабинет в меньшинстве.

Тогда Пальмерстон распустил палату и обратился к стране с манифестом против «наглости варваров». Он удачнее своих противников уловил настроение массы; избиратели не только высказались в его пользу, но провалили всех лидеров партии мира.

Ужасные события, которыми сопровождалось восстание в Индии и которые передавались с еще преувеличенными подробностями, вызвали в Англии не только совершенно основательное негодование, но и приступы настоящего бешенства. Что же касается результата восстания, т. е. упразднения Индийской компании («Iohn Company»), то оно не объяснялось, как некоторые говорили, прихотью премьера, а было вызвано требованием общественного мнения.

Орсини и кризис 1858 года. Бомбы, брошенные перед Парижской оперой 14 января 1858 года итальянским заговорщиком Орсини, хорошо известным в Лондоне и высоко ценимым английской публикой в качестве политического лектора, убили не императора французов, а британское министерство. Напечатанные по бестактности в *Moniteur*'е адреса, называвшие Англию лабораторией политических убийств, страшно возмутили общественное мнение, а представленный министерством и направленный против заговорщиков билль произвел впечатление какой-то пошлости. «Непопулярность лорда Пальмерстона, — писал принц Альберт, — превосходит всякие вероятия. Смешно слышать, когда старые его поклонники начинают говорить о нем. В палате общин ему почти не

дали раскрыть рта». Министр защищался с величайшей резкостью, которая не принесла ему никакой пользы; он был низвергнут большинством 19 голосов. И в продолжение этого периода, отмеченного удивительным падением его престижа, только тори в состоянии были оставаться у власти.

Консервативная интермедия. Второе министерство Дерби — Дизраэли провалило билль о конспирациях и осуществило две важные реформы. Оно отменило обязательство для депутатов владеть земельной собственностью; этим самым оно покончило с обычной плутней, выражавшейся в том, что многие кандидаты ложно объявляли себя землевладельцами (и всем это прекрасно было известно). А затем оно решило давно уже поднятый вопрос о допущении евреев в парламент.

Министр иностранных дел лорд Мельмсбёри и сама королева в письме к Наполеону III тщетно старались предотвратить итальянскую войну. Дело итальянского освобождения, для всех очевидно связанное с военной славой Бонапарта, еще не пользовалось особенной популярностью. Потерпев неудачу с этой стороны, консервативный кабинет обратился к неизбежному, но вместе с тем и неразрешимому вопросу об избирательной реформе. Дизраэли хотел использовать к своей выгоде и к выгоде своей партии реформистское движение, но составленный им законопроект устранил рабочие массы от пользования избирательным правом. Реформистскому патриарху лорду Джону Росселю нетрудно было его низвергнуть. Общие выборы 1859 года, состоявшиеся в атмосфере тревоги, возбужденной французскими победами в Италии, не дали консервативному кабинету нужного большинства, и молодой виг из аристократического рода, маркиз Гартингтон, заслужил свои первые шпоры, опрокинув консервативный кабинет.

Последнее министерство Пальмерстона (1859—1865). Для составления нового правительства необходимо было обратиться к старому дипломату-патриоту, несмотря на его 75-летний возраст; но ему нужны были выдающиеся товарищи, «министерство всех талантов», можно сказать, почти всех партий. В области внутренней политики премьера можно было признать консерватором; рядом с ним должны были стать знаменитый виг и знаменитый «пилит»: Гладстон в министерстве финансов и Россель в министерстве иностранных дел. Последний представил, конечно, билль об избирательной реформе, о которой он по самому своему темпераменту не мог не заговаривать периодически; но в тот момент он главным

образом озабочен был осуществлением принципа «Италия для итальянцев»; и в этой области ему несколько раз удавалось разрушить планы Наполеона.

Волонтеры и торговый договор 1860 года. Император, к которому Пальмерстон так хорошо относился и из-за которого он дважды лишился власти, со времени присоединения Ниццы и Савойи внушал ему только недоверие. И министр принял меры к ограждению Англии от французского нашествия, организовав фортификационные работы и сформировавши корпус волонтеров.

Это не помешало министерству Пальмерстона заключить с Наполеоном III торговый договор, но последний был делом не столько премьера, сколько Гладстона и Кобдена. Не имея никакого официального титула, Кобден, незадолго до того отказавшийся от предложенного ему портфеля министра торговли, пользовался за последние годы колоссальным авторитетом, а в Тюильри он был принят как уполномоченный английского народа по экономическим делам. Ни английский народ, ни парламентские представители не очень-то единодушно одобряли этот договор; фабриканты, задетые в своих интересах, старые противники свободной торговли и манчестерской школы, шовинистически настроенные моралисты, испуганные опасностью, которая грозила английским добродетелям от бордоского вина, — все они составили коалицию, но не могли устоять перед ораторским талантом канцлера казначейства Гладстона.

Понижение налога на бумагу. Продолжая неуклонно эволюционировать в сторону прогрессивного либерализма, Гладстон предложил отмену налога, некогда введенного не столько с фискальными, сколько с консервативными целями. Обложение бумаги высоким сбором делало решительно невозможным появление дешевых газет; а между тем многие лица, даже преданные либеральным принципам, считали полезным сохранить высокую цену газет. Кроме того налог, уплачиваемый владельцами бумажных фабрик и перелагаемый ими на публику с ростовщическими процентами, не столько стеснял их, сколько давал им возможность быстро наживать состояние, и представители их интересов в парламенте желали сохранить эту монополию.

Поэтому, хотя многие политические деятели, признававшие воспитательное значение прессы, хотели удешевить газеты и таким образом сделать их общедоступными, предложенная Гладстоном реформа прошла при самом ничтожном большинстве голосов; ввиду этого лорды, под влиянием

90-летнего старца Линдгорста, сочли себя вправе отвергнуть законопроект. Вопрос социальной политики осложнился конституционным вопросом: имеет ли палата, составленная из наследственных членов, право восстановлять налог, отмененный палатой, состоящей из избирательных депутатов? Радикальные писатели заговорили о необходимости разогнать лордов и выбросить в Темзу обломки верхней палаты; но масса общества не доходила до таких резкостей; она обсуждала вопрос с величайшей живостью, но вместе с тем не теряя хладнокровия. На многочисленных митингах, состоявшихся по этому поводу, ораторы избегали выражений, оскорбительных для пэров; при этом предполагалось, что последние больше не позволят себе подобных выходок. И, действительно, реформа прошла в следующем году.

Партии и экономическая междоусобная война (1861—1865). Экономические интересы, господствовавшие в течение этого периода, потерпели тяжкий кризис во время войны между северными и южными штатами Северной Америки. Высшие и средние слои английского общества, на словах признававшие аболиционистские принципы, фактически склонялись на сторону южных рабовладельческих штатов. Это обстоятельство объясняется несколькими причинами: во-первых, англичане не верили в искренность северян, ввиду их крайне пренебрежительного отношения ко всякому человеку, имевшему у основания ногтя черное пятно; а затем южные плантаторы были джентльменами и добывали (средствами, пожалуй, вызывавшими сожаление) хлопок, необходимый для нормального течения английской экономической жизни. Юг, придерживавшийся принципов свободной торговли, открывал обширный рынок для английских продуктов, тогда как северные федералисты старались развить собственную индустрию и являлись сторонниками протекционизма.

Промах одного американского офицера чуть было не сыграл роль искры, брошенной в бочку пороха; он захватил на английском судне ехавших в Европу лиц, посланных южным правительством для дипломатических переговоров; к счастью, президент Линкольн поспешил выразить свое порицание поступку этого офицера; принц Альберт, находившийся тогда на смертном одре, оказал своему второму отечеству последнюю услугу, попросив смягчить выражения составленной в очень резком тоне депеши. Но англичане допустили еще более серьезное нарушение нейтралитета, позволив построить на Биркенгедских верфях военный крейсер для

южных штатов. Грозный «Алабама» нанес огромные потери торговому флоту северян. Тем временем «хлопковый голод» причинил жестокие страдания промышленному населению Ланкашира; но рабочие вели себя замечательно, не позволяя себе выступать против антирабовладельческой демократии, защитницы правого дела.

Датские дела. Пальмерстон со старческим упрямством решительно высказывался пока против какого бы то ни было расширения избирательного права, потому что «я не дурак», говаривал он грубо. Решившись не отравлять его последних дней, нация согласилась, подобно премьеру, сосредоточить все свое внимание на вопросах внешней политики. В то время в Европе совершились два серьезных события: во-первых, Польша истекала кровью в последнем восстании, а во-вторых, обе великие немецкие державы старались раздавить Данию. Английское общественное мнение, без всякого сомнения настроенное в пользу Польши, тем не менее обнаруживало столь же мало желания, как и Пальмерстон, открыто выступить в ее защиту, даже совместно с Францией.

Напротив, оно даже и без Франции готово было вмешаться в датские дела и недовольно было министерством иностранных дел главным образом за его неустойчивую политику, которая способна была внушить симпатичной маленькой стране тщетные надежды. 4 июля 1864 года Дизраэли напал на министерство, обвиняя его в том, что оно компрометирует честь Британии. «Мы не должны сначала угрожать, а затем отступать перед решительными действиями. Мы не должны вводить в заблуждение своих союзников, внушая им ожидания, которых мы не хотим исполнить; нам говорят, что эта страна не имеет союзников, что она не в силах ничего предпринять. Подобные слова не должны произноситься, ни даже мыслиться английским министром». Тогда старый «Пам» произнес свою последнюю большую речь, одну из самых искусных своих речей, причем он не столько говорил о Дании, сколько о финансовом таланте Гладстона и об опасности возвращения тори к власти. Этими словами он привлек на свою сторону прогрессивных либералов и добился незначительного, но достаточного большинства.

Симптомы либеральной реакции (1864). В последний год пребывания Пальмерстона у власти застой во внутренних делах не был уже таким безусловным, как прежде. Главный товарищ Пальмерстона по министерству, Гладстон, все больше склонялся к радикализму; он подал сигнал к торжественной встрече Гарибальди, которого приветствовали все

англичане, одни — как патриота, другие — как революционера, а третьи — как противника папы. При обсуждении одного предложения, внесенного сторонниками избирательной реформы, Гладстон произнес следующие многозначительные слова: «Те, кто хочет исключить от участия в выборах 39 рабочих из 40, должны еще доказать негодность, неспособность и испорченность рабочего класса. Всякий человек, не признанный опасным или неправоспособным, имеет право оказывать влияние на функционирование государственного механизма». По поводу одного предложения, касавшегося ирландской церкви, он сказал, что последняя обслуживает только ничтожную часть населения. Оба эти вопроса должны были в близком будущем выдвинуться в первую очередь.

Выборы 1864 года доставили либеральной партии много новых депутатов, в том числе философа Стюарта Милля; фракция, руководимая Брайтом, усилилась, равно как и фракция, руководимая Гладстоном.

Всемогущему министру трудно было бы справиться с новой палатой; но его счастливая звезда избавила его от этого испытания и пресекла его карьеру в разгаре популярности. Могучий 80-летний старец, накануне еще галопировавший верхом на коне, внезапно захворал и скончался почти без всяких страданий.

III. ВТОРАЯ РЕФОРМА И ВЕЛИКОЕ ЛИБЕРАЛЬНОЕ МИНИСТЕРСТВО (1865—1872)

Перетасовка партий и успехи рабочего движения. Парламент, личный состав которого в значительной степени изменился, вернулся к традиционной, но скомпрометированной расколом 1846 года, системе двух больших, сильно организованных и дисциплинированных партий, либеральной и консервативной. Великим вождем прогрессивной либеральной партии был безусловно бывший «пилит» Гладстон, под руководством которого выступали фритредер Брайт рядом с новыми деятелями, как Форстер и Стансфельд. В верхней палате в защиту либеральных принципов выступали старый Россель и герцог Аргайль, два славных представителя старого вигизма. Торизм, располагавший огромной силой в палате лордов, где им руководил граф Дерби, значительно усилился в палате общин, где во главе консервативной партии стоял Дизраэли; к ней примыкали такие депутаты, как сэр Стаффорд

ПАЛЬМЕРСТОН ГЕНРИ ДЖОН
1784—1865

Норткот, Гюг Кэрнс, Гетарн Гарди, лорд Роберт Сесиль, будущий маркиз Сольсбёри.

А между тем Англия пережила глубокую перемену. За последние 20 или 25 лет численность и сила рабочего класса возросли; наступил момент, когда становилось необходимым предоставить им официальное место в старом конституционном здании и отменить вызывающие и репрессивные законы, тяготевшие еще над рабочими. Естественный ход событий тесно связал экономический и политический прогресс класса фабричных рабочих, причем каждая из обеих этих форм одновременно являлась и причиной и следствием.

С 1844 года эволюция правов и законодательства совершалась в их пользу. Начав лучше одеваться и питаться благодаря росту заработной платы и даже начав (что было совершенно новым явлением) откладывать сбережения про черный день, рабочие таким образом облегчили работу общественной благотворительности и судебных учреждений; за 20 лет число лиц, наказанных по суду и прибегавших к общественной благотворительности, уменьшилось на целую треть. А с 1832 года число цензитарных избирателей низшего разряда возросло также на треть.

Рабочие союзы (1832—1871). Мы уже видели [1], как мало симпатии проявили по отношению к народу и к беднякам средние классы, в руки которых попала власть после первой парламентской реформы. Буржуазия, промышленная и всякая другая, а также представлявшее ее интересы либеральное правительство объявили в 1833 году, что всякий рабочий союз представляет противозаконное сообщество заговорщиков; дело шло о подавлении «трэд-юнионов», организованных Робертом Оуэном в масонский союз.

Со времени произведенных Робертом Пилем реформ рабочие мирно улучшали свое положение путем соглашений с хозяевами; но прежде всего они хотели столковаться между собой по ремеслам и районам, затем объединить различные профессиональные и районные союзы, и этой цели им удалось достигнуть вопреки и против господствующих классов. Все благоразумные государственные люди признавали, что наступил момент предоставить широким слоям рабочего класса парламентское избирательное право.

Министерство Росселя — Гладстона и избирательная реформа. Раньше, чем приступить к осуществлению этого серьезного вопроса, либеральное министерство должно было

[1] См. «История XIX в.», т. IV.

переорганизоваться. Эта операция, произведенная с большим трудом, имела эфемерный характер; премьером сделался престарелый граф Россель, министром иностранных дел — Кларендон; Гладстон остался министром финансов, а в палате общин руководящая роль принадлежала Форстеру, Гошену и Лайярду. Тронная речь обращала внимание парламента «на изменения, которые следует внести в избирательное законодательство для укрепления наших свободных учреждений и повышения благосостояния в стране».

Но проект Гладстона не отличался достаточной широтой как раз в той области, которая нуждалась в реформе; понижение ценза не было настолько значительно, чтобы привлечь к избирательным урнам большое число рабочих. Эти полумеры раздражали всех и вызвали дробление партий на фракции, ни к чему не приводившее и порождавшее только смуту в умах. Противники демократии рукоплескали суровым речам Лоу, который сам был перебежчиком из либерального лагеря и сгруппировал вокруг себя других перебежчиков, испуганных успехами рабочего движения. «Как некогда Давид в пещере Адулламской, — сказал ему Брайт, — вы обратились с призывом ко всем недовольным». Либералы, диссиденты получили кличку *адулламитов*. В конце-концов билль и вместе с ним кабинет пали, благодаря поправке, внесенной одним министерским депутатом.

Третье министерство Дерби — Дизраэли и агитация. В последний раз красноречивый граф и честолюбивый романист вместе становились у власти, принужденные роковой необходимостью сделать шаг, за который они так страстно упрекали некогда Роберта Пиля, а именно, порвать с традициями своей партии.

Так как часть консервативного кабинета и в том числе его глава упорно пытались закрывать глаза на эту необходимость, то публика решила заставить их взглянуть прямо в глаза действительности. Началась агитация в пользу избирателей реформы, носившая на этот раз скорее рабочий, чем буржуазный характер, и организованная сначала в Лондоне, а затем во всех графствах секретарями тред-юнионов. Состоявшийся в Трафальгарском сквере митинг объявил палату, выбираемую меньшинством населения, нарушением духа конституции, выразил порицание выражениям, употребляемым некоторыми консерваторами или псевдолибералами по адресу рабочего класса, и потребовал предоставления избирательного права всем совершеннолетним мужчинам, имеющим постоянное местожительство.

Другой митинг был созван в Гайд-парке; правительство, желавшее помешать этому собранию, имело глупость запереть ворота, но толпа выломала решетки, и Лондон на несколько часов принял вид восставшего города. Министр решил не повторять своей ошибки и позволить народу пользоваться старинными, несколько шумными вольностями.

Вторая избирательная реформа (1867). Дизраэли, который, благодаря преклонному возрасту и усталости лорда Дерби, сделался настоящим главой правительства, сумел понять, что реформы требует глас народа. Он приводил палату и всю нацию в веселое настроение своим оригинальным методом, который заключался в том, что министр не вмешивался в прения до тех пор, пока борьба мнений не приводила к известному результату; не зная наперед, к какому именно результату приведут дебаты, он на всякий случай держал наготове несколько проектов, оставляя за собой право в надлежащий момент вытащить из кармана наиболее подходящий проект.

Оказалось, что вытащенный им проект, который он навязал и либералам и своим друзьям, своим либерализмом далеко оставлял за собой все до тех пор делавшиеся предложения, за исключением всеобщего избирательного права радикалов и чартистов. Поэтому карикатуристы изображали Дизраэли в виде жокея, обгоняющего на своей лошади «*Reform-Bill*» жокея Гладстона и даже жокея Брайта и берущего таким образом первый приз. Эти карикатуры вполне соответствовали истине. Ограничения падали одно за другим; и в окончательном своем виде закон, хотя и оставлял нетронутыми главные основы английской избирательной системы, создал английскую, главным образом рабочую, демократию.

И, действительно, с одной стороны, сохранилось различие между городским и сельским населением, причем то и другое были представлены в парламенте далеко не равномерно: 125 депутатов от графств представляли 12 миллионов душ, а 158 депутатов — 7 миллионов душ; 230 депутатов от небольших городов представляли 3 миллиона душ, а 130 депутатов от крупных городов представляли 11 миллионов душ. Масса английского народа, особенно в сельских округах, лишена была избирательного права. С другой стороны, последние «гнилые местечки» были уничтожены в пользу графств и возросших городов.

Даже в сельских округах понижение ценза до 12 фунтов арендной платы для краткосрочных арендаторов и до 5 фунтов для собственников или долгосрочных арендаторов увеличило

число избирателей на одну треть. А в городах предоставление избирательного права всем жителям, платящим налог для бедных, и всем лицам, платящим за квартиру не менее 10 фунтов в год, увеличило число избирателей втрое.

Фении и ирландская церковь. После того как требования населения Великобритании были удовлетворены (число избирателей в Шотландии увеличено было в еще большей пропорции, чем в Англии), на первый план выдвинулись ирландские вопросы, снова получившие с 1867 года все свое серьезное значение. Собственно говоря, все время огонь только тлел под пеплом, а в истекший период сложилось в глубокой тайне грозное народное общество *фениев*. Фении, в которых анархический элемент преобладал над католическим, значительно усилились во время американской междоусобной войны, где ирландские офицеры и солдаты играли блестящую роль. По восстановлении мира многие из них под ложными именами возвратились на родину или даже в Англию, для того чтобы вступить в борьбу с наследственным врагом. Попытка восстания закончилась только казнью нескольких инсургентов; желая освободить других своих сообщников, содержавшихся в Лондоне в Клеркенвельской тюрьме, фении сделали попытку взорвать это здание.

Эти покушения убедили Гладстона в необходимости не подавлять Ирландию, а дать удовлетворение религиозным и экономическим требованиям ирландцев. Депутат Милль говорил: «Если капитан корабля постоянно наказывает своих матросов, а школьный учитель — своих учеников, то это доказывает, что оба они никуда не годятся», — и эту параболу он применял к политике английского правительства в Ирландии. Гладстон видел в привилегиях англиканской церкви на этом острове старое злоупотребление, которое прежде всего необходимо было искоренить.

Министерство Дизраэли (1868). Этому вопросу суждено было послужить камнем преткновения для консерваторов. В феврале 1868 года лорд Дерби по нездоровью вышел в отставку, и во главе министерства официально стал Дизраэли, добившийся, наконец, поста премьера после 30-летних усилий. Так как Россель окончательно распрощался с властью, то отныне борьба за власть происходила между Дизраэли и Гладстоном. В продолжение 15 лет во главе правительства в силу необходимости стояли тот или другой из этих министров.

30 марта Гладстон открыл наступление, предложив ряд резолюций, клонившихся к лишению протестантской епископальной церкви в Ирландии характера государственной

церкви; осуществление этой меры в Ирландии привело бы к американскому режиму отделения церкви от государства. Так как после продолжительных прений большинство высказалось за предложение Гладстона, то кабинет прибегнул к роспуску палаты; к этой мере следовало во всяком случае обратиться рано или поздно, так как необходимо было испытать на деле новую избирательную систему.

Образование великого министерства Гладстона. Избиратели, призванные к политической жизни консерваторами, высказались за либералов, впрочем, не все и не повсюду, так как Дизраэли удалось основать демократический торизм, которому суждено было сыграть впоследствии серьезную роль. С этого момента замечаются успехи консерваторов в промышленных центрах Ланкашира, где прежде средние классы всегда выбирали вигов. Сам Гладстон потерпел там поражение, но прошел в Гринвиче; а во всем королевстве он получил солидное большинство в 120 голосов. Общественное мнение полагало, что за второй избирательной реформой, как и за первой, должен последовать ряд либеральных законов и, по общему мнению, честь проведения этих реформ, равно как ответственность за них, должна принадлежать главному штабу либеральной партии.

Не дожидаясь бесполезного парламентского боя, Дизраэли уступил власть Гладстону и его лейтенанту Форстеру (декабрь 1868 г.). Брайт взял портфель министра торговли; лорд Кларендон, герцог Аргайль, Лайярд, канцлер Гатерлей, наряду с вышеупомянутыми министрами, были главными членами этого замечательного кабинета, который много обещал и еще больше сделал.

Ирландские законы (1869—1870). Прежде всего необходимо было решить оставленный в тени церковный вопрос. Правительство не предлагало сразу уничтожить «установленную» в Ирландии церковь, а лишить ее официальных привилегий и поставить ее в одинаковое положение с пресвитерианской церковью и с католической церковью, признаваемой большинством населения. Закон оставлял ей значительную часть ее имуществ и все ее здания; другая часть церковных имуществ предназначалась на пособие остальным двум ирландским церквам, на поддержку благотворительных учреждений и на выплату вознаграждения некоторым лицам, терявшим известные права.

Этот законопроект подвергся яростным нападкам в обеих палатах, где оппозиция называла его грабительским; если убежденные англиканцы с такой энергией защищали «экзо-

тическое растение, требовавшее таких издержек, а между тем не приносившее плодов», то это потому, что они опасались, как бы церковь в Англии не подверглась той же участи, что и в Ирландии. «Вы отвергаете, — воскликнул лорд Дерби, — тот великий принцип, что англиканская церковь есть государственная церковь в стране, этот основной принцип нашей конституции. Вы делаете решительный шаг в сторону уравнения всех сект».

Карикатуристы изображали священников обоих островов в виде сиамских близнецов; хирург Гладстон собирается своим ножом отделить их друг от друга и успокаивает встревоженного Джона Булля относительно последствий этой операции. Неизвестно, успокоилась ли или нет палата лордов, но она вслед за палатой общин решилась допустить ее, причем умирающий лорд Дерби сделал последнее усилие в пользу ирландских протестантов, которые «так же, как и вы, привязаны к протестантской вере, которые за эту веру проливали свою кровь при Вильгельме Освободителе, — эти люди, которых вы призвали для колонизации Ирландии и которые превратили Ульстерскую пустыню в цветущую область».

Кроме того, в целях экономического умиротворения Ирландии, Гладстон провел в 1870 году земельный билль (*Land Act*) [1].

Закон о народном образовании. После того как избирательная реформа была проведена, один противник ее сказал: «В настоящее время к политической жизни призваны рабочие, маленькие люди, т. е. большинство; поэтому для нас настоятельной необходимостью является теперь просвещение нашего нового властелина». Проникнутый этой мыслью министр Форстер 17 февраля 1870 года внес законопроект, имевший целью установить обязательное посещение школы детьми от пятилетнего до двенадцатилетнего возраста. Правительство передавало свою власть местным школьным комитетам (*school board*), выбираемым плательщиками налогов; родители могли посылать своих детей или в общественные школы (*board schools*), нейтральные в религиозном отношении, или в частные, обыкновенно конфессиональные, школы (*voluntary schools*), если только государственная инспекция признает школьные помещения здоровыми, а преподавание в них хорошим. Комитеты могли требовать, чтобы в бедных местностях преподавание было бесплатным; но по возможности, кроме

[1] См. ниже, т. VII, гл. II «Соединенное королевство Великобритании и Ирландии».

местных налогов и государственной субсидии, отпускавшейся также *вольным школам*, устанавливался особый налог на постройку и содержание школ.

Нонконформисты требовали, чтобы общественные школы носили безусловно светский характер, так как религиозное воспитание, которым они дорожили не меньше кого бы то ни было другого, должно было, по их мнению, даваться в церквах. Но англиканское большинство ни в коем случае не соглашалось на осуществление этого радикального плана; поэтому придумана была средняя мера: библия читалась учителем, а священнослужитель преподавал религиозные догматы в школе, но вне классных занятий. Закон о первоначальном образовании (*Education Act*) возбудил много споров, но не подлежит никакому сомнению, что он дал сильный толчок народному образованию.

Военные чины (1871). До тех пор офицер, выходя из полка, передавал свой чин своему преемнику, подобно тому как во Франции передается контора нотариуса, и также за деньги; купив сам свой чин за деньги, офицер старался перепродать его с возможно большей прибылью. Эта система поддерживала в английской армии аристократический или, лучше сказать, плутократический дух и приводила в отчаяние бедных офицеров. Военный министр Кардвелль предложил отменить этот обычай и установить производство в чины только по заслугам; выплата вознаграждения лицам, интересы которых нарушались новым порядком, принималась на счет казны. С трудом проведенная в палате общин, эта реформа была отвергнута палатой лордов.

Тогда Гладстон решился сделать серьезный шаг, а именно, обойтись без помощи парламента. Корона, говорил он, установила этот порядок, не обращаясь к законодательному содействию палат; поэтому она вправе уничтожить работу собственных рук. И премьеру удалось убедить королеву прибегнуть к этому непредусмотренному пользованию королевской прерогативой.

Тайная подача голосов (1872). Другим злоупотреблением, носившим чисто национальный характер, являлась система открытой баллотировки. После ряда реформ (в перспективе вырисовывалась уже третья реформа), предоставивших избирательное право широким массам экономически зависимых избирателей, невозможно было оставить в силе старый порядок устного голосования; дарование избирательного права рабочему, которого хозяин, в случае подачи им голоса за кандидата противной партии, мог на следующий

день выгнать на улицу, звучало горькой насмешкой. Историк Грот давно уже боролся против этой устарелой системы с упорством, достойным Вильберфорса.

Ballot Act установил закрытую баллотировку, окружив ее целым рядом предосторожностей в интересах обеспечения действительной тайны голосования. Принята была система, придуманная демократической колонией Викторией, в Австралии; избирательное бюро печатает общий бюллетень, на котором написаны имена всех кандидатов; избиратель получает один экземпляр этого бюллетеня и, удалившись в закрытое помещение, отмечает карандашом желательное ему имя (или имена). Все усилия оппозиции в обеих палатах не могли помешать принятию этого важного закона.

Великое либеральное министерство успело за короткое время демократизировать школу, армию и избирательную систему.

КАРЛЕЙЛЬ ТОМАС
1795—1881

МИЛЛЬ ДЖЕМС
1775—1836

ГЛАВА XI

КОРОЛЕВСТВА БЕЛЬГИЯ И НИДЕРЛАНДЫ

1848—1870

После 1839 года королевства Бельгия и Нидерланды разделились окончательно. В Нидерландах период войн и переговоров кончился; интерес представляет только внутренняя история. Она характеризуется как в том, так и в другом королевстве господством либеральной партии.

I. КОРОЛЕВСТВО БЕЛЬГИЯ

Переход власти в руки либералов. Общие выборы 8 июня 1847 года обеспечили либералам большинство в палате и заставили короля вручить власть вполне либеральному министерству с Шарлем Рожье во главе [1]. Это было ново: с 1830 года установился обычай брать министров одновременно из обеих партий, и огромное большинство депутатов одобряло этот способ, называвшийся «объединительной политикой». Эта политика была поколеблена в 1842 году, когда бельгийские палаты приняли единогласно против трех голосов закон, объявлявший обязательным религиозное обучение в начальной школе и передававший его в ведение церкви: либералы, недовольные новым законом, сплотились, чтобы привлечь на свою сторону большинство избирателей. *Либеральный союз*, общество, основанное в 1841 году, созвал в 1846 году конгресс либеральных ассоциаций в брюссельской ратуше по инициативе гросмейстера бельгийских франкмасонов Дефака, советника Кассационной палаты. Собрание приняло следую-

[1] См. «История XIX в.», т. III.

щую программу: 1) избирательная реформа в смысле понижения ценза и введения дополнительного образовательно-профессионального ценза «до границ, установленных конституцией»; 2) действительная независимость гражданской власти (по отношению к церкви); 3) организация народного образования высшего, среднего и низшего под исключительным руководством гражданской власти, причем последней должны быть предоставлены все конституционные средства для успешной конкуренции с частными учебными заведениями и устранено формальное вмешательство духовенства в народное обучение, организованное гражданской властью; 4) отмена реакционных законов; 5) увеличение числа депутатов и сенаторов до пропорции 1 депутата на каждые 40 000 человек и 1 сенатора на 80 000; 6) улучшения, которых безусловно требует положение рабочих и неимущих классов. Эта программа, принятая либеральными кандидатами, восторжествовала на выборах 1847 года. Леопольд I не принял никаких мер, чтобы помешать либеральной пропаганде. Луи-Филипп советовал ему после конгресса 1846 года закрыть *Либеральный союз*. Бельгийский король отказался от политики сопротивления; он предоставил избирателям свободно высказаться и после выборов 1847 года составил кабинет из либерального большинства.

Отражение революции 1848 года. Либеральному министерству с Шарлем Рожье во главе пришлось улаживать затруднения, возникшие благодаря французской революции 24 февраля 1848 года. Либералы решили поддержать короля и конституцию. Один из них воскликнул в парламенте: «Чтобы совершить кругосветное путешествие, свободе нет нужды проехать через Бельгию». Бельгийский народ оставался безучастным. Только несколько республиканцев, прибывших из Франции с оружием и знаменами, пытались занести в Бельгию революцию; вооруженная сила воспрепятствовала их переходу через границу: эта стычка известна под названием «Risquons tout» (28 марта 1848 г.). Таким образом, бельгийское королевство избежало революции, но оно испытало последствия кризиса, вызванного ею. Множество рабочих оставалось без работы, бельгийские бумаги пали на 50%. Чтобы поддержать порядок, правительство реорганизовало гражданскую стражу. Оно потребовало себе кредит в 1 300 000 франков на общественные работы, которые оказали бы поддержку безработным, сделало два займа — в 12 и 25 миллионов, наконец установило принудительный курс на билеты двух главных банков на сумму до 50 миллионов.

Понижение ценза для всех выборов. В то же время министерство Рожье привело в исполнение одно из главных обещаний 1846 года, именно, избирательную и парламентскую реформу. Ценз был понижен до 20 флоринов или 42 франков 32 сантимов прямых налогов (12 марта 1848 г.), и число городских избирателей возросло с 16 360 до 33 600, между тем как число сельских избирателей увеличилось только приблизительно на треть. Эта реформа была очень выгодна для либеральной партии, опиравшейся главным образом на города; но умеренные либералы уже и ее находили слишком демократичной. «При такой таксе, — сказал Фрер Орбан, — у вас будут слуги, а не независимые избиратели!»

Был издан закон, в силу которого никакой чиновник не мог быть избран в парламент. Другой закон сократил до 42 франков 32 сантимов ценз для выборщиков в коммунальные и профессиональные советы и до 6 лет продолжительность коммунального мандата. Все эти реформы были тотчас введены в действие; сенат, палата депутатов, профессиональные и коммунальные советы были распущены и затем избраны на основании законов 1848 года. В новой палате насчитывалось 85 либералов против 23 католиков. В сенате обе партии уравновешивали друг друга.

Организация высшего и среднего образования. Министерство Рожье старалось осуществить и другой важный пункт либеральной программы, именно, организацию народного образования. Оно не отменило закона 1842 года относительно начального обучения. Его вмешательство в высшее обучение выразилось только в издании закона об испытательных жюри (4 июля 1849 г.). Этот закон утвердил свободу высшей школы; оба свободных факультета — брюссельский (либеральный) и лувенский (католический) — сохранили свою независимость; жюри, экзаменовавшее кандидатов на университетские степени, составлялось наполовину из профессоров свободных факультетов, наполовину из профессоров государственных факультетов, но члены его выбирались правительством. Это последнее постановление вызвало протест католиков. Но особенно горячо они восстали против закона, касающегося средней школы (1850). Проект правительства, который и был принят, увеличивал число государственных школ и в отношении этих школ, а также устроенных по аналогичному плану городами, отказывался предоставить духовенству те права, которые давал им в отношении начальных школ закон 1842 года. Католическая церковь административным путем добилась того, в чем отказал ей парламент. В 1853 году педагогический совет

средней школы города Антверпена ввел в свой устав дополнительные статьи, согласно которым в стенах заведения должно иметь место обучение только той религии, которая является религией большинства учеников (т. е. католической), католическое духовенство получает голос в административном бюро школы, и профессора обязаны сообразоваться с его указаниями при выборе школьных книг, равно как в речах и поведении. *Антверпенский устав* был одобрен архиепископом мехельнским. Министерство де Брукера предложило предоставить всем коллежам свободный выбор — принять или не принять этот устав, и его предложение было охотно принято палатой (1854); отныне коллеж, желавший иметь католического священника, должен был удалить священнослужителей всех других вероисповеданий, предписать молчание всем профессорам некатоликам и подчиниться клерикальному надзору.

Удаление либералов от власти; переходное министерство (1853—1855). Либеральное правительство отменило штемпельный налог на газеты (1848), понизило почтовый тариф, создало пенсионную кассу и национальный банк (1849), ускорило постройку железных дорог, начатых в 1843 году, и другие общественные работы. Скоро оно почувствовало нужду в новых источниках дохода. В 1848 году оно представило палатам проект налога на наследства, который был принят только в 1851 году; да и то пришлось прибегнуть к роспуску сената, чтобы добиться от него согласия на этот налог. В 1851 году министерство Рожье потребовало новых налогов на пиво, ягодную водку и табак, чем навлекло на себя недовольство народа. После частичных выборов 1852 года, оказавшихся благоприятными для католиков, кабинет Рожье в 1853 году уступил место министерству, составленному из очень умеренных либералов во главе с де Брукером. Новое правительство щадило католиков; мы видели, что оно провело через палаты *Антверпенский устав*. Оно изменило либеральной политике предшествовавшего кабинета в отношении к французским политическим эмигрантам. Чтобы добиться возобновления между Бельгией и Францией торгового договора 1845 года, оно провело (1853) закон, карающий за оскорбление иностранных государей. С этих пор начались осуждения и изгнания эмигрантов.

Католическое правительство (1855—1857). Выборы 1854 года еще более увеличили контингент католических депутатов. В следующем году кабинет де Брукера вышел в отставку, и король вручил власть министерству исключительно като-

лическому, опиравшемуся на слабое и нерешительное большинство. Католики 1855 года не были либеральнее католиков 1831 года. Министерство выразило порицание профессору университета, оспаривавшему божественность Христа; один католический депутат требовал — правда, без успеха — отставки другого профессора, виновного в том, что хвалил реформацию. Епископ гентский запретил правоверным католикам слушать лекции в этом городе, потому что они были организованы государством. Главным предметом распри между обеими партиями был проект, представленный правительством под именем *закона о свободе благотворительности* и получивший у либералов название «закона о монастырях» (1856). Согласно этому проекту, всякое благотворительное или учебное заведение, основанное по дарственной или наследственной записи, могло, вследствие королевского указа, приобретать права гражданского лица и оставаться под ведением, даже наследственным, лиц, избранных жертвователем или завещателем, вне контроля общественных властей. Либералы настаивали на сохранении status quo в отношении к благотворительным учреждениям, т. е. на необходимости закона для дарования им гражданских прав и на подчинении их надзору бюро общественного призрения. Они находили, что результатом законопроекта будет увеличение богатства и влияния черного духовенства, и без того слишком могущественного. Бельгийские монастыри не переставали расти с конца французского владычества. В 1846 году они были так же многочисленны и многолюдны, как перед тем временем, когда Иосиф II сократил их число (779 монастырей с 11 968 монахами и монахинями) [1]. Прения в палате были крайне бурны. Либералы, составлявшие в ней меньшинство, устроили в Брюсселе и еще в нескольких городах манифестации, завершившиеся шумными протестами против отдельных лиц и битьем стекол. Король объявил сначала, что будет поддерживать министерство против «бунтовщиков». Но когда коммунальные выборы дали перевес либералам, Леопольд образовал либеральное министерство, которое распустило палату и получило большинство 70 членов против 38 (1857).

Власть снова переходит к либералам (1857—1870). Отныне либералы удерживали за собой власть 13 лет; это — самый продолжительный из всех периодов их господства. Их политическим *лидером* остается все время Шарль Рожье,

[1] В 1866 году их число было почти вдвое больше (1314 монастырей с 18 162 монахами и монахинями).

глава кабинета 1857 года. Смерть Леопольда I (10 декабря 1865 г.) и вступление на престол его сына Леопольда II не произвели никакой перемены в политике. Новый король держался традиций своего предшественника и правил через посредство парламентского большинства.

Либеральный кабинет проводит реформы, направленнные по большей части к улучшению материальных условий жизни; таковы: отмена октруа, принципиально подготовленная в 1847 году и осуществленная в 1860, понижение железнодорожного тарифа, уничтожение дорожных пошлин (1866), новое сокращение почтового тарифа (1868), замена налога на соль увеличением акциза на водку (1870). Были пересмотрены торговое и уголовное уложения, рабочим дана свобода союзов и стачек (1867). Кроме того, министерство намеревалось ввести в коммунальные и областные выборы дополнительный образовательный и профессиональный ценз, но обсуждение этой частичной избирательной реформы длилось 4 года (1866—1870), так что министерство потеряло большинство в тот момент, когда его проект, ставший законом, должен был вступить в действие.

Раскол и поражение либералов. Либеральная партия представляла собой лишь союз партий, враждебных ультрамонтанству. Со времени либерального конгресса 1846 года обнаружился раскол между умеренными, или *доктринерами*, и радикалами. После победы 1857 года на сцене появляется оппозиция: против *доктринеров* восстает новая группа, которую называют «молодыми», «передовыми», или *прогрессистами;* последнее название и удержалось за ней. «Молодые» были такими же конституционалистами, как и доктринеры; у них была та же программа, но они были радикальнее в вопросах, касавшихся народного обучения и избирательной реформы. Они требовали прекращения надзора церкви над школами, отмены закона 1842 года и *Антверпенского устава* (1853), обязательного обучения (1859), понижения возраста избирателей до 21 года и ценза до 15 франков (1865). При обсуждении законопроекта об образовательно-профессиональном цензе, внесенного министерством, некоторые из «молодых» объявили себя сторонниками всеобщей подачи голосов (1866—1867). «Молодые» требовали еще отмены законов, карающих за оскорбление иностранных государей, законов, усиленных в 1858 году, и большей свободы печати. Первым их депутатом был Луи Дефре, на выборах в Брюсселе в 1858 году победивший одного из либеральных министров. Число их в палате было невелико, и сначала они имели мало сторонников вне сто-

лицы; однако их число достаточно возросло, чтобы угрожать доктринерскому большинству. Падение кабинета было ускорено и другими раздорами, возникшими среди его сторонников. Писатели и публицисты ввели в моду (1837, *Wonderjaar* Анри Консьянса) фламандский язык, на котором говорила половина обитателей королевства, но который долгое время считался крестьянским жаргоном. С 1840 года начинают раздаваться голоса, требующие уравнения в государственных актах фламандского языка с французским; либералы в большинстве относятся враждебно к фламандскому языку, как языку католических крестьян, католики становятся руководителями фламандского движения, важность которого с 1857 года все возрастает.

Часть либералов восстала против проекта увеличения армии, внесенного министерством из страха перед Наполеоном III; в Антверпене либералы и католики, недовольные укреплениями, возведенными вокруг города, соединились против министерства.

Уже на выборах 1864 года либеральная партия одержала верх перевесом только двух голосов, и кабинет должен был распустить палату, чтоб приобрести достаточное большинство. Его большинство несколько возросло в 1866 и 1868 годах (73 против 51). При новых выборах в июле 1870 года либералам изменили два главных фламандских города, Антверпен и Гент, и несколько передовых валлонских городов, Шарлеруа, Суаньи, Вервье. Они потеряли 12 мест. Кабинет Рожье уступил место католическому министерству.

Экономическое развитие Бельгии; свобода торговли. Бельгийская промышленность и торговля изумительно развились после заключения окончательного мира с Голландией. Геннегау и Маасская долина, где добывалось большое количество каменного угля и минералов, покрылись доменными печами и бумагопрядильными фабриками, Антверпен сделался одним из больших портов северной Европы. Либеральная партия, опиравшаяся на промышленную и торговую буржуазию, способствовала этому экономическому развитию рядом мероприятий, из которых главными были законы, установившие свободу торговли. В этом отношении история бельгийской либеральной партии напоминает историю либеральной партии в Англии. В период от 1845 по 1847 год, вследствие болезни картофеля и плохого урожая на хлеб, бельгийское правительство отменило ввозные пошлины на съестные продукты. Отмена же ввозных пошлин на продукты промышленности была всецело делом либеральной партии. Она про-

вела эту реформу в 1862—1863 годах, руководясь примером Англии и Франции.

В 1863 году пошлина, взимаемая голландцами у устья Шельды по договору 1839 года, была выкуплена в силу международного соглашения. Необходимость платить эту пошлину заставляла иностранные суда избегать Антверпенского порта; чтобы привлечь их сюда, бельгийское правительство возвращало им сумму уплаченной пошлины, но бюджетная ассигновка на этот предмет возросла с 500 000 франков в 1840 году до 1 600 000 франков в 1858 году. Наконец, эта пошлина была выкуплена 19 июля 1863 года за 36 278 566 франков, из которых 12 миллионов было уплочено Бельгией, 9 — Англией, а остальное — прочими нациями, имевшими торговые сношения с Антверпеном. Этот город, мертвый в продолжение двух веков, снова оживился и разбогател, как во времена Карла V. Антверпен и главные бельгийские города соединились друг с другом, а также с чужими странами сетью железных дорог, построенных и эксплоатируемых государством.

С 1840 по 1871 год число пассажиров и товаров, перевозимых бельгийскими железными дорогами, грузы судов, входящих в бельгийские порты, и торговый оборот королевства увеличились в 10 раз.

II. НИДЕРЛАНДСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

Либеральная партия. После отделения Бельгии бывшие Соединенные провинции удерживают имя Нидерландского королевства и сохраняют режим *Основного закона* 1815 года [1]. До 1848 года Нидерландское королевство представляет из себя конституционную монархию, в которой король сильнее парламента. Представительное собрание, созываемое под старым именем *Генеральных штатов*, состоит из двух палат: верхняя палата, члены которой назначаются пожизненно королем, и нижняя, члены которой избираются ежегодно *провинциальными штатами*, избираемыми в свою очередь податными плательщиками. Генеральные штаты владеют лишь частью законодательной власти; они принимают или отвергают законопроекты, представляемые правительством, но не имеют права изменять их; они вотируют регулярный бюджет на 10 лет, а чрезвычайный — на 2 года; назначение офицеров в армии, монополии и все управление колониями остаются вне

[1] См. «История XIX в.», т. III.

их контроля и предоставляются на полную волю короля. Король управляет через министров, которых выбирает и устраняет по своему произволу; он один несет ответственность, и его министры не могут быть свергнуты вотумом палат. Этот режим вызвал протест либеральной партии, которая требовала, как в Бельгии, преобразования конституции законным путем. Нидерландская либеральная партия сформировалась после заключения окончательного мира с Бельгией. В 1844 году ее вождь Торбеке, профессор государственного права в лейденском университете, напечатал замечания об основном законе; в том же году, во время сессии Генеральных штатов, 8 депутатов нижней палаты потребовали пересмотра конституции; в последующие годы идея пересмотра конституции получила широкое распространение.

Либеральная партия требовала, чтобы верхняя палата избиралась провинциальными штатами, нижняя — непосредственно плательщиками податей, чтобы заседания Генеральных штатов происходили публично, чтобы в законодательстве штаты располагали большей инициативой и правом изменять проекты, представляемые правительством, чтобы ответственность короля, фактически осуществимая только путем революции, была заменена ответственностью министров перед парламентом, т. е. чтобы они были обязаны выходить в отставку, когда против них окажется большинство депутатов. Либералы требовали еще уничтожения раздельности чинов в провинциальных штатах и контроля правительства над коммунальными властями. Они обещали свободу печати, бережливость в бюджете и уменьшение военных расходов, сильно отягчавших бюджет со времени войны с Бельгией.

Конституция 1848 года. Либералы привлекли на свою сторону часть депутатов нижней палаты. Во время сессии Генеральных штатов 1847—1848 года, чтобы испытать свои силы, они попытались провалить бюджет, предложенный правительством, но католические депутаты Лимбурга и Брабанта, обещавшие свои голоса оппозиции, в последнюю минуту переменили решение, и бюджет прошел 34 голосами против 24. Зато проект избирательной реформы, предложенный министерством и вызвавший протест либералов, как недостаточный, был отвергнут большинством 31 голоса против 27. Заседания были так бурны, как ни разу с 1830 года. Король Вильгельм II был поражен успехами либеральной партии; февральская революция 1848 года и республиканская и революционная агитация в Европе окончательно побудили его уступить парламентской оппозиции. Он образовал, помимо своего министерства,

комиссию, которой был поручен пересмотр конституции; членами ее были Торбеке и еще три либерала. «Перед вами,— сказал Вильгельм в разговоре с одним дипломатом по поводу внезапного поворота своей политики, — государь, ставший в течение 24 часов сторонником конституционной реформы». Генеральные штаты были созваны с двойным числом депутатов, и это учредительное собрание приняло новый *основной закон*, который и был обнародован в ноябре 1848 года.

Ответственность короля была перенесена на министров; ни один королевский указ не должен приводиться в исполнение, если он не контрассигнирован соответственным министром. Были обещаны законы, долженствовавшие установить более справедливый порядок производства офицеров и более правильное управление колониями. Члены верхней палаты избираются провинциальными штатами на 9 лет; они должны избираться из числа крупнейших податных плательщиков. За ними сохраняется вознаграждение в 3 000 флоринов в год, положенное по конституции 1815 года. Верхняя палата имеет 39 членов. Члены нижней палаты избираются по способу прямого голосования плательщиками, вносящими минимум прямых налогов, колеблющийся между 20 флоринами в деревнях и 160 в крупнейших городах; они должны быть не моложе 30 лет, от них не требуется ценза, они получают 2 000 флоринов в год. На каждые 45 000 жителей полагается один депутат; число депутатов должно меняться после каждой переписи; оно поднялось с 68 в 1849 году до 80 в 1869 году. (Прежняя палата заключала в себе только 56 членов.) Нижняя палата выбиралась на 4 года и возобновлялась наполовину каждые 2 года. Король имел право распускать ее. Особый закон признавал неизбираемыми военных, состоящих на действительной службе, духовенство и чиновников в районе их службы. Прерогативы Генеральных штатов были расширены. С этих пор нижняя палата приобрела право производить анкеты, вносить законодательные предложения и поправки. Бюджет должен был устанавливаться ежегодно. Заседания парламента стали публичными.

За избирательной и парламентской реформой последовало еще несколько либеральных мероприятий. Была отменена предварительная цензура для газет, было обещано законодательное расширение свободы собраний и союзов, а также учреждение всюду начальных школ.

Партии в Генеральных штатах. В январе 1849 года произошли первые выборы с прямой подачей голосов; сессия открылась 1 февраля. Большинство принадлежало либералам,

и их вождю Торбеке было поручено сформировать первое ответственное нидерландское министерство. С тех пор устанавливается почти парламентский режим; власть почти неизменно в руках большинства; однако повременам вмешивается король, чтобы поддержать кабинет, оставшийся в меньшинстве, и распустить палату. Тогда же организовались партии, которых было числом четыре: 1) либеральная партия — коалиция умеренных и радикалов, сплошь монархистов, преданных конституции 1848 года и расходившихся по вопросу о своевременности или неотложности тех или иных реформ; 2) консервативная, заключающая в себе большинство дворян и часть буржуазии, стоявшая за самовластный и аристократический режим, который существовал до 1848 года, и враждебная всякой новой реформе; 3) историко-христианская, основанная кальвинистскими ортодоксальными священниками и руководимая Груном ван Принстерером; 4) католическая партия, которая опиралась на треть нидерландского населения и главные силы которой сосредоточивались преимущественно в Брабанте и Лимбурге.

Главными двумя партиями были либеральная и консервативная; союзниками первой являлись обыкновенно католики, которых она защищала против нетерпимости историко-христианской партии, а последняя действовала заодно с консервативной. Борьба возгорелась по многим вопросам. Либералы хотели вместо косвенных налогов на предметы первой необходимости (налог на помол, топливо и т. п.) увеличить прямые налоги; консерваторы были против этого, боясь подоходного налога. Либералы требовали увеличения бюджета общественных работ, быстрого сооружения железных дорог и телеграфных линий; консерваторы хотели, чтобы правительство действовало медленно и экономно. Почти все либералы стояли за свободную торговлю, а консерваторы держались за прежний покровительственный тариф. Колониальные реформы, реорганизация армии, начальные школы, права католиков — таковы были дальнейшие пункты разногласий. Либералы не всегда были согласны между собой в этих вопросах, особенно о колониальной системе, и в их партии иногда происходил раскол, а иногда она ссорилась со своими временными союзниками, католиками.

Апрельское движение 1853 года. Первое министерство Торбеке (1849—1853) дополнило реформы, произведенные в 1848 году. Минимальный избирательный ценз в больших городах был понижен с 160 до 120 флоринов. Были вотированы законы, преобразовавшие провинциальные штаты и комму-

нальные советы сообразно либеральной программе. Каждая из 11 провинций имела штаты, избираемые теми же избирателями, как и нижняя палата, на 9 лет и возобновлявшиеся по третям каждые 3 года. Разделение по чинам было уничтожено. Депутаты получали вознаграждение. Это были те штаты, которые, как мы видели, избирали членов верхней палаты. Они руководили общественными работами в своих провинциях и взимали подати под контролем центрального правительства. Штаты заседали 2 раза в год, а в промежутках между сессиями были представлены 6 своими членами, которых выбирали из собственной среды и которые составляли так называемую *депутацию штатов*. В штатах и депутации председательствовал королевский комиссар или губернатор. Общины управлялись советами, избираемыми на 6 лет и обновлявшимися по третям каждые 2 года; они избирались гражданами, платившими подать в размере не ниже половины ценза, дававшего право быть избирателем в нижнюю палату. Совет избирал старшин или *wethouder*'ов, облеченных исполнительной властью; бургомистр, заведывавший полицией, назначался правительством. Бюджеты городов утверждались депутацией штатов и правительством. С введением этих реформ местное управление Нидерландов стало во многих отношениях походить на местное управление Бельгии. Эти реформы, установившие контроль центральной власти и заменившие традиционное, привилегированное чиновничество новейшим административным механизмом, основанным на выборном начале и устроенным по единообразному плану, вызвали сильный, но безуспешный протест консерваторов (1848—1851).

Больший успех имела их оппозиция, когда министерство вздумало провести закон, подчинявший благотворительные учреждения контролю государства. Католики, кальвинисты и евреи, желавшие сохранить свои благотворительные комитеты, приюты и больницы, отдельные для каждого вероисповедания и автономные, соединились против проекта, и Генеральные штаты отвергли его (1852). Бельгийская либеральная партия действовала удачнее при аналогичных обстоятельствах. Уже пошатнувшееся, благодаря этой неудаче, министерство Торбеке не могло добиться от штатов увеличения налогов, которого оно требовало. Теперь его падение было только вопросом времени. Оно было ускорено столкновением между кальвинистами и католиками. Папа Пий IX грамотой от 3 марта 1853 года восстановил архиепископство Утрехтское и прежние нидерландские епископства, упраздненные после реформы. Кабинет Торбеке как раз в это время вел переговоры

с римской курией об уничтожении конкордата, заключенного во время унии с Бельгией. Кабинет был удивлен папской грамотой и жаловался, что папа не предупредил его заранее о восстановлении епископств, однако, верный либеральным принципам и желая сохранить поддержку католических депутатов, он не предпринял никаких шагов. Кальвинисты восстали против проекта реорганизации епископств, и король стал получать множество петиций, умолявших его «не утверждать санов и достоинств, дарованных в Нидерландах иностранным государем». Еще с большей силой антикатолическое движение проявилось в апреле во время посещения королем Амстердама: петиции, адреса, манифестации удесятерились. 15 апреля король в своем ответе одной кальвинистской депутации выразил порицание поведению кабинета. 20 апреля министры вышли в отставку, уступив место умеренным либералам. Новое министерство попыталось остановить апрельское движение, удовлетворив наполовину и католическую и кальвинистскую партию. Оно заявило, что не располагает никаким законным средством помешать назначению католических епископов, но добилось того, что архиепископ Утрехтский и 3 епископа поселились в маленьких католических местечках, а не в городах, ставших кальвинистскими, по которым назывались их епархии. Только епископу Рурмонда, католического города, разрешено было жить в своем главном городе. Чтобы дать кальвинистам более значительное удовлетворение, министерство провело закон, требовавший для отправления любого культа королевского разрешения и принесения священниками присяги на верность и послушание (ноябрь 1853 г.). В итоге католическая партия организовалась в Нидерландах почти так же, как она была организована в Бельгии, — под руководством папы, без конкордата и помимо национального правительства. Начиная с 1853 года нидерландская католическая партия постепенно усиливается.

Школьный закон 1857 года. Выборы, произведенные в июне 1854 года, ознаменовались усилением министерского большинства и католического меньшинства (15 членов из 68) и поражением историко-христианской партии. Новый кабинет продолжал реформу податной системы, начатую до него. С июля 1847 года сбор с помола, дававший ежегодно полтора миллиона флоринов, частично упраздняется и заменяется увеличением налога на спиртные напитки и подушной подати. В 1855 году уничтожены были последние остатки этого налога, а налог на корабельные грузы заменен добавочными налогами на алкоголь и сахар. Умеренное министерство вернулось к

политике Торбеке и сделало попытку поставить благотворительные учреждения под контроль администрации. Закон, устанавливавший этот надзор в очень неопределенной форме, был вотирован в 1854 году, несмотря на оппозицию конфессиональных партий. Затем министерство представило проект организации начальных школ согласно обещанию, данному в 1848 году. Действовавший доселе закон о начальном обучении был издан еще в 1806 году; он принципиально устанавливал, что в общественные школы имеют доступ все дети без различия вероисповеданий. Смешанную школу защищало и министерство в проекте, представленном им в 1855 году; историко-христианская партия и часть консерваторов решительно выступили против нее, так как они хотели, чтобы государственная начальная школа была протестантской; католики примкнули к правительству против кальвинистов. После двухлетних прений, сопровождаемых страстной агитацией, министерству удалось провести закон 1858 года, обязывавший общины содержать неконфессиональные публичные школы. Заведующий школой не должен делать или позволять ничего, идущего в разрез с уважением, которое каждый обязан оказывать религиозному чувству людей иной веры. Закон заявляет, что общественная школа имеет целью «развивать умственные способности детей», а также, — прибавляет он, — «воспитывать их во всех *христианских* и социальных добродетелях». Расходы по содержанию школы покрываются коммунальным бюджетом; коммуна вправе взимать школьный налог; начальное обучение не бесплатно и государство помогает коммунам субсидиями. Учителя назначаются коммунальным советом, инспектор — государством. В теории эта организация сходна с английской; на практике обязанность воспитывать детей в духе *христианских* добродетелей была перетолкована коммунальными советами в том смысле, что они превратили общественную школу в школу католическую или кальвинистскую, смотря по вероисповеданию коммуны. С этой целью католические депутаты изменили либералам, которых поддерживали в 1857 году, и соединились с историко-христианами.

Рабство в Индии; «система культур» в Ост-Индии. Начиная с 1853 года колониальные вопросы занимают видное место в прениях Генеральных штатов. Либералы требуют: 1) уничтожения рабства в Гвиане и на Антильских островах; 2) контроля парламента над бюджетом колониального управления; 3) уничтожения «системы культур» (барщинный труд туземцев) в Ост-Индии (архипелаг Зондский и Молуккский). Большинство депутатов было против рабства, на защиту кото-

рого выступили лишь несколько консерваторов, но возникло разногласие относительно вознаграждения, которое следовало уплатить плантаторам, и степени свободы, которую можно было предоставить освобожденным. В 1854 году штаты приняли закон, обещавший освобождение рабов не позднее чем 1 января 1860 года и суливший плантаторам вознаграждение в 15 миллионов флоринов. В 1859 году обещание не было исполнено; министр колоний ежегодно представлял штатам проект, который отвергался. Наконец, в 1862 году второму министерству Торбеке удалось провести закон, объявлявший рабство упраздненным не позже чем к 1 июля 1868 года, определявший вознаграждение плантаторам и устанавливавший надзор за освобожденными. Закон был принят единодушно против двух голосов. Он давал свободу 36 000 рабов в Гвиане (общая цифра народонаселения 53 000 человек) и 11 000 рабов на Антильских островах (общая цифра народонаселения 31 000 человек).

Контроль Генеральных штатов над управлением Нидерландской Индии в принципе был установлен в том же 1854 году, а в действительности — только во время второго министерства Торбеке (1864).

Разрешение третьего колониального вопроса, касавшегося «системы культур», тянулось дольше, было труднее и послужило поводом к нескольким министерским кризисам. Под «системой культур» понимали режим, введенный после 1830 года губернатором Ван дер Бошем. Ван дер Бошу было поручено расширить производство тропических продуктов; он не мог достигнуть этого путем частной инициативы, так как на Яве не существовало рабства и малайцы не хотели производить ничего, кроме риса, необходимого для их употребления. Губернатор задумал распространить на сахар и индиго систему, применявшуюся в XVIII веке к перцу и кофе. Вместо поземельного налога он взял пятую часть земель, обрабатывавшихся под рис, и, так как туземцы должны были 60 дней в году отбывать барщину, он заставлял их в это время возделывать и убирать колониальные продукты на отобранных у них землях. Правительство сдавало в аренду земли вместе с барщинными рабочими препринимателям, которые должны были кормить рабочих и уступали по определенной цене свой урожай местной администрации. Производившиеся таким образом кофе, перец, сахар, индиго, чай и табак продавались в Амстердам и приносили правительству большие барыши. В среднем индийский бюджет окупался с излишком в 30 миллионов флоринов, который шел на покрытие дефицита в голландском бюджете, обусловленного войной с Бельгией и расходами на об-

щественные работы. Администрация ухитрялась даже сберегать часть этого излишка для образования запасного фонда.

Излишек в 30 миллионов флоринов, столь полезный для нидерландского бюджета, был главным аргументом тех, кто защищал status quo; к этому они прибавляли, что малайцы без принуждения не станут работать, не будут больше ничего покупать у метрополии, так как перестанут получать заработную плату, что рынок тропических продуктов, образовавшийся в Амстердаме, потеряет свое значение и что национальная торговля неизбежно падет. Таковы были доводы консерваторов и умеренных. С другой стороны, либералы-демократы требовали отмены «системы культур», потому что принудительный труд противоречит их принципам и потому что он привел к злоупотреблениям; они указывали, например, что правительство отбирало более трети плодородных земель, предприниматели заставляли барщинных рабочих работать более 60 дней, не кормили их, не платили им денег, что, наконец, колониальный доход и барщина поглощались метрополией, вместо того чтобы итти на улучшение участи туземцев, на общественные работы и школы. Они заявляли, что такая эксплоатация недостойна цивилизованного государства. Сторонники реформы одержали верх после долгих усилий и в несколько приемов. Сначала консервативное министерство, сменившее умеренный кабинет 1853 года, было свергнуто в 1861 году либералами за то, что отказалось преобразовать «систему культур». В следующем году министр колоний в кабинете Торбеке, сменившем консервативное министерство, должен был подать в отставку после неудачи проекта, имевшего целью установить свободу землевладельческого труда. В 1866 году весь кабинет Торбеке вышел в отставку, так как король обнародовал новое уголовное уложение для Ост-Индии простым указом, вместо того чтобы передать его предварительно на обсуждение штатов. Последовавшее за ним умеренное министерство вскоре пало из-за вопроса о культурах. В сменившем его консервативном министерстве (1866—1868) портфель министра колоний трижды переходил из рук в руки. Наконец, либералы, вернувшись к власти, включили в 1869 году в бюджете будущего года статью, по которой колонии должны уплатить метрополии 10 107 749 флоринов, т. е. сумму, как раз достаточную для того, чтобы сохранить равновесие в бюджете. Остальной излишек должен был итти на общественные работы в колониях. В 1870 году барщина была отменена для всех культур, в которых она еще применялась, кроме кофе. Эти реформы имели важные последствия для бюджета. Доходы Ост-Индии понизились гораздо

больше, чем того ожидали. Как мы видели, правительству был совершенно необходим излишек колониального дохода в 10—11 миллионов флоринов ежегодно для поддержания равновесия в бюджете. Между тем в 1868 году излишек упал до 2 $^1/_2$ миллионов флоринов. Министр финансов покрыл дефицит сбережениями от прежних излишков, но теперь нужно было предвидеть ежегодный дефицит и изобрести новые налоги, что делало затруднительным положение правящей партии.

Либералы у власти наперекор королю. Пока шел спор о «системе культур», кормило правления переходило несколько раз из рук в руки. Второй кабинет Торбеке (1862—1866) стал на место консервативного правительства. Он завершил фискальную реформу; налог на топливо и съестные припасы был заменен повышением акциза на спиртные напитки. Он в 1862 году ввел невысокий таможенный тариф по примеру Франции и Англии, произвел крупные общественные работы, как очистку реки в Роттердаме, прорытие прямого канала от Амстердама к морю с целью увеличить торговлю двух главных нидерландских портов (1863), сооружение государством 888 километров железных дорог на излишек колониальных доходов, рассчитанное на 10 лет (1860), эксплоатацию национальных железных дорог частными компаниями (1863). Эти проекты, как слишком обременительные для казны, вызвали противодействие консерваторов. Большинство оказалось на стороне Торбеке, но ввиду нерасположения к нему двора он в 1866 году удалился по причинам личного свойства. Король сформировал консервативное министерство (Ван-Зюйлен) и, чтобы обеспечить за ним большинство, прибегнул к роспуску второй палаты (28 сентября 1866 г.); либералы сохранили только незначительное большинство. Сверх того конфессиональные партии соединились против консервативного кабинета, потому что он не хотел выступить против школьного закона 1857 года и принципа смешанной общественной школы. 26 ноября 1867 года оппозиция, воспользовавшись случайным предлогом — переговорами относительно Люксембурга, отказалась вотировать бюджет министерства иностранных дел. Министры подали в отставку, но *Gazette officielle* объявила, «что его величеству королю угодно было сообщить совету министров, что он не имеет никакого повода лишать кабинет своего доверия, вследствие чего он не принимает его отставки» (21 декабря). Тотчас была распущена вторая палата; лозунгом январских выборов 1868 года был как вопрос о прерогативах парламента, так и вопрос о школьном законе 1857 года. Победа осталась за либералами; король не решился в третий раз распустить палату;

он принял отставку министерства Ван-Зюйлена (апрель) и вручил власть либеральному кабинету, в состав которого Торбеке не входил (июнь). Министерство 1868 года высказалось за сохранение смешанных школ; в 1869 году оно уничтожило гербовую пошлину с книг и газет. Его большинство несколько возросло на частичных выборах 1869 года.

В Бельгии либеральной партии пришлось вступить в борьбу со сплоченной католической партией, в Голландии — с коалицией консерваторов. Главными предметами спора в обоих королевствах были избирательная реформа и школьный вопрос. В Голландии парламентский режим был введен лишь теперь; в Бельгии он функционирует с 1831 года так же правильно, как в Англии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА И РЕАКЦИЯ ВО ФРАНЦИИ
1848—1852

Ш. Сеньобоса

Глава II

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕАКЦИЯ В ИТАЛИИ
1848—1849

А. Пенго

Глава III

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕАКЦИЯ В ГЕРМАНИИ
1848—1852

Э. Дени

Глава IV

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕАКЦИЯ В АВСТРИИ
1848—1859

Л. Эйзенмана

I. Революция (1848—1849)

II. Реакция (1849—1859)

Глава V

ФРАНЦИЯ

А. Дебидура

I. Неограниченная империя

Глава VII

ОБЪЕДИНЕНИЕ ИТАЛИИ

1850—1870

А. Дебидура

I. Виктор-Эммануил. Кавур и Наполеон (1850—1859)

II. Образование Итальянского королевства

III. Венеция и Рим

Глава VIII

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

1852—1870

Э. Дени

Глава IX

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

1848—1870

Дедевиз Дю-Дезера

I. Испания

II. Португалия

Глава X

АНГЛИЯ

1846—1872

Э. Сейу

I. Россель и Пальмерстон (1846—1852)

II. Пальмерстон (1853—1865)

III. Вторая реформа и великое либеральное министерство (1865—1872)

Глава XI

КОРОЛЕВСТВА БЕЛЬГИЯ И НИДЕРЛАНДЫ

1848—1870

А. Метена

I. Королевство Бельгия

Сдано в набор 17 апреля 1937 г. Подписано к печати 20 июля 1937 г. ОГИЗ № 1[illegible]20. Тираж 20.000 экз. Уполн. Главлита № Б-12906. Заказ № 1428. Формат бум. $62\times94^{1}/_{16}$. $25^{3}/_{4}$ п. л.+21 иллюстр. 41.000 зн. в п. л. Цена улучш. изд. 7 р. 75 к., переплет 1 р. 75 к. Цена норм. изд. 6 р. 25 к., перепл. 1 р. 25 к. 2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.